

ЭТОТ

Мэлор Стуртуа

БЕЗУМНЫЙ...

**КРЕСТ
И ДОЛЛАР**

**Общество
НАСИЛИЯ**

**Отравители
МОЛОДЕЖИ**

Короли бизнеса

**Поджигатели
и прожигатели**

**НА СВАЛКЕ
ИСТОРИИ**

МЭЛОР СТУРУА

**ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ...
ПАМФЛЕТЫ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

ББК 66.3 (7 США)

С 88

С $\frac{4502010000-1253}{080(02)-86}$ 1253-86

I

ДОЛЛАРЫ И ИЛЛЮЗИИ

Явление Тарнера народу

Гленн Тарнер ворочает миллионами, как гирями, а гирями — как пятицентовой мелочью. Он намертво врос обеими ногами в землю Америки и в то же время непрестанно кружит над ней, словно коршун. Кружит в прямом и в переносном смысле. Спидометры его личных самолетов, реактивных, разумеется, накручивают ежегодно в среднем один миллион километров. Он кружит над Америкой — от океана до океана — словно коршун, но нисходит на ее грешную землю, законную в бетон аэродромов, как новоявленный мессия, и серебряный доллар, отчеканенный на монетном дворе вашингтонского казначейства, сияет нимбом над его головой, над его черными, как смоль, жесткими, как проценты, и густыми, как индексы Доу-Джонса¹, волосами. Его ждет распятие, как и Христа-спасителя, и не какой-нибудь посыпанный пеплом античности Понтий Пилат, умывающий к тому же свои библейские руки, а генеральные прокуроры почти всех американских штатов (а если хотите точную цифру — сорока пяти) жаждут привлечь его к уголовной ответственности за все мыслимые и немыслимые преступления, связанные с презренным металлом. И не только генеральные прокуроры почти всех штатов Америки, но и почти все члены почти всех комитетов сената и палаты представителей жаждут его крови. Я уже не говорю о министерстве юстиции, о налоговом бюро, о комитете по ценным бумагам и бирже, о федеральной торго-

¹ Показатели котировки акций на нью-йоркской фондовой бирже.

вой палате, о национальном совете хорошего бизнеса (ведь плохой бизнес—это не бизнес), к губам которых давно прикипели гвозди, предназначенные для ладоней Гленна Тарнера. Но пока что через эти ладони проходят не гвозди, а доллары, миллионы долларов, десятки и сотни миллионов, и пустует Голгофа, и скучает, и гниет на корню крест, тщетно поджидающий одного из величайших лжепророков Америки...

Однажды мне довелось быть свидетелем очередного явления Тарнера народу. Дело происходило не в Палестине, а в Чикаго, не в пустыне, а в кишашем людьми аэропорту столицы американских гангстеров и полицейских. Тарнер прибыл в собственном реактивном лайнере, хвост которого был украшен его гигантским—в пять метров—портретом. Подпись под портретом гласила: «Неудержимый Гленн Тарнер»¹. Руки «неудержимого» были скрещены на груди, взор его устремлен в небо.

Затихли мощные моторы, и к самолету подкатили трап. Еще через несколько мгновений чрево лайнера разверзлось, мелькнула голубая—размером в фиговый лист—мини-юбка стюардессы, и в полном эллипсоиде выхода появилась фигура в красном. Фигура раскинула руки, растопырив указательный и средний пальцы знаком победы—V, и начала торжественный спуск. По обе стороны фигуры, с трудом одолевая высокие ступени трапа, скатывались два карлика, тоже в красном. А внизу у трапа бесновалась толпа, раздетая, как новоорлеанские джазисты начала века. Вот только полосатые сорочки встречавших были почему-то повязаны галстуками из меха норки. (Впоследствии я узнал, почему.) Джентльмены в норковых галстуках приехали на аэродром в роскошных «кадиллаках» и «линкольнах» с сиденьями, обитыми, как вы, наверное, уже успели догадаться, норковым мехом, и с капотами, раскраска которых затмевала самые исступленные фантазмагории абстракционистов. На бамперах «кадиллаков» и «линкольнов» были укреплены плакаты, провозглашавшие: «Я знаю, как сделать вас богатыми, если у вас хватит смелости спросить меня об этом». По-видимому, слова эти были взяты из евангелия от Тарнера. Судя по толпе, ожидавшей его пришествия, вернее, по нетерпению этого ожидания, смелости тарнеровской пастве было не занимать.

¹ The unstoppable Glenn Turner.

Во весь рот—от ушей до ушей, как у человека, который смеялся в романе Гюго,—встречавшие орали нечто нечленораздельное: «ММММОООННЕУ!» С великим трудом я разобрал, что означал этот рев. Предельно напрягая голосовые связки и бычьи шеи, кокетливо повязанные норковыми галстуками, люди кричали: «Money», то есть «деньги».

Протанцевав каскад, скрещенный с чечеткой, Glenn Turner пересчитал, наконец, все лесенки трапа и ступил на землю. Толпа тут же окружила его. Он пожимал тянувшиеся к нему руки, одних хлопал по плечу, другим ерошил волосы и, конечно, раздавал автографы. Элементарно? Ординарно? Пожалуй. Вот только автографы ставились им на стодолларовых ассигнациях, которые он небрежно извлекал из бумажника гомерических размеров, украшенного золотыми вензелями «Г.Т.». Счастливые обладатели автографов сначала цепенели, словно ужаленные коброй, а затем ударялись в ритуальную пляску святого Витта, неестественно выгибаясь, как в последней стадии столбняка. Какая-то женщина рыдала и билась в истерике. Какой-то мужчина клялся никогда не заменять свой сувенир. Признаюсь, мне пришлось впитаться ногтями в ладони, чтобы побороть сладостное искушение и не протянуть руку за зелененькими автографами, прострачивавшими, как пулеметная очередь, овальные портреты американских президентов.

Хотя пророк и был лживым, но ассигнации, которые он раздавал, хрустели подлинным хрустом. И посему хруст этот казался толпе сильнее Девятой симфонии Людвиг ван Бетховена. Неотразимый хруст. В нем тоже, как в шиллеровской оде «К радости», звучащей в финале «Девятой», обнимались миллионы...

— Человек, раздающий прямо на улице стодолларовые купюры, имеет право на всенародную любовь!—вещал пророк.

— Мы любим тебя! Мы пойдем за тобой!—неслось в ответ.

Лишь в здании аэропорта мне удалось пробиться сквозь плотину обращенных и песчинки неверующих к пророку и рассмотреть его вплотную. Он был несколько выше среднего роста. Пиджак цвета спелого граната обтягивал плечи штангиста. Дымчатые очки сидели на боксерском носу. Башмаки благородного оттенка слоновой кости напоминали небритые

щеки китайского мандарина. (Несколько позже я вычитал из светской хроники чикагских вечерних газет, что обувь Тарнера была сработана «из кожи еще не родившегося теленка щетиной наружу».) В лацкане гранатового пиджака горел американский звездно-полосатый флаг, щедро усеянный крупными бриллиантами и рубинами. У пророка была заячья губа, по-видимому, слегка подправленная не вполне успешной пластической операцией. Заячья губа отнюдь не уродовала лицо Тарнера, скорее, наоборот: она придавала ему простодушную веселость, улыбочивость, доступность, располагала к ее обладателю и каким-то непонятным образом внушала доверие.

Карлики — братья-близнецы Джон и Грэг («66 дюймов на двоих»), путавшиеся под ногами у пророка, повторяли его в миниатюре до самых мельчайших подробностей. Та же прическа, те же дымчатые очки, тот же гранатовый костюм, те же башмаки «из кожи еще не родившегося теленка щетиной наружу», тот же американский звездно-полосатый флаг, щедро усеянный бриллиантами и рубинами, правда, несколько меньших размеров, короче, Тарнеры-дюймовочки, похожие как две капли воды на «неудержимого». Вот только не было у них заячьих губ...

Время от времени пророк опускал руки на головы карликов и вопрошал:

— Как вы себя чувствуете, ребята?

Джон и Грэг — «66 дюймов на двоих» — пропискивали в унисон, видимо, уже хорошо заученную, отретированную и неоднократно повторяемую фразу-формулу:

— Подобно долларам в куче центов, мистер Тарнер!

Фраза эта, несмотря на пискливый голоса карликов, разряжалась выстрелом стартового пистолета. Толпа начинала скандировать: «go, go, go!»¹, а затем все тонуло в нечленораздельном «ММММОООННЕУ», рвавшемся в поднебесье из бычьих глоток, кокетливо повязанных норковыми галстуками.

Пророк вновь опускал руки на головы карликов:

— Это мои посланцы доброй воли. Их рост 33 дюйма, и все-таки они выбились в люди. Величие каждому по плечу. Только надо держаться меня.

¹ Давай, давай! Или — пошли!

Наконец, Гленн Тарнер — Заячья губа рассек прилив обожателей, пробился к раскрашенному под Шагала лимузину и плюхнулся на его норковое сиденье. Вслед за ним в лимузин вползли карлики, чувствовавшие себя как доллары в куче центов. Еще мгновение, и длинная кавалькада «кадиллаков» и «линкольнов» рванулась в даун-таун Чикаго, оглушая его улицы ревом сирен. Пешеходы и встречные автомобилисты сначала в ужасе шарахались в сторону, а затем долгим взглядом провожали кавалькаду машин, на бамперах которых кривлялись прельстительные буквы, складывавшиеся в прельщающие слова: «Я знаю, как сделать вас богатыми, если у вас хватит смелости спросить меня об этом».

Карьера Заячьей губы

Для начала наберемся смелости и зададим вопрос: как разбогател сам Тарнер?

Гленн-Заячья губа родился в местечке Мэрион в семье полунитого издольщика из Южной Каролины. Окончить школу ему не удалось. Исключили из восьмого класса за неуспеваемость. Тогда Гленн решил переквалифицироваться в миллионеры. В течение нескольких лет он сменил двадцать шесть профессий, но ни одна из них не принесла ему ни гроша. Тарнер не унывал. «Авраам Линкольн восемнадцать раз терпел поражение, прежде чем стать президентом», — утешал он себя.

В 1967 году Гленн стал коммивояжером по сбыту швейных машин домохозяйкам глубокого Юга. Он объезжал фермы, где жили такие же, как он, нищие издольщики, и демонстрировал их матерям, женам и дочерям евклидовы строчки и римановские петли зингеровских чудо-машин. Он протискивался сквозь гирлянды хлопка, которыми фермеры увешивают двери и окна своих жилищ, чтобы отгонять мух, улыбался обитателям этих ветхих халуп во всю ширину своей заячьей губы и начинал священнодействовать.

Несмотря на то, что всучить жене издольщика-южанина швейную машинку «Зингер» много сложнее, чем продать полярному медведю холодильник «Дженерал электрик», дела Тарнера стали постепенно поправляться. Вспоминая прошлое, он считает, что заячья губа сыграла весьма немаловаж-

ную роль в написании этой начальной главы его «Great American success story»¹.

— Я старался вести себя так, чтобы люди, видя мой физический недостаток, не жалели меня, а веселились,— вспоминает Тарнер.— Поймав взгляд потенциального клиента, застывший на моей заячьей губе, я обычно говорил: «Вы смотрите на мою заячью губу, мэм? Ну и отлично. Так вот, если начистоту, я напялил ее на себя лишь этим утром, чтобы люди замечали меня. За сто долларов вы можете взять ее напрокат».

Трюк с заячьей губой действовал безотказно, особенно на негров. «Им льстило, что белый человек обивает пороги их жилищ, кривляется перед ними, ведет себя с ними запанибрата,— объясняет Тарнер психологическую подоплеку своей клоунады.— Обо мне говорят, что я жулик и обманщик. Возможно, так оно и есть. Я вдалбливал в себя, что люблю всех этих людей, и в конце концов сам поверил в это. Так сказать, обманул самого себя...»

Вскоре у Тарнера завелись деньги, настолько солидные, что он начал навещать свою клиентуру в «кадиллаках». И тем не менее колесам зингеровских швейных машинок не суждено было сыграть роль колеса благосклонной фортуны. Три раза оно оборачивалось вспять. Три раза Тарнера объявляли по суду банкротом и на его имущество, включая автомобили, накладывали секвестр. «Да, я тонул три раза,— признается Тарнер,— но каждый раз шел ко дну с шиком. Секвестрируемые автомобили всегда были высшей марки — только «кадиллаки»!»

Потеряв деньги, Гленн-Заячья губа приобрел нечто более важное — опыт. Он считал основной причиной своего банкротства чувство неуверенности, нереальности, владевшее им. «Я был фантастически удачливым коммивояжером, но никак не мог поверить, что делаю деньги, и в конце концов перестал делать их. Ведь главное то, что происходит в твоей черепной коробке». А в черепной коробке Тарнера зрели грандиозные планы. Они заквашивались на философии так называемого «позитивного отношения», которая дала Америке целые династии финансовых и промышленных пиратов, начиная от Морганов, Рокфеллеров, Каренги и кончая могучей кучкой нуворишей «технотронной эпохи», нахрапи-

¹ Великая американская история успеха.

стых, как ломовые извозчики, хотя и повелевающих миллиардами лошадиных сил. (Впрочем, слово «хотя» здесь не совсем уместно.)

Забегая несколько вперед, расскажу о том, как Гленн Тарнер, уже мультимиллионер, объявленный «Лайонс клубом»¹ Человеком года, выступал в гарвардской Школе бизнеса — кузнице капитанов американской экономики. Это было летом 1971 года. Гленн-Заячья губа стоял на сцене «Олдрич-холла» — святая святых делового мира Нового Света — одетый в костюм-тройку из желтого дакрона в белую диагональную полосу. Он не без видимого удовольствия и даже злорадства попирал эту святыню экономического и финансового истэблишмента своими знаменитыми башмаками «из кожи еще не родившегося теленка щетиной наружу» и поучал будущих гелбрайтов и сэмюэльсонов², макнамар и кеннеди смыслу жизни, то есть искусству делания денег. То было незабываемое зрелище — язычник, пробившийся сквозь стражу наемников-швейцарцев в подземные лабиринты Ватикана, вдалбливал конклаву кардиналов урок закона божьего.

Гленн-Заячья губа стоял на сцене «Олдрич-холла» под плакатом, вопрошавшим: «Жулик или святой?» (Заголовок его автобиографии.) Терзая утонченный слух гарвардских молокососов своим южным — в нос — прононсом, растянутым, хрипловатым и безграмотным, он говорил:

— Каким это образом мне, пахнувшему навозом сопляку из Южной Каролины, удалось стать мультимиллионером? С помощью образования? Ха, меня выперли из восьмого класса! Дело не в образовании, а в позитивном отношении. Мыслить надо позитивно, вот что! как высоко ты о себе думаешь, так высоко и залетишь. А вот многие люди позволяют промывать себе мозги, утверждаясь в своем ничтожестве. Ничтожество? Чепуха! Если я, недоучка, награжденный к тому же заячьей губой, смог выбиться в люди, значит, это по зубам каждому. Повторяю, дело не в образовании. Я и без него олл райт. На моем письменном столе установлена батарея маленьких кнопок. В случае необходимости я нажимаю нужную кнопку, вызываю нужного человека, обладающего нужными знани-

¹ «Лайонс клуб» — «Клуб львов» — один из наиболее привилегированных клубов в США.

² Гэлбrait и Сэмюэльсон — «властители умов», знаменитые американские буржуазные экономисты. Последний — лауреат Нобелевской премии.

ями, и он говорит мне, что делать. Вот все, что мне надо. А в скором времени я заведу одну большую кнопку. Нажимая на нее, я буду вызывать человека, который и будет решать, на какую из маленьких кнопок нажать и кого вызвать...

А теперь вернемся к Гленну Тарнеру докнопочной эпохи. Разорившись в третий раз на швейных машинках, он поступил на косметическую фирму с поэтическим названием «Холидэй мэджик»¹. И тут его боксерский нос почуял магический запах жареного. Люди рождаются с косметикой и умирают с ней, рассуждал Тарнер. Младенцев припудривают тальком, мертвецов гримируют. Путь человека от колыбели до гроба — сплошная косметика, а для того, кто мостит его, — сплошные доллары.

Своих долларов у Тарнера тогда уже или еще не было. Чужих тоже. Банкроты кредитом не пользуются. И тем не менее будущему косметическому королю удалось выцарапать у родного дядюшки пять тысяч долларов в долг. Заговаривать зубы Гленн-Заячья губа умел, как никто другой, и дядюшка — не богатый, как в сказках, а бедный, как в жизни, — поверил племяннику и отдал ему все свои сбережения, припасенные на черный день. (Впоследствии дядюшкин сон оказался в руку.)

Набив карманы дядюшкиными «баками»², Тарнер переехал в городок Орландо, штат Флорида, и открыл свое собственное дело. Собственно, никакого собственного дела не было. Был лишь небольшой офис — всего две клетушки, — в котором не пахло ни парфюмерией, ни тем более деньгами. Зато название фирмы звучало грандиозно — «Коскот интерплэнетери, инкорпорейтед»! «Кос» означало «косметические», «кот» — «общины будущего»³, а «интерплэнетери» — «межпланетные». Итак, фирма, основанная Тарнером, именовалась «Косметические межпланетные общины будущего»!⁴ Объясняя происхождение этого названия, он говорил, что руководствовался принципами «позитивного отношения» — мысля масштабно, мечтая масштабно, ты становишься масштабным парнем. К тому же его затрапезный офис

¹ «Праздничное волшебство».

² Жаргонный синоним доллара.

³ Английское сокращение Cot расшифровывается как Communities of tomorrow — общины будущего.

⁴ Источником вдохновения для «Коскота» Тарнеру послужил «Мир Диснея» — «Эпкот» — «Экспериментальный прототип общин будущего».

находился по соседству со знаменитым флоридским комплексом американских космодромов (мыс Канаверал). То было знамение свыше, не иначе.

Обычно говорят, что скоро сказка сказывается, а дело долго делается. В истории возвышения Тарнера эта допотопная истина никак не подходит. Недаром уже его первая фирма носила межпланетный характер. Разрасталась она со второй космической скоростью и за четыре года (1967—1971) превратилась в гигантский конгломерат «Гленн В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед», состоящий из семидесяти национальных, международных и, разумеется, межпланетных компаний. Так, фирма «Фэшкот» торгует париками, фирма «Эмкот» — меховыми шубами, фирма «Транскот» занимается грузовыми перевозками, фирма «Саундкот» — производством грампластинок. Тарнеровский конгломерат продает витамины и белье, ювелирные изделия и удобрения, владеет цепью мотелей («Эдвенчурер-иннс») и вертолетной компанией («Энстром»), имеет свою собственную аэролинию «Гленн-эйр». И, наконец, жемчужина тарнеровского концерна — «Смей быть великим»¹, фирма, торгующая идеями «позитивного отношения к жизни!» (О ней мы еще расскажем поподробнее.)

Конгломерат Тарнера весь в движении, в росте. Новые компании возникают, как грибы после дождя. Одни сливаются, другие отпочковываются. Их филиалы можно найти в любом штате Америки и в десяти зарубежных странах, включая Англию, Канаду, Мексику. Четыреста тысяч коммивояжеров толкают продукцию Тарнера и одновременно воздают хвалу боссу. А сам Гленн-Заячья губа, нажимая на кнопки — большие и малые — изобретает все более грандиозные, захватывающие дух предприятия. Так, он задумал основание газеты «Дейли планет» («Ежедневная планета»), которая, по его расчетам, должна стать самой большой газетой в мире. Другое начинание Тарнера — «Другая природа», гибрид морга и мавзолея, земной вариант того света, где люди смогут навещать почивших в бозе близких и «мысленно общаться» с ними. «Другая природа» видится пророческому взору Тарнера гигантским городом наподобие Диснейленда, обитатели которого будут набальзамированы чудесными снадобьями, производимыми, само собой разумеется, «Косме-

¹ Dare to be great.

тическими межпланетными общинами будущего». Инкорпорированными.

Тарнер — единоличный хозяин своей «империи» и поэтому не обязан отчитываться перед держателями акций или, как здесь принято говорить, «открывать бухгалтерские книги». Согласно косвенным данным, Гленн-Заячья губа «стоит» сейчас более 200 миллионов долларов. Это национальный, а быть может, и мировой рекорд. До Тарнера еще ни одному магнату прошлого и настоящего не удавалось сколотить подобное состояние в течение четырех лет. Самому Тарнеру «слегка» за сорок.

Буквально вчера он жил в автофургоне, «полезная площадь» которого составляла всего 27 квадратных футов. Его сегодняшний дом оценивается в полмиллиона долларов, его завтрашний — в два миллиона. То будет подлинный замок на побережье Флориды, смотрящийся в воды Атлантического океана. Строительство замка уже близится к концу. Его окна и двери защищены стальными жалюзи, которые автоматически опускаются, управляемые из единого засекреченного кнопочного центра. Вокруг замка расположился гимнастический комплекс. Забили струи замысловатых фонтанов. Голубеют глазами гигантских василисков плавательные бассейны. Зацвели оранжереи. Вклинился в море огромный причал в ожидании сходящей со стапелей яхты. В гараже застыли два «роллс-ройса» и прочие чудеса о четырех колесах.

В чем секрет феерического взлета Тарнера? На какую золотonosную жилу он набрел, скитаясь в своем автофургонедушегубке по несравненным «хайвеям» и «фривеям»¹ излюбленной богом Америки? Быть может, ему удалось изобрести философский камень, о котором мечтали и ради которого всходили на костры инквизиции средневековые алхимики? Или, быть может, подобно мифическому царю Мидасу, он открыл в себе колдовскую силу превращать в золото любой предмет простым прикосновением руки? Золотonosная жила, на которую набрел и которую успешно разрабатывает Гленн-Заячья губа, называется человеческой алчностью. Философский камень, который заложен в фундамент его «межпланетного» конгломерата, именуется жаждой наживы. Колдовская сила царя Мидаса, бурлящая в его крови, — глупость одних и отчаяние других. У Тарнера, как у Якова, много

¹ Автострады.

товару всякого. Но свои сотни миллионов он заработал, торгуя воздушными замками. В Америке возводить реальные замки могут лишь те, кто успешно сбывает публике замки воздушные. А в этом деле у Гленна Тарнера нет равных.

Помните щедринского героя, поражавшего воображение своего племянника-несмышлельшиша незамысловатым фокусом с монетой? Герой этот подносил к его носу раскрытую ладонь, затем сжимал пальцы в кулак, произносил волшебное слово «кляц!», разжимал пальцы и показывал изумленному балбесу чудом возникшую «золотую монету». Примерно то же самое делает и Гленн Тарнер. С той только невеликой разницей, что демонстрирует он свой фокус всей Америке, сует под нос миллионам свои руки, растопыренные ладонями кверху, сжимает пальцы в кулаки, раскатывает волшебное слово «кляц» громом телевизионной рекламы, газетного публицити, цирковых представлений. И, что самое главное, загребает под этот фокус несметные сокровища.

Щедринский ублюдок навеки занемог от дядюшкиного фокуса. Его манила и отравляла не просто страсть делания денег, а делания денег из ничего и без труда: сжал пальцы—разжал пальцы—вот тебе и монета. Ну, еще «кляц» проговорил. Философия «позитивного отношения» Гленна-Заячьей губы именно на этом и зиждется. Подобно тому, как он пытался сбывать швейные машинки «Зингер» бедствовавшим фермерам-издольщикам, он сбывает сейчас свою философию «позитивного отношения», в основе которой лежит допотопный «кляц», тем американцам, которых обнесли чашей на пиру всеобщего благоденствия, равных возможностей и безграничного процветания. А в Америке таких американцев миллионы, десятки миллионов. И всем им хочется быть богатыми, как Рокфеллер, ибо все равны перед богом и конституцией, ибо традиционный яблочный пирог выпечен для всех, надо только уметь и успеть отхватить причитающийся тебе кусок, а если удастся—отломить кое-что и от соседского. Но как сделать это? У Рокфеллера и других «парней из высшей лиги» банки и дредноуты, нефть и дипломаты, им уже принадлежит почти весь американский традиционный яблочный пирог. И они никому не собираются отдавать его. Да и оставшиеся крохи тоже не залеживаются на блюде всеобщего благоденствия. Их судорожно запихивают в рот и заглатывают хищники, что помельче. Здесь есть от чего впасть в отчаяние, выброситься из окна или броситься

в реку. Но в тот самый момент, когда ты заносишь ногу над пропастью, на твои плечи ложится рука Тарнера, он показывает тебе фокус с монетой, шепчет на ухо неотразимое «кляц», и ты, как утопающий за соломинку, хватаешься за фалды тарнеровского пиджака цвета спелого граната или желтой груши и начинаешь орать на всю американскую «Главную улицу»¹: «ММММООННЕУ!» Правда, деньги от этого у тебя не заводятся. Наоборот, ты отдаешь Тарнеру свои последние, сберегавшиеся на «приличные похороны». Но зато у тебя прорезаются зубы мудрости, замешкавшиеся в деснах равных возможностей. И лязгая ими — кляц, кляц, кляц, — ты уже не бросаешься в Ист-Ривер с Бруклинского моста², а норовишь столкнуть в нее своего ближнего, или, что приблизительно одно и то же, показать ему, в свою очередь, фокус с монетой...

Итак, поначалу в двух клетушках, где обосновались тарнеровские инкорпорированные «Косметические межпланетные общины», не пахло ни парфюмерией, ни деньгами. Гленн не мог позволить себе даже роскоши невинной считалки «В этой маленькой корзинке есть помада и духи...». Впрочем, он и не собирался торговать ими. Вместо парфюмерии Тарнер выбросил на рынок совершенно иной товар. Именовался он «правом на распространение». Любое лицо, заплатившее Тарнеру пять тысяч долларов (по-видимому, в назначении именно такой суммы определенную роль сыграл дядюшкин заем), получало право на распространение продукции фирмы «Коскот», а также право на вербовку нового распространителя. Последний обязан был платить вербовщику те же пять тысяч долларов, из которых тот оставлял себе 2650 долларов комиссионных, а остальные отдавал Тарнеру. Поскольку фирме «Коскот» распространять было нечего, ее новоиспеченные коммивояжеры с межпланетным энтузиазмом толкали права на вербовку. То был легчайший и кратчайший путь для возвращения первоначального вступительного взноса — пяти тысяч, уплаченных Тарнеру, и для сколачивания «быстрого бака»³.

¹ Каждый американский город имеет свою «Главную улицу» — Main Street. Так называется и знаменитый роман Спиклера Льюиса.

² Маяковский в своих очерках об Америке ошибочно перенес Бруклинский мост на Гудзон.

³ Американский сленг — означает легкие деньги, быстро нажитое состояние.

Первый вербовщик, заполученный Тарнером, — девятнадцатилетний юноша-калека из Мэриона, штат Огайо, буквально с ночи на утро заработал на перепродаже прав восемьдесят тысяч долларов. Для этого ему пришлось «наколоть» тридцать пять искателей «быстрого бака». Но он был пионером, поднимавшим целину. Чем дальше в лес, тем больше стучались джунгли геометрической прогрессии. Ведь для того, чтобы заработать те же восемьдесят тысяч, каждому из тридцати пяти обращенных надо было, в свою очередь, завербовать тридцать пять новых любителей «быстрого бака». Если читатель знаком с правилами умножения и помнит количество населения земного шара, то он, наверное, затруднится ответить на вопрос: где найдут последние 51 296 875 вербовщиков «Коскота» по тридцать пять скальпов на душу? Уж не потому ли Гленн-Заячья губа назвал свое предприятие межпланетным? Но оставим в покое космос и даже земной шар. Уже пятикратное повторение трюка с перепродажей прав на распространение и вербовку в темпе, заданном юношей-калекой из Мэриона, привело бы к тому, что в каждой американской семье оказалось бы по одному коммивояжеру «Коскота».

Разумеется, дело Тарнера разворачивалось не столь молниеносно. Однако сам Гленн-Заячья губа от заминок не страдал. Свое он получил сполна. Ведь кесарю — кесарево, а богу — богово. Люди, попадавшие в орбиту «Коскота», становились, по существу, его невольными банкирами, предоставлявшими ему неограниченный кредит и беспроцентные займы. Уже через восемь месяцев в штаб-квартире Тарнера запахло деньгами, а еще через некоторое время — парфюмерией. На доллары, выколачиваемые вербовщиками из искателей легкой наживы, Тарнер выстроил в Орландо, штат Флорида, и в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико, первоклассные косметические предприятия, начавшие выпускать парфюмерные изделия из переработанного норкового жира. (Теперь вам понятна привязанность тарнеровской камарильки к норковым галстукам?) Вскоре из косметического бизнеса Гленн-Заячья губа перекинулся в другие области деловой активности, и завертелась карусель.

Впрочем, для кого — карусель, а для кого — мельничные жернова. «Империя» Тарнера растет, перемалывая человеческие судьбы. Слепленные иллюзией мгновенного обогащения, люди попадают в кабалу к Гленну-Заячьей губе, отдают

ему свои последние гроши, залезают по уши в долги, срываются с насиженных мест, бросают семьи, а затем, пытаясь стричь купоны, невидимые, как королевские одежды из сказки Андерсена о портянках-жуликах, превращаются из мелких жертв в еще более мелких хищников, соблазняя и губя по принципу цепной реакции. Вербовщики-распространители, готовые выгрызть друг другу глотку, не отгороженные друг от друга даже видимостью конвенции, которой придерживались лжепотомки лейтенанта Шмидта, рыщут, словно шакалы, по Америке, оставляя за собой следы преступлений и трагедий. Капканы и мышеловки Тарнера покрыли густой сетью всю страну.

Сеанс массового гипноза

...Это было в августе 1972 года. В Майами-Бич проходил предвыборный съезд республиканской партии. Стояла невероятная жара. Атлантический океан не освежал, и редкие купальщики напоминали выброшенных на берег рыб, хватающих последние глотки ускользающего воздуха. На улицах курортного города не было никого, кроме демонстрантов и полиции. Отдыхающие попрятались под тенты кафе и гостиничных веранд, поглощая в невероятных количествах мороженое и прохладительные напитки, а делегаты съезда, политические лоббисты и представители прессы предпочитали коротать время в гигантских холлах фешенебельных отелей, где исправно работавшие могучие кондиционеры создавали искусственные оазисы умеренной температуры.

Владельцы отелей, стремясь привлечь клиентуру, рекламировали «по сезону» не столько прелести гостиничного комфорта или мастерство шеф-поваров, сколько исправность и мощь кондиционеров. Помню, на фронтоне одного из отелей красовался гигантский неоновый термометр, соблазнительно указующий прохладу, царившую в чертогах. А она была тем более необходима, что к жаре климатической приплюсовывался накал политических страстей — дебаты, интриги, сделки, шоу.

Как раз этот гигантский неоновый термометр напомнил мне старый анекдот об «агитпункте», устроенном чертями для привлечения людей в ад. Я рассказал его Элеоноре Р., молодой журналистке, представляющей небольшую «подпольную»

газету, издававшуюся в Нью-Йорке группой радикально настроенных деятелей культуры. (Замечу в скобках, что в Соединенных Штатах Америки «подпольными» называются не газеты, печатающиеся нелегально, а те, что издаются, так сказать, «диким способом», вне рамок уважаемых газетных трестов.)

Анекдот рассмешил Элеонору.

— Ну, прямо как вербовочные пункты Гленна Тарнера! — воскликнула она.

Услышав имя Тарнера, я насторожился. К тому времени мною уже было заведено «дело» на Заячью губу, и все, что касалось его жития и подвигов, очень интересовало меня. Поэтому я попросил Элеонору рассказать о тарнеровских вербовочных пунктах.

— О, это скорее капканы или мышеловки!

Мы вошли в просторный холл отеля «Фонтенбло», где размещались штаб-квартира организаторов съезда и пресс-центр, нашли сравнительно укромное местечко и расположились в креслах, правда, не очень удобных, но с непропорционально высокими спинками, которые хотя бы иллюзорно защищали нас от вавилонского столпотворения, царившего вокруг. Я заказал блуждающему официанту два коктейля и приготовился слушать.

— Это произошло сравнительно недавно, — начала свой рассказ Элеонора. — Как обычно, у меня было туго с деньгами. Меня только что уволили из одного благотворительного фонда, где я работала секретаршей по связи с печатью. На «подпольную» газету я набрела несколько позже. Так вот, каждое утро за кофе я внимательно изучала рекламные объявления в газетах, пытаюсь выудить из них спасательный круг.

Однажды мне попалось на глаза следующее объявление: «Фирме «Коскот» требуется гид-хозяйка-стюардесса для сопровождения будущих инвесторов в однодневную поездку в Майами. Плата — пятьдесят долларов в сутки». Объявление звучало заманчиво, но несколько подозрительно. Оно весьма смахивало на предложение, исходящее от торговцев живым товаром, рекрутирующих очередную партию «колл-герлз». Конечно, я что-то слышала — краешком уха — о «Коскоте», о его основателе Тарнере, об его «пирамидальных схемах» мгновенного обогащения под девизом «Смей быть великим» и так далее. Но все это звучало весьма расплывчато и не-

убедительно. Стать великой я не собиралась,— Элеонора усмехнулась,— а вот богатой, хотя бы на несколько «баков», да.

Пятьдесят долларов на улице не валяются. С другой стороны, я ничем не рисковала — ведь можно было навести справки. Я так и поступила. Набрала номер телефона, указанный в объявлении, и прямо, без обиняков, спросила, не означает ли приглашение в гидессы-хозяйки-стюардессы закамуфлированную проституцию. На том конце провода голос, принадлежавший, по-видимому, пожилой даме, с нескрываемым возмущением ответил: «Позвольте, за кого это вы нас принимаете? «Коскот» — одна из крупнейших корпораций Америки с многочисленными дочерними фирмами. Если вы действительно заинтересованы в том, чтобы работать у нас, то приходите. Мы вам представим исчерпывающие данные, а там решайте сами. Кстати, на сегодняшний вечер назначен прием...»

Принарядившись на всякий случай, я поехала. Рекламный адрес привел меня в один из новых отелей неподалеку от аэропорта Кеннеди. Банкетный и танцевальный залы отеля были битком набиты людьми, или, говоря языком газетного объявления, «будущими инвесторами». Выглядели они весьма живописно и одновременно обыденно. Казалось, кто-то перемешал, а затем согнал в одну кучу экзотических золотоискателей времен лихорадок Клондайка и Калифорнии и утренних, самых ранних пассажиров нью-йоркской подземки — женщин в будничной одежде и в обуви на плоской подошве без каблучков, рабочих в спецовках, негров. Последние явно преобладали. Лица «будущих инвесторов», хозяйкой которых мне надлежало стать, выглядели усталыми, осунувшимися. Если на них и лежали отблески надежды, то они были глубоко запрятаны в морщины и сильно пригудрены бесплатной нью-йоркской косметикой — копотью, замешанной на смоге.

В стратегических пунктах банкетного и танцевального залов, как сейчас помню их архитектуру — безвкусная смесь модерна и барокко, были установлены ломберные столики для карточной игры, за которыми восседали молодые люди, жизнерадостные, как жеребцы, розовощекие, как поросята, в разглаженных, с иголки костюмах, свежесбрившие и тщательно подстриженные. Только что из парикмахерской. У каждого на лацкане пиджака зеленой гвоздикой свисали бутоньерки, приколотые звездно-полосатыми флажками — значком из дешево-дорогих камней — стодолларовые бумажки, такие же свежие и жизнерадостные, как и сами

молодые люди. Молодые люди, выглядевшие еще более молодыми и жизнерадостными на сером, унылом фоне «будущих инвесторов», казалось, вот-вот сошли со страниц букварей «великой американской мечты», какой она мерещится среднему обывателю и любвеобильным, но лишенным фантазии мамашам.

На ломберных столиках вместо карточных колод лежали стопки анкет. Молодые люди лихо заполняли их, задавая с преувеличенной вежливостью и уж с совершенно преувеличенным и неуместным весельем элементарные вопросы: имя, фамилия, адрес и так далее. Ответы они воспринимали как откровения или подарки, ржали, как жеребцы, и хрюкали, как поросята, а затем, угодливо изгибаясь, кланяясь и почти вальсируя, вели занесенных в реестры клиентов к предназначенным для них местам, бережно усаживали в кресла и поощрительно похлопывали по плечу.

Когда процедура инвентаризации всего поголовья «будущих инвесторов» закончилась, в залах — банкетном и танцевальном — дали полный свет. Вспыхнули гигантские хрустальные люстры, свисавшие с потолка, и многочисленные бра, рассыпанные светлячками по стенам. Незримый оркестр грянул гимн. Мы все, как ужаленные, вскочили со своих мест, скорее от неожиданности, чем от прилива патриотических чувств и, приложив правую руку к сердцу, принесли присягу флагу.

Занятые этой священной процедурой, мы не заметили, как буквально у нас на глазах, словно в спиритическом сеансе, материализовалась блондинка с пышными формами Мэрилин Монро в мини-юбке и макси-декольте. К ней тотчас же подскочили молодые люди со столларовыми бумажками, приколотыми к лацканам двухсотдолларовых пиджаков, и вознесли на руках чуть ли не до самых хрустальных люстр. Во всяком случае, мне так показалось. На мгновение произошло краткое замыкание между канделябрами и гривой золотых волос пышной блондинки. Было жутко эффектно. Кто-то подал блондинке микрофон. Молодые люди хором гаркнули: «Йе, йе, йе!» Затем заговорила она:

— Хэлло, леди и джентльмены! Мы все несказанно рады видеть вас сегодня вечером у нас в гостях. Вечер, который вам предстоит провести, будет, мы твердо уверены в этом, самым важным вечером в вашей жизни. Он решит вашу судьбу. Так наберитесь же терпения и проникнетесь надеждой! Ждите и смотрите!

Мускулистые руки молодых людей бережно опустили на танцевальный паркет дорогую ношу. Вместо обольстительной блондинки к люстрам взвился не менее обольстительный брюнет. Вновь произошло краткое замыкание между канделябрами и гривой иссиня-черных волос жгучего брюнета. Было жутко эффектно.

Жгучий брюнет прокричал в микрофон:

— Хэлло, леди и джентльмены! Спору нет, страна, в которой мы живем, — великая страна. Но не стоит обманывать себя — это еще не рай, и в ней еще далеко не исчерпаны все возможности для дальнейшего совершенствования. Настало время, пробил час. Маленький человек должен подняться во весь рост, расправить плечи и получить причитающееся ему сполна, как это делают уже давно его большие сограждане. Настало время, пробил час успешной погони за длинным долларом! Мы хотим, чтобы эта погоня увенчалась для вас успехом. Мы сами уже достигли его и сейчас горим желанием поделиться им с вами, ибо вы тоже имеете право на кусок традиционного яблочного или вишневого пирога. Прекрасная леди, которую вы только что имели удовольствие лицезреть, расскажет вам, как это делается.

Акробатическая группа молодых людей вновь перестроила пирамиду, вознеся к ее вершине имитацию Мэрилин Монро в мини-юбке и макси-декольте. Имитация немедленно защебетала о таких неотразимых материях, как норковые манто и дорогие духи, о волшебной фирме «Коскот», которая производит их и, более того, дает возможность производителям потреблять свою продукцию. Со скоростью пулемета блондинка строчила цифрами и фактами, излагая суть финансовых манипуляций, которые должны были в рекордно короткий срок превратить «будущих инвеститоров» в настоящих миллионеров.

— Вы покупаете акцию для «икса», делите ее, продаете часть «игреку» и зарабатываете на этом «зет», — щебетала имитация великой кинозвезды, которая в свое время так же рекламировала успех и счастье по голливудским стандартам в голливудских лентах, пока эти успех и счастье не довели ее до самоубийства. (Вы покупаете снотворное для «икса», глотаете его вместе с «игреком» и зарабатываете на этом красивую смерть, то есть, пардон, «зет».)

Было нечто противоестественное и одновременно отталкивающее в кривлянии обольстительной блондинки. Временами создавалось впечатление, что это не живой человек, а кукла человеческих размеров, из тех, что изготавливают для

аттракцион Дискайленда. Казалось, кто-то у пульта управления этой электронной куклой, упакованной в синтетические массы и волокна, перепутал запрограммированный для нее текст и вместо кассеты с песенкой умеренно-фривольного содержания, ведь Дискайленд как-никак посещают дети, вставил кассету от куклы, изображающей какого-нибудь знаменитого политического или государственного деятеля.

Возможно, эта сценка и не была лишена определенной доли комизма. Но ощутить ее мешала аудитория. Меня со всех сторон обступали люди — одни с отвисшими челюстями, другие с лихорадочно блестящими глазами. Казалось, я попала в водоворот утопающих, которые, пытаюсь удержаться на поверхности, хватаются за соломинку. Да что там за соломинку — за кобру!

А между тем в толпе, словно шпики, шныряли молодые люди со столларовыми ассигнациями в пиджачных лацканах, оркестрируя и подогревая энтузиазм «будущих инвесторов». Наконец, заняв стратегические пункты в банкетном и танцевальном залах, молодые люди начали скандировать: «МММОООННЕЙ!»

— Знакомая картина, — перебил я Элеонору, — мне пришлось наблюдать ее совсем недавно в Чикаго.

— Отвратительная картина... Люди с отвисшими челюстями и лихорадочно блестящими глазами стали подхватывать сначала робко, а затем исступленно клич молодчиков Тарнера. Топание ног сотрясало паркет, дребезжали окна и люстры. Казалось, я присутствую на фестивале рок-музыки, где аудитория наполовину пьяна, наполовину взвинчена наркотиками. Но это было еще хуже. Ведь вокруг меня бесновались не длинноволосые хиппи в излохмаченных джинсах, не молокососы с героином в крови, а люди в подавляющем большинстве своем среднего и даже преклонного возраста, трезвые, как бутылки с минеральной водой, одетые консервативно, по моде нашего «молчаливого большинства». Да, собственно, они и были его частицей. И вот это «молчаливое большинство» орало, кричало, вопило, хрипело: «МММОООННЕЙ!»

Крик нарастал стремительным крещендо с каждой новой цифрой — все более кругленькой, — которую выводила мелом на грифельной доске обольстительная блондинка, демонстрируя уравнение «икс-игрек-зет» в действии. За ревом и гвалтом я не заметила, откуда и как появилась эта доска.

Исписав всю доску цифрами, перед которыми стоял

непременный знак доллара, блондинка вновь сменила мел на микрофон и понесла на этот раз уж совсем несусветную чушь: о том, что, участвуя в «спирально-пирамидальной системе обогащения», предлагаемой Тарнером, вы становитесь не только обладателем солидного капитала, но можете, если сие взбредет вам в голову, построить себе небольшой «городок будущего» с собственной плотиной и даже метрополитеном!

Я не могла поверить своим глазам — люди вокруг меня верили в кисельные берега и молочные реки, в плотину и метрополитен, которые им сулила говорящая кукла. И это те самые люди, которых превратности судьбы научили не верить ни в бога, ни в черта, которые по нескольку раз пересчитывают чеки в супермаркетах и жетоны¹ в реальной, а не фантастической подземке!

Я решила, что с меня хватит, и стала пробираться к выходу. У самых дверей мне преградил путь один из молодых людей, декорированных стодолларовыми бумажками.

— Вы это куда, позвольте спросить вас, миссис?

— Ведь это же нюрнбергское сборище. Вот только Гитлера не хватает! — ответила я с неожиданной злобой.

— Полноте... Нюрнбергское сборище... Что за чушь! Почему вы не хотите, чтобы бедные люди заработали немного денег? — сказал молодой человек с кривой усмешкой. Он взял меня довольно бесцеремонно под руку, поволок обратно в зал и усадил в первое попавшееся свободное кресло, слегка придавив к сиденью не то для острастки, не то в качестве символического жеста.

В зале по-прежнему щебетала обольстительная блондинка, а толпа, прищипоренная видениями кучи денег и собственных поместий, орала во всю силу своих легких: «Даешь доллары! Хайль Тарнеру!»

Через несколько минут я сделала еще одну попытку ускользнуть. На этот раз удачную. Небрежно перекинув пальто на руку, я стала протискиваться сквозь плотные ряды «будущих инвесторов». У дверей меня вновь остановил молодой человек, правда, другой.

— Вы куда? — осведомился он.

— В туалет.

Меня пропустили. Я пулей выскочила из отеля, надевая на ходу пальто. Меня трясло. От холода, страха, возмущения?

¹ В нью-йоркском метро бросают в контролеры-автоматы не монеты, а специальные жетоны.

Было уже совсем поздно, когда я возвращалась к себе домой на Манхэттен. Ночные пассажиры метро весьма напоминают утренних, только что числом поменьше, и лица выглядят более утомленными. Всмотриваясь в эти лица — женщин в будничной одежде, рабочих в спецовках, негров, одетых с дешевой экстравагантностью, пожилых людей, клюющих носом, — я вспоминала аудиторию тарнеровского сборища. Те же лица: там, в отеле, искаженные жаждой наживы, здесь, в метро, заостренные лезвием забот.

Поезд мчал на полной скорости, гроыхая, вздрагивая и извиваясь, то ныряя под землю, то выскакивая на поверхность, приближая и возвращая меня с каждой оставшейся позади остановкой к реальности...

Я расплатился с официантом. Мы с Элеонорой покинули наш укромный закуток и тут же окунулись в вавилонское столпотворение отеля «Фонтенбло». Кто-то кого-то интервьюировал. Кто-то кого-то инструктировал. Взад и вперед сновали посыльные и связисты. Сбившись в отдельные кучки, совещались представители различных штатов. Сняв шлемы и отирая пот с лица, похаживали, прохладаясь и отдуваясь, полицейские — их только-только сменили с наружных постов перед входом в отель, осажженный демонстрантами, над головами которых колыхались антивоенные лозунги. Длинноногие девушки в канотье со звездно-полосатыми лентами бесплатно потчевали делегатов, полицию и прессу пепси-колой. И у всех на груди было что-то приколото: у делегатов банты с цветами их штатов, у распорядителей жетоны, у прессы пропуска, у полицейских шерифские звезды и личные номера, у длинноногих девушек, предлагавших пепси-колу в бумажных стаканчиках, гигантские значки с торговой маркой их компании. И все эти банты, жетоны, пропуска, шерифские звезды, личные номера, значки, торговые марки каким-то причудливым образом сливались в новенькие стоцолларовые ассигнации. По крайней мере мне так показалось. Я сказал об этом Элеоноре. Она засмеялась, а потом очень серьезно ответила:

— Мне тоже...

Вскоре мы вышли из кондиционированного «агитпункта» отеля «Фонтенбло» и ступили на раскаленную сковороду августовского Майами-Бич. Настала пора возвращаться к реальности...

Приглашение в Орландо

Гленна Тарнера называют самым ненавидимым человеком в Соединенных Штатах. Ему от этого ни холодно, ни жарко. Пожалуй, ни один американский концерн не ведет такого количества судебных тяжб, как тарнеровский. Но ему опять-таки от этого ни холодно, ни жарко. Федеральная торговая комиссия клеймит «Коскот» как «нечестное и шарлатанское предприятие». Говард Голдберг, глава общественной организации «Защита потребителей», утверждает, что Тарнер стал «обманщиком № 1». Генеральный прокурор штата Коннектикут Роберт Киллиан характеризует деятельность Тарнера как «массированное жульничество, которое, согласно нашим данным и знаниям, вообще не имеет прецедента». Генеральный прокурор штата Луизиана считает, что Тарнер занимается «нелегальной лотереей и распространением фальшивых акций». Министерство почт и телеграфа рассматривает деятельность «Коскот» как крупнейшую денежную аферу. (В отместку за это Тарнер решил создать свое собственное почтовое ведомство — «Сервкот»!) Генеральный прокурор штата Нью-Йорк Лефковиц потребовал от Тарнера, чтобы тот вернул 3,8 миллиона долларов 1604 одураченным «инвеститорам». (Лефковиц заявил, что «тарнеровские операции» — это ловушки, расставляемые для людей с низким доходом, для бедных, молодых, цветных, отчаянно нуждающихся в источниках существования.) (По данным нью-йоркской прокуратуры, из 1604 «инвеститоров» только 79 зарабатывают у Тарнера сумму, равную половине прожиточного минимума средней американской семьи. О масштабах тарнеровского очковтирательства в Нью-Йорке свидетельствует и такой факт. Всем 1604 «инвеститорам» было обещано, что они станут «заколачивать» по сто тысяч долларов в год, если вступят в «Коскот». Но, как свидетельствует простая арифметика, для этого обращенным следовало продать 150 миллионов «прав на распространение», то есть по восемь «прав» на каждого жителя штата Нью-Йорк, включая женщин и детей!) В 26 штатах прокуроры ведут расследование деятельности «Космических межпланетных общин будущего», в 15 штатах они объявлены вне закона.

Но тем не менее, повторяю, Гленну Тарнеру от всего этого ни холодно, ни жарко. Ведь в Америке нет такого суда, который судил бы победителей. А Глен-Заячья губа — побе-

дитель. «Меня уже никто и ничто не может остановить. Я стал слишком сильным», говорит «неудержимый» Тарнер. (В данном случае, признаемся, кавычки не совсем уместны.) Национальное агентство по делам космонавтики (НАСА) торжественно преподносит ему двухметровую модель «Аполлона». Индейские племена наперебой избирают его почетным вождем своих общин. Дамы-патронессы носят его на руках, ибо он отвалил миллион долларов на строительство госпиталя для умственно отсталых детей в Южной Каролине и является крупнейшим работодателем для инвалидов во Флориде. (Они производят для Тарнера духи под названием «Огонек надежды».) «Ястребы» тоже души не чают в Тарнере — образцовом патриоте, финансировавшем судебные издержки палача Сонгми капитана Эрнеста Медины. (Вице-президент тарнеровского концерна Ли Бэйли выступал в качестве адвоката Медины.) Активисты обществ защиты животных объявили Тарнера «Человеком с большой буквы» за то, что он наладил производство окрашенного в оранжевый цвет полоскательного средства для собак, убивающего в их пасти дурной запах. Матриарх американских гадалок Джейн Диксон причисляет Гленна-Заячью губу к «тридцати трем пророкам, которые посланы богом на землю прямо с неба ради великих свершений». Экс-президент Никсон приглашал «небесного посланца» в Белый дом, а гость от бога рассматривает апартаменты на Пенсильвания-авеню, 1600, придирчивым взглядом будущего хозяина. «Рано или поздно я стану президентом Соединенных Штатов. Так точно — президентом Соединенных Штатов,— провозглашает Тарнер.— Пустите меня на телевидение в ночь накануне выборов, дайте мне поговорить без посредников с глазу на глаз с народом Америки, и на следующий день я въеду в Белый дом. Это, уверяю вас, совершенно серьезно. Я буду президентом Соединенных Штатов».

Да, в их мире победителей не судят. В их мире успех — это окрашенное в оранжевый цвет полоскательное средство, убивающее смрадный запах в пасти хищника. Вот почему сотни тюрем тщетно тоскуют по Тарнеру, а он преспокойно возводит волшебный замок у флоридских берегов Атлантического океана. «Я могу играть по их правилам и все равно выходить победителем из игры», — говорит Тарнер о своих противниках. В принципе «их» правила и его правила совпадают. Помните бессмертный афоризм президента Калвина Кулиджа: «Бизнес Америки — это бизнес?» Шутники утвер-

ждают, что дельца, не умеющего произнести этот афоризм без запинки, Торговая палата США заносит в черные списки. Имя Тарнера в них не значится. Имя Тарнера на скрижалях Американской мечты. Оно звучит гомеровским гекзаметром в американской мифологии. «Я не пью, не курю, не волочусь за женщинами. Я делаю деньги. Я почти совершенство», восклицает Гленн-Заячья губа. Неважно, скольких людей он погубил и развратил, сделал алкоголиками и наркоманами. Важно, что он преуспел. «Только марсиане могут не восхищаться мной», — утверждает Тарнер. И он прав, черт подери! Конечно, его место за решеткой, но что за человечиче! — умиляются служители вашингтонской Фемиды. Конечно, он зарезал меня без ножа, но он же и зажег во мне «Огонек надежды!» — гнусавят духовные инвалиды, которым не довелось выйти в люди с орбиты «Космических межпланетных общин будущего». Опять-таки, каждому свое: кесарю — кесарево, богу — богово. Одни говорят волшебное слово «кляц» и делают доллары, другим остается лишь клацать зубами.

Трагедия американца, между прочим, состоит и в том, что за Американской мечтой он не видит социальной несправедливости. Вместо нее ему мерещится лишь собственное неудачничество. Ведь выбиваются же другие наверх, даже на самый верх? Ну, например, тот же Гленн-Заячья губа, безграмотный потомок голоштанного фермера? Значит, система тут ни при чем. Значит, просто котелок не варит. Недаром в евангелии от Марка сказано, что все возможно для того, кто верует. Американец верует в успех, и ему кажется, что для него все возможно. Подобная вера — индульгенция. Она оправдывает любое преступление ради успеха, увенчанное успехом. Подобная вера — шоры. Она списывает неуспех в графу элементарного невезения. Гленн Тарнер живет по евангелию от Марка. Недаром на письменном столе его служебного кабинета в Орландо всегда лежит пузатая библия, а рядом с ней — музыкальная шкатулка, выполненная в форме миниатюрного «роллс-ройса». Когда ее заводишь, она начинает играть песенку «Невозможная мечта» из бродвейского мюзикла «Человек из Ла-Манчи». Конечно, сам Тарнер не Дон Кихот. Сражаться с ветряными мельницами не в его духе. Но вот засорять головы других видениями невозможной мечты — его призвание, более того — бизнес.

...Нашествие Заячьей губы на гарвардскую Школу бизнеса потрясло ее, но не убедило.

— Парни, вы, видать, башковитые, хотя и со странностями, — говорил будущим капитанам американского бизнеса Гленн Тарнер. — Вы втемяшили себе в голову, что дела можно делать исключительно по-гарвардски и никак не иначе. Для вас иначе — от лукавого. Так вот, приезжайте ко мне в Орlando и убедитесь сами. Я предоставлю в ваше распоряжение самолет — надо торопиться! Возьму на себя все расходы — зачем жаться? Открою перед вами все бухгалтерские книги — зачем таиться? Итак, поехали!

Фом-неверующих, пожелавших прикоснуться к косметическим язвам Христа из Орlando, набралось сорок человек. Через несколько дней их привезли в аэропорт Ла Гардия на вокзал «Батлер эвизишн», к взлетной дорожке которого Гленн Тарнер пригнал реактивный лайнер «Фэлкон фэн», купленный по случаю у «Дженерал электрик». Фюзеляж лайнера, выкрашенный в красно-бело-голубой цвет, был оклеен иллюстрациями из жития Заячьей губы.

На борту самолета гарвардских скептиков приветствовали сирены-стюардессы и личный представитель Тарнера некто Дэйв Кларксон, он же наглядное пособие и неопровержимое свидетельство величия фирмы «Смей быть великим».

Пока «Фэлкон фэн», пожирая пространство, мчит сорок гарвардских умников из Нью-Йорка в Орlando, послушаем рассказ тарнеровского Али-бабы о сокровищах «Смей быть великим».

В отличие от других фирм, входящих в конгломерат «Гленн В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед!», компания «Смей быть великим» торгует идеями. Торгует по бендеровскому принципу: идеи наши — деньги ваши. Идеи фальшивые, с фальшивым названием — «Позитивное отношение к жизни». Деньги реальные, хотя и несколько девальвированные доллары.

«Позитивное отношение к жизни» — история сказочного обогащения Тарнера, «несмотря на физический недостаток — заячью губу, дефект речи и отсутствие образования». Эта история, наговоренная самим Тарнером на магнитофонную ленту и отснятая на ленту целлулоидную, распадается на четыре курса-евангелия. Курс первый — приготовительный. О том, как выбраться из нищеты. Курс второй — о том, как разбогатеть. Курс третий — о том, как стать миллионером. Наконец, курс четвертый — о том, как стать мультимиллионером. Курс первый для приготовишек стоит триста

долларов. Цена полного курса значительно дороже — пять тысяч долларов!

Неужели их покупают? — спросите вы. Еще как! Люди влезают в долги, чтобы стать миллионерами; впадают в нищету, чтобы разбогатеть. Тарнеровское предложение — грамматический нонсенс и психологический шедевр — пользуется огромным спросом, который, в свою очередь, прищипоривает предложение. Купив курс третий — о том, как стать миллионером — вы приобретаете «право» на продажу полного курса с комиссионными в девятьсот долларов в свою пользу. Став обладателем курса четвертого — о том, как стать мультимиллионером, вы получаете «право» на комиссионные в две тысячи долларов. Остановка за малым: найти таких же, как и вы, идиотов и всучить им евангелие от Тарнера. А в идиотах недостатка нет. В Америке все хотят стать миллионерами. Только идиоты не хотят быть ими. Но это, так сказать, диалектическое противоречие.

Дэйв Кларксон уже на старте подцепил дюжину тепленьких идиотов. Тарнер заметил Кларксона и поставил его у штурвала пропаганды «Позитивного отношения к жизни». Последний в знак благодарности изобрел «Кэш из бест, инкорпорейтед», то есть «Наличными лучше» — систему кредитных карточек (опять диалектическое противоречие!), распространяемых по принципу идей «Смей быть великим».

— Мы уже продали около двадцати тысяч кредитных карточек «Наличными лучше», — с гордостью рассказывал мистер Кларксон гарвардским скептикам, расхаживая вдоль пассажирской кабины лайнера «Фэлкон фэн».

— Просто невозможно понять секрет вашего грандиозного успеха, — пробурчал кто-то из гарвардцев.

— Понимать не надо. Надо верить, — ответил, покровительственно улыбаясь, мистер Кларксон...

Тем временем под крылом «Фэлкон фэна» замаячили пригороды Орландо.

— Это предприятия «Коскот». На их территории могут свободно разместиться четыре футбольных поля. Прошу пристегнуть ремни и погасить сигареты. Мы идем на посадку. Слава великому Тарнеру! Спасибо за внимание! — экзальтированно прощбетала одна из сирен-стюардесс.

По бетонированной дорожке гигантским лампасом струился красный ковер — протокольная привилегия, которой обычно пользуются главы государств. (В конце концов в

ранце любого слушателя гарвардской Школы бизнеса можно найти герб президента — или Америки, или «Дженерал моторс», что в общем одно и то же. Недаром знаменитое изречение Джексона, президента этой крупнейшей в США корпорации, гласит: «Что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для Америки».) Почетный караул состоял из красивейших девушек Орlando, наряженных в рискованные туалеты фирмы «Эмкот» и размалеванных косметикой фирмы «Коскот». «Люди Тарнера — особые люди, и выглядят они по-особому!» — вещал плакат, высоко поднятый над их очаровательными головками, увенчанными париками фирмы «Фэшкот».

На полшага впереди почетного караула застыли сам Гленн Тарнер-Заячья губа и «мисс Орlando». На Тарнере был его обычный костюм цвета спелого граната, на «мисс Орlando» — норковая мантия, шлейф которой благоговейно поддерживали наши знакомые карлики Джон и Грэг — «66 дюймов на двоих».

— Вам выпала золотая возможность увидеть меня в подлинных масштабах, — обратился к прибывшим Тарнер и простер руку в сторону своего портрета, закрывавшего все здание аэровокзала и добрый кусок неба над ним. (Этот портрет считается «самым большим в мире». Возможно, так оно и есть. Для того, чтобы дать читателю некоторое представление о его размерах, скажу: длина одной только заячьей губы составляет полтора метра!)

После освежающих коктейлей гарвардцев погрузили в автобусы фирмы «Транскот» и повезли в штаб-квартиру «Неудержимого». Всю дорогу «Неудержимый» неудержимо разглагольствовал:

— Я собираюсь совершить прорыв в фармацевтическую промышленность. С этой целью я уже основал фирму «Витакот». Рекламным девизом ее продукции будет: «Полная гарантия безвредности! Хотите — принимайте, не хотите — не принимайте!». Не правда ли, здорово?

Кто-то поинтересовался источником рекламного вдохновения Тарнера.

— Разумеется, я черпаю его не у дегенератов с Мэдисон-авеню¹. В моем родном Мэрионе был торговец фисташ-

¹ На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены крупнейшие рекламные агентства.

ками. Зазывал он клиентов на первый взгляд несколько странным образом: «Купите самые плохие в мире фисташки!» Это интриговало людей. Пакетики с фисташками шли нарасхват. Если фисташки оказывались хорошими, их покупали вновь, если же нет — никто не жаловался. Так будет и с моими витаминами...

Наконец, автобусы фирмы «Транскот» остановились перед парадным подъездом фирмы «Коскот». Сорок гарвардских разбойников вступили в волшебную пещеру «Смей быть великим». Они миновали выставку-экспозицию продукции конгломерата «Глен В. Тарнер энтерпрайзис, инкорпорейтед». (Надпись над входом гласила: «Эти товары произведены на третьей от солнца планете». Надпись не уточняла — справа или слева от дарящего жизнь светила.) Затем углубились в извилины электронного мозга конгломерата — просторный зал, нашпигованный компьютерами «Интернешнл бизнес мэшинз» и копировальными станками «Ксерокс». Откуда-то сверху лилась нервическая бит-музыка. Прошли кабинетные соты офисов вице-президентов и директоров и очутились в большой ротонде, посреди которой была вштопорена винтовая лестница, окаймленная мраморным фонтаном. Дальше начинались личные, вернее, лично-служебные апартаменты Гленна Тарнера.

Здесь гарвардских скептиков подвергли вежливому обыску. Руководил процедурой Кларк Стоун, начальник службы безопасности «Коскот» и телохранилитель Заячьей губы.

— В моей шайке тридцать два парня. Все как на подбор. Муха не пролетит. А техника? Ни одно подслушивающее устройство не остается необнаруженным! В случае тревоги высшего порядка мистер Тарнер нажатием кнопки абсолютно герметизирует свою штаб-квартиру, отсекая ее от внешнего мира. Это мы скопировали с фильмов о похождениях Джеймса Бонда...

Визит гарвардцев, да еще по личному приглашению самого босса, не представлял «тревоги высшего порядка». Будущих президентов Соединенных Штатов и «Дженерал моторс» пропустили в святая святых. Перед ними раскрылась анфилада комнат: мраморная гостиная с монументальным камином; гимнастический зал, уставленный штангами, гириями и гантелями; парикмахерская об одном кресле; спальня, переходящая в плавательный бассейн и финскую баню...

Во всех без исключения комнатах висели огромные портреты Тарнера, украшенные американским флагом и гербом с изображением орла.

У входа в кабинет Заячьей губы мистер Стоун передал гарвардцев на попечение мисс Коллинз. Еще совсем недавно мисс Ким Коллинз была заурядной косметичкой с незаурядными формами «конкурсного наполнения». Сейчас она вице-президент международного филиала «Коскот», менеджер фирмы «Фэшкот» и личный секретарь босса. Мисс Коллинз верит в переселение душ. В последний раз мисс была греческой принцессой. Поэтому вместо обычного письменного стола она пользуется античным греческим секретером. Мисс Коллинз верит также в астрологию. Ее кадровая политика диктуется звездами. Для нее гороскопы важнее анкетных данных и деловых характеристик.

— Вам, конечно, это кажется безумием. Ваши аналитические умы не приемлют нашей философии бизнеса, — жеманилась вице-президентша, конкурсно наполняя свои незаурядные формы.

Аналитические умы вежливо улыбались бывшей греческой принцессе...

Поговорив о переселении душ и перенаселении планет (интересно, под какой планетой родятся в Штатах безработные?), аналитические умы, предводительствуемые мисс Коллинз, перешли в библиотеку Гленна Тарнера.

Библиотека черно книжника

На книжных полках, задрапированная в кричащие одежды суперобложек, гордо парадировала философия американизма — коллективная библия свободного предпринимательства и предпринимательских свобод, катехизис ханжества и лицемерия, апология цели, оправдывающей средство, культ успеха любой ценой, включая бесценные духовные и душевные богатства. Кричащие суперобложки выглядели заляпанными не то традиционным яблочно-вишневым пирогом, не то брызгами человеческой крови и мозгов. Они казались тупыми и страшными, как свиные рыла и жерла орудий, веселыми и истеричными, как нервный газ и озноб паралитика. Скованные цепью круговой поруки, стояли «В защиту бизнеса» Ротблатта и «Бог велик» Беллингтона. «Как культивировать

привычки преуспеяния» Дугласа и «Спасение — в вере» Билли Грэхэма, «Как разбогатеть в условиях душевного покоя» Хилла и «Психокибернетика» Малтца.

Перефразируя известную поговорку, можно смело утверждать: назови мне твои любимые книги, и я скажу, кто ты. Великий французский зоолог, член и даже непрменный секретарь «Академии бессмертных»¹ Жорж Кювье, пользуясь так называемыми принципами «корреляции органов», разработал метод реконструкции ископаемых форм по немногим сохранившимся фрагментам скелета. Говорят, что по одной-единешенькой косточке непрменный секретарь мог воссоздавать облик гигантских динозавров и ихтиозавров. Бегло перелистав книги из библиотеки Тарнера или хотя бы пробежав глазами по их корешкам, можно, даже не будучи членом «Академии бессмертных», восстановить каркас Заячьей губы и общества, в котором он процветает.

В данном случае принципы «корреляции органов» вполне укладываются в мудрость, гласящую: «Всяк человек должен сам ободрать своего скуна». Эта американская поговорка, которая коррелирует, то есть соотносится с поговоркой «Всяк человек кузнец своего счастья», как живодерня с кузницей или ножовка с молотом, не ставит точки над «и», не расшифровывает, с кого следует сдирать шкуру. Впрочем, сие и так ясно.

Скользим взглядом по корешкам тарнеровских книг. «Как заработать на финансовом кризисе». Полезное пособие. Акции летят вверх тормашками, их обладатели, как правило, мелкие,— в тартарары, доллар сморщивается, как шагреновая кожа, а ты, знай, сдираешь себе скуновый мех, то есть дерешь шкуру, а то и семь шкур со своего ближнего и не так чтобы уж очень ближнего. А если последнему это не по вкусу, что ж, о вкусах не спорят. Для строптивых на полках тарнеровской библиотеки стоит другая книга, «Если дела не поправятся вскоре, я вынужден буду просить вас об увольнении». Можно, впрочем, и не просить. Мистер Тарнер и сам знает превосходно, кого и когда увольнять. Трагический парадокс капиталистического общества состоит в том, что даже безработные работают на предпринимателей: служат резервной армией потенциальных штрейкбрехеров, дамнокло-

¹ Так по традиции называют Французскую академию.

вым мечом над зарплатой оставшихся при деле, кнутом, еще более подстегивающим потогонную систему.

Полка расхожей мудрости. На все случаи жизни. Вот рядышком соседствуют два тома. Первый — «Западня заорганизованности». Тарнеру она не грозит. Он скользок, как угорь, и гибок, как лоза или женщина-каучук из цирка шапито. И тем не менее рядом с «Западной», написанной, конечно, не Эмилем Золя, стоит еще одна книжка — «Как избежать западни». А для дополнительного запаса прочности — «Как покинуть тонущий корабль», «Аварийный выход, чтобы остаться хозяином самого себя», «Возьми себя в руки» и, наконец, «Как поверить в собственное «я». Этот метод помог мне. Поможет он и тебе». Тонущий корабль надо понимать в переносном смысле — речь идет о банкротствах, а не о навигации. Аварийный выход — советы владельцам компаний, которым грозят поглощение, слияние и прочие пищеварительные действия конкурентной борьбы. Правда, аварийный выход не гарантирует от исчезновения в стихии конкуренции. Ты берешь себя в руки, а тебя берут за горло. Дыхание прекращается, руки опускаются. Да и метод веры в собственное «я» помогает не всем. Недаром наряду с процветающим «я» Тарнера существуют, вернее влачат жалкое существование, десятки тысяч пущенных им на ветер «мы».

Тарнер, разумеется, не монополист по части подобного деления местоимений. Вот биографии нефтяных королей Америки — Джона Д. Рокфеллера, основателя династии, и Жана Поля Гетти, носящего неофициальный титул «самого богатого человека в мире». Сначала цитата из Рокфеллера, помеченная 1907 годом: «Несомненно, что сегодня для молодых американских парней возможности велики как никогда раньше. И ни один из этих парней не имеет права отчаиваться, на какой бы низкой общественной ступени он ни находился — будь он босоногим деревенским сопляком, жалким продавцом газет или детищем ночлежек. Я вижу в каждом из них бесконечные возможности, для каждого из них бесконечные перспективы. Пусть они овладеют секретами экономики, будут бережливыми и честными. И успех обеспечен». Видите, как все просто!

Спустя почти столетия Жан Поль Гетти, не опасаясь быть обвиненным в плагиате, заявляет: «Существует огромное количество примеров, которые доказывают, что ныне молодежь, обладающая воображением, предприимчивостью и

динамизмом, располагает большими возможностями добиться богатства и успеха в бизнесе, чем когда-либо раньше в нашей истории». Повторяю, между этими высказываниями пролегли полвека. Сотни тысяч молодых людей сложили головы, защищая чуждые им интересы Рокфеллеров и Гетти. Многие миллионы молодых людей гнули спины, чтобы приумножить их миллиарды. Росли не возможности американской молодежи, а прибыли американских монополий. Парни, обладающие воображением, предприимчивостью и динамизмом, не могут получить образование, а получив образование, не могут получить работы. Недаром в Соединенных Штатах, вступивших в год своего двухсотлетия, безработица среди молодежи почти вдвое превышала средний уровень. Нетрудно предсказать: когда Тарнер доживет до мафусаилова века Рокфеллера и тем более Гетти, он по традиции повторит их похвальное слово молодежи и возможностям, которые открывает перед ней американский образ жизни. (Правда, Тарнер занимается этим и сейчас. Но пока его посулы — экономические обещания, а традиционно-эстафетное «Подводя итоги» будет политическим завещанием). Но суть фокуса в том, что пока существуют Гетти и Тарнеры, американцы, независимо от их возраста, не могут рассчитывать на достойное человека существование. Для этого прежде всего необходимо смести с книжных полок истории авторов библии эксплуатации человека человеком.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. «Как ограбить банк». Это уже не болтовня, а дело. Впрочем, сам Тарнер банки не грабит, сейфы не вскрывает. Ведь он не «медвежатник», а Заячья губа, не гангстер, а бизнесмен. Он не натягивает на свое лицо нейлоновые чулки; он демонстрирует его всеми способами, до которых только додумалась современная реклама. «Как ограбить банк», видимо, легкое чтение, детектив, нечто смежное, нечто такое... для разнообразия.

Разнообразие? Банкир родит бандита, писал Максим Горький о подобных метаморфозах. Бывает и наоборот. В библиотеке Тарнера наряду со специальной литературой кое-где вкраплена литература художественная. Марио Пьюзо. «Крестный отец». Размышления главного героя, одного из королей американской мафии: «Великая депрессия увеличила власть Вито Корлеоне. Более того, как раз именно в это время его стали величать доном Корлеоне. Повсюду в горо-

де¹ — честные люди тщетно молили о честной работе. Гордые люди шли на унижение ради своих семейств, принимая официальную благотворительность от высокомерных официальных властей. А вот люди дон Корлеоне прохаживались по улицам с высоко поднятой головой, с карманами, туго набитыми бумажными ассигнациями и серебром, не ведая страха остаться без работы. И даже дон Корлеоне, самый скромный из людей, не мог не испытывать чувства гордости. Он заботился о своем мире, о своих людях».

Откиньте упоминание о скромности и вы получите портрет Тарнера. Банкир родит бандита и наоборот. Недаром гангстерские синдикаты имеют структуру финансовых корпораций, а финансовые корпорации — натуру гангстерских синдикатов. Можно представить себе, точнее, невозможно представить себе возмущение Заячьей губы, если он прослышит о том, что его сравнивают с боссом «Коза ностры». Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и дон Корлеоне был бы крайне оскорблен сравнением с Тарнером. Дон Корлеоне по крайней мере держал свое слово и посылал своих детей в Гарвардский университет. А если строчил, то из «Томпсона»², а не на швейных машинках «Зингер». В общем же, оба они одним миром мазаны, безумным миром стяжательства и насилия: деньги хранят в одних и тех же банках, соперников хоронят на одних и тех же кладбищах. И тот, и другой объявлены вне закона для формы. И тот и другой стоят над законом по существу.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Афоризмы Рассела Корнуэлла. «Я говорю, что ты обязан стать богатым. И это твой долг стать богатым». Долг сей платежом красен. Еще афоризм: «Разрушь свой дом и на сокровища, найденные в его фундаменте, построй тысячи новых домов». Тарнер разрушает судьбы тысяч людей и строит на фундаменте их несчастья свой волшебный замок. Афоризм-самогипноз: «Пока ты жив, каждое утро перед тем, как подняться с постели, и каждый вечер перед сном зажмурь глаза, сконцентрируй внимание и повторяй двадцать раз подряд, механически шевеля только губами — это обязательно — одну и ту же фразу: «С каждым днем во всех отношениях я становлюсь все лучше

¹ Речь идет о Нью-Йорке.

² Ручной пулемет-автомат — излюбленное оружие американских гангстеров.

и лучше». При этом не следует думать ни о чем конкретном, ибо слова «во всех отношениях» приложимы ко всему». Мы уже достаточно хорошо знаем, к чему прилагает их Гленн Тарнер, совершенствующий изо дня в день разработанную им систему околпачивания людей.

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Самоучители успеха, словно это азбука или бицепсы, иностранный язык или каратэ. Путеводители для искателей счастья, словно это политехнический музей или картинная галерея, туристический маршрут или схема метрополитена. «Американское представление об успехе». Автор — Ричард Губер, издательство «Макгроу-Хилл», цена десять долларов. Содержание в двух словах: если ты хочешь добиться успеха в Америке, то самая подходящая стартовая площадка для этого — покосившийся навес на заброшенном пляже или нора в городских трущобах. Те, кто стартует с роскошных вилл и фешенебельных особняков, находятся в куда более неблагоприятном положении. Блажен, кто верует в эту десятидолларовую философию Ричарда Губера, кто способен не замечать династий двухсот семейств, управляющих Соединенными Штатами, кто способен отыскать хотя бы одного рабочего или фермера в конгрессе США.

Плечом к плечу с «Американским представлением об успехе» трехтомная антология «Апменшип». Автор — Стефен Поттер, издательство «Холт, Райнхарт энд Винстон», цена пять долларов. Что такое «апменшип»? Не ищите его в англо-русском словаре, составленном профессором Мюллером. Все равно не найдете. Этого слова нет даже у Вебстера. «Апменшип» — понятие, простите за выражение, «модерновое», хотя по существу оно столь же древнее, как и латинская поговорка «человек человеку волк». Да и трактует оно приблизительно о том же. Сам автор объясняет изобретенный им термин следующим образом: «апменшип» — это социологическое дзюдо, кодекс приемов, с помощью которых вы можете употребить себе на пользу естественные слабости вашего оппонента.

Том первый — «Теория и практика апменшипа или искусство выигрывать, почти не жульничая». Как раз для Тарнера, но только без «почти не». Том второй — «Апменшип или искусство вывернуться, чтобы тебя не вышвырнули». Тоже весьма полезно. И, наконец, третий том, заголовок которого непереводим. Ни на русский, ни на человеческий. Главным

стержнем третьего тома специалисты считают следующий трюк: если кто-нибудь, а тем более ваш конкурент, пространно рассуждает о материях, в которых вы не смыслите ни бельмеса, то ни в коем случае не признавайтесь в своем невежестве, а просто перебивайте собеседника стереотипной фразой: «Да, но только не на Юге...»

Из моря галиматьи неожиданно всплывает Эпикур: «Тщетно молить у богов то, что человек может добыть себе сам». Мог ли предполагать великий античный философ, сын афинского клеруха Неокла, ученик Демокрита и друг Геродота, что он окажется в подобной компании! Видимо, Заячьей губе пришлось по душе тезис греческого мудреца, гласящий, что начало и конец счастливой жизни — удовольствие. Подозреваю, даже уверен, что за пределами этой фразы любой разговор с Тарнером об Эпикуре будет то и дело прерываться магической формулой: «Да, но только не на Юге...».

А вот это вполне по зубам Заячьей губе. Бэртон Перри, «Пуританизм и демократия»: «Человек низкого происхождения, окруженный в годы своей юности всеми мыслимыми помехами невежества и материальной нужды или даже слабого здоровья, если он исключительно благодаря своим моральным качествам взойдет на вершину богатства, может служить образцом для устремлений молодого поколения. Его процветание мы приемлем без чувства возмущения». Знакомый мотив!

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Две тысячи томов «Как» и всего лишь девять — «Как не». Как разбогатеть. Как не разориться. Как преуспеть. Как не опуститься. «Как» должно преобладать над «Как не», ибо Америка — страна позитивных акций, страна, герои которой до предела, до накала заряжены позитивными эмоциями. Позитивные акции — делание денег, позитивные эмоции — жажда денег.

Самое знаменитое «Как», выдержавшее сто изданий. Тираж — восемь миллионов экземпляров. Автор — Дэйл Карнеги. Полный заголовок — «Как приобретать друзей и влиять на людей». Это «Как» существует не только в виде книги. Имеются специальные трехмесячные курсы того же Дэйла Карнеги, где можно ускоренными темпами научиться приобретать друзей (нужных) и влиять на людей (тоже нужных). Заключительный урок курсов Карнеги — двухминутный спич о том, как — опять как! — ты приумножил свой энтузиазм и что произошло с тобой в результате этого. Вы скажете, бред?

Да, но курсы Карнеги посещают в Соединенных Штатах полтора миллиона человек! Каждому хочется приобрести и влить. Каждый жаждет энтузиазма. Хотя бы двухминутного.

Курсы Карнеги помогают плутовству Тарнера. Разница небольшая, чисто формальная. Карнеги предписывает произносить двухминутный спич спокойным, ровным голосом, ибо, поучает он, не следует смешивать энтузиазм с шумом. Сам Вебстер, верховный жрец английского языка, расшифровывая понятие «энтузиазм», нигде ни словом не упоминает о шуме, реве, гвалте, свисте, топании ногами. Энтузиазм должен зарождаться в глубинах душ, подниматься изнутри. Динамичного Тарнера — недаром он неустойчивый — это уже не устраивает. Ему нужен энтузиазм с пиротехникой, с рекламной шумихой, с ревом толпы, с топанием ногами, чтобы земля тряслась. И не на две минуты, а непрерывно, непрестанно...

Непрерывно, непрестанно одурманивают американца. Великий и благородный «поиск счастья», провозглашенный двести лет назад в Декларации независимости «отцами-основателями», выродился в погоню за наживой, а синонимом счастья стало богатство. Менялы завладели храмом. «Таков уж он, наш американский образ жизни, — пишет журнал «Харперс». — Каждый пытается карабкаться вверх по лестнице: низшие слои хотят стать средними, средние — высшими. И все хотят иметь больше, загребать больше. Для одних небо — громадный пирог, на самом большущем куске которого кремом выведено их имя. Для других мир — большая устрица, ее надо вскрыть и завладеть самой тяжелой жемчужиной... Многие наши предтечи наивно предполагали, что деньги — это благо, которым вознаграждает тебя всевышний за упорный труд. Другие считали, что деньги — это благо, которым всевышний вознаграждает только богатых. Так считали и считают сами богатые. Более того, они обнаружили, что, если они начнут обещать менее удачливый пирог в небе и вымощенные золотом улыбки, то последние будут трудиться еще упорнее». На богатых, разумеется.

Цинично, но, по крайней мере, откровенно.

Среди преступлений, совершенных капитализмом — а им несть числа — понятие счастья, вздернутое на дыбу наживы, одно из наиболее омерзительных. Золото не ржавеет, ржавеют души, поклоняющиеся золотому тельцу. Похищенный мифологическими аргонавтами, он вновь воссиял в руках Тарнера и ему подобных, чтобы люди, говоря словами

гетевского Мефистофеля, гибли за металл. Непрерывно, непрерывно.

В погоне за журавлем в небе простой американец зачастую выпускает из поля зрения дела земные, и тут его, как тетерева на току, можно брать голыми руками. Обычно, когда он возвращается к действительности, бывает уже поздно. Дверь клетки захлопнулась. Ключ повернут. «Каждый маленький оборванец мечтает стать президентом или Джоном Джекобом Астором. Это — сладкий сон, пока ты находишься в его объятиях. Но каково разочаровывающее пробуждение! Какова взвинченная, беспокойная, лихорадочная жизнь, попусту потраченная в погоне за миражами!.. Америка — великая страна. Она была и может быть впредь преуспевающей. И тем не менее ее никак нельзя назвать по-настоящему счастливой». Эти слова сказаны не сегодня и не вчера. Они принадлежат историку Томасу Никольсу и взяты из его книги «Сорок лет американского образа жизни», опубликованной в 1864 году. (Этой книги, естественно, нет в библиотеке Тарнера. Она не его поля ягода.) С тех пор прошло более ста лет, и Америку по-прежнему нельзя назвать по-настоящему счастливой, ибо в этой великой стране по-прежнему преуспевают тарнеры...

В течение многих десятилетий в Вашингтоне на скамеечке парка Лафайет-сквер как раз напротив Белого дома сживал старичок. Во всяком случае, никто не помнит его молодым. Звали его Бернард Барух или «старина Берни». (Для тех, кто был с ним запанибрата.) Он тоже давал советы. Не сопливым чистильщикам сапог, не обитателям трущоб и гетто, не разносчикам газет — оборванцам, мечтающим стать президентами и королями свиной тушенки, а реальным, настоящим президентам и королям. Первые имели обыкновение пересекать Пенсильвания-авеню¹, захаживать в Лафайет-сквер, присаживаться на скамейку, облюбованную «старинной Берни», и спрашивать его мудрого совета — а был он мудр, как сова, и внешне тоже очень походил на эту ночную птицу — как бороться с депрессией, как выскочить из водоворота инфляции, как увековечить ядерную монополию Соединенных Штатов. Приезжали к нему финансовые короли с нью-йоркского Уолл-стрита, короли свиной тушенки из Чикаго, стальные короли из Питтсбурга, короли нефти из Техаса. И «старина Берни» всем им давал советы и брал за них

¹ Пенсильвания-авеню, 1600,— официальный адрес Белого дома.

миллионы. И советы мудрой совы, обитавшей в Лафайетсквере, сводили на нет советы авторов всех двух тысяч «Как» и девяти «Как не». Они были из другой оперы, для другой аудитории, для иных ушей.

Соплякам—чистильщикам сапог и оборванцам—разносчикам газет советы Баруха были не по карману, да и ни к чему. Великий комик времен «Великого немого», соперник Чаплина и Китона Харпо Маркс с едкой иронией вспоминал:

— Много, много лет назад один очень мудрый человек по имени Барнард Барух отвел меня в сторонку, обнял меня за плечи и сказал:

— Харпо, мой мальчик, я хочу дать тебе три совета, три наставления, которые ты должен всегда помнить.

— Мое сердце,—продолжал Харпо Маркс,—трепетно забилось. Я весь пылал от нетерпения и ожидания. Ведь мне выпало великое счастье услышать из уст самого верховного жреца магическую формулу, открывающую путь к богатству и сказочной жизни!

— Ну, ты готов, Харпо, мой мальчик? — спросил Барух.

— О да, сэр! Я весь внимание.

И Барух поведал Марксу три магические формулы. Но Маркс не разбогател. Почему?

— К сожалению, я забыл советы Баруха,—притворно сокрушался великий комик времен «Великого немого» и улыбался своей неповторимой улыбкой, одновременно лукавой и грустной...

Ядовитые семена Гленна Тарнера падают на благодатную почву и дают неблагодарные всходы потому, что эта почва уже разрыхлена, удобрена, полита и возделана философией американизма. В одиночку Заячья губа, несмотря на всю свою неустойчивость, энтузиазм и динамизм, не справился бы. Массовый гипноз похож на бой быков с той только разницей, что функцию красного плаща матадора выполняет зеленый доллар. Матадор лишь ставит точку — закалывает быка, уже заранее «подготовленного» усилиями многочисленных пикадоров и бандерильеров. Тушу убитого быка поддевают железными крюками и тащут на живодерню. Пикадоры и бандерильеры довольствуются требухой, а матадору достаются цветы, аплодисменты, улыбки, гонорар и поклонение одуроченной толпы.

Крестный отец

...Корешки книг тарнеровской библиотеки. Они выстроились, словно пикадоры и бандерильеры, чтобы «подготовить» для заклания очередного быка.

Особое место занимает среди них восьмитомное сочинение чикагского мультимиллионера Клемента Стоуна — «Система успеха, которая никогда не дает осечки». (Автоматические ружья «М-16» в руках солдат из роты лейтенанта Колли в Сонгми тоже не давали осечки.) Здесь нам придется несколько задержаться и сказать пару слов об авторе «Системы», ибо Клемент Стоун — крестный отец (без кавычек) Гленна Тарнера, или, как любит щегольнуть библейскими: параллелями Заячья губа, «мой Иоанн Креститель».

Итак, перенесемся на время из Орlando, штат Флорида, в Чикаго, штат Иллинойс.

Там, на берегах великого озера Мичиган, воспетого в романах Купера и рассказах Хемингуэя, его называют — председатель Стоун. Сам Стоун, мистер В. Клемент Стоун, несколько против этого не возражает. Скорее наоборот. Но, назвавшись председателем, он хочет быть им во всех отношениях, хочет быть последовательным до конца. Поэтому мистер Стоун объявил себя идеалом, точнее, идеальным экзemplяром осуществления знаменитой «американской мечты». Объявил с полным на то основанием.

Родился Стоун в чикагских трущобах. Мать его рано овдовела, и будущий председатель рос в обстановке крайней нищеты. Он до сих пор любит вспоминать в воспитательных целях, как, уцепившись за подол вдовы-швеи, клянчил у нее медные гроши на жевательную резинку и маринованный укроп. В шесть лет коротышка Клем стал уличным продавцом газет. (Непременная ступень в восхождении к вершинам «американской мечты» для любого мало-мальски уважающего себя мультимиллионера.) Из школы его выставили, что тоже вполне соответствует мифам о том, как создаются миллионеры. В тринадцать лет Клем уже прочел и выучил назубок полное собрание сочинений Горацио Элджера (гибрид попа Гапона, «Ханжи» Беранже и гоголевского Манилова). Получив столь солидную теоретическую закалку, Клем переключился с продажи газет на продажу страховых полисов. И было ему тогда всего шестнадцать лет.

Быстро сказка сказывается — долго дело делается. Сейчас коротышке Клему за семьдесят. Он является основателем,

президентом и, конечно, председателем «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка». Его личное состояние оценивается в четыреста миллионов долларов. Он носит тонкие усики а-ля Дуглас Фэрбенкс и курит толстые гаванские сигары «докастровского периода». Стоуна называют «самым малоизвестным из самых богатых» в Соединенных Штатах. Это одновременно и справедливо и несправедливо. Справедливо, поскольку соответствует действительности. Несправедливо, поскольку мистер Стоун заслуживает самого широкого публицити.

Для того, чтобы стать полноценным председателем, недостаточно быть только идеалом-солнышком. Необходимо также иметь идеи-лучи. У мистера Стоуна они в изобилии. Им-то он как раз и обязан своим прозвищем. Правда, эти идеи-афоризмы и цитаты еще не изданы в виде карманных книжечек, но они уже украшают в качестве плакатов и лозунгов чикагскую штаб-квартиру «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка» и ее отделения по всей стране и даже за пределами оной. Вот некоторые из них:

«Богатство — власть».

«Богатство — добро».

«С помощью денег ты можешь творить добро. Твои горизонты расширяются».

«Всякая невыгода уравнивается выгодой».

Мистер Стоун утверждает, что он выстрадал эту мудрость, что она — квинтэссенция его личного житейского опыта. И он совершенно прав. Богатство дало ему огромную власть. Всякая невыгода для его конкурентов уравнивается выгодой для него. И он творит добро, расширяющее, правда, не горизонты вообще, а деловые горизонты, и не деловые горизонты вообще, а исключительно коротышки Клема. Чтобы избавиться раз и навсегда от неприятной процедуры уплаты налогов, председатель Стоун основал филантропический фонд помощи умственно дефективным. И здесь не обошлось без цитаты. «Я помогаю только тем, кто сам себе помогает», — гласит она. Любопытно, как помогают самим себе умственно дефективные? Или председатель Стоун и впрямь возомнил себя Председателем, одного прикосновения к цитатнику которого вполне достаточно для уврачевания любой болезни?

Кстати, феерический взлет Стоуна был вызван тем, что он стал торговать страховками от несчастных случаев и на

случай смерти, не требуя от будущих клиентов предварительного врачебного освидетельствования. И на этот счет у председателя Стоуна имеется подходящая цитата: «Мы платим даже тогда, когда ваше сердце разбито». Эту цитату обязаны знать наизусть все три тысячи пятисот стоуновских коммивояжеров. Он приказывает им обходить здания — от подвального этажа до верхотуры — и стучаться во все двери. «Разбитых сердец много», — поучает председатель-сердцевед. Коммивояжеры за спиной шефа называют подобную тактику «холодной агитацией». Сам он окрестил ее «золотой». (По-английски «колд» — холод, а «голд» — золото.) Шутка, повторяю, отпускается исключительно за спиной шефа, ибо в противном случае с разбитым сердцем может оказаться сам шутник, осмелившийся пародировать идеи председателя Стоуна. Его мигом выставят за дверь, в которую ему уже больше никогда не достучаться.

Хотя председатели и любят сравнивать себя с красным солнышком, появляются они на людях далеко не с регулярностью небесного светила. В этом смысле не составляет исключения и председатель Стоун. Он ходит на работу лишь раз в неделю. Для того, чтобы вдалбливать в головы своих подчиненных новые цитаты и проверять, как усвоены ими старые. (Совокупность всех своих идей Стоун называет «Позитивным умственным отношением» или сокращенно ПУО.)

Единственный рабочий день председателя Стоуна выглядит приблизительно так. Утром он поднимается в свой роскошный офис по лифту, украшенному плакатом «Если хочешь быть счастливым — будь им!» (Почти по Мао Цзэ-дуну и уж точно по Козьме Пруткову.) Затем проходит в свой кабинет, садится в кресло с высокой спинкой, снимает галстук-бабочку, расстегивает воротничок и закуривает очередную «докастровскую» гавану. Пуская дым в потолок, наш председатель совершает ритуальное поглаживание магического кольца, насаженного на средний палец правой руки. Поглаживание кольца сопровождается заклятием: «Я есть! Я могу! Я сделаю! Продавать! Продавать! Продавать!» Покончив с шаманством, докурив сигару, которая помогает ему сосредоточиться на ПУО, председатель Стоун переходит в конференц-зал, где в ожидании явления народу председателя — красного солнышка уже млеют и томятся его подчиненные.

— Как вы себя чувствуете? — обращается он к аудитории.

— Я чувствую себя здоровым! Я чувствую себя отлично! Я чувствую себя просто великолепно! — хором отвечают страховые агенты.

Эта игра в вопросы и ответы повторяется несколько раз. Наконец, убедившись в здравии и великолепном самочувствии своих подчиненных, председатель Стоун переходит к ПУО.

— Позитивное умственное отношение, — говорит он, — сделало меня таким, каким я есть сейчас. И в этом лучшее доказательство реальности американской мечты. И каждый из вас может повторить мой успех, если будет упорно трудиться, жить в воздержании и внимательно изучать издаваемый мною журнал «Безграничный успех».

Под конец иррауочения председатель Стоун вновь осведомляется:

— Как вы себя чувствуете?

— Я чувствую себя здоровым! Я чувствую себя отлично! Я чувствую себя просто великолепно! — стараются изо всех сил коммивояжеры.

Мистер Стоун доволен. Он застегивает воротничок сорочки, завязывает галстук-бабочку и сует в рот «докастровскую» гавану. Затем на лифте, украшенном плакатом «Если хочешь быть счастливым — будь им!», господин председатель спускается вниз и покидает свой офис. Остальную неделю мистер Стоун посвящает дальнейшему обогащению ПУО, в то время как его 3500 страховых агентов и 23000 держателей акций «Комбайнд иншурэнс компани оф Америка» трудятся в поте лица своего, ради обогащения господина председателя. Опять-таки кесарю кесарево, а богу богово. (Ведь подобное разделение труда вполне в духе коротышки Клема и его «Позитивного умственного отношения к жизни».)

Науки мистера Стоуна питают не только юношей-коммивояжеров. Его филантропическая деятельность распространяется не только на умственно дефективных. Господин председатель с высоты своих четырехсот миллионов долларов проталкивает ПУО в самые сокровенные закоулки вашигтонских коридоров власти. Стоун — крупнейший вкладчик в избирательную казну республиканской партии. (В данном случае — в отличие от фонда помощи умственно дефективным — девиз Стоуна звучит несколько по-иному: «Я помогаю только тем, кто помогает мне».) Во время выборов в Конгресс в 1970 году Стоун истратил около миллиона долларов на

поддержку республиканских кандидатов в сенат. Это он оплатил счета за знаменитые телевизионные выступления республиканских лидеров в Канзасском университете, в которых воспевались законность и порядок и клеймились студенты-бунтари. (Законность и порядок — краеугольные камни ПУО председателя Стоуна.)

В 1972 году мистер Стоун активно финансировал президентскую кампанию «великой старой партии». С ее кандидатом и лидером господина председателя связывали давнишние отношения. Впервые Никсон и Стоун сошлись близко в качестве попечителей «Клуба американских бойскаутов». После поражения Никсона на президентских выборах 1960 года и на губернаторских выборах 1962 года в Калифорнии, когда он намеревался окончательно уйти с политической арены, Стоун настоятельно советовал ему не делать этого. Он даже преподнес Никсону свою книгу «Успех посредством позитивного умственного отношения» с собственноручной дружественной надписью и искренне считает, что она сыграла решающую роль в возвращении Никсона из джунглей Уолл-стрита в покои Белого дома.

Что касается влияния книжки Стоуна на судьбы республиканской партии, то оно, конечно, несколько преувеличено авторским самолюбием господина председателя. Но вот об его чековой книжке этого уже никак не скажешь. В качестве иллюстрации приведу следующий эпизод. После победы на съезде республиканцев в Майами-Бич (1968 год) Никсон специально позвонил Стоуну в Чикаго и спросил верховного жреца ПУО, что он думает о Спиро Агню как о возможном кандидате в вице-президенты. Первая реакция Стоуна не отличалась особой оригинальностью. «Кто такой Спиро?» — осведомился он. Получив ответ, Стоун пришел в восторг, одобрил выбор Никсона, а впоследствии (народ должен знать своих героев) даже издал книгу о жизни и взглядах Агню, столь близких его собственным. «Теперь никто уже не спрашивает: кто такой Спиро?» — горделиво замечал Стоун, впадая по привычке в транс авторского самолюбия.

После победы республиканцев Стоуну был с благодарностью предложен пост министра по делам здравоохранения, образования и социального обеспечения. Пусть, мол, господин председатель распространяет свое «Позитивное умственное отношение», так сказать, на всю Америку — от океана до

океана! Однако господин председатель скромно, но с достоинством отказался от министерского портфеля. Ведь он красное солнышко, а не простой смертный! «Я могу творить добро, даже не будучи членом кабинета,—объяснял Стоун свой отказ.—Когда меня осеняет какая-нибудь плодотворная идея, я просто набираю номер телефона соответствующего министра, по департаменту которого эта идея должна быть претворена в жизнь». Ясно и просто, без бюрократических проволочек и кабинетных прений... И вообще мистер Стоун любит сравнивать себя с покойным финансовым гением Бернардом Барухом, без советов которого не обходился ни один американский президент, правивший на его долгом веку. «Я как Берни. У меня свои каналы связи с Белым домом»,—говорит господин председатель.

Отказавшись от поста министра по делам здравоохранения, образования и социального обеспечения, мистер Стоун тем не менее пристально следит за телесной и духовной чистотой американской нации. Выступая в Иллинойском университете, попечителем которого он изволит быть уже не один год, Стоун призывал «очиститься от скверны левачков — от всех этих «черных пантер» и «студентов за демократическое общество». Только так мы можем перестроить наше образование и превратить обыкновенных американцев в подлинных суперменов!» — патетически восклицал коротышка Клем.

Позитивное умственное отношение господина председателя к проблемам образования, выраженное столь погуверовски, вызвало шумное недовольство аудитории, состоявшей из профессорско-преподавательского состава университета. Красное солнышко зашикали, и ему пришлось покинуть кафедру. Но, прежде чем закатиться, красное солнышко успело бросить во взбудораженное море голов очередной афоризм, окрашенный всеми цветами радуги ПУО: «По-видимому, обучение нации должно начаться с обучения самих учителей».

...Среди ближайших друзей мистера Стоуна числится преподобный доктор Норман Винсент Пил, личный духовник экс-президента Никсона и один из идеологов «американизма». «Старина Клем,—говорит преподобный Пил,—самое совершенное воплощение, самый совершенный продукт американской мечты». Да, старина Клем — это и впрямь то, что доктор Пил прописал. Алтарь в его нью-йоркской церкви «Марбл

коллективит» украшен изречением: «Если ты увидишь кого-нибудь без улыбки, то отдай ему свою». О происхождении этого изречения догадаться не столь трудно. Оно из Библии, но вполне могло бы украсить ПУО председателя Стоуна. Правда, сам председатель этого принципа не придерживается. Увидав в своем офисе неулыбчивое лицо, он, как правило, увольняет его обладателя. Поэтому все вынуждены улыбаться со скрежетом зубным. И господин председатель, видя вокруг столько счастливых лиц (3500 страховых агентов и 23 000 акционеров), воскуряет себе, словно «докастровскую» гавану, фимиам за осуществление американской мечты не на небе, а на нашей грешной земле...

Комедия вознесения

Однако нам пора возвращаться из Чикаго, штат Иллинойс, в Орландо, штат Флорида, из штаб-квартиры Клемента Стоуна в библиотеку Гленна Тарнера, тем более что нас заждались гарвардские профессора-скептики, да и, наверное, читатели тоже. Мы их покинули, если помните, у книжных полок с восьмитомником председателя — «Система успеха, которая никогда не дает осечки». (Автоматические ружья «М-16» в руках солдат из роты лейтенанта Колли в Сонгми тоже не давали осечки. Они били наверняка, точно в цель.)

Над книжными полками во всю стену висел в форме звездно-полосатого флага плакат: «Хелло, ты помнишь меня? Я твой флаг!» Звездочки на флаге, бегущие по полоскам, напоминали перфорированную ленту биржевого телетайпа и прошитую пулями человеческую мишень...

Из библиотеки гостей повели обратным путем в ротонду. Их рассадили вокруг мраморного фонтана, а сверху — с винтовой лестницы — началось сошествие тарнеровской камарильи: бывших ничтожеств, ставших хозяевами жизни в результате позитивного отношения к ней. Джентльмены появлялись один за другим; Тарнер представлял их — имя, фамилия, должность, доходы. Повинуясь мановению руки босса, джентльмены, улыбаясь, исчезали, уступая место следующим. Казалось, Заячья губа демонстрирует цветные слайды, запечатлевшие парад манекенов.

Гости взирали на парад молча; подданные империи Тарнера бешено аплодировали, прыгали, хлопали в ладоши.

— Фантастично! Невероятно! Потрясающе! — орали они. Когда крестный ход с винтовой лестницы закончился, Гленн Тарнер вскочил на два кресла и, с трудом балансируя, стал дирижировать хором своих директоров и вице-президентов:

Thunder! Thunderation!
We're the Turner generation!¹

Затем «тарнеровское поколение» принялось скандировать инициалы Заячьей губы:

— Г. В. Т.! Г. В. Т.! Г. В. Т.!

Аналитические умы из Гарварда со все возрастающим изумлением взирали на это коллективное умопомешательство. Вскоре изумление переросло в неловкость. Аналитические умы, будучи аналитическими умами, внезапно осознали, что наблюдают пародию на самих себя, видят свое жизненное кредо, обнаженное и доведенное до абсурда, видят хамелеона, утратившего способность к мимикрии, если не считать за таковую свинство и обезьянничание.

Когда вакханалия нуворишей, наконец, выдохлась и выплеснулась, словно бутылка теплого шампанского, вперед выступил мистер Ли Бэйли, правая рука Гленна Тарнера, главный юрисконсульт его концерна, член совета директоров «Коскот» и «Смей быть великим», руководитель «Американского института гипноза» и адвокат палача Сонгми капитана Медины.

Мистер Ли Бэйли прочел гарвардским скептикам лекцию, озаглавленную так: «Законные ответвления неортодоксального бизнеса». Суть ее сводилась к элементарным частицам частнособственнического мироздания, вроде: не пойманный — не вор, не обманешь — не продашь, и так далее. Лектор с нескрываемым возмущением описывал хождение по мукам своего великого клиента, которого жаждут упрятать за решетку генеральные прокуроры почти всех штатов Америки, и с нескрываемым восхищением распинаясь о тарнеровских победах над правосудием с его, мистера Ли Бэйли, скромной адвокатской помощью.

— Место Гленна и Эрнеста² не в тюрьме, а на скрижалях истории! — восклицал всеамериканский гипнотизер.

¹ Гром, гром и молния, тысяча чертей!

Мы тарнеровское поколение!

² Имя капитана Медины.

Его ораторские хитросплетения, его «законные ответвления» опутывали аудиторию щупальцами спрута, в тисках которых постепенно исчезала и без того трепетно субтильная разница между неортодоксальным бизнесом и ортодоксальным грабежом. Покончив с методами групповой кастетной хирургии, Ли Бэйли перешел к методам культивирования привычек преуспеяния путем гипноза и самогипноза:

— Все наше общество сверху донизу нуждается в допинге. Деньги — домкрат, поднимающий человеческий дух. Страсть к деньгам — квазигипноз, открывающий людям наивысшую реальность. Когда мы, раздирая горло, орем «ММММОООН-НЕУ!», то это крик новорожденного или вновь обращенного. Этим криком мы заявляем о себе, о своем существовании, о своих мечтах и чаяниях. Кто не думает о деньгах, тот не думает вообще. Деньги — цель и средство, деньги — альфа и омега, деньги — начало и конец. «ММММОООННЕУ!»

Вечер закончился небольшим концертом, который дала рок-группа «Сестры во Христе», подвизающаяся на фирме «Саундкот».

Когда гарвардские аналитические умы ехали в отведенные им номера мотеля «Эдвенчурер инн», из автобусов фирмы «Транскот» несло могучее, хотя и нестройное «ММММОООННЕУ!»

Гипноз подействовал...

На следующее утро обработкой гостей занялся некто Террел Джонс, «серое преосвященство» Тарнера, известный тем, что его IQ — Intelligence quotient, то есть коэффициент умственного развития, уступает только эйнштейновскому. Интеллектуальная глыба пыталась засорить аналитические умы анекдотами из жития Заячьей губы. Но, видимо, за ночь гипноз выветрился из голов гарвардцев, и они попытались заставить Джонса «открыть бухгалтерские книги», как это было обещано им Тарнером. Посыпались вопросы об объеме продукции «Коскота», о его финансовой структуре, о размерах ежедневной выручки, об оборачиваемости оборотных средств, об опте и рознице, о кредитовании и прочей премудрости, которой обучают в гарвардской Школе бизнеса.

Мистер Джонс был неприятно удивлен столь неджентльменским поведением аналитических умов.

— Я не знаю фактов,— сказал он с обидой в голосе.

— А кто знает?

— Не знаю.

— Но нам обещали открыть бухгалтерские книги.

— Я вам о жизни, а вы о книгах.

— Но обещание...

— Я наивно полагал, что вас интересует бизнес, а вы, оказывается, приехали за фактами...

Коэффициент умственного развития мистера Джонса, уступающий только эйнштейновскому, начал закипать возмущением узколобостью аналитических умов, отказывавшихся видеть за чахлыми деревьями бухгалтерии буйный лес позитивного отношения к жизни.

Вопрос о злополучных книгах был вновь поднят на заключительном банкете, устроенном Заячьей губой в честь аналитических умов.

— Вы хотите фактов? Их нет у меня,— с обезоруживающей искренностью провозгласил Тарнер.— Я — гений, создавший империю, а управляют ею эксперты. Факты и цифры по их части. Если они секретничают, значит, так и надо. Им виднее. Но мне виднее иные, более далекие горизонты...

Отхлебнув глоток «кока-колы» — Гленн Тарнер, напомяну, трезвенник, — оратор продолжал.

— Обычно человек работает до шестидесяти пяти лет и, выходя на пенсию, получает именные золотые часы.

Мне сорок лет, на пенсию еще не собираюсь, а именные золотые часы уже имею.

Тарнер закатал левый рукав гранатового пиджака и продемонстрировал публике часы-браслет.

— А знаете, что выгравировано на их крышке? «Гленну В. Тарнеру, величайшему парню на земле, от Глена В. Тарнера, величайшего парня на земле». В этом-то и весь фокус. А вам подавай факты.

«Величайший парень на земле» снял часы, и один из карликов — Грэг обошел с ними стол, демонстрируя надпись аналитическим умишкам и бухгалтерским душонкам из Гарварда.

После десерта в зале погас свет. Началась демонстрация фильма «Мистер Энтузиазм» — о вознесении Гленна Тарнера из грязи в князи. На экране крупным планом маячил «Неудержимый». Он все время купался. В лучах славы, в водах Атлантики, в золоте. Между купаниями «Неудержимый» носился как одержимый. На яхтах, самолетах, автомобилях. Яхты были прекрасные, автомобили — классные, самолеты — частные. Роскошь била в глаза увесистыми кулачи-

щами Мухаммеда Али, швыряя на канаты зависти, алчности, стяжательства. И ужасно хотелось сметь быть великим, хотелось позитивно относиться к жизни своей и негативно — ко всем остальным.

Иногда «мистер Энтузиазм», он же «Неудержимый», он же Заячья губа, не довольствуясь обычным крупным планом, заполнял экран целиком и, раздвигая его рамки, простирал руки в зрительный зал:

— О, как мне хочется исцелять вас от неверия в собственные силы простым прикосновением руки, как это делает Робертс¹. Не разрешайте промывать себе мозги комплексом неполноценности! Слушайте меня! Следуйте за мной! Если я вам дам рыбу, вы будете сыты день. Если я научу вас ловить рыбу, вы будете сыты всю жизнь. Спасение в успехе. Успех в вере...

Крупные планы сменялись общими. Трюкач-оператор пропускал сквозь синеву остекленевших глаз Гленна Тарнера толпы беснующихся людей, жаждавших прикоснуться к целительным язвам парфюмерного Христа. Глазок кинокамеры фиксировал падения и столкновения, разбитые в кровь рожи, орудия: «ММММООННЕУ!» Так бьются о плотину косяки рыб...

Гленн Тарнер поехал в аэропорт провожать гарвардскую компанию. Красно-бело-голубой «Фэлкон фэн», заляпанный иконографией Заячьей губы, распростер могучие крылья над цветником красивейших девушек Орlando. Вспыхнули прожектора, и к микрофону подошел сам.

— Настало время прощаться, — выдохнул он в чувствительную мембрану южнокаролинский прононс. — Многие из вас, конечно, убеждены, что я затеял всю эту поездку в целях рекламы и саморекламы. Хотите — верьте, хотите — нет, но у меня и в мыслях не было паблисити. Притащил я вас ради собственного удовольствия, чтобы показать и доказать эффективность бизнеса, который вы списываете со счетов как химеру. А химера-то процветает! Вот здесь, рядом со мной стоит Клайд Кобб, президент международного филиала фирмы «Смей быть великим». Он — ученый-атомник. Я переманил его у правительства. Клайд разбил вдребезги свою электронно-вычислительную машину, когда она дала отрица-

---

¹ Популярный в Штатах шарлатан, проповедник, «ясновидец» и «врачеватель».

тельный ответ по поводу просперити моего дела. Клайд поверил в меня и оказался прав. Не так ли, Клайд?

Президент международного филиала фирмы «Смей быть великим» с готовностью закивал головой в знак согласия.

Началась церемония прощания. Аналитическим умам были преподнесены подарки: пластинки с записями афоризмов Тарнера «Самосовершенствованию нет предела» и туалетная бумага «Коскот». Так сказать, для души и тела. Кроме того, каждый гарвардец был удостоен поцелуя «мисс Орландо», дышавшей духами Заячьей губы и туманами его философии.

На борту лайнера аналитические умы провели между собой анкету. Первый вопрос гласил: «Этичен или неэтичен фундамент тарнеровского бизнеса?» Тридцать три человека ответили «неэтичен», трое — «этичен», остальные воздержались. Второй вопрос гласил: «Нравится ли вам Тарнер, доверяете ли вы ему?» Все сорок единодушно ответили «да». Наконец, аналитические умы пришли к выводу, что «природный интеллект Тарнера, что бы это ни значило, равен тренированному интеллекту профессора гарвардской Школы бизнеса, кем бы он ни был».

«Фэлкон фэн» алчно пожирал пространство. На его крыльях было распято изображение парфюмерного Христа. Над Америкой разыгрывалась грандиозная комедия вознесения, которому не предшествовало положение во гроб...

Суд с ветерком

Последний день августа 1972 года выдался необычайно жарким. В Сэнфордском аэропорту было нечем дышать. Помощники шерифа округа Пайнлас, вконец раскисшие в ожидании обвиняемого, дули пиво и с тоской поглядывали на небо. Каждые полчаса звонили из Клеаруотера от участкового судьи Холли и осведомлялись: где обвиняемый? Помощники шерифа с тем же вопросом звонили в Орландо. Каждые пятнадцать минут. Из Орландо отвечали, что обвиняемый задерживается и вылетит, как только освободится от множества неотложных дел. Помощники шерифа чертыхались. Чертыхался судья Холли. Жара в Сэнфорде и Клеаруотере становилась нестерпимой. Ожидание тоже.

Обвиняемый прибыл уже под вечер. Его личный самолет подрулил прямо к аэровокзалу. Долгожданный гость был одет в костюм неонового цвета. Из-под брюк торчали ковбойские сапоги, расшитые пестрым бисером. Лицо закрывала широкополая ковбойская шляпа.

— Ну, что ж, поехали? — обратился он к помощникам шерифа.

— Поехали, — мрачно пробурчали помощники. Флоридское солнце выкачало из них милуокское пиво, и оно бурными пятнами выступало на форменных рубашках полицейских, придавая им сходство с леопардами.

Обвиняемый сел в белый «кадиллак». В другом «кадиллаке» зеленого цвета разместились его адвокаты. Помощники шерифа втиснули свои могучие тела в черный «крайслер», включили сирены и мигалки и как бешеные рванулись на «хайвей». Ехали с ветерком. Сто миль, отделявшие Клеаруотер от Сэнфордского аэропорта, были покрыты за час. В город ворвались на полном ходу. Затормозили лишь у здания суда.

Судья Чарльз Р. Холли начал слушание дела, как только ковбойские сапоги обвиняемого переступили порог зала. Он кивнул в сторону прокурора штата Флорида Джеймса Рассела, приглашая его к барьеру. Прокурор тут же поднялся и принялся монотонным голосом зачитывать грехи, которые солнечный штат Флорида ставил в строку обвиняемому. Последний привлекался к ответственности по восьмидесяти шести статьям уголовного кодекса, нарушенным им одна тысяча триста двадцать семь раз. Поэтому чтение обвинительного акта заняло достаточно много времени. Магистрату было скучно. Подсудимому тоже. Магистрат рассматривал бумаги, подсудимый — бисер на своих ковбойских сапогах. Взвод адвокатов зарылся в тома необъятного дела.

Когда прокурор Рассел закончил чтение заупокойной мессы, адвокаты от имени своего подзащитного заявили, что он не считает себя виновным ни по одной статье и ни по одному делу.

— Все это — вончье дерьмо, которое пытается выпихнуть меня из бизнеса, — неожиданно вставил подсудимый, оторвавшись от созерцания пестрого бисера на своих ковбойских сапогах.

Адвокаты не успели предотвратить выпад подзащитного. Магистрат встрепенулся и приплюсовал к восьмидесяти ше-

сти статьям еще одну — неуважение к суду. И тем не менее приговор прозвучал весьма гуманно: сто пятьдесят суток тюремного заключения, то есть менее чем двое суток за статью. Впрочем, преступник пробыл в тюрьме всего сорок пять минут — время, которое понадобилось его адвокатам для внесения и оформления залога в двадцать тысяч долларов.

Обратно в Сэнфордский аэропорт ехали с тем же ветерком и в том же порядке: преступник в белом «кадиллаке», адвокаты в зеленом. Вот только место черного полицейского «крайслера» в кортеже заняли серебристые автобусы, битком набитые представительницами прекрасного пола. Высунувшись из окон, они размахивали флагами и транспарантами, отороченными норковым мехом. «Свободу Гленну Тарнеру!», «Руки прочь от Заячьей губы!» — было выведено на них ядовито-яркой помадой фирмы «Коскот».

Так закончилась первая и последняя попытка Фемиды удерживать «Неудержимого».

На следующий день он издал из своей орландской штаб-квартиры рескрипт-предупреждение: «Если меня не оставят в покое, я расчленю мою империю на пятьсот фирм. Федеральному правительству и властям штатов придется возбудить уголовные дела против каждой из них. Я парализую юридическую систему страны еще невиданным кровопусканием времени и денег. Я задушу ее путами волокиты».

Угроза, видимо, подействовала. От Тарнера отступились. А сам Гленн-Заячья губа продолжает неудержимо наступать широким фронтом.

Главный герой мифологии американизма — разбогатевший бедняк, чистильщик сапог, ставший мультимиллионером, продавец газет, добравшийся до президентского кресла. Короче, селфмейдмен¹. По своим «анкетным данным» Гленн Тарнер выкроен для самой верхотуры долларового Олимпа. Он великолепно сочетает — отчасти интуитивно, отчасти в результате холодного расчета — сантименты былого с ритмами настоящего. Недаром Заячью губу называют «анакронизмом времен тентов Чаттануги», приладившим реактивные моторы к своей телеге, которую раньше тащила пара мулов и с облучка которой он рекламировал свои товары, а когда прогорал — проповедовал слово божье. Любители психоанализа и сюрреализма рисуют Тарнера многоголовой гидрой и

¹ — В прямом переводе — человек, который сам себя сделал.

многоруким бонзой, вобравшим в себя черты евангелиста Билли Санди, железнодорожного магната Эндрю Карнеги, циркового антрепренера Бэрнама и фашиствующего расиста-популиста Хью Лонга.

И тем не менее новейшие издания жития американских святых предпочитают стыдливо замалчивать имя Тарнера. Хрестоматийный герой изымается из букварей свободного предпринимательства. Почему? Теософы американизма утверждают: деньги Заячьей губы пахнут, они не хлорированы респектабельностью, между ним и теми, у кого он отбирает «баки», нет системы фильтров и шлюзов условностей, так, мол, не поступали даже «бароны-разбойники» — два Джона старших — Рокфеллер и Морган.

В этих утверждениях теософов американизма есть большая доля истины. В самом деле, когда тебя грабят Рокфеллеры, ты говоришь: «Меня ободрал как липку «Чейз Манхэттен банк» или «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Когда же тебя грабят «Коскот» или «Смей быть великим», ты возмущаешься: «Этот пройдоха Тарнер залез в мой карман». С первыми ты соприкасаешься через биржу и если горишь, то не один, а, так сказать, в компании. Ты не сетуешь: «Меня обокрали», — ты сокрушаешься: «Я обанкротился». Страдательное начало уступает место невезению, неумению и так далее. Тебе не на кого пенять, кроме как на самого себя. Тарнер, наоборот, вопиющий антипод анонимности. Если Рокфеллеры и Моргань недоступны, как древнеегипетские жрецы, Тарнер, подобно Христу, дает каждому прикоснуться к своим язвам. Первые окружают себя менеджерами, второй — пророками. Первые завлекают вас «народным капитализмом», второй обещает сделать капиталистом лично вас.

И в этом неодолимая сила Заячьей губы, его легендарная неудержимость. Сейчас в Соединенных Штатах более тридцати миллионов человек владеют акциями, а через пенсионные фонды, муниципальные консоли и прочие приводные финансовые ремни — еще шестьдесят миллионов. Но подавляющее большинство американских акционеров не являются капиталистами и не чувствуют себя таковыми — ни элементарными, ни «народными». Если раньше владение акциями создавало иллюзию сопричастности к процветанию, то сейчас оно все чаще ведет к крушению подобных иллюзий. Приобретая акции, Рокфеллером не становишься, разочарованно констатирует человек с улицы. Конечно, нет, охотно поддакивает ему

Гленн Тарнер. Но вот приобретая пай в «Смей быть великим», ты уже вступаешь в землю обетованную. Деньги на бочке, а тем более бочка с деньгами — непровержимый аргумент.

И вот наш хрестоматийный герой, изымаемый из буквarei свободного предпринимательства, возвращается на их страницы, волоча за собой романтический шлейф эпохи «бури и натиска» первоначального накопления, его свинство, но одновременно и кабанью силу, воспетую и проклятую в эпопеях Бальзака и Золя, Драйзера и Синклера.

Гленн Тарнер-Заячья губа лишь кажется карикатурой на капиталистическое общество. В действительности это автопортрет.

ВСЕЛЕНСКОЕ ОХМУРЕНИЕ

Бальный зал набит до отказа людьми. Молодые и старые. Черные и белые. Последних намного больше. Некоторые с палками, на костылях. Трое даже в ортопедических креслах. На возвышенности, где обычно располагается джаз, одинокая фигура человека, которого мы условно назовем «затейником». Музыка нет. Танцев не предполагается. Пляска святого Вита не в счет...

На календаре — последний месяц 1977 года. Время торжества разума и прогресса. В небе — космические станции, спутники, ракеты. В циклотронах и синхрофазотронах — взятые в плен неуловимые доселе элементарные частицы мироздания. Светофорами будущего мигают компьютеры. В биологических лабораториях, подобно увеличенным под электронным микроскопом кристалликам льда, макеты молекул кислот и белков, в которых закодирована разгадка происхождения жизни. А здесь в бальном зале время словно остановилось, словно кто-то перекрыл песочные часы на раннем средневековье, придушил их стеклянные половинки незримой петлей мракобесия.

— Концентрированными кругами стройсь! — командует с эстрады «затейник».

Люди безмолвно повинуются, образуя круги, повидимому, концентрические.

— О'кэй, а теперь начинайте двигаться в противоположном направлении. Быстрее! Быстрее! Натякайтесь друг на друга! Толкайте друг друга! В спину, в грудь, в бока!

Крутится людской хоровод. Толкотня, как в метро в часы пик, как в американском футболе в момент ввода в игру яйцеобразного мяча. «Затейник» на эстраде задает темп.

— Быстрее! Быстрее! А теперь уберите руки. Сталкивайтесь исключительно телами!

Люди повинуются. Сталкиваются. Исключительно телами. Одни при этом виновато, смущенно улыбаются, но сталкиваются. Другие хмурятся, отводят глаза, но тоже сталкиваются. Летят на паркет палки и костыли. Вот калека в ортопедическом кресле откатился к стене, но двое других продолжают вращаться в вихре сталкивающихся человеческих тел, обладатели которых начинают постепенно терять человеческий облик.

— Помните, помните все время, что вы единственные хозяева ваших поступков. Никто вас не принуждает. Делайте только то, что вам хочется! — командует «затейник» с эстрады.

«Хозяева своих поступков» продолжают бессмысленную толкотню. Впрочем, не совсем бессмысленную. Вскоре в ней выявляется определенная закономерность. Наиболее сильные или нахальные завладевают центром бального зала. Те, что послабее и поскромнее, выпадают из хоровода и жмутся по углам.

Наконец «затейник» объявляет передышку. Все участники хоровода — сильные и слабые, нахальные и скромные — садятся на пол, по-восточному поджав под себя ноги. Калеки в ортопедических креслах впервые возвышаются над толпой. Впервые здоровые люди у их парализованных ног.

— Закройте глаза и постарайтесь дотронуться до лица ближайшего к вам человека! — Это голос «затейника» с эстрады.

Люди послушно закрывают глаза, словно дети, которых насильно уложили спать, и истово тычут руками в лицо ближнего, словно слепые, ощупывающие незнакомца, но только неумело, а потому грубо.

Передышка кончилась. В качестве разминки перед следующим сеансом «затейник» предлагает собравшимся прыгать и кричать.

— Прыгайте как можно выше. Кричите как можно громче. И помните все время, что вы единственные хозяева ваших поступков. Никто вас не принуждает. Делайте только то, что вам хочется. А теперь начинайте прыгать и кричать. Выше — громче! Выше — громче! Выше — громче!

Паркет бального зала сотрясается под ногами беснующихся обладателей «свободной воли». Даже калеки пытаются катапультировать к люстрам из своих ортопедических кресел.

После разминки «затейник» разбивает толпу на небольшие группы. В каждой группе по десять человек. Они выстраиваются в одну линию — затылок в затылок. «Затейник» объясняет задание и правила:

— Первый в линии — лидер, последний — замыкающий. Если место, которое вы занимаете в шеренге, вам покажется недостаточным, несправедливым, то вы можете передвинуться вперед настолько, насколько это вам необходимо. Если вы считаете, что ваше место во главе шеренги, сместите лидера. Если вы не в состоянии бороться за свое место в шеренге, отойдите в сторонку. Если же это место вас удовлетворяет, оставайтесь на нем, но имейте в виду, что, быть может, кто-нибудь уже покушается на него. И все время помните, что вы единственные хозяева ваших поступков. Никто вас не принуждает. Делайте только то, что вам хочется.

И вот дается старт гонке с преследованием и выбыванием одновременно. Оттого, что эта гонка, по сути дела, бег на месте, она принимает еще более ожесточенный характер. После некоторого замешательства, вызванного, видимо, чувством неловкости, люди начинают заявлять свое право на место в жизни, то есть в данном случае пока что в шеренге. Первым встрепенулся замыкающий. Естественно, никому не хочется быть последним. Он осторожно, но настойчиво пытается поменяться местами с предпоследним. Цель, как видите, скромная. Однако предпоследний упирается. Место, которое он занимает, ему пока что нравится. В напряженном ожидании скривил шею лидер. Кто покусится на его главенствующую роль?

Единственным из шеренги выхожу я. Но у меня на это свои, чисто профессиональные причины. Я не участник игры, а ведущий репортаж. А со стороны виднее. Виднее, как, казалось бы, нормальные люди в течение каких-то нескольких секунд преобразуются в неандертальцев. Сжатые губы,

ходящие ходуном желваки и кадыки, насупленные брови, недобрые глаза, сведенные скулы. Идет напряженная борьба за место под солнцем, то есть в данном случае пока что под хрустальной люстрой бального зала. Напряжение борьбы чувствуется тем более, что она происходит в полном молчании. Люди не говорят, не кричат, а только сопят, кряхтят, прерывисто дышат. Здесь в борьбе за место нет места уважению к полу, возрасту. Молодые толкают стариков, мужчины выпихивают женщин. Впрочем, и те не остаются в долгу.

Быть может, они охвачены спортивным азартом? Нет, это совсем другое. Когда фордовский завод в Дирборне объявляет набор двадцати механиков, а их к заводским воротам стекается две тысячи, то людьми движет не спортивный азарт. Когда с галереи для зрителей на нью-йоркской фондовой бирже наблюдаешь за похжей на броуновское движение мельтешней маклеров и брокеров, то их подогревает отнюдь не спортивный азарт. Древняя поговорка «человек человеку волк» еще никогда не была девизом столь же древних Олимпийских игр. Игрище в бальном зале — отвратительный, отталкивающий экзерсис социального дарвинизма. Оно не проявление, а подавление свободной воли обществом «свободного предпринимательства»...

Репортаж из бального зала в Вашингтоне — рассказ о сеансе массовой лжепсихотерапии, которую практикует некий Вильям Шульц в основанном им институте под названием «Эзелин». И он не одинок, этот пройдоха Шульц, профессиональный эксплуататор всевозможных человеческих пороков, врожденных и благоприобретенных.

Как грибы после дождя плодятся в Соединенных Штатах всевозможные институты и школы, течения и фонды, призванные, по едкому замечанию одного местного публициста, «массировать комплекс неполноценности среднего американца». Массирующим и обдирающим несть числа. Чего стоят одни только их наименования: «Арика», «Сайентология», «Синэнон», «Центр ресурсов хорошего самочувствия», «Институт развития гармонической человеческой личности», «Дотронься и стань здоровым», «Институт духовного массажа», «Гештальт институт», «Трансцендентальная медитация», «Трансакциональный анализ», «Биоэнергетический институт», «Биообратное питание», «Консультация по переоценкам ценностей», «Фельденкрайс», «Иридология», «Сюфис»,

«Сикхе»... Девяносто девять процентов шарлатанства и один процент наукообразия — таков нехитрый рецепт функционирования всех этих «институтов». (Пока я пишу, из Филадельфии сообщают, что некий дантист-гипнотизер открыл «Институт грезотерапии», а «Институт Дейла Карнеги» объявил набор на курсы «групповой терапии взаимных исповедей».)

Какое это удручающее, отталкивающее, унижительное и одновременно поучительное зрелище: американский гигант, опрокинутый на кушетку шарлатана-психоаналитика, поверженный на ковер самозваного восточного пророка-гуру властной и цепкой рукою страха, силой отчужденности, атмосферой антигуманизма. Почти в каждом американском городе, да что там городе — деревне, в особенности на тихоокеанском побережье, невидимые университеты предлагают неслыханные курсы, которые посещают невиданное количество людей. Курсы «глобальной иглотерапии» — искатели «смысла жизни» взбираются на горы и вонзают в землю иглы и спицы. Курсы «ангелических проповедей», на которых преподают, как «фокусировать свет души для перестройки Земли». Курсы «психического дзюдо», «философского камня», «учения Дон-Жуана», «искусства умирания», «астрального существования», «Тарот», «И чин», «эволюции стиля жизни», «священной медицины», «фундаменталистов процветания», «актуализации», «автогеники», «йоги поляризации»... Уф! Так можно продолжать до бесконечности.

При желании, что не столь уж трудно, из одних только названий «институтов» и «курсов» можно выложить мозаику, довольно точно отражающую состояние умов или, вернее, брожение безумия в современной Америке.

«Институты» не знают отбоя от студентов, «курсы» — от слушателей. Бизнес шарлатанов располагает неисчерпаемым резервуаром человеческих страданий и человеческого невежества.

Вот некоторые данные из предварительного доклада комиссий по психическим заболеваниям, представленного недавно президенту Картеру. (Почетным председателем комиссии является супруга президента — госпожа Розалин Картер.) Согласно обследованиям, проведенным комиссией, около тридцати миллионов американцев нуждаются в той или иной форме психиатрического лечения. «Проблемы психической гигиены в США не ограничиваются теми, кто страдает душевными болезнями, — говорится в докладе. — Они охватывают и

тех американцев, которые страдают от алкоголизма и наркомании, социального одиночества и нищеты, дискриминации, депрессии, страха, короче, всего того, что ведет к эмоциональным потрясениям».

Согласно вышеупомянутому докладу, около 15 процентов детей школьного возраста, то есть 8,1 миллиона из 54 миллионов, нуждаются в лечении от тех или иных нервных заболеваний. На каждом данном отрезке времени одна четверть всего населения страны находится под эмоциональными стрессами, вызывающими депрессию и страхи различных степеней. По крайней мере один процент населения страдает явно выраженным депрессивным психозом. Два миллиона человек больны шизофренией. В докладе содержится признание того, что «в данный момент не существует тщательно разработанной и организованной национальной стратегии для борьбы по предотвращению распространения психических заболеваний». (Природа социально-психологических феноменов тоже не терпит пустоты, и ее успешно заполняют шарлатаны от науки и религии.) По словам госпожи Картер, «положение в стране в области психических заболеваний граничит с национальным позором... Психические болезни затрагивают буквально каждую семью... Буквально каждый человек испытывает какие-то затруднения в этой области».

Да, ничего не скажешь, армии потенциальных рекрутов для «институтов» и «курсов» вроде «Эзелина» пройдохи Шульца неисчислимы. Они тем более неисчислимы, что в ногу с человеческим страданием и, даже опережая его, шагает человеческое невежество, причем и то и другое имеют глубокие социальные корни, которые не вырвать никаким дантистам, занимающимся «грезотерапией», не заговорить никаким гипнотизерам, занимающимся «трансцендентальной медитацией». Скорее, наоборот. Они объективно еще более углубляют эти корни, одновременно паразитируя на их гнилости.

Человеческое невежество... Познакомьтесь с ведущим курс «философского камня» и одновременно создателем теории «пирамидальной власти» мистером Патриком Флэнигеном. На своей последней пресс-конференции этот пророк «технотронной алхимии» заявил, что вживил в свое тело пятнадцать золотых игл ценою в одну тысячу долларов и тем самым обрел бессмертие. Трудно сказать, врал или нет «пророк» насчет золотых иголок. Если нет, то они, конечно

же, окажутся единственно бессмертными частицами его в общем-то брэнного тела; ибо золото не поддается коррозии.

Но меня в заявлении мистера Флэннигена привлекло иное — точная цена иглол. Оказывается, бессмертие тоже товар и сравнительно не столь уж дорогой. Всего одна тысяча долларов. Так что его вполне можно приобрести. Мистеру Флэннигену нельзя отказать в тонком знании психологии американца. Такие практические, «смертные» категории, как товар, цена, ярлык, преЙскурант, помогают ему поверить в реальную возможность бессмертия, причем не через сомнительные религиозные очищения и страдания, а через осязаемое страдание, вызванное вживлением пятнадцати золотых игл ценою в одну тысячу долларов. И даже если достижение бессмертия проблематично, здоровое, практичное помещение капитала налицо. Ведь доллары обесцениваются, а золото нет. И бандиту будет много труднее ограбить тебя. Ведь согласи-тесь, вырвать иголку из мяса, затерявшуюся, как иголка в стоге сена, куда сложнее, чем кошелек из кармана или сумку из рук. И счастливый обладатель золотых игл, не чувствуя уколов совести, может с гордостью сказать: «Все мое ношу с собой».

Человеческое невежество... Оно все чаще кутается в одежды наукообразия, перемалывая в своих чудовищных жерновах последние достижения физики, химии, астрономии, психологии и других дисциплин. Оно не только совращает одолеваемого всевозможными страхами рядового американца. Оно развращает саму науку. Некоторые вполне респектабельные научные учреждения, смекнув, что золотые иголки в теле приносят куда более осязаемую прибыль, чем истины в черепной коробке, переквалифицировались на такие предметы, как левитация, парапсихология, астрология. Вместо разгадок тайн жизни они бьются над разгадкой тайны Бермудского треугольника. Вместо поисков путей борьбы с нищетой и голодом они заняты поисками «летающих тарелок» и Ноева ковчега. Оно и прибыльнее, и поспокойнее. За бурями, бушующими в зоне Бермудского треугольника, приглушаются звуки социальных бурь. Задрав голову к небу в поисках «летающих тарелок», человек не видит, что происходит у него под ногами, какую похлебку вливают в его бескрылую миску. Поиски мифического Ноева ковчега отвлекают его от мыслей о всемирном социальном и термоядерном потоке, о втором пришествии не по библии.

Тщетно «Ассоциация американских гуманистов» и «Комитет по научному расследованию паранормальных эффектов» борются против так называемых «вирулентных программ опасных сект». Последние по-прежнему процветают, загоня золотые иголки себе под кожу и невежественные бредни, перемешанные с социальными депрессантами, в головы американцев.

Человеческое невежество... Это оно породило, будучи само, в свою очередь, порождением вполне определенной социальной среды, отталкивающих по существу, но привлекательных по форме мутантов-кентавров: дуэты, состоящие из шарлатанов и ученых. Первые ослепляют аудиторию своими трюками и фокусами, вторые — своими научными степенями и академической респектабельностью. Первые вроде, например, небезызвестного Ури Геллера «останавливают» часы и «стибают» столовые ложки при помощи взгляда. Другие стараются придать этим трюкам «научную достоверность», бросая на чашу весов свой авторитет. Впрочем, есть у кентавров «шарлатан-ученый» и социальная сверхзадача. Они пытаются помочь власть имущим остановить часы истории и согнуть в бараний рог инакомыслящих. Я не хочу упрощать. Не все делают это осмысленно, по прямому приказу свыше. Но результат от этого не меняется. Ведь благие намерения курильщика не отражаются на действии опиума.

Человеческое невежество... Беглый репортаж с курсов института «Фельденкрайс». Класс по урокам «нахождения своей лучшей половины (не супружеской) и преодоления раздвоения личности». Четыре человека — трое мужчин и одна женщина — лежат на полу. Инструктор командует:

— Повернитесь на левый бок. Хорошо. А теперь достаньте правой рукой через голову до пола. Так. Продолжайте водить ею вокруг головы, как циркулем.

Через несколько минут люди по команде встают на ноги. Инструктор с самым серьезным видом осведомляется, не испытывают ли они в левом боку отличное от правого ощущение? Люди, отлежавшие левый бок на твердом полу, естественно, подтверждают эту эвристическую догадку.

— Так вот, — глубокомысленно заключает инструктор, — та сторона тела, которая чувствует себя лучше, содержит ваше подлинное «я».

Потерянная личность вновь обретает самую себя. Раздвоения, которое долгое время преследовало и терзало ее, как не бывало...

А это краткий диалог между учителем и ученицей на курсах «И чин» — древнекитайской галиматии, приспособленной для ультрасовременного американского образа жизни.

— Как только меня начинают одолевать проблемы, я прибегаю к мудрости «И чин», — говорит учитель. — Я беру три центовых монеты, черчу шестиугольник, а затем ищу в книге ответы.

— А что, если, задав дважды один и тот же вопрос, вы получите разные ответы? — спрашивает ученица, видимо, еще не полностью утратившая способность мыслить критически, во всяком случае, сомневаться.

— Что же, это вполне понятно. Ведь время не стоит на месте. Даже если между первым и вторым вопросом прошло всего несколько секунд, мир уже успел неузнаваемо измениться. Звезды в небе заняли новые позиции, и вы превратились в совершенно иную личность.

— О, — выдавливает из себя потрясенная мудростью «И чин» ученица...

Фокус с тремя центами стоит 18 долларов за сеанс. Но это розничная цена расхожей мудрости, так сказать, ширпотреб. Двухнедельный курс очковитирательства в «Центре ресурсов хорошего самочувствия» стоит уже 1200 долларов. Еще более поразительные вещи за еще более поразительные цены творятся на курсах «тренировки процветания» некоего Лео Саншайна. Он лечит своих пациентов диетой. Люди жуют... долларовые ассигнации! Цена каждого завтрака 250 долларов, разумеется, не считая изжеванные. Цена месячного курса 35 тысяч долларов! Неудивительно, что сам Лео Саншайн (в переводе на русский его фамилия означает «солнечный свет»), тренируя жвачные человеческие существа, процветает.

«Тренировка процветания» — четырехдневный изнурительный марафон идиотства, прерываемый лишь краткими паузами приема пищи и походов в туалет. «Слушатели» или, вернее, жвачные, делятся на две основные категории, по принципу «как в жизни»: на тех, у кого много денег, и на тех, у кого их нет. Первые приходят к Саншайну, чтобы излечиться от «комплекса вины», вторые, чтобы научиться зарабатывать деньги. Денежным «нехлюдовым» Саншайн прописывает

танцы под песенки о деньгах, трюк с самовнушением, в результате которого вам начинает казаться, что ваш подол наполняется кучей долларовых бумажек, и, наконец, апофеоз—жевание самих ассигнаций, уже не кажущихся, а всамделишных.

— Сначала мне было противно. Я представлял все те места, где побывали эти бумажки, все руки, через которые они прошли. Но в процессе жевания они все больше начинали походить на кусочек дерева. Я думаю, это помогает изменять ваше представление о деньгах. Во всяком случае, лично я чувствую себя куда меньше виновным, когда трачу деньги, чем это было раньше,— говорит один из исцелившихся нехлюдовых — парфюмерный коммивояжер Руби Бюкэнен.

Курс «для бедных» предусматривает «игру в наклеивание» и тренировку чувства превосходства. Игра состоит в следующем. Вам дают так называемую «карту сокровищ», и вы клеиваете в нее картинки предметов роскоши, которые вам хотелось бы иметь. Для тренировки чувства превосходства курсанты разбираются на пары, которые непрерывно, как дровиши, заговаривают друг друга магической формулой: «Ты слабак, ты слабак, ты чертовский слабак!»

Сам Лео Саншайн, изобретатель «тренировок процветания», отнюдь не слабак. Это молодой атлетического сложения мужик. Когда-то его звали Брайаном Мэрфи, и занимался он торговлей драгоценностями в Окленде, штат Калифорния. Кроме того, Мэрфи инвестировал свои сбережения в акции компаний, добывающих золото и серебро. Мэрфи разбогател и поумнел, а поумнев, решил зарабатывать ювелирной обработкой не камней, а людей и инвестировать свои капиталы не в золотые и серебряные копи, а в человеческую глупость, которая в отличие от первых неистощима и не требует особых усилий по глубинному бурению. Поменяв фамилию и профессию, старина Лео не прогадал.

— Богатство — это естественное состояние, — вещает Саншайн. — Я пытаюсь преподавать азы процветания тем, кто хотел бы избавиться от комплексов собственной ограниченности и табу должностования, скрывающих наше созидательное начало. Деньги — духовная субстанция. Они представляют космическую энергию и существуют только в вашем сознании.

Разумеется, сам Саншайн предпочитает деньги, существующие не в его сознании, а лежащие на его счету в банке.

Отсюда астрономические или, говоря словами саншайновских проповедей, космические цены «тренировок процветания».

Сам Саншайн проводит сеансы «деньготерапии» с помощью куклы под названием Эль Протекто, которая все время полемизирует с ним, как бы олицетворяя голос сомнения, свивший гнездо внутри каждого из нас и предательски нашептывающий, что нам не преуспеть. В своей полемике с Эль Протекто Саншайн кладет на обе лопатки марионетку. Но подлинные поверженные марионетки — это оболваненные им люди.

Вселенское охмурение американца, чеканка звонкой монеты из его неустроенности и невежества, из его страхов и предрассудков, из его несбалансированного бюджета и еще более несбалансированной психики — гигантский бизнес в современных Соединенных Штатах. «Институты» и «фонды» грабят доверчивых и очно и заочно. Очно в своих стенах, заочно через громадное издательское дело. Литература, выходящая из-под пера пророков-шарлатанов, буквально наводняет книжный рынок Америки.

Даже шапочное знакомство с этого сорта литературой весьма поучительно, во всяком случае не менее чем с вывесками «институтов» или «курсов». Попадись она через несколько столетий в руки какого-нибудь Кювье от социологии или философии, он, несомненно, с микронной точностью воссоздаст картину нравов Америки 70-х годов, в которой царили волчья конкуренция и животный страх. Вот некоторые заголовки новоиспеченных библий общества насилия, ставших бестселлерами: «Я о'кэй, ты о'кэй», «Как побеждать с помощью угрозы», «В погоне за первым номером», «Довольно метаться в страхе», «Как стать своим собственным лучшим другом», «Созидательная агрессивность» и, наконец, коротко и ясно — «Даешь власть!». Каждое евангелие этих ширпотребных библий толкует о том, как получше растолкать локтями соперников и побыстрее взобраться или на кучу долларов, или на пирамиду власти, или на то и другое вместе. По существу, об этом же трактуют и ставшие уже классическими такие энциклопедии американского образа жизни, как «позитивное мышление» Нормана Винсента Пила и «Как приобретать друзей» Дейла Карнеги. Статистика свидетельствует, что на каждые двадцать жителей страны приходится по одной из этих книг. А в общем издание подобного рода литературы приносит ежегодно один миллиард долларов чистой прибыли.

Часто задают вопрос: как это американцы, славящиеся своим практицизмом и здравым смыслом, попадают в столь грубо расставленные сети, клюют на столь дешевую наживку? Как это американцы, привыкшие беречь каждый цент, швыряют доллары под ноги пройдохам-шарлатанам? Некоторые социологи считают, что именно хваленый практицизм как раз и подводит американца. Прирученный традиционно к мысли о существовании формулы успеха, причем не сложной, а элементарной, американец чуть ли не с колыбели запрограммирован на ее поиск. Он требует, чуть ли не стуча ногами, чтобы ему подали простой, как мычание, однозначный ответ на гамлетовский вопрос о смысле жизни и тем более на такие «тривиальные» вопросы, как стать богатым, сильным и счастливым. Готовых рецептов на эти вопросы, разумеется, нет. И вот образовавшийся вакуум алчно заполняют проходимцы вроде Шульца с его «Эзелином». А подлинным хозяевам жизни в современной Америке это лишь на руку, ибо отвлекает «толпу» от подлинного поиска смысла жизни.

В самом деле, куда безопаснее и безвреднее, когда вместо алгебры классовой борьбы американцу предлагают считалку-арифметику, скажем, некоего Стивена Уэста. Этот субъект утверждает, что стал мультимиллионером за 36 месяцев, именно за 36 месяцев, а не за три года. (Психологически годы звучат и кажутся длиннее месяцев.) Более того, Уэст берет за научить своему секрету мгновенного обогащения любого и каждого, кто не поскупится прислать ему чек на 9 долларов и 95 центов, именно 9 долларов 95 центов, а не десять долларов. (И здесь ставка на психологию.) За эту сумму искатель легкой формулы успеха получает еще одну библию-евангелие от Стивена Уэста «Как жить подобно миллионеру». «Я провел исследование жизни многих удачливых миллионеров, таких, как Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны, Гетти,— пишет Уэст.— Читая книгу за книгой, я понял, что миллионеры — не какие-нибудь гиганты мысли, а такие же простые парни, как я. Просто они овладели формулой успеха и богатства». Не правда ли, как все просто?

Но и это еще не все. Уэст утверждает, что он знает «сверхсекрет», говоря его словами, «как в течение тридцати дней достичь полного успеха и жить подобно миллионеру на обычный заработок». Он сулит бесплатные «кадиллаки» и роскошные квартиры, шумную рекламу в печати и директорские посты в компаниях и фирмах. Наконец, нокаутирующее:

«Если мой материал вас не удовлетворил, то можете получить деньги обратно в течение одного года».

Ну, как тут не капитулировать, не клонуть, не рискнуть! Зачем бастовать месяцами, добиваясь жалкого повышения зарплаты, когда можно зажить миллионером в течение каких-нибудь тридцати дней? (Именно тридцати дней, а не одного месяца. Психологически дни звучат и кажутся короче месяцев.) Зачем пытаться переустроить общество, искоренять несправедливость, гнет, эксплуатацию? Зачем штудировать «Библию» Маркса, когда есть библия Уэста? И вот в адрес Стивена Уэста — 376 Вяддана-авеню, город Северный Вавилон, штат Нью-Йорк — широким потоком текут чеки и доллары. Стивен наживает на этом вавилонском столпотворении искателей легкого пути к успеху и счастью. Что же касается его клиентуры, то она не может даже произнести полагающееся в подобных ситуациях заклинание: «Деньги обратно!» Ведь год еще только-только начинается. А через год неизвестно еще, что будет. Уэст исчезнет, скроется, и его место займут другие «преподаватели арифметики».

«Библия», содержащая столь милые сердцу американца односложные ответы на гамлетовские вопросы, как правило, заканчиваются такими фразами-заклинаниями: «Это случилось со мной, это может случиться и с тобой». Или: «Если я мог сделать это, почему не можешь сделать это и ты?» Или, наконец: «Это можно свершить, это уже свершали, и ты тоже свершишь это!» И вот обнадуженный и оболваненный американец начинает послушно, как овечка, жевать долларовые ассигнации, укладываться на левый бок в поисках своей «лучшей половины», носиться как угорелый по команде «затейников» из заведения дядюшки Шульца.

— Страстное желание заполучить одновременно простую и магическую формулу успеха делает американца на удивление доверчивым, — говорит мне один социолог из Джорджтаунского университета в Вашингтоне. — Он согласен получить эту формулу от зеленых человечков, прибывших на «летающих тарелках», от «снежного человека», от чудовища Лох-Несс, от черта и дьявола, короче, от кого угодно...

Мой собеседник на мгновение замолкает, а затем продолжает:

— И, конечно, страх... Страх стать жертвой делает американца агрессивным. Страх быть отвергнутым делает его замкнутым и холодным. Страх обнищания делает его жадным. И так далее... Вы меня понимаете?

Отчасти да. Если, конечно, оговорить, что страх, как и погоня за простой формулой успеха, является побочным, вторичным продуктом общественного бытия, имя которому в данном случае американский образ жизни.

...Курсы «Тай чи». Инструктор в спортивном трико обучает «смыслу жизни» группу американцев. Их набилось в зале человек сорок—пятьдесят.

— Пожалуйста, не пытайтесь повторять за мной, а лишь внимательно следите.

Инструктор делает не бог весть что. Он поднимает руки до уровня плеч, разводя их в стороны, и медленно опускает, прижимая к бедрам. Кое-кто, не выдержав, следует его примеру.

— Нет, нет, прекратите. Это лишь на первый взгляд кажется так просто.—Инструктор сострадательно улыбается.—Мой учитель затратил несколько лет, чтобы овладеть этим единственным упражнением, а я и того больше. А для изучения всех движений по «Тай чи» не хватит и целой человеческой жизни.

Ученики глядят на него глазами, полными отчаяния.

Здесь и впрямь есть отчего рукам опуститься...

Вашингтон
1977 г.

Голубое, красное и черное

Как известно, медицинские препараты до того, как их начинают применять в больницах и продавать в аптеках, испытываются на подопытных животных — бедных, но верно послуживших и продолжающих служить человечеству морских свинок, кроликах, мышках, собаках и, наконец, обезьянах. Однако то, что подходит для медицины, не подходит для телевидения. Телевизиончики — прошу прощения за этот неуклюжий неологизм — не могут следовать примеру эскулапов. Бессмысленно обкатывать программы и шоу на кроликах и морских свинок. Даже высокоинтеллектуальные собаки и обезьяны, почтенно величаемые приматами, не пригодны для этих целей...

Однажды мне довелось быть подопытным — не будем уточнять, каким именно, — животным для американского те-

левидения. Крупнейшая телекомпания Эн-би-си обкатывала новые рекламные ролики, чтобы отобрать из них наиболее эффективные. Приглашение принять участие в эксперименте я получил не в качестве журналиста, а просто так — в лотерейном порядке. Оно по воле случая оказалось в моем почтовом ящике. (Устроители подобных экспериментов рассылают приглашения, пользуясь телефонной книгой, выбирая своих свинок и кроликов, так сказать, наугад.) Вместо морковки приглашение сулило шариковую ручку.

Репортер по долгу службы обязан менять профессию. Это стало настолько аксиоматичным, что даже породило соответствующую рубрику. Так вот, я решил превратиться на время в павловскую собаку, а честно заработанной шариковой ручкой описать мои подопытные переживания.

Эксперимент проходил в одном из крупнейших театров на Бродвее. Театр был в простое. Мюзикл, который в нем показывали, прогорел, и владелец с радостью сдал зал в аренду. Народу набилось масса. Не думаю, что причиной тому были шариковые ручки. Просто иногда человеку хочется побывать в шкуре своих предтеч. К тому же без угрозы для здоровья и с полной гарантией возвращения своего обычного человеческого облика. (Последнее, как мы увидим впоследствии, опасное заблуждение.)

Когда все мы — кролики, свинки, мыши, собаки, обезьяны — расселись по местам, нам раздали обещанные шариковые ручки и кипу анкет, размеры которых привели бы в ужас даже наших издавших виды кадровиков. На сцену вышел весьма благообразный джентльмен и довольно пространно, но четко объяснил нам, что от нас требуется. Я не буду столь пространен, но постараюсь быть столь же четким. Нам предстояло просмотреть десять рекламных роликов, а затем отметить в анкетах наиболее запомнившиеся ситуации, слова, лица — мужские и женские, — предметы — питания, домашнего обихода — и так далее. Рекомендовалось также отметить наиболее понравившийся цвет, линию одежды, косметические аксессуары, прически...

Откровенно говоря, вслушиваясь в пояснения весьма благообразного джентльмена и оглядывая своих случайных собратьев по эксперименту, я думал, что все они или, во всяком случае, большинство поступят так же, как и я, — выбросят анкеты в мусорные корзины или сунут их под сиденья. Но весьма благообразный джентльмен, видимо, знал

человеческую натуру вдоль и поперек, во всех ее измерениях или, как любят выражаться эрудиты, ипостасях.

— Те зрители, которые сдадут свои анкеты заполненными перед выходом билетерам, получают еще одну дополнительную шариковую ручку! — возвестил он, заканчивая свой инструктаж.

И вот многие мои соседи, только что выбросившие анкеты, стремглав полезли за ними. Количество, как известно, переходит в качество...

Эксперимент, участником которого мне довелось быть, явление вполне рядовое для американского телевидения. Подобные эксперименты проводятся регулярно. Они разнообразны по форме, но одинаковы по содержанию: хозяева голубых экранов снимают, если можно так выразиться, психологическую электрокардиограмму своей будущей клиентуры. Но вот что любопытно — делается это не для изучения вкусов телезрителей, а для навязывания им таковых, будь то в форме идей или товаров. Собственно, ведь идеи тоже товар.

Программы американских телевизионных компаний весьма изобретательны. Они рассчитаны буквально на все слои общества, на все возрасты, учитывают географию, этнографию, национальные и расовые особенности — ведь чистокровного американца не существует, он фигурирует лишь в статистических данных, не более. Телевизионных компаний в Соединенных Штатах хоть пруд пруди.

Каналов там больше, чем на Марсе. И функционируют они, по сути дела, круглосуточно. Вы можете включить свой телевизор в любое время дня и ночи, и, будьте уверены, на каком-нибудь из бесчисленных каналов что-то будет происходить: кто-то кого-то будет убивать или любить, продавать или покупать, развлекать или завлекать.

Мы очень много пишем о насилии и сексе в американском телевидении. Насилия и секса в американском телевидении и впрямь хоть отбавляй, хотя в этом отношении оно все еще уступает пальму первенства кинематографу. Но мы очень мало пишем о другом компоненте, занимающем, я не побоюсь сказать, основное место в меню голубого экрана Америки, — мещанстве. Разумеется, пандиты голубого экрана вписывают мещанство в свое меню под совершенно иным названием — американский образ жизни и подают его под совершенно иным соусом — «Американская мечта». (Это не описка. Именно с большой буквы.) Никто не знает точно — социологи

спорят об этом до хрипоты в горле — сколько именно преступлений совершается в США под влиянием гангстерских фильмов, ковбойских лент, детективных серий. Но если говорить об ущербе, который наносит американской нации телевидение, то никакие гангстерские фильмы, ковбойские ленты и детективные серии не могут сравниться с так называемыми «мыльными операми». Мыло этих опер страшнее любого кольта любого калибра. Последний по крайней мере гарантирует тебе мгновенную смерть и — в некоторых случаях — шанс умереть человеком. Первое постоянно, изо дня в день, смывает с тебя все человеческое.

Что такое «мыльная опера»? Это, как правило, сюжет «из жизни», который разрабатывается в форме многосерийного фильма, длящегося иногда годы, а то и десятилетия в зависимости от успеха у зрителей и рекламодателей. Рамки для «мыльной оперы» выбираются с таким расчетом, чтобы они накладывались на ситуации, приближенные к реальной действительности, и одновременно позволяли бы вводить в игру и выводить из нее как можно больше персонажей: например, «мыльная опера» из жизни врачей — к ним могут приходиться пациенты в любом количестве и качестве.

«Мыльная опера» никогда не затягивает вас в глубины человеческих трагедий, но она и не катапультирует вас в заоблачные выси «сладкой жизни». У «мыльной оперы» свои правила игры. Так, в ней не могут участвовать миллионеры. Почему? Разве стать миллионером не самая заветная мечта американца? Разумеется. Но миллионеров в Америке кучка, а телевидение в Америке смотрят миллионы. Многосерийные фильмы «из жизни миллионеров» могут привести к тому, что зритель в конце концов отчетливо поймет недостижимость своей мечты — голубой, принимая во внимание распространение цветного телевидения. А это его ожесточит. Тщетность может перерасти в зависть, а зависть, чего доброго, в ненависть.

Герои «мыльной оперы» — это затрепанно-пресловутые «простые люди», «средние американцы». Те же врачи, инженеры, фермеры, представители всевозможных профессий. Их показывают на работе и в семейном кругу. Но показывают в смещенном кадре. Они живут «чутьочку», лучше, чем в действительности, в меру лучше, чем в реальном мире, настолько в меру, что верится в достижимость этой «чутьочки», и поэтому хочется ее достичь. Вот, например, «мыльная опе-

названием «Тайная буря». Ее герои архитекторы. Они живут в квартирах, которые «чуточку» лучше обычных, ездят в автомобилях, которые «чуточку» лучше реальных, имеют жен и любовниц, которые «чуточку» красивее настоящих.

Принцип «чуточку» универсален для «мыльной оперы». Его применяют не только к профессиям. Существуют специальные «мыльные оперы» для негров, пуэрториканцев и других расовых и национальных меньшинств, населяющих Соединенные Штаты Америки. В течение нескольких лет компания Си-би-эс крутила фильм о медицинской сестре-негритянке, работавшей у зубного врача-еврея. В этом фильме внешне, казалось бы, все было, «как в жизни». За небольшим исключением. Медицинская сестра-негритянка ни разу не испытала на себе расовой дискриминации, а зубной врач-еврей — антисемитизма. И гардероб медицинской сестры был «чуточку» лучше обычного, и стоматологический кабинет врача «чуточку» превышал привычные стандарты. А в стальном фильме-серия вполне отвечал реалистическим стандартам: экран был голубого цвета, кровь — красного, лица негров — черного.

Небольшое отступление. Я уже говорил, что в «мыльных операх» миллионеры не фигурируют. Не фигурируют в них и знаменитые киногерои. Актеров для «мыльных опер», как правило, подбирают посредственных, играющих «чуточку» лучше простых смертных или театральных любителей. Так достовернее. Так внимание зрителя концентрируется не на звезде-знаменитости, а на ситуации, идее.

Принцип «чуточку» распространяется не только на материальные блага. Поскольку «мыльные оперы» тянутся годами, они отражают события, которые происходят на данном отрезке времени в стране. Идет война во Вьетнаме, и ее «отражают». Рост преступности и наркомании принимает угрожающие размеры, и его «отражают». Пропась между поколениями углубляется, и ее «отражают». Растут безработица и инфляция, и их тоже, представьте себе, «отражают». Но как? Чуточку. На этот раз чуточку без кавычек.

Возьмем, к примеру, войну во Вьетнаме. Эта кровавая несправедливая колониальная война длилась более десяти лет. Но «мыльные оперы» настойчиво замалчивали ее. Политическая сверхзадача постепенно стала входить в противоречие с приглаженным реализмом. Телезрители каким-то шестым чувством уловили это, и успех «мыльных опер» оказал-

ся под угрозой. Тогда мозговые тресты американского телевидения начали впрыскивать вьетнамскую тему безвредными дозами в «мыльные оперы». Как правило, дело сводилось к тому, что один из героев серии попадал под мобилизацию и уезжал во Вьетнам. Или его там убивали — трагическая развязка, или он возвращался — счастливый конец. Сам Вьетнам с его проблемами оставался за кадром. Для того, чтобы окончательно вытравить «нежелательные эмоции», авторы «мыльных опер» стали посылать своих героев во Вьетнам в качестве... добровольцев. Делали они это под влиянием столь модной и неотразимой несчастной любви. Проблема американских военнопленных также разрабатывалась на параллельных рельсах политической эксплуатации и слонтявой сентиментальности. Скажем, возлюбленная ждет своего суженого, хотя его считают погибшим, и стойко сопротивляется соблазнам новой амурной связи. Ее верность вознаграждается — герой-военнопленный возвращается. Другая девица оказалась менее стойкой. Она выходит замуж. Суженый возвращается. Начинается новая фаза классического любовного треугольника. А Вьетнам? Вьетнам остается за бортом. Более того, подспудно культивируется ненависть к вьетнамскому народу, который, мол, в своем упрямстве и желании принять принесенную на штыках и поджаренную на напалме западную цивилизацию разбивает счастье американских семей.

Нечто аналогичное происходит с проблемой преступности среди малолетних и наркоманией. Сама эта проблема дает возможность «оживлять» мерное течение «мыльных опер» детективными завихрениями. Вспоминаю серию «Так вертится мир». Мир в этой серии вертелся вокруг мелких семейных дрызг и интриг, которые расцветали на роскошном фоне «чутьочку» улучшенной жизни прилично зарабатывающих обитателей нью-йоркских пригородов. Но вот газеты забили тревогу по поводу роста преступности и наркомании. Еще бы, каждые шесть часов в Соединенных Штатах умирает один человек — жертва наркомании. Сам президент США в официальном обращении к конгрессу назвал наркоманию «национальной проблемой номер два» после инфляции. О статистике преступности говорить не буду. Она общеизвестна. И вот на каком-то этапе, подхватывая тему дня, разрабатывая ее, как новую моду сезона, авторы «Так вертится мир» искусственно ввели в сюжет две новые фигуры: «отрицательную» —

молодого негра, сбывающего наркотики отпрыскам «приличных людей», и «положительную» — средних лет священника, противопоставляющего крест шприцу и церковь — подпольному притону. Священник, разумеется, берет верх. Цель достигнута, многозначная цель: во-первых, вина за распространение наркомании возлагается на негритянское население, на так называемых «пушеров», обитателей гетто больших американских городов; во-вторых, возвышается роль религии, которая в последнее время, как и доллар, подверглась существенной девальвации в Соединенных Штатах. (По данным института общественного мнения Гэллапа, еще никогда со времен первой мировой войны посещаемость церквей в США не достигала столь низкого уровня.) Как и в случае с вьетнамской войной, остаются за бортом социальные корни преступности и наркомании, остаются за бортом люди и круги, зарабатывающие на них. Социальная трагедия девальвируется до уровня детективного пустячка, вкрапленного в мещанскую мелодраму.

А знаменитая «пропасть между поколениями»? Американская молодежь все больше и все настойчивее отвергает моральные и материальные ценности, которым поклоняется общество Желтого дьявола. Бунт молодежи многолик. Одни идут в комсомол, другие идут в хиппи. Одни обращаются к научному коммунизму, другие бегут в «коммуны», на лоно природы, исповедовать и пригублять жизнеопасный коктейль из воззрений Руссо и демагогии «председателя» Мао. Что ж, «мыльные оперы» тоже отражают «пропасть», вернее, пытаются перепрыгнуть через нее. Как правило, эта проблема трактуется по стандарту библейского сюжета о возвращении блудного сына. Парень или девушка, разумеется, из «приличного семейства», на какое-то время уходит в хиппи — это дает возможность режиссерам и операторам раскрутить живописные картины «коммун» и щекочущей чувственности «свободной любви», — а затем, разочаровавшись, прозрев, возвращается на круги жизни своих родителей, сбрив бороду и оставив баки, «чутьочку» подлиннее, чем у отца, если это парень, и волосы, «чутьочку» подлиннее, чем у матери, если это девушка. Корни, социальные корни протеста молодежи лишь скользят по голубому экрану, не имея никакой возможности зацепиться за него.

Война во Вьетнаме, молодежное движение заставили правящие круги Соединенных Штатов еще более усилить

ра» под свой карательный аппарат. Вспомним расстрел студенческих демонстраций в Кенте и Джексоне, вспомним зверские избиения мирных митингов и манифестации в Чикаго, Вашингтоне и Нью-Йорке. Полицейский как-то сам собой стал символической фигурой, в которую трансформировался дядюшка Сэм — агрессор, реакционер, душитель свобод. Обычно полицейского в Соединенных Штатах называют «копом». Это сленг. Он не несет никакой политической нагрузки. Но в последние годы полицейского стали называть «пиг», то есть «свинья», более того — «блуди пиг», то есть «кровавая свинья». И это уже не сленг, а политическое клеймо, не жаргонное словечко, а плакат-вызов. Фигура полицейского превратилась в мишень.

Пропагандистский аппарат американской государственной машины развернул усиленную кампанию по реабилитации и героизации полиции. Телевидение, разумеется, не осталось в стороне. Оно активно включилось в эту кампанию. Появился новый жанровый вариант «мыльных опер» — о полицейских. Мне особенно запомнились две «мыльные оперы» о полицейских. Одна называлась «Ночной патруль». Ее герои — несколько полицейских, которые патрулируют улицы Сан-Франциско на служебном черно-зеленом автомобиле. В одной серии наши герои спасают старушку из объятого пламенем дома; в другой серии — убеждают молодого безработного не выбрасываться из окна небоскреба; в третьей — возвращают несчастной матери ребенка, затерявшегося в базарной сутолоке. И так далее, и тому подобное. Герои-полицейские — молодые симпатичные ребята. Ну просто пай-мальчишки! В отличие от настоящих они удивительно милы и интеллигентны, вид у них отнюдь не отпугивающий, даже физически они мало напоминают «копов»-геркулесов. Короче, обыкновенные парни, такие, как мы с вами.

Вторая «мыльная опера» — о, если можно так выразиться, «дружинниках». Их трое — белый парень, белая девушка и парень-негр. Они «учатся на полицейских». Пользуясь своим возрастом, наша троица проникает в мир хиппи и наркоманов и, конечно же, спасает заблудшие души, выводит их на путь света и истины. У троицы свой «крестный отец» — пожилой полицейский инспектор, который дирижирует ее действиями, дает ей наставления — не только профессиональные, но и, так сказать, морально-этические.

«Мыльные оперы» о полиции также придерживаются принципа «чутьчку». Разумеется, в Соединенных Штатах

полицейские переводят через улицу слепых и калек, спасают старух, задыхающихся в пожарном утаре, находят потерявшихся детей, надевают наручники на карманного воришку, пойманного в метро или в кинотеатре. Но разве в этом суть карательного аппарата, который содержит господствующий класс Америки?

Когда-то было принято называть Голливуд «фабрикой снов». Он и впрямь был и в значительной степени остается фабрикой, штампующей на целлулоидной ленте сны, но сны несбыточные: о золушках, выходящих замуж за сказочных принцев; о чистильщиках сапог, становящихся королями Уолл-стрита; о гадких утятах, превращающихся в роскошных лебедей — кинозвезд, балерин, оперных див. Телевидение в отличие от Голливуда — «фабрика полуснов». На телевидении Золушка не выходит замуж за сказочного принца. На телевидении обыкновенная девушка находит обыкновенного парня. И они женятся. Прямо на ваших глазах. И не только в «мыльных операх», но и на самом деле. Я имею в виду серию под названием «Найди себе пару». Из аудитории приглашают нескольких парней и нескольких девушек. Их сажают в отдельные кабины так, чтобы они не видели друг друга. Ведущий задает им вопросы — выясняет их вкусы, симпатии и антипатии. Если у кого-то они совпадают, то ведущий делает «совместимой паре» предложение от имени своей компании. Разумеется, расходы на свадьбу, на устройство молодоженов компания берет на себя. И, что вы думаете, многие соглашаются. Телевизионная любовь с первого взгляда... Как это мерзко, унизительно, антигуманно!

Телевидение в отличие от Голливуда — «фабрика полуснов». На телевидении чистильщик сапог не превращается в короля Уолл-стрита. Но зато ему могут подарить мотороллер, мебельный гарнитур и даже автомобиль. Фирмы, выпускающие все эти предметы и многие другие, рекламируют с помощью таких вот «подарков» свою продукцию. Телевидение делает из этой рекламы шоу. Компании платят телевидению, а расплачивается в конечном счете зритель.

Я начал свой рассказ с истории о том, как мне довелось быть подопытной свинкой телекомпании Эн-би-си, вернее, ее рекламодателей. Они — подлинные хозяева американского телевидения. В Соединенных Штатах шутят: что такое телевизионный спектакль, фильм, шоу? Небольшая пауза между двумя рекламными роликами. Эти ролики как раз

и диктуют содержание «небольшой паузы». Вот почему вы почти никогда не увидите на экране американских телевизоров выступления симфонического оркестра, серьезную драму, настоящую, а не мыльную, оперу. Они «чутьочку» того, «чутьочку» в стороне от главной магистрали.

А с голубого экрана вместо подлинного лица страны, искаженного болезненной гримасой социальных недугов, на вас смотрит робот и суррогат, улыбаясь жемчужной фортификацией вставной челюсти, отполированной до умопомрачительного блеска зубной пастой фирмы «Икс», «Игрек» или «Зет» — уравнения с тремя известными, расшифровывающимися как американский образ жизни.

Сатанизм там правит бал

Наш просвещенный век... Величественный «Аполлон», пронзая космическое пространство, несется к Луне. Астронавт, оторвавшись на несколько минут от сложнейшей технической аппаратуры, которой до предела начинен корабль, читает вслух строки священного писания, славящие созидательную мощь господина бога.

Наш просвещенный век... Не в состоянии скрыть восхищения профана, стою я перед строем электронно-вычислительных машин американского института «Тайм паттерн рисёрч». Компьютеры, компьютеры; научные, как Норберт Винер, фантастические, как Айзек Азимов. Мой чичероне, мой Вергилий компьютерного ада — или рая? — горделиво повествует:

— Каждая из этих ЭВМ может составить за минуту гороскоп в десять тысяч слов. Наши ЭВМ не простаивают. Ежемесячно в среднем мы составляем около десяти тысяч гороскопов.

«Тайм паттерн рисёрч» — институт астрологии. Крупнейший в Соединенных Штатах...

Это произошло в наш просвещенный век, в век технотронный, как окрестил его профессор Збигнев Бжезинский. Будем точнее — это произошло в январе 1974 года. В городке Дейли-сити, расположенном неподалеку от Сан-Франциско, католическому пастору преподобному Карлу Пэтцельту удалось, наконец, изгнать беса, вселившегося в небольшое

семейство — мужа, жену и их двухлетнего сына. Бес был дьявольски упрям. Понадобилось совершить четырнадцать ритуалов изгнания за месяц, чтобы нечистая сила покинула свои жертвы и отлетела в преисподнюю.

В интервью, опубликованном газетой «Сан-Франциско экзаминар», отец семейства, 28-летний мужчина, не духобор или хлыст какой-нибудь, а пилот гражданских авиалиний, рассказал следующее:

Впервые нашествие сатаны имело место весной 1972 года. И длилось оно два с половиной месяца. Затем сатана исчез. Но в мае 1973 года он вновь вернулся. С тех пор семейство жило, как плененный князь Игорь: ни сна, ни отдыха измученной душе... Помните? Сатана швырял в них туфлями, посудой, мебелью, бил окна, жег постельное белье и кухонные полотенца, проделывал тысячи других грязных трюков. Казалось, он не один. Казалось, что с ним целая армия демонов. Лишь на два часа — с четырех до шести утра — сатана давал передышку несчастным. А быть может, самому себе и своей армии демонов?

Молитвы не помогали. «Когда мы начинали молиться, сатана хватал нас за горло и душил. Чем горячее мы молились, тем сильнее становилась сатанинская хватка. Нам нечем было дышать». Доведенные до отчаяния люди обратились в монастырь кармелитов к пастору-иезуиту Карлу Пэтцельту. Тот, в свою очередь, обратился к архиепископу Сан-Франциско за разрешением применить ритуал изгнания. Разрешение было получено. И началось единоборство. Не на живот, а на смерть. Пронюхав об обращении своих жертв к кармелитам-иезуитам, дьявол совсем осатанел. пытки участились, стали изощреннее. «Он, видимо, разгневался, что его разоблачили», — комментировал впоследствии преподобный отец Карл.

В конце концов свет одолел тьму. Ведь как-никак, а дело происходило в наш просвещенный век. Правда, победа была одержана с помощью средневековой формулы, которая гласила: «Я изгоняю тебя, нечистая сила! Я изгоняю тебя, а вместе с тобой любой и каждый сатанинский дух врага нашего! Изгоняю все исчадия ада, всех твоих подручных!» Произнося заклинание, преподобный отец размахивал кадиллом, воскуряя фимиам. «И вот на нас снизошли мир и благодать. Сатана сгинул, воцарился покой», — таков был *happy end* — счастливый конец интервью, опубликованного

в газете «Сан-Франциско экзаминар», кстати, считающейся либеральной.

Пастор кармелитского монастыря доложил об одержанной победе архиепископу Сан-Франциско. Тот переслал победную реляцию по инстанциям выше — главе католической церкви Америки кардиналу Теренцу Куку в Нью-Йорк. Копия пошла в Вашингтон. Светским властям. Ведь сатана мог быть «красным»...

Отступив в Калифорнии, дьявол контратаковал в Коннектикуте. Здесь его жертвой стала четырнадцатилетняя Линда Блэйр, дочь местного бизнесмена. До последнего времени девочка не подавала никаких признаков одержимости. Это был вполне нормальный и здоровый подросток. Линда увлекалась балетом и гимнастикой, занималась конным спортом, прилежно посещала приходскую церковь. Она была настолько нормальной, настолько «средней» американской девочкой, что ее даже снимали несколько раз в телевизионной рекламе. (Это обстоятельство как раз и сыграло роковую роль в судьбе Линды.)

Дьявол из Коннектикута был куда агрессивнее калифорнийского. Вселившись в Линду, он трансформировал ее лицо и тело. Милая девочка превратилась в отвратительного оборотня, покрытого кровью и гноем, обезображенного чудовищными шрамами. Голова ее стала вращаться на шее, как вокруг оси. Из горла вырывались дикие хрипы, леденящий душу хохот, тошнотворное зелье. Вместо истин языком ребенка начали глаголеть публичные дома и воровские притоны. Охваченная половым экстазом, она мастурбировала распятием, пыталась изнасиловать родную мать, избивала врачей, блевала на священников. Последние — их было двое — оказались куда менее удачливыми по сравнению с отцом Карлом. Правда, им удалось изгнать дьявола, но оба они погибли в борьбе с нечистой силой.

Дьявол не просто вселился в Линду. Она была запродана ему родителями — мистером Джеймсом и миссис Элинор Блэйр. У дьявола было много лиц. Больше, чем у Януса. Больше, чем у Будды. Он то прикидывался писателем Вильямом Блэтти, то кинорежиссером Вильямом Фридкиным, то продюсером голливудской фирмы «Уорнер бразарс», то бесчисленными кинопрокатчиками, кинокритиками, владельцами кинотеатров.

Не желая далее мистифицировать, скажу: Линда Блэйр с согласия родителей была приглашена на роль «героини»

фильма «Экскурсист» («Изгоняющий дьявола»), который снял в павильоне «Уорнер бразарс» режиссер Фридкин по одноименному роману писателя Блэтти. (Он же автор сценария.) Роман «Изгоняющий дьявола» вот уже долгое время возглавляет полуофициальный список бестселлеров в Соединенных Штатах. А фильм «Изгоняющий дьявола» получил премию «Золотой глобус» за 1973 год, которая присуждается Голливудской ассоциацией иностранной печати лучшим картинам года. Причем Фридкин был объявлен лучшим режиссером года, Блэтти — лучшим сценаристом, а Линда — лучшей актрисой. Постановка фильма обошлась братьям-разбойникам Уорнер в 10—15 миллионов долларов. Прокат лишь в первую неделю дал доход в два миллиона долларов. Предсказывают, что «Изгоняющий дьявола» вскоре побьет абсолютный кассовый рекорд, установленный «Крестным отцом».

— Я ни за что не отдала бы моего ребенка на роль Ригэн (так звать девочку из «Изгоняющего дьявола»), — говорят американские матери, атакуемые сейчас всевозможными институтами общественного мнения.

Оно и понятно. Кто согласится, будучи в здравом уме и добровольно, столкнуть в ад родное дитя? Кто согласится выпустить его в Вальпургиеву ночь порнографии и насилия, подвергнуть отнюдь не только кинематографическим мукам — духовным, физиологическим, физическим?

Для того, чтобы добиться от Линды «аутентичного» демонического взгляда, крупнейший специалист по созданию киномонстров Дик Смит (американский пример № 1) вставлял ей в глазницы линзы — белки. Одновременно девочке вводили анестезирующие препараты, чтобы унять нестерпимую боль. Процесс гримировки длился часами и вызвал в конце концов кожное заболевание. Для натуралистических съемок в госпитале Линду заставляли целыми сутками лежать без движения на спине, «вознаграждая» ее долготерпение молочными коктейлями. В сцене первоначального вселения дьявола в девочку ее привязали к вибрирующей кровати. Металлические скрепки вонзались в тело Линды. «Остановите! Остановите!» — молила будущая «актриса года». Никто не обращал внимания на ее вопли. В заключительной сцене изгнания нечистой силы съемки проходили при арктической температуре. (Черти, привыкшие к тропикам ада, не выносят мороза.) Линда чуть было не превратилась в ледяной столб. Ее пришлось отогревать специальной медицинской аппаратурой.

Конечно, искусство требует жертв. Но разве это искусство?! Кинокритики, даже те, кто голосовал за присуждение «Изгоняющему дьявола» премии «Золотой глобус», почти единодушно объявляют ленту Фридкина «наиболее сексуальным, наиболее садистским фильмом с наиболее похабным диалогом». А это не так просто, совсем не просто, если учитывать специфику американского кинорынка. «Наиболее шокирующий фильм за многие годы» (журнал «Ньюсуик») идет с аншлагом.

Владельцы кинотеатров Лос-Анджелеса и Бостона наряду с традиционными кукурузными хлопьями и кока-колой продают нашатырный спирт и нюхательные соли. В Вашингтоне полицейские власти впервые в истории стольного града Соединенных Штатов запретили несовершеннолетним вход в «Синема I», где дают «Изгоняющего». (Фирма «Уорнер бразерс» имела наглость снабдить картину лишь сертификатом «R», то есть «Для ограниченной аудитории», разрешающим детям вход, но «только» с родителями. Если супруги Блэйр отдали свое дитя кинематографическому дьяволу, то почему их примеру не могут последовать другие?) В Нью-Йорке, по сообщению местной печати, зрителей выносят из залов в обморочном состоянии. В Чикаго несколько человек прямо с киносеанса были отправлены на сеанс к психоаналитикам. В них — пациентов — вселился дьявол.

А супругам Блэйр все нипочем. Похабщина? Для нашей дочери она, как латынь. Непонятна. «Поскольку в мире есть добро, должно существовать и зло», — философски замечает миссис Элинора Фридкин, «открывший» Линду по рекламным роликам телевидения, в восторге от ее «психической стабильности и физической силы». Сама девочка, которая, по ее словам, «не верит во всю эту историю», хочет сниматься в кино и дальше. Наконец, ведь и «Изгоняющего» венчает herpupend, а в качестве консультантов была привлечена добрая полурота католических прелатов. Короче, девочка была в надежных руках...

Наш гросвещенный век... «Реальный» дьявол в Дейлисити, кинематографический — в Голливуде. Как они сопрягаются?

Несколько лет назад у меня был весьма интересный разговор с Питером Богдановичем, одним из наиболее талантливых кинорежиссеров нового поколения. Разговор состоялся после премьеры его первого фильма «Мишени», где,

кстати, в последний раз снялся знаменитый Борис Карлоф, создавший целую галерею целлулоидных вурдалаков. Сюжет «Мишеней» в двух словах таков: молодой парнишка, помещавшись на оружии, убивает всю свою семью, а затем — находясь в бегах — еще несколько человек. В титрах, следовавших сразу же после перечня действующих лиц, автор предупреждал, что все персонажи, выведенные им в фильме, вымышленные и не имеют никакого отношения к реальным людям, «живым или мертвым».

Разумеется, то была дань юридической букве, хотя, кто знает, быть может, автор воспользовался ею как дополнительным публицистическим штрихом, штрихом явно сатирическим, ибо на фоне насилия, захлестнувшего Соединенные Штаты, оговорка, сделанная в титрах, звучала явно издевательски. Недаром гигантский рекламный щит над входом в кинотеатр, где давали премьеру, гласил: «Мишень — это люди... И каждый из вас может стать ею».

Так вот, в беседе со мной Питер Богданович развивал следующую идею:

— Люди считают, — говорил он, — что кино рождает насилие. В действительности все происходит наоборот — насилие рождает кино. Это искусство имитирует жизнь, а не жизнь — искусство. Я не выдумывал истории о снайпере. А у другого снайпера-убийцы, который промышлял в Центральном парке Нью-Йорка, в доме висели фотографии Гитлера и Геббельса, а не кинозвезд.

На первый взгляд доводы Богдановича звучали логично, убедительно. Да и история, рассказанная им в «Мишенях», была основана на реальном событии, которое произошло 1 августа 1966 года: молодой парень, некто Чарльз Уитмен, в припадке сумасшествия застрелил из винтовки с оптическим прицелом шестнадцать человек! Формально прав был Богданович и насчет снайпера-маньяка из Центрального парка, наводившего ужас на нью-йоркцев осенью 1968 года. Во время обыска в его доме полиция обнаружила над кроватью уже убитого убийцы фотографии фашистских главарей, а не голливудских кинозвезд.

Любопытно, что аргументацию Богдановича повторил и создатель «Изгоняющего дьявола» Вильям Фридкин. Его предыдущий фильм «Французский контакт» — тоже боевик о единоборстве полиции и торговцев наркотиками — до предела насыщен натуралистическими сценами насилия. Защищаясь от критиков, Фридкин говорил:

— Время условных смертей на экране безвозвратно ушло в прошлое. Если в тебя стреляют и дырявят шкуру, у тебя должна идти кровь. Если тебе размозжили голову, у тебя должен вытечь мозг. Это аксиоматично. После того, как наш зритель в течение целого десятилетия смотрел по телевизору документальные ленты о Вьетнаме с настоящими убийствами и совсем не бутафорской кровью, мы уже не имеем права пичкать его подслащенными суррогатами..

Короче, *c'est la vie*. Такова жизнь.

Жизнь-то, конечно, такова, но емкость этой формулы вполне под стать ее всеядности. Искусство отображает жизнь и, между прочим, смерть тоже. Гангстеры, детективы, ковбои не случайно являются героями американского кинематографа. Однако их социальная опасность совсем не в том, что они стреляют. Человек с ружьем отнюдь не исключительная привилегия американского кино. Человек с ружьем был и есть и у советского кино. Искусство не только отражает жизнь. (В данном случае мы оставляем в стороне вопрос о том, как отражается — в кривом зеркале или венецианском?) Оно активно влияет на нее. Качество обратной связи, ее цель — вот что важно! Одно дело воспевать насилие, другое — клеймить его. Одно дело сеять зубы дракона, другое — рвать их. Таковы единственные критерии. Иных нет.

Говоря об обратной связи, укажу на такой, как мне кажется, весьма характерный пример: в год выхода «Мишеней» на экран, по данным ФБР, в Соединенных Штатах каждые сорок три минуты происходило одно убийство. В тот же год, по подсчетам газеты «Крисчен сайенс монитор», в программах трех крупнейших американских телекомпаний одно убийство происходило каждые тридцать одну минуту. Итак, искусство переощеголяло действительность на целых двенадцать минут. Чем не активное и даже сверхактивное вторжение в жизнь?!

С некоторых пор сатана все настойчивее вытесняет с американского экрана традиционных героев кинематографического эпоса янки. Конечно, фильмы ужасов существовали и раньше. Но раньше они были, так сказать, «несерьезными», фантастическими, чем-то вроде страшных сказок для больших детей. Природа общественных отношений не терпит пустоты. Кризис христианской религии и морали создал на Западе, в особенности в пуританской и лицемерной Америке, гигантский вакуум. Одни ударились в неверие, другие —

в суеверие. «Смерть бога», провозглашенная теологами-модернистами, сопровождается возрождением оккультных наук, обращением к декоративным восточным религиям (психоделическая или поп-религия), повальным увлечением астрологией. Явление Мефистофеля атомного века народу было неизбежным. Перефразируя Вольтера, можно сказать, что если бы Мефистофеля не было, его следовало бы выдумать. И выдумали. Но это уже не гетевский дьявол. Этот новый отмечен печатью философского и культурного декаданса капиталистического мира.

Цивилизация — даже архитехнотронная — сама по себе еще не доктор Фаустус. Вспомним астронавтов, читающих генезис в космосе; вспомним компьютеры астрологического института «Тайм паттерн рисёрч». Бес вселяется в душу американца главным образом потому, что цивилизация американизма бездушна. Сбывается пророчество Мефистофеля: люди гибнут за металл. И хотя его принято величать благородным, сути дела сие ни на йоту не меняет. За металл продали родители Линду Блэйр режиссеру Фридкину. За металл продан режиссер Фридкин компании «Уорнер бразарс». За металл — презренный или благородный? — сбывает «Уорнер бразарс» свою продукцию многомиллионной аудитории, в том числе пилоту гражданской авиации из Дейли-сити.

Так происходит заточение среднего американца в ультрасовременную камеру-обскуру...

А теперь о встрече с самим основателем «сатанизма» в Соединенных Штатах.

Верховный жрец храма Сатаны восседал на троне. Он был в длинной черной мантии. На его груди поблескивала звезда. Правая рука жреца опиралась на громадный меч. В левой он держал человеческий череп. Голова жреца была обрита наголо и тоже выглядела черепом. На ней торчали уши, размером в чайные блюдца. Тонкие черные усы стекали с верхней губы, сливаясь с клинообразной бородкой. Желтые, как у старого тигра, глаза смотрели испытующе, кололи, буравили.

Таким предстал передо мной основатель «сатанизма» Энтони Лавей. Он возвестил о рождении новой религии весной 1966 года. Ее главный храм был воздвигнут в Сан-Франциско. Это особняк с «чертовой дюжиной» комнат, выкрашенных в черный цвет. Идешь по ним словно по пещере ужасов, которая имеется в каждом мало-мальски уважающем себя луна-парке.

— Я на семь лет старше Христа. Мне сорок лет,— говорит верховный жрец храма Сатаны.

Он родился в Чикаго, но утверждает, что его предки—цыгане из Трансильвании, откуда пошли легенды о вампирах, о князе Дракуле и монстре Франкенштейне. Все эти бредни будущий жрец впитал с молоком матери и сказками бабушки. Последней он особенно признателен, ибо она первая приобщила его к оккультным наукам.

Житие Энтони Лавей было не столько библейским, сколько богемным. Бросив школу в шестнадцать лет, он поступил гобоистом в оркестр балета Сан-Франциско. Затем Лавей пристал к цирковой труппе Клайда Битти сначала в качестве подсобного рабочего, а затем дрессировщика зверей. Несколько позже он совершил затяжное турне по стриптизам и ночным клубам Сан-Франциско, аккомпанируя на пианино и органе «портовым канарейкам» с хилым голосом и могучими телесами. Наконец, в последний период своей «мирской жизни» Лавей работал официальным фотографом сан-францисского департамента полиции.

Вращаясь среди музыкантов, циркачей, проституток и полицейских, будущий пророк исподволь сколачивал «магический круг» себе подобных.

— Я изучал поведение потусторонних сил, чернокнижье, искусство колдовства. Занимался гипнозом. Число моих последователей стремительно росло. И вскоре на основе «магического круга» я создал церковь Сатаны, а сам стал верховным жрецом ада.

Я внимательно наблюдаю за желтыми тигриными глазами этого дьявола во плоти, пытаюсь поймать в них искорку насмешки, юмора, цинизма. Но тщетно. Желтые тигриные глаза верховного жреца холодны и неподвижны. Передо мной или великий артист, или заурядный маньяк.

— В чем смысл вашей философии?—выдавливаю я наконец вопрос.

— У меня нет философии. У меня есть вероучение,—назидательно поправляет верховный жрец, механически поглаживая череп по лобной кости.

— И каково же это вероучение?

— Сатана—проявление темных сторон человеческой природы. В каждом из нас сидит сатана. Задача состоит в том, чтобы познать и выявить его. Сатанинское начало, заключенное в людях, главное и наиболее могущественное. Им надо гордиться, а не тяготиться. Его надо культивировать, что

мы и делаем в нашем храме с помощью различных магических заклинаний.

— А что подразумевает ваше вероучение под «темными сторонами человеческой природы»?

— Жажду земных наслаждений,— не задумываясь отвечает верховный жрец ада. Видимо, годы скитаний по притокам Сан-Франциско оставили неизгладимый след в его душе.— Загробной жизни не существует, по крайней мере райской. Поэтому надо спешить наслаждаться земными радостями.

«Церковь Сатаны» расширяет свои владения. Ее отделения или «пещеры» (недаром же они напоминают аттракционы луна-парков!) имеются почти во всех крупных городах Америки— в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Детройте, в штатах Кентукки, Нью-Мексико, Миссисипи. Число сатанистов хранится в тайне. Известно только, что в одном Сан-Франциско их насчитывается около восьми тысяч человек. Среди них супруга верховного жреца Лиана и его дочери—восемнадцатилетняя Карла и шестилетняя Зина.

— Все мое семейство состоит из заядлых сатанистов,— с гордостью повествует Энтони Лавей. И я вновь тщетно ищу в его желтых тигриных глазах искорку юмора.

Согласно предсказаниям верховного жреца, к 1985 году все ортодоксальные религии, существующие в Америке и даже за ее пределами, уступят место «сатанизму», а сами исчезнут.

— На чем основывается ваш оптимизм?

— На знании человеческой природы. Собственно говоря, мы проповедуем то, что уже давным-давно стало американским образом жизни. Просто не все обладают мужеством называть вещи своими именами.

И тут я впервые соглашаюсь с верховным жрецом ада. А он продолжает:

— Мы — сатанисты — новый истеблишмент Америки. Мы отвергаем слабых, ничтожных и бедных. Мы сеем для них проклятие, чтобы они пожалы ярмо. Сейчас в Соединенных Штатах назревает хаос. Но рано или поздно из него народится новый порядок, наш порядок, общественный порядок сатанизма. В нем не будет места для хиппи, либералов и прочих уродов. Их мы будем ссылать на необитаемые острова, чтобы

они не заражали остальное человечество. Мы уже сейчас консерваторы и поэтому находимся на стороне законности и порядка!

Пальцы верховного жреца, охватившие эфес громадного меча, судорожно сжимаются. Ведь как-никак он работал не только тапером в публичных домах Сан-Франциско, но и в полицейском департаменте этого благословенного города.

— Я бы отрубал руки нарушителям законности и порядка! — Голос его звучит уже не по-сатанински, а вполне по-гуверовски. (На определенных регистрах они обычно сливаются.)

— Но как же тогда быть с жаждой земных наслаждений?

— Каждому свое, — отвечает верховный жрец библейским изречением, которое украшало гитлеровские концлагеря и душегубки.

Когда я проходил в обратном направлении анфиладу выкрашенных в черный цвет тринадцати комнат, они уже не напоминали мне балаганную невинность пещер ужасов в луна-парках.

Остается добавить, что «церковь Сатаны», возглавляемая Энтони Лавеем, зарегистрирована властями штата Калифорния в качестве легальной религиозной организации, а посему налогами не облагается...

*Вашингтон — Сан-Франциско.
1972—1977 гг.*

ЗИГЗАГИ ЗИГА ЗИГЛАРА

Хрустящий доллар в храме господнем

Место действия — Первая баптистская церковь в Далласе, штат Техас, США. Время действия — наши дни, конец семидесятых годов необычайного двадцатого века. Аудитория, состоящая из трехсот священников, впилась глазами в человека, проповедующего с амвона. Странная проповедь

и странный проповедник. Начнем с того, что в руках у него не библия, а двадцатидолларовая бумажка, и изображен на ней не Иисус Христос, а президент Эндрю Джексон. Проповедник сладострастно поглаживает подушечкой большого пальца правой руки по овальному портрету, а затем поднимает над головой, как знамя, зелененькую купюру.

— Принято говорить о холодности и жестокости денег. Но ведь это самая несусветная чушь, которую мне когда-либо доводилось слышать. Взгляните сами: они и не холодные, и не жестокие. Они теплые и мягкие, необычайно теплые и мягкие.

Аудитория внимает проповеднику в абсолютном молчании. Тишина под сводами Первой баптистской церкви distinguished города Далласа, где застрелили другого американского президента — Кеннеди, такова, что можно услышать всепокрушающий, всепроникающий хруст двадцатидолларовой купюры, звучащей, как «Отче наш» мира менял.

Тем временем проповедник продолжает размахивать денежным знаком, словно кадиллом. Губы его складываются не то в улыбку, не то в усмешку.

— Хороша, не так ли? — говорит он. — Пригодна во всем и для всего. И форма, и цвет — совершенство. И чем больше водится у вас в карманах ей подобных, тем лучше. Я знавал безденежье, и я бывал при больших деньгах. И здесь, перед вами, как на духу, я торжественно провозглашаю: лучше иметь, чем не иметь!

Да, странная проповедь и странный проповедник. Или, быть может, кто-то решил зло подшутить над пасторами-баптистами, съехавшимися в Даллас со всех концов Америки — от Атлантического океана до Тихого, — чтобы принять участие в семинаре «Школа пророков», устраиваемом ежегодно Первой баптистской церковью? Но если это шутка, то она по меньшей мере неуместна в храме, из которого, как сказано в священном писании, Христос изгнал менял. (Изгнал ли? Блажен, кто верует.) И как-то не вяжется кривляние проповедника, размахивающего всеильным, хотя и основательно девальвированным долларом перед самым носом Христа-спасителя и богородицы, со словами настоятеля церкви преподобного Крисуэлла, который только что призывал с амвона свою паству «вести жизнь распятого на кресте, умертвить в душах и сердцах своих лъстивые соблазны и грешную корысть мира сего».

А быть может, странная проповедь и странный проповедник — искушение, ниспосланное небом, чтобы проверить, так сказать, сопромат американских священнослужителей? Если это так, то дьявол во плоти явно преуспевает. Обычно хмурые, не улыбочивые пасторы весело и дружно смеются шуточкам кривляющегося на амвоне искусителя, заморожены им (или ассигнациями в его руках?), очарованы и покорены. Он гипнотизирует их, как торреро быка, пользуясь, правда, не красным плащом, а зелененьким долларом.

И тем не менее странный проповедник не Мефистофель, исполняющий знаменитую арию из «Фауста» Гуно со зловещим рефреном о людях, гибнущих за металл. Он почетный дьякон Первой баптистской церкви в Далласе, вторично «рожденный» христианин-южанин без копыт на ногах и без рогов на голове. Более того, он утверждает, что имеет прямую связь с богом, включая телефонную, — и это совершенно серьезно — и выступает в качестве его коммивояжера, именно коммивояжера, а не пророка или апостола, на земле.

Отпустив очередную остротку и дав сумрачным пасторам вдоволь насмеяться, коммивояжер Христа вновь настраивается на серьезный лад:

— Слишком уж много моих братьев-единоверцев считают, что у них должны быть длинные постные лица и маленькие бумажники. Как часто, приходя ко мне за советом, они спрашивают: «Как вы можете примирять поклонение доллару и служение Христу?» А очень просто, отвечаю я, бог создал бриллианты для своего воинства, а не для полчищ сатаны. Так что подбирайте их, не стеснясь...

Зиг Зиглар — так зовут этого удивительного проповедника из Далласа. Его зигзагообразная жизнь — сколок с американского образа жизни. Тем она и интересна. И поучительна. История о том, как «чемпион по продаже кухонной утвари» стал чемпионом по «сбыту оптимизма», как ловкий коммивояжер, всегда успевавший просунуть ногу в дверь потенциального клиента, пока она не захлопнулась перед его носом, начал с еще большим успехом вдавливать свою «философию энтузиазма» детям потребительского общества, уже вписана золотыми — в прямом смысле слова — буквами в библию американизма. Это евангелие от Зиглара носит название «Встретимся на вершине» и уже успело разойтись в сотнях тысяч, если не миллионах экземпляров. Это евангелие от Зиглара уже записано на пленку, имеет этикетку

«Как быть всегда мотивированным» и успешно соперничает с самыми популярными шлягерами диско-музыки. Это евангелие от Зиглара вновь и вновь звучит с церковных амвонов, университетских кафедр и митинговых трибун по всей Америке, в особенности в ее мещанской сердцевинке и южной глубинке, собирая многотысячные толпы людей, мотивируемых неутомимым желанием, алчным и сладострастным, пробиться навверх, к вершине, на которую уже вскарабкался Зиглар, используя в качестве ступенек человеческие жадность и глупость, хватательные, частнособственнические инстинкты.

В мире, где все продается и покупается, буквально у каждого коммивояжера в заветном чемоданчике вместе с образчиками товаров вы можете найти кассеты с магнитофонными записями зигларовского евангелия. С его книгой в руках засыпают и просыпаются бизнесмены и спортсмены, гангстеры и домохозяйки, политические деятели и актеры, торговцы пушечным мясом и котлетами-гамбургерами, атомной смертью и эликсирами жизни, биржевые воротилы и стриптизные вертихвостки, богослужители и христородавцы... Всем хочется встретиться на вершине, вернее, на груде золота и куче денег.

Индустрия околпачивания

Сам Зиглар в свои пятьдесят два года уже прочно восседает на Олимпе так называемой «мотивировочной индустрии». Чем больше пессимизм охватывает Америку, тем больше процветает в ней расхожая философия оптимизма. Не от добра, а от худа. Это не крепость духа, а отчаяние утопающего, хватающегося за соломинку. Философия оптимизма, по Зиглару, также соотносится к научной философии, как астрология к астрономии. Между ней и нашей философией исторического оптимизма пролегла непроходимая пропасть. Наша философия — краеугольный камень будущего, зигларовская — философский камень прошлого, тщетная попытка средневековых алхимиков превращать любой предмет в золото.

Впрочем, в отличие от средневековых чернокнижников капитаны «мотивировочной индустрии» современной Америки научились (или наловчились?) превращать в золото если не любой предмет, то, во всяком случае, страхи и предрас-

судки своих многочисленных соотечественников. «Мотивировочная индустрия» не в пример другим отраслям американской промышленности еще не успела обрести устойчивым статистическим аппаратом, однако, даже по далеко не полным данным, годовой доход от продажи книг и магнитофонных записей вроде зигларовских, от курсов «самоусовершенствования» и советов по почте, «как разбогатеть немедленно», составляет сотни миллионов долларов. Ожидается, что к 1984 оруэлловскому году доходы «мотивировочной индустрии» перевалят через три миллиарда долларов. А почему бы и нет? Чем хуже американцам, тем лучше зигларам. Чем больше утопающих, тем больше соломинок, из которых можно потягивать долларовый нектар.

Зиг Зиглар произрос не на пустом месте. Еще в 1880 году П. Т. Бэрнам опубликовал сборник лекций «Искусство добывания денег». Сборник этот имел оглушительный успех. Людей отнюдь не смущал тот факт, что мистер Бэрнам был известным цирковым импресарио, что его цирк «Бэрнам-Бэйли» играл для детей прошлых поколений роль современного Диснейленда. Когда речь идет о скорейшем обогащении, человек готов поверить и цирковому клоуну, проповедующему с посыпанной опилками арены, и церковному служителю, занимающемуся цирковой клоунадой с пропитанного елеем амвона, то есть, короче, и черту, и богу. В двадцатых годах место циркача Бэрнама заняли мультимиллионеры Карнеги — Эндрю и Дэйл, а также пройдоха-француз Эмиль Кю. Миллионы американцев, словно впад в детство или превратившись в сомнамбул, повторяли за ними формулу-заклинание: «Каждый день и во всех отношениях я становлюсь все лучше и лучше». Но заклинание не помогло. Каждый день и во всех отношениях Америка приближалась к оглушительному краху на нью-йоркской фондовой бирже и последовавшему за ним затяжному мировому экономическому кризису капиталистической системы.

После второй мировой войны апостолом «мотивировочной индустрии» стал Норман Винсент Пил. Его книга «Сила позитивного мышления» побила в пятидесятые годы все рекорды сбыта, пропуская впереди себя лишь Библию, а сам Пил стал духовным наперсником будущего президента США Ричарда Никсона. И опять осечка: «позитивное мышление» Пила оказалось бессильным предотвратить Уотергейт.

Принято считать, что на ошибках учатся. Не все и не всегда. Недаром алкоголики, борясь с похмельем, вливают

в себя новую дозу спиртного. Вьетнам, Уотергейт, двойная девальвация доллара, энергетический кризис, следующие друг за другом спады и депрессии, неукротимая «галопирующая» инфляция окончательно подорвали веру американцев в особенности средних классов и мещанства, в, казалось бы, незыблемые постулаты их образа жизни — оптимизм янки, этику успеха как «вознаграждаемого труда» и бережливость «во имя будущего». Раньше у американцев даже существовала поговорка: «Сбереженный цент — заработанный цент». Сейчас инфляция внесла свой жестокий корректив в народную мудрость. Сбереженный цент равен только заработанному полуценту. Для прагматически мыслящего американца это означает, что терпение и труд уже не все перетрут, что вера в будущее, облеченная в форму сберкнижки, поколеблена, дала трещину до самого основания.

И вот американец, оглушенный крахом «непреодоляющих ценностей» — центов и долларов, бросается из одной крайности в другую — от прагматизма к гедонизму. Но гедонизм янки это вам не гедонизм греков или римлян времен упадка. Увлечение наркотиками, расцвет порнографии в кино и театре, превращение дискотек в «танцующие» публичные дома и так далее «при всем при том» — лишь поверхностные явления, так сказать, пена на волнах, захлестывающих «Титаник». Гедонизм янки не в растранижении, а в приобретательстве. Но ведь так было и раньше? — скажете вы. Да, конечно, но с одной весьма существенной разницей. Раньше, веря в будущее, американец копил методически, по-гобсековски. Сейчас, потеряв эту веру, он пытается копить по курсу дня, то есть урывать все сегодня и для сегодня. Поэтому для него «кадиллак» в гараже и плавательный бассейн во дворе уже и не роскошь, и не необходимость, а загробная жизнь при жизни, спасение.

В этой обстановке лихорадочной погони за обогащением — недаром здесь даже появилось выражение «фаст бак» — «быстрый доллар» — «мотивировочная индустрия» расцвела особо пышным цветом. Ее рынок стал, по существу, беспредельным и ненасытным, ибо беспредельно и ненасытно чувство наживы и успеха в индивидуалистическом обществе. Зайдите в любой книжный магазин и взгляните на полки в так называемых секциях «самопомощи». Вы удивитесь обилию книг, обещающих и то, и другое — наживу и успех, — причем незамедлительно, по мановению руки. Перелистайте

журнал «Успех безграничный», издаваемый чикагским мультимиллионером Клементом Стоуном и бывшим помощником бывшего президента Никсона Дуайтом Чэпином. Вы удивитесь географической широте и геологической глубине распространения эпидемии «высотной болезни» стяжательства.

Именно в этой атмосфере и преуспел Зиг Зиглар, сопливый мальчишка из Язу-сити, штат Миссисипи, начавший свою карьеру с розничной торговли зеленью в этом захолустном южном городке в годы великой депрессии и добравшийся до высот Далласа, штат Техас, где у него сейчас роскошный дворец с плавательным бассейном стрелообразной формы. (Об этом пристрастии зигзагообразного Зига к стреловидным конфигурациям мы еще поговорим ниже.) Зиг Зиглар нарахват. В неделю он произносит пять речей. Гонорар за каждую речь — две с половиной тысячи долларов. График Зиглара уже написан до начала 1981 года. Чтобы выдержать его, Зиг исключительно летает, делая в среднем ежегодно триста тысяч миль. Его «Зиг Зиглар корпорейшн», которая раньше называлась «Мы верим», а еще раньше — «Институтом зигманизма» и единственной продукцией которой является он сам и его «философия оптимизма», приносит бывшему зеленцику и торговцу кухонной утварью более миллиона долларов ежегодно. Люди, измученные тщетной погоней за успехом, в особенности мелкие предприниматели, задавленные конкуренцией большого бизнеса, слетаются на «сеансы» Зиглара, как мошकारа на свет керосиновой лампы, опаяя крылья и воспаляясь надеждой.

Тридцать шесть и один

...Отель «Дюпон плаза» в Далласе. Небольшой банкетный зал под названием «Дель Монте рум». Тридцать шесть человек маются в нервном ожидании пророка. Они прибыли сюда со всех концов Америки, чтобы пройти курс «Богатая жизнь», который он преподает. Боб Росс, безработный актер из Голливуда, надеется, что пророк поможет ему «сфокусировать жизнь на успех». Супружеская чета Хит-Гленн и Кэролайн владеют ресторанчиком в Старквилле, штат Миссисипи. Они надеются, что четырехдневный семинар Зиглара поможет им расширить дело. Косметолог Поль Расмуссен из Мино, штат Северная Дакота, заплатил пятьсот долларов —

такова цена четырехдневного курса «Богатая жизнь», — чтобы «прочистить себе мозги и изменить жизнь к лучшему».

Аналогичные надежды питают и другие «семинаристы». Продавец автомашин из штата Теннесси говорит, что нуждается в «позитивных взглядах» для большего сбыта своих «шевроле». Окружной менеджер цепи ресторанов «Джек-инте-бокс» в Оклахоме хочет узнать, в чем смысл его жизни, или, как он выражается, ее «приоритеты». Тренер футбольной команды из Алабамы надеется, что Зиглар подскажет ему путь к победе в чемпионате штата. Служащий табачной компании из Северной Каролины хочет бросить курить. Преподаватель скоростных методов чтения из Канзас-сити интересуется скоростными методами обогащения, но «без необходимости напрягаться». (Видимо, бедняга сильно притомился от скоростного чтения.) Производитель очков, защищающих от солнечных лучей, — он из Техаса — «просто» хочет узнать, что такое «богатая жизнь». (Видимо, судя по его профессии, без розовых очков.)

Наконец, появляется сам пророк. Он среднего роста, поджар, в хорошей спортивной форме. На нем костюм-тройка из светло-коричневого материала. Из-под рукавов торчат манжеты сорочки, в которые продеты золотые запонки стрелообразной формы. (Мы не забыли коснуться этого хобби Зиглара. Но всему свое время.) Зиглар подходит к черной грифельной доске, обычной, школьной, и пишет на ней мелом три слова: «Здоровье», «Счастье», «Богатство». Затем он расправляет складки американского звездно-полосатого флага, установленного рядом с доской, и предлагает каждому из присутствующих исповедаться — один за другим — вслух и ничего не утаивая.

И вот типичные «средние американцы» — один за другим — выкладывают Зигу свои боли и обиды, рассказывают ему о том, как не смогли поймать за хвост жар-птицу «американской мечты» и как им позарез хочется приобщиться к «богатой жизни». Зиглар слушает их с преувеличенным, наигранным вниманием, восхищается их красноречием и мудростью, хотя они косноязычны и ограничены, аплодирует им и то и дело восклицает: «Супер гуд!» Для каждого исповедующегося он находит доброе слово, комплимент. У оратора, голос которого был еле слышен, он отмечает «красноречивую жестикуляцию». У другого оратора, стоявшего, как чурбан, он обнаруживает «бархатный тембр

голоса». Зиг умело разыгрывает роль мягкотелого учителя, ставящего любому и каждому одни пятерки, и аудитория, состоящая из одних «двоечников»-неудачников, постепенно проникается доверием к нему, как говорится, начинает клевать из его рук.

Наконец исповедь всех тридцати шести соискателей «богатой жизни» завершена. Слово берет сам пророк. Он провозглашает крестовый поход против «негативизма» — против порнографии и дарвинизма, курения табака и марксизма, употребления алкоголя и коммунизма. Он призывает своих учеников отрешиться от этих «негативистских условностей» и обещает им «позитивное перевоплощение» с помощью курса «Богатая жизнь».

Разговаривая, оратор быстро передвигается по паркетному полу банкетного зала «Дель Монте рум», покрытому красным ковром стреловидной формы (нет, мы не забыли нашего обещания объяснить это хобби Зиглара), подходит то к одному, то к другому слушателю, роняет «многозначительные» фразы, вроде «Я такой оптимист, что готов броситься за Моби Диком в простой шляпке» или «Если вы желаете собирать апельсины, то не сейте картошку», гарантирует, что «через четыре дня вы начнете меняться буквально на глазах», и уже совсем как заправский фокусник обещает «деньги обратно», если это не произойдет.

Но наиболее убедительный аргумент в колчане соблазнов Зига Зиглара это он сам, его судьба, судьба человека, мечтавшего о бывшем в употреблении «шевроле» и разъезжающего ныне в новеньком, с иголки «линкольн-континентале», судьба прозябавшего в глубинке Миссисипи провинциала баптиста-южанина, ставшего «светским» космополитом, налетавшим три миллиона миль, и мир посмотревшим, и себя показавшим, а главное — судьба американца, умудрившегося стать «важной птицей», не переставая быть «маленьким человеком».

Коммивояжер из Язу-сити

Зиг Зиглар родился в 1926 году в фермерской Алабаме. Отец его, смотритель плантации, умер, когда Зигу было всего пять лет. Оставшаяся без кормильца семья перебралась в Язу-сити. А семья была большая — двенадцать детей и на-

божная, слабая здоровьем мать. Жизнь в Язу-сити не баловала Зига. С семи лет он пошел торговать зеленью с лотка. «Я был очень щуплым ребенком. Даже в полной форме, будучи уже выпускником средней школы, весил не более ста двадцати фунтов. И думал я о себе как о маленьком парне из маленького городка, который всю свою жизнь будет искать маленькое счастье,—вспоминает Зиглар.—И ожидания мои были маленькими. Так, например, в моем представлении «роскошный отпуск» не простирался более двух недель. И представлял я его себе следующим образом: сидишь и едешь в машине так далеко, чтобы... вовремя поспеть домой».

Окончив школу, Зиглар ткнулся сначала во флот, затем в авиацию. Но в воздух так и не взлетел. Война окончилась, и он поступил в Университет Южной Каролины в Колумбии. Одновременно Зиг торговал сэндвичами, чтобы платить за обучение. Но, по его признанию, ни наука, ни торговля сэндвичами не привлекали его. Проучившись несколько месяцев, Зиг бросил университет и поступил на работу в «Веаревеер алюминум компани» в качестве ее ланкастерского коммивояжера по сбыту кухонной утвари — кастрюль, сковородок, чайников...

Начало было обескураживающим. Первые одиннадцать дней Зиглар тщетно звонил и ломился в двери потенциальных клиентов. Никто не изъявлял желания покупать его кастрюли и выслушивать его аргументы. Лишь на двенадцатый день счастье улыбнулось Зигу. Какая-то женщина купила у него сковороду. Он до сих пор помнит ее фамилию и адрес — госпожа Д. Фримэн, Индиана-драйв, и цену сковороды — 16 долларов 45 центов. «Поздно вечером, возвратясь домой, я ощутил себя самым богатым человеком во всем Вавилоне», — говорит Зиглар.

Но городишко Ланкастер, что в пятидесяти милях к северу от Колумбии, так же напоминал древний Вавилон, как Зиг Зиглар — его самого богатого горожанина. Сковороды и кастрюли, ну, никак «не шли», и почти три года наш герой щелкал зубами по непродажному алюминию. К тому же он обзавелся семьей. У него родился ребенок.

Однажды, дело было зимой 1950 года, в городе Шарлотте, штат Южная Каролина, компания «Веаревеер алюминум» организовала семинар для своих коммивояжеров. Участвовал в семинаре и Зиг Зиглар. Было ему тогда двадцать три года. Как-то по окончании очередного занятия некто мистер

П. Меррел, крупная шишка в компании, подозвал к себе Зиглара и сказал ему отеческим тоном:

— Зиг, дружище, я наблюдаю за тобой вот уже два с половиной года и должен признаться, что еще ни разу не видел такого разбазаривания таланта. Если ты узнаешь себе цену, ты можешь стать великим коммивояжером. Более того, ты можешь стать национальным чемпионом «Веареввер алюминум компани» по сбыту кухонной утвари!

Читатель, ты, конечно, догадался, что я рассказываю о встрече Зига с крупной шишкой Меррелом, словно шагнувшим со страниц романов Горацио Элджера в жизнь нашего героя, с его собственных слов. Но тем более показательна эта история.

Беседа шишки с замухрышкой длилась всего две минуты. Зиг был потрясен уже одним тем фактом, что столь высокое лицо знало его в лицо, знало его имя и верило в его звезду. «Всю ночь, пока я ехал из Шарлотты домой, я вновь и вновь повторял слова Меррела. До него еще никто не выражал такой веры в мои способности. И эффект этого жеста оказался магическим. На следующее утро я проснулся в сиянии моего нового «имиджа» и отправился на работу, уже чувствуя себя национальным чемпионом».

Жизнь Зига преобразилась. В течение года он стал коммивояжером № 2 среди семи тысяч сотрудников «Веареввер алюминум компани». На следующий год он уже был самым высокооплачиваемым менеджером по сбыту. А еще через пару лет — самым молодым шефом дочернего филиала компании. (Его рекорды по продаже кастрюль и сковородок до сих пор никем в Америке не побиты.) Зиг уже мог позволить себе роскошь купить «пontiак».

Мечты об Акапулько

...Снова отель «Дюпон плаза» в Далласе. Снова банкетный зал «Дель Монте рум». Идет второй день семинара «Богатая жизнь».

— Я молю бога, чтобы он сделал меня мистером Меррелом вашей судьбы, ибо все вы призваны совершить великие деяния. В вас заложены семена успеха, более того — задатки гениальности! — мечет бисер перед затравленными жизнью мещанами Зиг.

И чудо, как это предсказывал кухонный мессия, свершается на глазах. Причем для одного из страждущих даже не на четвертый день, а на второй. Зовут его Эрих Гернер. Он вице-президент гостиничного конгломерата «Холлидей иннс интернэшнл». Мистер Гернер просит слова вне очереди, просит и великодушно получает.

— В течение полутора дней, проведенных здесь, я сделал шесть важных решений, касающихся моего личного финансового положения. Эти решения, безусловно, гарантируют мне успех до конца жизни. Моя судьба во многом схожа с судьбой мистера Зиглара. У меня всего четырехклассное образование, но я тем не менее пробился из поваров в вице-президенты. И, знаете, благодаря чему? Благодаря кассетам с записями «Как быть всегда мотивированным» мистера Зиглара. У меня шесть магнитофонов, которые мистер Зиглар справедливо считает величайшим инструментом просвещения из всех, когда-либо изобретавшихся человеком. Один магнитофон в ванной комнате, другой в кабинете, третий в спальне на ночном столике, два в автомашинах и последний на работе. У меня четыреста кассет, и я непрестанно слушаю их. И магическое слово Зига Зиглара, записанное на них, превратило меня из человека несчастного и без будущего в счастливого и преуспевающего, идущего без страха вперед!

Гром аплодисментов. Эрих Гернер раскланивается. Зиг Зиглар расцветает. Никому из аудитории не приходит в голову спросить мистера Гернера, когда это он обзавелся двумя автомашинами и шестью магнитофонами — будучи поваром или уже в качестве вице-президента? И никто из аудитории не догадывается о подлинных причинах столь скороспелого — за двое суток — преобразования бывшего кулинара. А причины сии весьма далеки от чар Зига Зиглара. Господину вице-президенту срочно позвонили с Богамских островов и сообщили неприятную новость: негры-служащие фешенебельного «Холлидей инна» на Райском острове забастовали. Необходимо срочно найти и доставить на остров прислугу-штрейкбрехеров, чтобы котлы в кухне по-прежнему кипели и рулетка в казино по-прежнему крутилась.

Итак, став мистером Меррелом для мистера Гернера, мистер Зиглар с новым рвением принимается за оставшихся в «Дель Монте рум» тридцать пять олухов. За часом «кормления позитивностью» следует час «ласки самолюбия и самоуверенности». Все тридцать пять олухов — один за дру-

гим — рассказывают о наиболее смешном или наиболее страшном эпизоде из своей жизни. По требованию Зиглара рассказчиков то и дело перебивают бурными аплодисментами и возгласами: «Давайте мотивировать!» Кроме того, у всех на руках карточки, на которых написано: «Мне нравится эта речь, потому что...» Дальше идет прочерк, который должен быть заполнен исключительно позитивным комментарием.

— Еще никто не ставил памятника критикам, — наизда-тельно замечает Зиг Зиглар.

В качестве задания на дом «проповедник оптимизма» предлагает олухам заполнить «Свиток моей мечты».

— В этот свиток вы должны внести вещи, которые вам хотелось бы иметь, например, прекрасный дом, новый автомобиль, выигрышный лотерейный билет с оплаченным кругосветным путешествием. Когда будете составлять список, не стесняйтесь, мечтайте вовсю, — поясняет домашнее задание Зиг Зиглар.

Следующий день семинара проходит под девизом «Определение цели — шаг к достижению успеха». Зиг Зиглар фантазирует:

— Представьте себе, что в полшестого утра вас будит телефонный звонок. Вы снимаете трубку и слышите взволнованный, возбужденный голос вашего старого друга: «Эй, старина, у меня для тебя фантастическая новость. Я только что выиграл путевку на отпуск в Акапулько на четверых. Мы выезжаем завтра утром. Нас доставят в Акапулько в специальном самолете, принадлежащем корпоративным боссам. Мы будем жить на вилле одного миллиардера и проведем там четыре феерических дня. Специально для нас выписывают лучшего в мире шеф-повара француза. К нашим услугам будут 60-футовая яхта и лимузин с шофером. И все это уже оплачено. Единственное, что требуется от тебя, быть готовым завтра утром в восемь часов пятнадцать минут. Тютелька в тютельку. Ну, как, ты согласен?»

Зиглар прерывает свое повествование и обводит взглядом аудиторию, загипнотизированную видениями «богатой жизни» на далеком — не столько географически, сколько в финансовом плане — Акапулько. Убедившись, что мечты уже перенесли его учеников в это райское место, Зиглар продолжает:

— А теперь позвольте мне задать вам один вопрос. Если кому-нибудь из вас позвонят с подобным предложением,

то сколько из вас будет готово к поездке на Акапулько ровно в восемь пятнадцать утра?

Как и следовало ожидать, все тридцать пять участников семинара заявляют о своей стопроцентной готовности. Еще бы, в Акапулько, бесплатно, на виллу миллиардера, с яхтами и лимузинами. Какой идиот откажется?!

— Тогда позвольте мне задать вам еще один вопрос,— вновь раздается голос Зига-искусителя.— Разве буду я далек от истины, если предскажу такую картину: повесив телефон, вы начнете прикидывать: «О боже, какая жалость, ведь у меня, как назло, завтра утром в десять тридцать совещание. Мне надо продиктовать двадцать пять деловых писем. Да и хозяин как раз завтра возвращается в город». Так вот, мой второй вопрос: кто из вас искренне считает, что он в состоянии за двадцать четыре часа повернуть работу, которая в нормальных условиях занимает два, три, четыре, пять и даже шесть дней?

И снова лес рук. Чего только не сделаешь ради волшебного Акапулько, какие горы не своротишь!

— Тогда, уважаемые леди и джентльмены, позвольте мне задать вам уж совершенно простой вопрос: кто же мешает вам ездить завтра, да и в любой другой и даже каждый день, в Акапулько... в ваших мечтах, в вашей фантазии?

Семинаристы обескуражены. Они тщетно пытаются вникнуть в смысл мудрости оракула из Язу-сити, который не менее туманен, чем его великий предтеча из Дельф. А вникать, собственно говоря, особенно и не требуется. Просто Зиг Зиглар торгует воздушными замками в обмен на потогонный труд, а себе в качестве гонорара берет солидные комиссионные.

Телефонный разговор с богом

Подобно опытному полководцу, Зиг никогда не начинает атаку главными силами, а бросает их в бой лишь в решающий момент. Рассказ о встрече с мистером Меррелом — артиллерийская подготовка. Генеральное наступление — рассказ о встрече с самим мистером богом.

Согласно евангелию от Зига, бог впервые явился ему в одну из летних ночей 1972 года. Зиг плавал на спине в своем стреловидном бассейне, озирая глазами небосвод, когда

всевышний неожиданно заговорил с ним. И Зиг «вторично родился». (Попутно замечу в скобках, что «вторичное рождение» стало сейчас весьма модным среди американских политических деятелей. Многие участники уотергейтского скандала объявили себя «вторично рожденными» христианами после отбытия сроков тюремного наказания. Считает себя «вторично рожденным» и президент Картер. Согласно его автобиографии, бог явился президенту, когда он молился одному коленапоклоненным в бескрайнем арахисовом поле в своем родном Плейнсе, штат Джорджия. За политиками стали массировано «вторично рождаться» голливудские актеры и спортсмены-профессионалы. Бог, как говорится, милостив.)

«Вторичное рождение» Зига Зиглара подготовлялось исподволь. За неделю до памятного плавания на спине Зиг по дороге в Туллахому, штат Теннесси, встретил женщину-негритянку по имени сестра Джесси. Она занималась чудесным исцелением гангренов и прочих недугов при помощи меда и масла. Зиг, с детства увлекающийся всевозможными чудотворцами, предложил сестре Джесси поехать вместе с ним в Даллас и вместе отметить 4 июля — день провозглашения независимости Соединенных Штатов, превратив его одновременно в день «зависимости от бога».

— Бог избрал неграмотную и полоумную женщину, чтобы открыть мой разум и мое сердце, — вещает Зиг. — При этом не было никаких взрывов, никаких сверкающих молний. Лишь полное и глубокое постижение. О боже, шептал я, плавая на спине, обратив свой взор к небу, ты создал всю эту Вселенную из хаоса и ты когда-нибудь вновь вернешь ее в хаос. И тут я услышал ясный голос бога из ночной темени: «Именно так, сын мой, и никогда не забывай об этом». Одинокая звезда сорвалась с неба и канула метеором в небытие.

Тридцать пять олухов царя небесного, затаив дыхание, слушают ставший уже каноническим рассказ о встрече Зига с богом.

Второе свидание «на высшем уровне» произошло несколько дней спустя в тexasском городе с вполне подходящим для подобного рандеву названием — Корпус Кристи (тело господне). Зиг проводил там отпуск. Неожиданно ему позвонил некий джентльмен, который накануне отказался организовать платную лекцию Зига. Теперь он переменял свое решение и предлагал проповеднику выступить перед

каким-то международным конгрессом. Вдруг в их телефонный разговор вмешался бог и четко (определение самого Зиглара) произнес: «Вот видишь, Зиг, когда ты доверяешься мне, то я беру на себя все твои заботы и хлопоты и устраиваю их».

Итак, после встречи с Меррелом Зиг стал без осечки продавать свои сковородки и кастрюли, а после встречи с богом — свою философию, а заодно книги и кассеты. Первый этап преобразования Зига был неполным. (Как-никак, а мистер Меррел был богом лишь в пределах «Веареввер алюминум компани».) Зиг еще не чувствовал себя ни богатым, ни знаменитым, ни счастливым. Страдал от лишнего веса. Его компания «Мы верим» еле сводила концы с концами. (Тогда он торговал еще кассетами, на которых были записаны не его божественные, а коммивояжерские откровения. Их заголовок гласил: «Бисквиты, мухи и насосы». О насосах, как и о стрелах, я обещаю рассказать несколько ниже.)

Звание чемпиона Америки по продаже кухонной утвари уже не удовлетворяло честолюбивого Зига Зиглара. «Я больше не хотел быть путешествующим общим местом», — говорит он. В 1955 году Зиг покидает «Веареввер алюминум компани» и перебирается в Нью-Йорк, где поступает в институт Корнеги, основанный автором книги «Как приобретать друзей и влиять на людей». Сам Зиг друзей в Нью-Йорке не приобрел и влиять на людей не научился. Вавилон на Гудзоне оказался для баггиста-южанина слишком уж твердым орешком. Там с лихвой хватало своих собственных проповедников-зазывал и на денежной бирже, и на бирже труда, и на бирже человеческих пороков, страстей и трагедий. (Собственно говоря, все они одна-единственная гигантская и всепоглощающая биржа капитализма.)

В течение последующих пяти лет Зиг вновь становится «путешествующим общим местом». Он сменяет семнадцать профессий. Торгует всем, чем угодно, — от чудодейственных витаминов до страховых полисов против рака. В 1961 году Зиг возвращается на круги своя — вновь толкает в массы алюминиевые кастрюли и сковородки, но уже не для «Веареввер алюминум компани», а для «Саладмастер корпорейшн». Он вновь становится чемпионом Америки в кухонном весе. Расплачивается с долгами. Богатеет. Заводит свое собственное дело — сначала кухонное, затем проповедническое. Но лишь со дня «личной встречи» с богом в плавательном бассейне и телефонного разговора с ним в Корпус Кристи начинается

подлинный ренессанс этого одного из самых крупных духовных шарлатанов Америки, одного из ее чемпионов по «промыванию мозгов».

— Я уже никого ни о чем не прошу. Заказы сыплются на меня как из рога изобилия. Мой календарь заполнен до отказа,— говорит не страдающий чувством скромности Зиг.

Отравленные стрелы

Заполненный до отказа календарь оборачивается заполненной до отказа казной. Дворец Зига на улице Дилбек-лейн в северных кварталах Далласа — рукотворное тому свидетельство. Стрелообразный плавательный бассейн, стрелообразный камин, стрелообразный письменный стол, стрелообразные скульптуры... Настала пора объяснить это пристрастие владельца замка на Дилбек-лейн к стреловидным формам. В них заключена двойная символика: путь к добру и поражение зла.

Зигагообразный Зиг, конечно, грешит против истины, утверждая, что его жизненный путь был прямым, как стрела. (А почему не овальным, как сковорода?) Но сие не столь уж важно. Важно другое — его концепция добра и зла. Она дремуча, как леший, и реакционна, как ку-клукс-клан. В ней неистовство инквизиции и религиозное лицемерие. Стрелы Зига густо смазаны ядом и елеем одновременно. Зиг утверждает, что после своего памятного телефонного разговора с богом он в первую очередь разбил домашний бар и запасы шампанского и вылил дьявольское зелье в туалет. Не спорим, возможно. Но опять-таки куда важнее, чьи головы разбивает Зиг, на чьи головы выливает свою «философию энтузиазма»? Не случайно, что, покончив с бутылками, он принялся за книги. В огонь полетели ученые и писатели, древние и современные авторы, которые, по его словам, «отравляют сознание и мозг». Макси-Зиг неистовствовал, как мини-Геббельс.

Неистовство инквизиции и религиозное лицемерие всегда ходят в обнимку с ханжеством. Зиг выступает против равноправия женщин под покровом борьбы за чистоту морали и высокую нравственность. «Помните, бог создал женщину лишь для дома и семьи», — назидает он в своих проповедях. Зиг выступает против джаза и рок-музыки. «Нельзя ложить-

ся спать под эту музыку, иначе во сне в вашу душу заползет сатана», — пугает он свою паству. Зиг готов вырубить весь лес науки, культуры и искусства, чтобы уничтожить «дарвиновских обезьян и голых Венер».

Зиг — суперпатриот, как Американский легион, помноженный на комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Он считает, что Соединенные Штаты разлагаются изнутри системой социального обеспечения и государственным вмешательством в свободное предпринимательство. Он обвиняет руководство страны в «бесхребетности» за то, что оно поддерживает дипломатические отношения с социалистическими странами и не поддерживает гонку вооружений на «необходимом уровне». Бывший чемпион по продаже кухонной утвари, он все нахальнее и настойчивее лезет на политическую кухню. Он грозит подвергнуть «строжайшему экзамену на американизм» всех будущих кандидатов в Белый дом и конгресс. «Бог, с именем которого я веду бой за оптимизм и мораль, и здесь предназначил мне особую роль», — многозначительно намекает зигзагообразный Зиг, ощерившийся стрелами антикоммунизма и реакционного мракобесия...

Шаманство в банкетном зале «Дель Монте рум» далласского отеля «Дюпон плаза» — это, так сказать, микромир Зига Зиглара, это Зиг в миниатюре, Зиг-лирик. Эпические полотна Зиг малюет на многотысячных ралли, на гигантских митингах под открытым небом, где он проводит свои сеансы уже не камерного, а вселенского охмурения.

Балаган в «Колизее»

...«Колизей» в Шарлотте, штат Северная Каролина. Еще вчера здесь под его куполом выступали цирковые акробаты, жонглеры и клоуны. А сегодня их потеснили артисты несколько иного жанра — акробаты, жонглеры и клоуны «мотивировочной индустрии». Вот патриарх «позитивного мышления» Норман Винсент Пил. Ему уже далеко за восемьдесят. Его бережно, чтобы не рассыпался, подсаживают на сцену. Рядом с ним еще один столп всеамериканского «мотивирования» — Кэвэт Роберт из Феникса. У него тоже «свиток годов на рогах», но он держится молодцом и даже произносит речь о том, что «единственное капиталовложение, которое всегда окупается, — это самоусовершенствование». Впрочем, покло-

нение божеству самоусовершенствования не мешает старине Роберту делать бизнес, не отходя от кассы. Толкнув речь, он тут же начинает толкать свой курс «гуманизации», записанный на пленку и стоящий 360 долларов штука. (Кстати, именно Кэвэт Роберт вдохновил Зига Зиглара на написание ставшей ныне классикой «Встретимся на вершине».)

А вот еще один столп — Поль Харви. Сегодня его конек — безработица. Он кочует безработных Америки как бездельников и паразитов, которые даром едят ее хлеб. Заодно Харви прихватывает и Ральфа Нейдера, прославившегося разоблачением грязных махинаций автомобильных концернов-гигантов. («Дженерал моторс» в отместку установила слежку за ним. Ее наемные детективы чуть было не ухлопали Нейдера.)

— Вместо того, чтобы заглядывать под капоты автомобилей, пусть лучше Нейдер заглядывает в зад тринадцати миллионам безработных. Это они жгут зазря горючее, переводят наше национальное богатство! — вопит Харви под одобрительный грохот всего «Колизея». Десять тысяч коммивояжеров и домохозяек «в теннисных туфлях» (наиболее отсталая и реакционная прослойка прекрасного пола), заплативших пятнадцать долларов с рыла за билет, бешено аплодируют оратору. Они ненавидят и боятся безработных. И еще больше боятся безработицы.

Веет на искусственном ветру кондиционеров звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов Америки, и, осеняемые им, сеют псевдооптимизм, ура-патриотизм и дремучий прозелитизм столпы «позитивизма» (как сказал бы Шекспир, «много «измов» из ничего»).

Наконец, крещендо и финал. Слово предоставляется самому Зигу Зиглару — звезде первой величины даже в этой галактике акробатов, жонглеров и клоунов массового очковтирательства. Он затмевает всех в своем белоснежном костюме, в белоснежном воротничке, на который насажена хитрая голова-котелок, сработанная не «Веареввер алюминум компани», не «Саладмастер корпорейшн», а американским образом жизни, на его кухне. И благодарный Зиг, поглаживая атлас звездно-полосатого флага, первым делом отдает дань этому образу (или безобразию?), по образу и подобию которого он создан и пытается пересоздавать других.

— Три миллиарда человек на земле хотели бы стать вашими соседями. Три миллиарда человек буквально готовы

отдать правую руку на отсечение, лишь бы пользоваться теми правами и свободами, которые вы воспринимаете как само собой разумеющееся!—воскликает Зиг, видимо, позабыв о тринадцати миллионах безработных, которых только что придавал анафеме Поль Харви.

Аудитория бешено аплодирует, стучит в знак согласия тяжелыми башмаками коммивояжеров и теннисными туфлями домохозяек. Глядя на них, я думаю: «Достопочтенные леди и джентльмены, вы, приходящие в неистовство, когда с вами по соседству селится американский негр. Что станет с вами, если вашим соседом окажется вся черная Африка или желтая Азия?»

— История моей жизни—это история вашей жизни,—продолжает тем временем Зиг Зиглар.—Я не думаю, чтобы в этой аудитории нашелся хотя бы один человек, в шкуре которого я бы не побывал (по-английски: в башмаках которого я бы не ходил). И я не верю, чтобы в этой аудитории нашелся хотя бы один человек, испытавший столько банкротств, столько разочарований, сколько их выпало на мою долю, испытавший страхи и неуверенность в себе, равные моим.

Когда аудитория полностью проникается чувством общности своей планиды с планидой Зига — она тоже пытается просунуть башмак коммивояжера и теннисную туфлю домохозяйки в не желающую распахиваться перед ней дверь всеобщего благоденствия,—Зиглар начинает рассказ о своем житии, канонический рассказ о восхождении маленького человека из Язу-сити к вершинам славы и богатства. Несколько дольше обычного он задерживается на благословенной встрече с мистером Меррелом. Ведь она произошла именно здесь, в этом городе, в прекрасной Шарлотте, почти тридцать лет назад! За мистером Меррелом — с неизбежностью темы рока в греческих трагедиях — следует мистер Всевышний: сначала сцена у фонтана, то есть у стреловидного бассейна, а затем телефонный разговор небо — земля. Ораторское крещендо нарастает:

— Если бы я мог уделить каждому из вас хотя бы секунду с глазу на глаз, я бы сказал вам, как сильно и безраздельно любит вас господь-бог, как страстно он желает вам успеха. С тех пор, как на земле зародилась человеческая жизнь, ее населяли десять миллиардов людей. (У Зига слабость к миллиардам и миллионам — миллиардам людей и миллионам

долларов.) Но еще не было и никогда не будет таких, как вы. Вы — особые, вы — редчайшие, вы — уникальные, вы — действительно нечто неповторимое!

Десять тысяч редчайших коммивояжеров и особых домохозяек вне себя от восторга и восхищения собственной уникальностью. А Зиг Зиглар продолжает подливать масла в огонь:

— Верьте во всемогущего господ-бога! Это наиважнейшее из всего, что может посоветовать вам любой оратор с любой трибуны. И если вы искренне поверите в бога, то я, друзья мои, гарантирую вам то, что вынесено в заглавие моей книги,—мы встретимся на вершине успеха!

На этих льготных условиях аудитория готова поверить хоть в бога, хоть в черта немедленно, не размышляя. И она тут же, столь же немедленно вознаграждается встречей с Зигом Зигларом. Правда, встреча эта происходит не на мифической вершине, а за вполне реальными кулисами «Колизея». Зиг удобно расположился за столом-конторкой и бойко торгует своими откровениями — книгами «Встретимся на вершине» (цена—8 долларов 95 центов) и «Исповедь счастливого христианина» (цена—6 долларов 95 центов), а также набором кассет «Как быть всегда мотивированным» (цена—60 долларов) и «Зиг Зиглар о заключении сделок» (цена также 60 долларов). Он раздает автографы, дарит улыбки, обменивается рукопожатиями... Торговля ложными надеждами и лживыми обещаниями за полновесные доллары идет бойко... Зиг Зиглар знает, как заключать сделки с богом и коммивояжерами, с чертом и домохозяйками. Мерно и гордо кольшется на искусственном ветру кондиционеров звездно-полосатый флаг земли обетованной — Соединенных Штатов Америки...

Сэм против Зига

Балаган, подобный тому, что имел место в «Колизее» города Шарлотта, штат Северная Каролина, повторяется в Мемфисе, Нэшвилле, Тулзе, Цинциннати, Чикаго и Солт Лейк-сити. Бродячий цирк «мотивировщиков» (недаром их знаменитый предок П. Т. Бэрнам был известным цирковым импресарио!) кочует по Америке не первый год. Его премьера состоялась еще в 1976 году в Канзас-сити. С тех пор «мотивировщики» дали бесчисленное количество представле-

ний во всех уголках страны, кроме Северо-Востока, известно своим безбожеством, поклоняющегося Желтому дьяволу, так сказать, непосредственно, без маклерских услуг «мотивировщиков» (недаром Зиг ненавидит Нью-Йорк).

Балаган «мотивировщиков» — успешное финансовое предприятие. Как говорится, кесарево кесарю, а богу богово. И «кесари» с именем бога на устах гребут доллары лопатами. Они не видят в этом никаких противоречий, никаких конфликтов с совестью. «Согласно американской концепции свободного предпринимательства, бизнесом надо заниматься для прибылей. Мы так и поступаем», — констатирует, а не оправдывается Клемент Стоун, издатель журнала «Успех безграничный», один из главных продюсеров «мотивировочных» шоу. Сам Стоун добился воистину безграничного успеха. Его состояние оценивается в шестьсот миллионов долларов! Стоуна с почтением величают «председателем», ибо он непререкаемый Мао Цзедун «позитивного мышления». Он даже издал книгу — в красном переплете! — своих афоризмов.

Правда, у балагана Стоуна и Зиглара есть весьма серьезный конкурент — балаган Сэма Купера. Этот джентльмен «христового возраста» — ему тридцать три года — является президентом компании «Очеловечивание» (читай: «Околпачивание») с резиденцией в Мемфисе. Когда-то Купер и Стоун выступали вместе, под одним цирковым шатром, но потом, не поделив прибылей, разругались и разошлись. Шоу «Очеловечивания» приносят Куперу ежегодно десять миллионов долларов. «Люди нуждаются в том, чтобы их время от времени, вновь и вновь продавали и перепродавали стране и богу», — утверждает Сэм Купер. Страна, то есть дядюшка Сэм, тезка Купера, получает в результате этой перепродажи, этой интеллектуальной работорговли подданных с основательно притупленным социальным чутьем, бог, как это ему и положено, — богово, а сам Купер — доллары, миллионы долларов. И все кругом довольны. Почти все. За «небольшим» исключением самих «очеловеченных».

И они, обманутые, ожесточившиеся, пытаются взять реванш, обманывая, в свою очередь, себе подобных. Ведь недаром в подавляющем числе это мелкие торговцы, промышленяющие сбытом содержимого «маленькой корзинки» — помады и духов, лент, кружев, ботинок... Большой бизнес Америки питается мелкой социальной плотвой торго-

шествия, поглощая и разоряя ее. (Только в этом году в Соединенных Штатах обанкротилось более десяти тысяч фирм.) Но, с другой стороны, она питательная среда фашизма. Недовольство мелкого буржуа умело отводится от подлинных причин его злোকлучений и столь же умело канализируется против сил демократии и прогресса. «Очеловечивание», по Сэму Куперу и Зигу Зиглару,— это все тот же исконный принцип частнособственнического общества: «человек человеку волк», лишь слегка задрапированный, прикрытый фиговым листом «мотивировочной» демагогии...

Секретная формула

И снова отель «Дюпон плаза» в Далласе. И снова банкетный зал «Дель Монте рум». Идет четвертый, заключительный день семинара «Богатая жизнь». Зиг Зиглар объявляет слушателям, что сегодня под занавес он раскроет им секретную формулу своего успеха и что, овладев ею, они тоже через двадцать один день излечатся от всех и всяческих жизненных неудач. «Секретная формула» Зига состоит из четырех ингредиентов:

Ингредиент первый — необходимо переменить на сто семьдесят градусов ощущение, с которым ты просыпаешься утром. Вместо того чтобы проклинать будильник, следует бить в ладоши и повторять: «О бой, какое великолепное утро, какой великолепный день для бизнеса!» Затем следуют петь, стоя под душем, оптимистические песни, и день начнется с позитивной ноты.

Ингредиент второй — «создание символов». Необходимо переменить свой словарь в позитивном направлении, например, остановку называть «двигалкой», послабление — «подкреплением» и так далее в том же духе.

Ингредиент третий — вмонтировать в себя «жироскоп успеха». «Если вы хотите быть оптимистами, то ведите себя как оптимисты,— поясняет Зиг.— Например, поднимая телефонную трубку, не говорите просто «алло», а «алло, какой прекрасный день!».

Ингредиент четвертый — «питание разума». Бреясь или готовя завтрак, надо слушать «мотивировочные» записи Зига и каждый день читать его книги по крайней мере пятнадцать — двадцать минут перед сном. В качестве «дополнитель-

ной литературы» Зиг рекомендует «Себялюбие» Роберта Шумера, «Психокибернетику» косметолога Максвелла Мальтца, «Думай о себе, как о стройном» Фрэнка Бруно и «Мечтай о норковых шубах» Мэри Краули.

Так выглядят четыре ингредиента секретной формулы успеха Зига Зиглара. Трудно поверить в то, что нормальные люди верят в нее, что практичные до мозга костей американцы, ведущие счет каждому центу, платят за подобную чушь пятьсот долларов, не считая расходов на кассеты и книги. Но это так, и это свидетельствует не столько о доверчивости или умственной ограниченности, сколько об отчаянии зигларовской клиентуры. Как же надо разочароваться в жизни, чтобы заменить сердце «жироскопом успеха» и питать разум «мотивировочной» баландой! Мы много пишем о наркомании в Соединенных Штатах, но этот вид наркомании куда опаснее. Здесь, как говорится, медицина бессильна. Власти же не преследуют торговцев подобными наркотиками, они объявляют их героями американского образа жизни. Это заговор. Это круговая порука.

...Во второй половине того же дня в том же зале «Дель Монте рум» устраивается банкет — выпускной вечер слушателей курсов «Богатой жизни». Зиг Зиглар торжественно вызывает одного за другим тридцать пять обобранных и оболваненных им «средних американцев». Они подходят к «пророку» и получают из его рук дипломы. Затем произносят краткие прощальные речи, посвященные удивительным метаморфозам, которые произошли с ними за четыре дня «обучения». Безработный голливудский актер уже мнит себя Марлоном Брандо, подписывающим многомиллионный контракт с «XX веком — Фокс». Миссисипский ресторатор видит свое имя в неоновом сиянии над всеми питейными заведениями Америки. Футбольный тренер из Алабамы обнимает невидимый кубок мира, завоеванный его командой. Конечно, пройдет немного времени, и наступит горькое похмелье; «жироскоп успеха» достигнет прозаический инфаркт, а видения «богатой жизни» рассеются, как дымок марихуаны. Но — и это самое ужасное — подлинное протрезвление так и не наступит. Обманутые Зигом пойдут к Сэму, а обманутые Сэмом — к Зигу. Произойдет смена лжепророков, и только, от перемены которых, как от перемены места слагаемых в арифметике, сумма жизненных лжеистин не изменится.

...Последним берет слово сам Зиг Зиглар. У него тоже есть сокровенные мечты, и он делится ими со своими учениками. Он мечтает о том, чтобы его курс «Я могу» (вариант «Богатой жизни») преподавался во всех школах Америки (сейчас его преподают «только» в 500 учебных заведениях). Он мечтает об ежедневной одноминутной радиопередаче «Заряд Зига Зиглара на день», своеобразной гимнастике оптимизма, радиопередаче, которую будут транслировать по всей стране. Он мечтает написать новую книгу «Зиг Зиглар заключает сделку» — еще одно евангалие успеха, чтобы вытянуть Америку «за волосы» из омута инфляции и спада. (Мечты, мечты, где ваша сладость?!)

Под грохот водяного насоса

На столе перед размечтавшимся Зигом стоит покрытый хромом обыкновенный водяной насос, помпа (вот и пришел, наконец, момент выполнить обещание и рассказать о нем). Поглаживая помпу, Зиг ораторствует:

— Это история жизни, история Америки, наша с вами история... Однажды — дело происходило в Южной Алабаме — два друга ехали по степи. Было невероятно жарко, и друзей мучила жажда. Вдруг они наткнулись на заброшенный насос, вроде этого. — Зиг вновь любовно поглаживает стоящую перед ним помпу. — Один из друзей, по имени старина Бернард, начал качать ручку насоса. Качал он долго и упорно, до боли в спине, обливаясь потом...

Здесь Зиг и сам начинает бешено качать хромированную помпу. Она остервенело лязгает и грохочет, заглушая слова «пророка», продолжающего свой рассказ:

— Но вода так и не появлялась. Старина Бернард собрался было уже бросить качать, как друг остановил его. «Бернард-старина, — сказал он, — не сдавайся. В этих краях Алабамы вода находится очень глубоко под землей, и если ты прекратишь качать сейчас, она вновь уйдет вниз. Попробуй еще, потерпи еще немного». Старина Бернард послушался совета друга, качнул еще разок-другой, и, что же, вода забила фонтаном!

Зиг Зиглар входит в раж, а хромированная помпа ходит ходуном под его руками. Ее нестерпимый скрежет заполняет

«Дель Монте рум» и рвется наружу, дальше. Аудитория загипноотизирована словами Зига, месмеризована лязгом помпы.

— Разве эта притча не история вашей жизни?!— кричит Зиг, пытаясь перекрыть грохот водяного насоса.— Никакая помпа не выдаст вам секрета того, сколько раз надо ее качать, чтобы потекла вода. Просто надо качать и качать, качать без усталости, но с энтузиазмом. И в конце концов ваше усилие, ваше рвение, ваше терпение будут с лихвой вознаграждены!

Зиг Зиглар неожиданно меняет ритм. Он уже не рвет и не мечет, не дергает остервенело за рукоять помпы. Он движет ею легко, мягко и размеренно. И слова его тоже начинают литься легко, мягко и размеренно.

— После того, как полилась вода, ваше дело в шляпе. Вам достаточно поддерживать постоянное давление, и только. И воды у вас будет так много, что хоть залейся. Вы даже не будете знать, что с нею делать, куда девать. Точно так же обстоит в жизни с успехом и богатством. Они не зависят ни от вашего возраста, ни от вашего образования, им безразлично, белый вы или черный, католик или протестант. Они плоды данного вам от бога права свободно трудиться в поте лица своего и получать за этот труд все, чего бы вы ни пожелали...

Вот, оказывается, где зарыта собака (так же глубоко, как вода в степях Южной Алабамы)! Вот в чем соль — не земная, а политическая — зигзагообразных притч Зига Зиглара! Он пытается доказать недоказуемое, ибо в обществе, где господствует эксплуатация, труд не может быть свободным, не может быть владыкой. И не случайно право на труд даже не провозглашается конституцией США и уж тем более не гарантируется. Гарантируется нечто противоположное — постоянная безработица. Успех и богатство в Америке не являются плодами свободного труда, они результат присвоения плодов подневольного труда многих немногими.

Недавно директор «Совета Карнеги по проблемам детей» Ричард де Лоун опубликовал книгу-исследование «Будущее маленьких: дети, неравенство и ограниченность либеральных реформ». В ней рассказывается о судьбе двух символическо-статистических ребят — Джимми и Бобби. Оба они второклассники с одинаковыми способностями и прилежанием, но с различным будущим. У Бобби в четыре раза больше шансов

поступить в колледж, чем у Джимми, и в двенадцать раз больше шансов окончить его. У Бобби в 27 раз больше шансов получить работу, которая, когда ему исполнится сорок лет, будет обеспечивать ему доход, получаемый «высшими десятью процентами общества». Шанс Джимми — да и то один из восьми, — что он, быть может, будет иметь средний доход.

Почему такое неравенство, откуда такая несправедливость? Ведь Джимми и Бобби одинаково усердно и успешно качают помпу наук, «юношей питающих»? Причина, говорит де Лоун, заключается в «арифметике неравенства, которое существует в Америке». Отец Бобби — преуспевающий адвокат, отец Джимми — частично безработный сторож. Если Джимми цветной, то вышеприведенная статистика успеха еще больше сдвигается в пользу Бобби. А если мы заменим мальчика Джимми девочкой Джеммой, то ножницы успеха станут почти прямолинейными, разумеется, с концами в разные стороны. Социальное происхождение, раса и пол играют большую роль в достижении успеха, чем способности и решимость, пишет де Лоун. «Годы социальных реформ мало что изменили в этом положении. Они лишь формальная дань идее равных возможностей для всех американцев», — признает автор, один из крупнейших авторитетов по проблемам образования и занятости. Не гены, а безработица и нищета определяют печальную судьбу миллионов американских Джимми, утверждает де Лоун. «Расти неравноправным — величайшее наказание бедности... Дети безработных и нищих, наблюдая за судьбой своих родителей, проникаются чувством, что и для них в этом обществе нет места».

Еще немного статистики из книги де Лоуна. Четырем процентам американских семей, находящихся «наверху», принадлежит 37 процентов всего личного богатства страны. Доля средней семьи из двадцати процентов, находящихся «внизу», составляет ноль! 25 процентов семей из тех, что «наверху», владеют сорока процентами всего национального дохода. 25 процентов, находящихся «внизу», — что-то между 5—6 процентами. Лишь один из пяти американцев подымается на высшую, чем у его родителей, социальную ступень благодаря своим индивидуальным качествам и усилиям. Для американок шанс подобного преуспеяния в несколько раз меньше.

Так обстоит дело с водяным насосом Зига Зиглара в действительности. Я, конечно, мог бы привести куда более

разительные факты и данные, но ограничился книгой Ричарда де Лоуна умышленно. Ведь он директор филантропического фонда тех самых Карнеги, которые, заработав сотни миллионов долларов и став стальными королями Америки, пытались убедить своих соотечественников, что сие каждому из них по плечу. Надо лишь научиться искусству «приобретать друзей и влиять на людей». (Помните, и Зиг протирал штаны в институте Карнеги в Нью-Йорке.)

...Отель «Дюпон плаза» в Далласе, где с чисто техасским размахом убили президента Кеннеди и где продолжают убивать будущее десятков миллионов Джимми ради благоденствия тысяч Бобби. Маленький банкетный зал «Дель Монте рум». Зиг Зиглар, возбужденный финальной проповедью и вспотевший от непрерывного качания помпы, сбрасывает пиджак, расстегивает жилет и приспускает галстук. В его глазах, прикрытых очками в тяжелой роговой оправе, странный блеск, в котором слились фанатизм пророка и хитреца коммивояжера.

Я перевожу взгляд на аудиторию, околдованную, загнипнотизированную, зачарованную, замороженную. Она напоминает мне толпу придворных из андерсеновской сказки, толпу, которая не видит или не хочет видеть, что король голый. Ведь это факт, совершенно элементарный, простой, обыденный факт: из насоса Зига, несмотря на все его остервенелые усилия, вода не течет. И тем не менее люди видят не то что воду, а молочные реки и кисельные берега.

И вдруг меня осеняет. Ведь помпа Зига совсем не помпа, не насос. Это хромированный символ американской демократии, которая обещает, но не дает. Прислушайтесь к его лязгу. Чем он отличается от предвыборных речей кандидатов в Белый дом и конгресс, от пустопорожней по существу, но соблазнительной по форме трескотни буржуазных политиканов? Прислушайтесь к его лязгу. Так мелют языком реформаторы дома и дипломаты на международных форумах, рядясь в тогу защитников прав и свобод и Америки, и всего человечества. (До космоса у них еще руки не дотягиваются.)

Будь на то моя воля, то я бы поместил водяной насос Зига Зиглара рядом с оригиналом Декларации независимости, который хранится в Национальном архиве США в Вашингтоне на Пенсильвания-авеню, под специальным стеклянным колпаком, пуленепробиваемым и светонепроницаемым. Это

было бы весьма поучительное, символическое соседство, отражающее тот долгий и зигзагообразный путь, который проделала американская демократия от Джорджа Вашингтона до Зига Зиглара.

А пока здесь, в Далласе, в банкетном зале «Дель Монте рум» отеля «Дюпон плаза», тридцать пять «средних американцев», наэлектризованные лязгом водяного насоса, чем-то, и совсем не отдаленно, смаживающего на станок, печатающий фальшивые доллары, вскакивают в едином порыве с кресел и диванов и под управлением Зига-дирижера запевают «Боже, благослови Америку», словно они уже вступили на землю обетованную «Богатой жизни».

«Боже, благослови Америку», — истоиво, как в трансе, поют вновь обращенные. И, глядя на них, я думаю, как правы были древние, считавшие, что если бог хочет наказать человека, то он лишает его разума.

«Боже, благослови Америку», — истоиво, как в трансе, поют ее обманутые дочери и сыновья под лязгающий аккомпанемент водяного насоса Зига Зиглара.

*Даллас—Шарлотта—Вашингтон
Август 1979 г.*

II

ГУД БАЙ, ДЖИММИ?!

Трагедия, в которой пролог и эпилог поменялись местами

В одном из номеров «Недели» в репортаже под заголовком «Безумный мир Джимми» я рассказал историю восьмилетнего наркомана, обитателя вашингтонского гетто. Когда эта история впервые появилась на страницах американской печати, страна и в особенности столица содрогнулись. На поиски Джимми были брошены полиция и ФБР, газетчики и учителя, социальные службы и детективы Бюро наркотиков. Имя Джимми не сходило со страниц газет, с уст радио- и телекомментаторов. Казалось, трагедия этого «самого юного наркомана Америки», как окрестила его молва, проняла, наконец, толстокожее равнодушие и преступное бездействие властей и общества трижды безумного мира наживы.

Но прекрасных чудес в этом безумном мире не бывает. Его совесть защищена от них броней еще более плотной, чем стальные плиты над укрытиями межконтинентальных ракет «минитмен». Его совесть способна безмятежно спать посреди Вальпургиевой ночи растления будущего — детей. Его совесть — совершенство мимикрии. «Применительно к подлости», — как ядовито говаривал Салтыков-Щедрин.

Прошел ровно месяц, и о Джимми забыли. Забыли начисто. Забыли так, словно его вообще не было. Поиски мальчонки прекращены, газетные ламентации тоже. История Джимми перестала быть «новостью», и поэтому телевидение отвернулось от нее. Облегченно вздохнули вашингтонские нехлюдовы. Утерли слезы и припудрили носы дамы-благодарительницы. Ведь у них на этих самых носах рождество,

а с ним и новые малютки, коих тоже надлежит пригреть и накормить во имя мира и благоволения в человецех.

Когда я спрашиваю вашингтонцев о Джимми, они удивленно переспрашивают: «Джимми, кто? Джимми, это который?» Даже «Вашингтон пост», первая «открывшая» Джимми, как воды в рот набрала. Отшелестевшая сенсация — что прошлогодний снег. И потом, чем длиннее список преступлений, тем короче память. Джимми? Восемилетний наркоман? Позвольте, а был ли он вообще? Прямо как у Горького: а, быть может, мальчика-то и не было?

Нет, мальчик был, но вполне возможно, что сейчас его уже нет в живых. Он мог пасть жертвой злоупотребления героином. Его могли устранить, как опасную улику, торговцы наркотиками. Не он первый, не он последний. Гуд бай, Джимми!

Нет, не гуд бай. Погодите спешить, милостивые государи и государыни! Мы расскажем об этой трагедии до конца, расскажем с нарушением канонов драматургии, поменяв местами пролог и эпилог.

* * *

Наркотический бизнес уже давно стал традиционным бизнесом Америки, наркомания — ее бичом. Еще в 1971 году президент Никсон объявил наркоманию «врагом общества № 1». В драматическом послании к нации президент восклицал: «Если мы не сокрушим угрозу наркомании в Америке, то она в один прекрасный день сокрушит нас». Это мрачное пророчество начинает постепенно сбываться. Эпидемия наркомании особенно усилилась за последние годы. Она охватила главным образом северо-восток Соединенных Штатов — округ Колумбия, штаты Мэриленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут и Род-Айленд. «И это лишь первая волна наркотического прибоея, — признается директор Национального института по борьбе с наркоманией доктор Вильям Поллин. — За последние два десятилетия по всей стране наблюдается гигантский рост употребления наркотиков. И эта тенденция будет скорее усиливаться, чем ослабевать».

Почему? По словам известного психиатра доктора Роберта Дюпона, причины этого явления многогранны: нищета, преступность, отчаяние, стрессы современного темпа жизни, раннее созревание молодежи, распад старых традиций и табу,

крушение семейных и общественных институтов. Жуткая картина, напоминающая гибель «Титаника»! В 1973 году, когда впервые был проведен статистический подсчет смертных случаев от злоупотребления наркотиками, их число составило 1730. В 1975 году эта цифра возросла до 2840. Но, как предупреждают специалисты, эти статистические данные — «лишь кончик айсберга, лишь одна улика преступления».

Власти, включая их самый высший эшелон, демонстрируют граничащее с преступностью равнодушие в борьбе с «врагом общества № 1». Существовавший при Белом доме координационный офис по борьбе с наркоманией был фактически распущен при президенте Форде и ликвидирован при президенте Картере. (Характерные детали — советник Картера по науке Барн вынужден был подать в отставку после того, как был уличен в незаконной выдаче рецептов на получение наркотиков, а целое отделение солдат морской пехоты, несшее караул в Кэмп-Дэвиде, загородной резиденции президента, было взято под стражу за курение марихуаны. Можно, наконец, упомянуть и скандалы, связанные с употреблением наркотиков в общественных местах, в которых были замешаны начальник штата Белого дома, самый близкий советник Картера Гамильтон Джордан и руководитель его предвыборной кампании Тим Крафт. Эти детали — отражение климата, царящего сейчас в Вашингтоне.)

Если в текущем финансовом году (1981 год) на гонку вооружений отпущено 157 миллиардов долларов, то на борьбу с наркоманией — всего немногим более 800 миллионов долларов. (Для сравнения укажу, что, по консервативным подсчетам, годовой оборот наркотического бизнеса в США составляет около 50 миллиардов долларов. Плетью обуха не перешибешь.) Заплатив отступное турецким фермерам, выращивающим опиум, и нанеся удар по так называемым «французским контактам» — сети расположенных в Западной Европе подпольных лабораторий и фирм, обрабатывавших турецкий опиум и поставлявших его на американский рынок, власти на некоторое время сдержали поток наркотиков, захлестывающий страну. Сдержали, но ненадолго. В образовавшийся вакуум хлынул героин из стран «Золотого полумесяца» — Пакистана и Ирана, а также из Мексики и Колумбии. Этот новый поток много сильнее предыдущего и полностью контролируется организованной преступностью.

В западной печати, особенно бульварной, много и красочно пишут о королях наркотического бизнеса, об их жизни, копирующей оргии Древнего Рима и детективные ленты современного Голливуда. Но за последнее время в мире наркотиков появилась новая фигура, быть может, менее «романтическая», но более жуткая, которую печать и кинематограф, по возможности, стараются не замечать, стараются стыдливо замалчивать. Внешне в этой фигуре нет ничего демонического. Она выглядит вполне обыденно и даже симпатично. На ее еще не развитые плечи натянута цветная пластиковая «ветровка», на ногах — теннисные туфли. Фигуры в «ветровках» заполняют школьные дворы и детские спортивные площадки. Это малолетние торговцы наркотиками, как правило, от двенадцати до семнадцати лет. Их называют «холдерами» — посредниками между поставщиками наркотиков и клиентурой. Впрочем, и это тоже правило, «холдеры» не только продавцы, но и потребители наркотиков. Организованная преступность и сошедшие с круга родители эксплуатируют их сознательно, с умыслом — несовершеннолетие защищает «холдеров» от уголовного кодекса. То, что при этом разрушается жизнь ребенка, мало кого трогает, беспокоит. Наркотическая сентиментальность отличается особой жестокостью.

С 1978 по 1979 год количество «холдеров», задержанных полицией, возросло на 26 процентов. Ожидается, что в нынешнем году эта цифра достигнет пика времен вьетнамской агрессии, когда Соединенные Штаты были наводнены наркотиками, поступавшими из стран Юго-Восточной Азии с диктаторскими режимами. Катастрофический рост числа «холдеров» сопровождается драматическим понижением их возрастного уровня, который все больше приближается к возрасту Джимми.

— Сейчас на моем попечении находятся четыре ребенка в возрасте от десяти до двенадцати лет. Все они стали наркоманами от употребления героина, — рассказывает врач-консультант из округа Шоу, расположенного по соседству от «галереи уколов» на Четырнадцатой стрит. — Город, в особенности северо-западный Вашингтон, буквально наводнен детьми, торгующими наркотиками, употребляющими их...

— У нас на учете несколько восьмилетних детей, торгующих героином. Глядя на больших дядей, разъезжающих в

в больших «кадиллаках», эти желторотые тоже мечтают стать крупными «пушерами», — говорит детектив-полицейский с лицом, чем-то отдаленно напоминающим киноактера Джима Кэгни. — Как раз в тот самый день, когда на первой странице «Вашингтон пост» был опубликован репортаж о Джимми, на первой странице «Вашингтон пост мэгэзин», воскресного приложения к ней, была помещена огромная фотография Одессы Мэдре по прозвищу «Королева» — хозяйки подпольного преступного мира столицы. Затем следовало ее романтизированное жизнеописание. Если Джимми умеет читать так же хорошо, как и считать, и если он ознакомится с историей Мэдре, то он, несомненно, вынесет впечатление, что находится на правильном пути, что эта старая леди благословляет его.

Полицейский с лицом Джима Кэгни, уже сильно побавровевшим, как и у актера, когда он изображал свои знаменитые приливы ярости, продолжает:

— Уверяю вас, что этому Джимми позарез хочется увидеть и свою фотографию на обложке «Вашингтон пост мэгэзин». Он копирует Королеву, а многие мальчишки в городе уже стали копировать «Принца». Им не дает покоя популярность Джимми. Они завидуют ему, подражают. Имя «Джимми» уже становится нарицательным. «Я, как Джимми», «Он, как Джимми», — с гордостью говорят маленькие наркоманы. «Игра в Джимми» становится своеобразной разновидностью игры в полицейских и воров.

Детектив, сам отец большого семейства, был явно огорчен. Он нисколько не преувеличивал. Кино, телевидение, печать — питательный фермент преступности среди малолетних в Соединенных Штатах. Первые делают на этом бизнес, вторые «делают жизнь» с гангстеров, с их королей и королев. Мой собеседник даже предсказывает, что, возможно, в недалеком будущем появятся баллады, воспевающие дела Джимми, а он сам станет «народным героем» вроде Брюса Гриффита, торговца наркотиками и убийцы, погибшего в перестрелке с полицией в начале нынешнего года. И это тоже не преувеличение. Баллады о гангстерах — неперемнная составная часть американского фольклора.

А вот несколько интервью со сверстниками Джимми:

— Я завидую ему. Он может покупать конфеты, сколько захочет.

— Я завидую Джимми. У него есть свои деньги на сладости и игрушки.

— Тоже мне, Джимми... Если захочу, я тоже смогу торговать героином и заколачивать деньги. А «бам» и «херб» у меня и сейчас есть. («Бам» — прелюдин, «херб» — марихуана.— М. С.).

И ни одного слова осуждения!

Дети? Что с них взять? А родители, а школа?

— Когда мне удастся раздобыть марихуану, я непременно делюсь ею с братом,— говорит школьник-старшеклассник. Ему шестнадцать лет, брату двенадцать.

— А мы разводим марихуану во дворе и дома. Запасемся на зиму,— рассказывает их приятель-однолетка младшего из братьев-курильщиков.— Мама? Знает ли она об этом? Конечно, знает.

Все они учатся в школе «Центра образования» на Ливингстон-роуд в юго-восточной части Вашингтона. Директор школы Лэрри Пэйдж категорически отрицает, что кто-то из его питомцев принимает наркотики. А вот что говорит Гордон Уайт, консультант квартала «Нейборхуд-хауз» тоже на юго-востоке столицы:

— Что касается школы, то, уверяю вас, любой учитель, заметив ненормальное состояние Джимми, ничего бы не предпринял. Ведь Джимми, одурманенный наркотиками, ему не помеха. Пусть себе клюет носом, сидя за партой! Это даже удобнее. Одним сорванцом меньше. Ведь от них спасу нет... В общем, в сложившихся условиях школа и учителя предпочитают позицию незаинтересованного невмешательства.

Конечно, насчет «любого учителя» мистер Уайт несколько преувеличивает. Но вот что выяснилось во время заседания городского совета Вашингтона, состоявшегося 6 октября. Оказывается, только за этот год четырнадцать столичных школ были объектами полицейского расследования в связи с торговлей и употреблением наркотиков. (Любопытно, что две из этих школ расположены в непосредственной близости к Капитолию, где находится конгресс США.) В ходе этого расследования только в июле месяце было арестовано 158 человек. Данные расследования, составленного на основе донесений детективов, проникших в школы под видом педагогов, легли в основу конфиденциального доклада, представленного городскому совету шефом полиции Джефферсоном.

Эти данные совершенно неожиданно — не то случайно, не то намеренно — разгласила член совета Надин Винтер. Листая доклад в ходе заседания, она вдруг закричала:

— Здесь упомянуты целых четырнадцать школ! Из них две в моем округе!

Председатель юридической комиссии совета Дэвид Кларк тут же выхватил из рук госпожи Винтер доклад и истерически взвизгнул:

— Он конфиденциален! Вы не имеете никакого права вслух и публично зачитывать его!

Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. На заседании городского совета присутствовали газетные репортеры, оно транслировалось по радио и телевидению. Вашингтон, и без того наэлектризованный историей Джимми и его безрезультатными поисками, вновь загудел, как растревоженный улей. Но шеф Джефферсон наотрез отказался дать какую-либо дополнительную информацию. Он лишь посетовал на «критическую неукомплектованность» своего штата, достигшую «крайней точки». А точка эта и впрямь крайняя. На весь Вашингтон имеются всего лишь три профессиональных консультанта, специализирующихся по вопросам борьбы с детской наркоманией.

— Я не знаю никого, кто действительно мог хотя бы представить себе значение проблемы детской наркомании. Система социальных служб в округе Колумбия совершенно развалилась. Она, пожалуй, самая худшая во всей стране, — говорит доктор Стефан Херш из детского отделения госпиталя святой Елизаветы.

Тем временем волна детской наркомании нарастает, как снежный ком. Дело в том, что героин, поступающий из стран «Золотого полумесяца», стопроцентной чистоты. (Предыдущие волны — из Юго-Восточной Азии и Турции — были пятипроцентными.) К тому же поток героина настолько велик, что цены на него неуклонно снижаются, делая его более доступным для потребителей. Увеличились также поставки марихуаны и препарата ПСП, вызывающего галлюцинации. Резко возросло и количество фармацевтических наркотиков прелюдина и дилаудиды. Выступая на заседании городского совета Вашингтона, федеральный прокурор Рафф сделал следующее признание:

— Несмотря на сотрудничество между городскими властями и федеральными органами, никогда — ни через неделю, ни через год, ни даже через сто лет — не наступит такое время, когда проблема наркомании будет решена...

Реакция школьных властей заслуживает того, чтобы вкратце на ней остановиться. Отвечая на обвинения в их адрес, суперинтендант общественных школ округа Колумбия Винсент Рид заявил: «Сейчас все кивают на школы. А что предпринимает город для пресечения наркомании? Я не знаю, сколько детей употребляют наркотики. У нас нет никакого плана обучения преподавателей распознавать наркоманов. Мы не собираемся издавать никаких новых директив в связи с историей Джимми. Мы вообще ничего не собираемся предпринимать». Вот это да! Вот это американские песталоцци! Поистине равнодушие убивает. Героин равнодушия — самый ужасный наркотик.

Родители кивают на школу, школа — на родителей. И обе стороны, к сожалению, правы. О школе мы уже говорили выше. Ну, а родители? По словам консультанта-специалиста Мильтона Вильямса, «девяносто процентов и даже больше детей, употребляющих героин, марихуану и алкоголь, приобщаются к ним родителями, родственниками и друзьями. В этом смысле история Джимми не исключение. Я знаю семью, в которой мать и ее дети — тринадцатилетняя девочка и четырнадцатилетний мальчик — вкальывают друг другу героин. А что вы хотите? Институт семьи в полном упадке. 25-летние родители и десятилетние дети — разве это нормально? А разве нормально, если мать не видит ничего дурного в том, как отец успокаивает ребенка с помощью наркотиков? Семьи перестали собираться за общим обеденным столом. Взрослые берут на вооружение жаргон и моды детей. Перестают подавать пример. Взрослые перестают быть взрослыми. Я имею в виду не только негритянские гетто. Проблема детской наркомании не знает ни расовых, ни религиозных, ни социальных барьеров. Она всепроникающая... И апатия, всепроникающая апатия. Люди не хотят — одним лень, другим боязно — бороться со злом детской наркомании. Кто знает, куда и к кому приведет веревочка. Апатия, а не химические препараты — вот что нас убивает!»

* * *

А теперь пролог трагедии, обещанный вместо эпилога...

В большом кресле с откидной спинкой и подставкой для ног сидит, вернее, утопает ребенок. Ему восемь лет. Бархатистые карие глаза на круглом личике, пепельные волосы. Одет,

как херувимчик, да и выглядит херувимчиком, этаким негритянским амуром. Вот только что без лука и стрел.

Заложив руки за голову, мальчик — зовут его Джимми — рассказывает о своем житье-бытье, о своих увлечениях. Странное и страшное житье-бытье, странные и страшные увлечения. Да, конечно, он болеет за бейсбольных идолов всей местной детворы — балтиморских «Ориолей», но во всем остальном его мир так же далек от мира Диснея, как небо от земли. Одежда, деньги, а главное, наркотики — вот круг его интересов. Говоря о них, он оживляется, начинает жестикулировать, и вы замечаете, что обе его руки, скорее, ручки — тоненькие, с нежной кожей — сплошь исколоты и покрыты шрамами.

Джимми — наркоман, наркоман, так сказать, потомственный, в третьем поколении. И сам уже со стажем. Начал принимать наркотики с пятилетнего возраста. Живет он в юго-восточном Вашингтоне, где расположены негритянские кварталы, живет во вполне приличной, просторной и хорошо обставленной квартире с матерью и ее дружкой по имени Рон. Собственно, это не квартира, а притон наркоманов. На кухне «стряпают», в гостиной торгуют, в спальнях комнатах «зажигают», то есть колуются. Рон и Андреа, мать Джимми, хозяйничают в «лавочке», и каждый день отчим или кто-либо из клиентов вводит в руку мальчонки очередную порцию героина.

Формально Джимми учится, но школу посещает изредка. Дома ему нравится больше. Он привык к наркотическому угару, пристрастился к нему, и мечты у него, как у взрослого «пушера» — торговца наркотиками: о больших лимузинах, бриллиантах, мехах и больших и легких деньгах. Короче, о сладкой жизни.

Единственный предмет, которым он занимается в школе, — арифметика.

— Без арифметики никак нельзя. Надо уметь считать. Без этого невозможно заниматься бизнесом, — философствует Джимми. Он не по годам развит. Не физически, а умственно. Умственно? Как-то язык не поворачивается при произношении этого слова применительно к ребенку-наркоману. В данном контексте оно звучит цинично, почти нецензурно. А Джимми продолжает:

— Да, я должен научиться считать к тому времени, когда у меня заведется товар для продажи.

Но ведь в мире есть столько профессий, требующих умения считать, профессий почетных и благородных, увлекательных и романтических! Ведь есть, наконец, простые детские игры — считалки!

— Рабочих мест не будет. Устроиться на работу будет невозможно, — отвечает маленький «прагматик», уже успевший вдоволь насмотреться на безработицу и безработных в негритянских кварталах американской столицы. Фразу о невозможности устроиться на работу Джимми произносит подчеркнуто, с ударением, как нечто уже выстраданное и одновременно само собой разумеющееся. Нет, таким не до детских игр в считалки! Затем от одной аксиомы Джимми переходит к другой:

— Уже надо думать о том, чтобы обзавестись кое-каким капиталом. Нужны наличные. А для этого людям надо продавать то, что они больше всего хотят. В лошадиных дозах. Моя мама такого же мнения. Она употребляет наркотики. И моя бабушка их употребляла. Так что всегда найдутся люди, которым они нужны...

Предел мечтаний Джимми — стать королем «пушеров» с Кондон Террас. Так называется знаменитая улица в Вашингтоне, где открыто торгуют наркотиками и где человека могут убить не за понюшку табака или применительно к данному случаю героина. Кондон Террас — это дантов ад, мультиплицированный наркотическими галлюцинациями.

— Конечно, кроме клиентов, на улицах пасутся и «пижоны». (Мелкие торговцы наркотиками, пробавляющиеся на свой страх и риск, не связанные с организованной преступностью. — М. С.) Надо знать, сколько их, почем они продают свой товар, кто покупает у них, кто снабжает. Но «пижоны» — плохие. Их бизнес — личный бизнес. Никто их не направляет, не обучает.

В Вашингтоне есть негры-юристы, негры-врачи, негры-банкиры, негры-конгрессмены. Даже мэр Вашингтона — негр. Почему не брать пример с них?

— Нет, я хочу быть, как мой мужик Рон. Для начала заведу себе немецкую овчарку и велосипед. А остальную прибыль буду откладывать на покупку настоящего «дерьма». (Жаргонное обозначение наркотиков.)

«Мужику» Рону двадцать семь лет. В Вашингтоне он появился сравнительно недавно. Приехал откуда-то с Юга. Стал торговать разноцветными, как радуга, возбуждаю-

щами пилюлями, «ангельской пылью» и героином. Среди клиенток Рона оказалась и Андреа. Она приглянулась ему, а он понадобился ей в качестве хоть какой-то пристани. Ведь утопающий хватается даже за ядовитую змею.

— Мне надоело спать с кем попало и заниматься мелкими кражами в больших универсальных магазинах. Да и для ребенка лучше, когда в доме мужчина,— говорит Андреа.

Для ребенка лучше, когда в доме мужчина... Знакомая прописная истина. Но в этом безумном мире, в особенности в юго-восточном Вашингтоне, на Кондон Террас, она приобретает иное, жуткое звучание. Именно Рон приучил тогда еще пятилетнего Джимми к наркотикам.

— Он все время приставал ко мне с расспросами, что это, мол, за уколы, почему люди колются и что они при этом ощущают? А один раз сказал, что и ему хочется попробовать. Ну, ладно, сукин сын, ответил я, хочешь попробовать, так давай хоть сейчас. И я дал ему понюхать самую чуточку. А этот стервец сразу же вошел во вкус.— Рон говорит, прислоняясь к стене. Глаза его полузакрываются. Он словно плывет в наркотическом тумане.

Через шесть месяцев после этого Джимми пристрастился к наркотикам, перешел от нюхания к курению, а затем к уколам, от марихуаны — к героину, короче, стал заправским наркоманом.

— Трудно передать, что ощущаешь. А вы сами никогда не пробовали? Такое впечатление, как на каруселях «Кингс Доминион»...

Ах, Джимми, Джимми, ты даже не представляешь, как это страшно — сравнивать наркотические ощущения с головокружительным детским аттракционом. «Кингс Доминион» — Диснейленд Вашингтона. До чего же дошла ты, Америка, если твои дети сопрягают «Кингс Доминион» с Кондон Террас!

— Марихуана — дрянь. Куда ей до героина! Марихуана — для молокососов. Здесь ее никто не курит. Да и вряд ли сейчас можно найти эту травку хорошего качества,— рассуждает Джимми.

Ну, а его мать? Она сама не колет сына. До этого еще не дошла. Но к тому, что с ним происходит, относится фаталитически. Такова, мол, жизнь.

— Конечно, мне не нравится, когда Джимми «зажигается». Но, с другой стороны, он все равно рано или поздно

стал бы наркоманом. Все становятся. Для тех, кто живет в гетто, это единственный путь к спасению. Вот и нам сейчас лучше, чем прежде. Наркотики и негры уже давно как вместе.

Поэтому и к планам Джимми на будущее Андреа относится вполне спокойно. От судьбы не уйти. Она напрочь связала наркоманию с обитателями гетто. Это единственный мир, который знаком и понятен Андреа. Другого она и не знает. Ее детство, прошлое мало чем отличалось от настоящего Джимми. Ее мать тоже была одинокой, тоже была наркоманкой и тоже завела себе дружка. Ведь для ребенка лучше, когда в доме мужчина! А он изнасиловал и ее, и ее младшую сестру. Так появился на свет Джимми, признающий из всех существующих в мире наук одну арифметику.

— Я была совершенно подавлена. Вы знаете, я даже имени ему не дала. Это сестра моя окрестила его «Джимми». Джимми, сказала я, ну, пусть будет Джимми. Какая разница. Ведь надо же его как-то звать?

Именно в это время Андреа пристрастилась к наркотикам. Женщина, которая снабжала героином ее мать, стала колоть и дочь, ставшую против своей воли матерью.

— Это позволяло мне забыть. Я словно переносилась в иной мир, где не было ни мамы, ни Джимми. Можно было ни о чем не думать.

Через три года после рождения Джимми притон его бабушки обнаружила полиция. Начались бесконечные скитания по трущобам вашингтонских гетто—у Андреа уже не было средств на приобретение героина. А дневная доза этого наркотика, необходимая тогда для нее, стоила шестьдесят долларов. Андреа пошла на панель, стала промышлять мелким воровством в супермаркетах и универмагах. Тут-то ее пути и скрестились с Роном, прибывшим в Вашингтон на промысел с Юга.

Джимми равнодушно прислушивается к рассказу матери. Он по-прежнему солиден и не по годам рассудителен. Но постепенно им овладевает какое-то беспокойство. Ребенок на глазах перевоплощается из мудреца в капризулю, беспрестанно вертится в кресле, то опускает, то поднимает оконные шторы.

— Успокойся,—говорит ему Рон и выходит в соседнюю комнату.

Но Джимми расходится все больше и больше. Он выхватывает «лучевой пистолет»—игрушку, которая стала здесь

популярной после того, как на экранах прошел научно-фантастический боевик «Звездные войны», и то включает, то выключает его световую мигалку. Неужели, наконец, в нем проснулся ребенок? Неужели, он, наконец, стряхнул с себя «ангельскую пыль», ее наваждение? Неужели сбился, наконец, несмотря на увлечение арифметикой, со счета будущего «пушера», стал таким, как все дети? Увы, нет. Никакого перевоплощения с Джимми не происходит. Просто — и это слово в данном контексте звучит кощунственно и нецензурно — мальчик переходит из одного наркотического состояния в другое.

В гостиную вновь возвращается Рон. В руках у него шприц. Он подзывает к себе Джимми.

— А ну-ка покажи мне свою руку, — говорит он.

Рон обхватывает левую руку мальчугана слегка повыше локтя своими огромными ручищами и начинает массировать пульсирующую вену — бегущую голубым шнурком под мягкой податливой коричневой кожей. Затем он вводит шприц. Так вводят соломку в пластиковую крышку стакана с кока-колой. Жидкость в шприце постепенно мелеет. Стеклянная трубка так же постепенно наполняется ярко-красной кровью. Затем кровь вновь вспрыскивается в вену.

Джимми, зажмуривший глаза, когда его кололи, открывает их и быстрым взглядом обводит комнату. Затем он возвращается в большое кресло с откидной спинкой и подставкой для ног, до которой ему еще многие годы не дотянуться (а имеются ли они у него в запасе?) и зарывается в него, монотонно, словно болванчик, покачивая головой. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Очень скоро ты сам без моей помощи научишься делать это, — раздается над его ухом пророческий голос Рона...

Ты слышишь, Джимми? Ты слышишь, Америка?

* * *

Об одиссее восьмилетнего наркомана впервые стало известно из репортажа, опубликованного в газете «Вашингтон пост» 28 сентября под заголовком «Мир Джимми». Нашла мальчика и написала о нем журналистка Джанет Кук. Ее коллега Ричард Коен рассказывает, что, когда Кук покинула дом, где живет Джимми, и села в автомобиль, ее стошнило. Я вполне понимаю Джанет. У меня тоже было такое ощущение.

История Джимми всколыхнула весь Вашингтон. Сотни, тысячи людей стали обрывать тревожными звонками телефоны редакций газет, офисов теле- и радиокомпаний, городской мэрии, департамента полиции, просветительских учреждений, требуя немедленно спасти Джимми, выволить его из наркотического ада, из рук чудовища-отчима и опустившейся безвольной матери.

Но каково же было удивление общественности, когда Бартель Джефферсон, шеф полиции округа Колумбия, в который входит Вашингтон, ничуть не смущаясь, сообщил, что ему и его ведомству неизвестно местонахождение Джимми! Казалось, вполне логичным было бы обратиться за адресом наркотической «малины» в «Вашингтон пост», к репортеру Джанет Кук. Шеф полиции так и поступил. Однако редакция газеты наотрез отказалась сообщить адрес Джимми, сославшись на первую поправку к конституции США о свободе печати! Сама Кук также словно воды в рот набрала. Она, видите ли, не желала нарушать слова, данного матери Джимми,—обещание «абсолютной конфиденциальности» в качестве неперемennого условия интервью, или попросте молчание в обмен на «жареную» информацию. Как ее при этом не стошнило вторично, просто ума не приложу.

Вышедший из себя шеф полиции—как-никак, а честь синего мундира была задета—предъявил «Вашингтон пост» ультиматум—или до десяти часов утра следующего дня она сообщит адрес Джимми, или он потребует привлечения к ответственности автора репортажа и редакторов газеты. Мэр Вашингтона Мэрион Бэрри и федеральный прокурор Чарльз Рафф поддержали ультиматум шефа полиции. Но «Вашингтон пост» вновь ответила отказом. Негоже, мол, наказывать невинного гонца за плохую новость, морализуют на Пятнадцатой стрит, где помещается редакция газеты. Ее юристы вновь сослались на первую поправку к конституции, гарантирующую свободу печати. Адвокат Джон Канс, представитель фирмы «Вильямс энд Конноли», сделал от их имени следующее заявление: «Необычайно сильная реакция общественности на статью «Мир Джимми» отражает ее серьезную обеспокоенность в связи с распространением наркомании, в особенности среди молодежи. Но никакая статья о трагической судьбе этого мальчика не могла бы быть напечатанной, если бы газета не соблюла конфиденциальный характер своих источников... Без этого она не сможет выполнять

в дальнейшем свои конституционные функции по информированию общественности». Да, лицемерие всегда было второй натурой профессиональных казуистов!

Возмущение общественности беспомощностью полиции и безответственностью газеты нарастало. Ведь пока они препирались, жизнь ребенка висела на волоске. Как заявила доктор Дориан Чеховиц, представитель Национального института по борьбе с наркоманией, «Джимми, возможно, близок к принятию смертельной дозы героина. Любая минута может оказаться трагической». «Время не терпит, время — решающий фактор», — увещевал «Вашингтон пост» представитель полиции Ричард Брукс. Но ревнители «свободы печати» продолжали артачиться. В то время как десятки детективов-профессионалов и любителей рыскали по вашингтонским гетто в поисках Джимми, газета опубликовала передовую под заголовком «Наркоман в восемь лет», в которой выражала возмущение по поводу того, что правительство США не в состоянии приостановить поток наркотиков, именуемый «Золотой полумесяц», из некоторых азиатских стран, что, пока власти «не обратят внимание на серьезность проблемы наркомании, «мир Джимми» будет рассматриваться молодежью как единственно реальный». Короче, газета морализовала, но и пальцем не желала пошевелить, чтобы вызволить хотя бы одного ребенка из потустороннего «мира Джимми». Лицемерие свойственно отнюдь не только юристам. Ему подвержены и жрецы второй древнейшей профессии.

«Мир Джимми»... Нет, он не ограничивается проклятой улицей Кондон Террас, не замыкается в рамках юго-восточного Вашингтона. «Мир Джимми» везде, где господствует мир капитала. Сенсация вокруг восьмилетнего наркомана — парадоксальная сенсация, ибо это не из ряда вон выходящий случай, а сенсация повседневности. Здесь, в Вашингтоне, наркомания среди малолетних не аберрация, не исключение из правила, а образ жизни. (И вновь в который уже раз привычное словосочетание звучит цинично, кощунственно, почти нецензурно. Ведь речь, по существу, идет совсем об обратном — об образе смерти, разрушения.) Как пишет сама «Вашингтон пост», на уличных перекрестках и на детских площадках, разбросанных по всему городу, вы часто можете встретить детей, нередко не старше десятилетнего возраста, которые с жуткой аккуратностью способны поименно перечислить всех главных торговцев наркотиками в своей

округе и тарифные сетки их продукции. Непосвященных они могут проинструктировать насчет цвета, вкуса и запаха такой материи, как героин, кокаин и марихуана, могут бойко пересчитать все цвета радуги наркотических пилюль... Проблема наркомании в округе Колумбия приняла эпидемические размеры. По свидетельству доктора Алисы Галлати, директора института по борьбе с наркоманией при Хоувардском университете в Вашингтоне, «героин разрушает город». По данным медицинского инспектора округа Колумбия Джеймса Люка, сейчас смертность от употребления героина возросла в шесть раз по сравнению с 1978 годом.

«Мир Джимми»... Да, он не ограничивается проклятой улицей Кондон Террас, не замыкается в рамках юго-восточного Вашингтона. «Мир Джимми» везде, где господствует мир наживы. Мне вспоминается тетка Джимми из Нью-Йорка, тетка, несмотря на то, что звали его Уолт, Уолт Уондермиер. Мальчику было всего двенадцать лет, когда его нашли мертвым в общественной уборной. Рядом с ним на полу валялись два пластиковых пакетика из-под героина, шприц и мензурка. Мальчишка был одет в рубашку, украшенную вышивкой-афоризмом: «Мне так хочется укунить кого-нибудь». Весть о трагической гибели Уолта облетела всю страну. Не потому, что смерть от злоупотребления наркотиками здесь в диковинку. «Просто» Уолт оказался их самой юной жертвой, по крайней мере из тех, кто был зарегистрирован на тот день в конторских книгах министерств здравоохранения и юстиции.

Уолта положили в гроб, нарядив в костюм с позолотой, о котором он мечтал всю свою короткую жизнь, но который был не по карману его родителям. «Здесь Уолт?» — спрашивали робко его школьные товарищи, заглядывая в комнату, где был установлен гроб с телом самого маленького наркомана Америки. А в углу заливалась слезами его крестная мать. «В моих ушах еще звучит плач новорожденного Уолта, когда его принимали в Гарлемском госпитале. И вот все кончено», — повторяла она, всхлипывая.

Вспоминаются и те «кримс кэрлс» (традиционные рождественские песенки), которые исполнялись в тот год на рождество в Нью-Йорке у подъезда дома № 812 на Пятой авеню, где жил Нельсон Рокфеллер, бывший тогда губернатором штата Нью-Йорк, у подъезда дома № 911 на Парк-авеню, где жил сенатор Джекоб Джавитс, и у подъезда «Грейс-

мэншн», резиденции тогдашнего мэра Нью-Йорка Джона Линдсея.

Казалось, то были самые обычные «кримсмас кэролс», исполняемые самым обычным хором мальчиков.

— Тихая ночь! Святая ночь!—пели они, задрав головы и закрыв глаза.

Но рождественская ночь в Нью-Йорке не была ни тихой, ни тем более святой. Хор мальчиков состоял из пациентов «Одисей-хауза» — госпиталя-колонии, созданного несколькими подвижниками для детей-наркоманов. Таких в одном только Нью-Йорке насчитывается около двадцати тысяч. Хор мальчиков пел «Тихую ночь» в память об Уолте Уондермиере, в память о двухстах десяти детях, которые погибли от наркотиков в том году. Власти штата и города не удосужились отпустить на нужды «Одисей-хауза» хотя бы медный мусор подаяния.

— У них было ассигновано на это 54 миллиона долларов,— говорила мне доктор Джудиэнн Денсен-Гербер, основательница «Одисей-хауза».— Но деньги пошли не на лечение и воспитание детей-наркоманов. Их вложили в рекламную кампанию, целью которой было доказать, что Рокфеллер искоренил наркоманию в штате Нью-Йорк. Какой моральный позор: взойти по трупам двухсот детей на губернаторское кресло! Пока мы тут говорим, дети продолжают умирать. Если ничего не будет предпринято в самом ближайшем будущем, половина наших пациентов встретит рождество будущего года в морге...

— Тихая ночь! Святая ночь!—пели дети у роскошных подъездов Рокфеллера, Джавитса и Линдсея.

Сенатор спустился вниз вместе со своей супругой, чтобы послушать хор мальчиков.

— Комок подкатывается к моему горлу. Я растроган до слез,— сказал он.

Мэр тоже вышел навстречу детям. Он был одет в костюм для игры в теннис. Мэр тоже был растроган пением и от всего сердца поблагодарил мальчиков. На следующий день мэр вылетел на Багамские острова, чтобы провести рождество в кругу своей семьи.

Рокфеллер уклонился от встречи. Но, будучи человеком вежливым, послал записку, в которой говорилось, что губернатор, к сожалению, не сможет послушать «кримсмас кэролс» в исполнении детей-наркоманов...

Вашингтон уже начинает постепенно вползать в предрождественскую кутерьму. Правда, до «кримс кэрлс» еще далеко. Пока еще их заменяют телефонные звонки возмущенных вашингтонцев. Мэру Бэрри приходится отдуваться за троих — за себя, за губернатора и за сенатора. Дело в том, что, по конституции, округ Колумбия лишен статуса штата, поэтому губернатор ему не положен и он не имеет своих представителей на Капитолии. Вот и приходится мэру Бэрри отдуваться за всех. «Мы найдем восьмилетнего наркомана. Это просто невероятно, что его мать говорит о'кэй. Нет, мы обязательно поможем несчастному мальчику!» — обещает мэр. Но пока что это обещание звучит как рождественская сказка.

Срок ультиматума, предъявленного «Вашингтон пост» шефом полиции Джефферсоном, прошел. Газета по-прежнему упорно отмалчивалась, однако ни мэр, ни федеральный прокурор не осмелились привести в исполнение свою угрозу. Проявлял пассивность и министр юстиции Сивилетти. Молчали школьные учителя Джимми, у которых он набирался премудрости арифметики. Молчали его соседи и клиенты его отчима-«пушера». Газета «Вашингтон пост» ссылалась на свободу печати. На что, интересно, ссылаются они — на свободу совести? Предательски, преступно молчат телефоны полиции 727 — 0995 и телефон социальных служб 393 — 2222, опубликованные в печати для того, чтобы «граждане, знающие о местонахождении Джимми, сообщили о нем». Среди других газет эти телефонные номера опубликовала и «Вашингтон пост». Видимо, ее редакторы и репортеры не считают себя гражданами и, во всяком случае, суперменами. Еще один коллега Джанет Кук, обозреватель «Вашингтон пост» Уильям Рэсперри, в сердцах восклицает: «Чего вы хотите от нее? Чтобы она, подобно супермену, бросилась с кулаками на отчима Джимми и вызволила ребенка из наркотического ада?»

Это сравнение с суперменом требует некоторого пояснения. Супермен — герой комиксов, мультипликаций и целой серии обычных фильмов — в «нормальной жизни» является репортером вымышленной газеты «Дейли планет» по фамилии Кларк. Когда Кларк видит какую-либо несправедливость, он вбегает в первую попавшуюся, находящуюся поблизости будку с телефоном-автоматом, превращается в ней в супермена и летит, чтобы сразиться с силами зла.

Сейчас в телефонных будках колотятся несовершеннолетние наркоманы, мнящие себя суперменами. Так жизнь

вносит свои жестокие коррективы в старые комиксы и мультипликацию...

Молчат телефонные звонки полиции и социальных служб. Продолжают трезвонить звонки газет, телевидения, мэрии. Какие это страшные «криминальные кэролс» — и молчание первых, и истерика вторых! Нет, это не только тревога за судьбу Джимми. Это тревога за себя, за своих детей, тревога и отчаяние перед незащищенностью от «мира Джимми», терроризирующего посильнее любого героя, даже самого чистого и крепкого, поставляемого из стран «Золотого полумесяца». Радиокomentатор Ральф Грин, хозяин популярного двадцатиминутного воскресного шоу, говорит: «Самое страшное в деле Джимми то, что оно обыденное. Пойдите на любой концерт рок-музыки в Вашингтоне, и вы встретите кучу детворы девяти-десяти-одиннадцатилетнего возраста, потребляющую всевозможные наркотики». И звучит на всю Америку наркотическая рок-музыка, словно «криминальные кэролс» этого безумного и преступного «мира Джимми»...

— Тихая ночь! Святая ночь!

Первого октября мэр Бэрри устроил пресс-конференцию, на которой сообщил, что адрес Джимми уже известен, но что сам он и его родители исчезли. Мэр сказал, что мать Джимми позвонила одной из сотрудниц института по борьбе с наркоманией. «Мы уходим в подполье. Мы боимся, что нас арестуют, и мы не хотим, чтобы у нас отобрали ребенка!» — прокричала она в телефонную трубку.

Но пресс-конференция была созвана мэром не для того, чтобы оповестить мир о бегстве и исчезновении Джимми. Мэр пытался задобрить всемогущую «Вашингтон пост», которую побаивался сам президент, протянуть ей оливковую ветвь.

— Мне не нужна «Вашингтон пост». Я и без нее знаю адрес ребенка. И я никого не собираюсь привлекать к уголовной ответственности за укрывательство, — сказал Бэрри.

Мэр всыпал своему шефу полиции за неуместное рвение и опроверг сообщения печати о том, что он санкционировал ультиматум газете. «Я вообще не имел никаких контактов с полицией», — утверждал мэр. Дал задний ход и федеральный прокурор Рафф. Он тоже поспешил откеститься от своей причастности к ультиматуму. Понтии Пилаты всегда соблюдали правила гигиены, всегда умывали руки.

На следующий день мэр преподнес столице еще одну сенсацию. Он опроверг самого себя. Выступая от его имени,

пресс-секретарь мэрии Алэн Грип заявил: «Мэр не знает ни фамилии Джимми, ни его адреса. Они неизвестны и другим органам власти». И вновь зазвонили телефоны. Беспомощность и равнодушие властей еще больше возмутили и всполошили людей, затравленных безработицей, преступностью, нищетой. Радиокорментатор Джерри Филлипс посвятил всю свою передачу «Утренние звуки» делу Джимми. Он то и дело подключал к ней телефонные звонки радиослушателей.

— Я могу даже не знать, что мой сын начал принимать наркотики. Бедный люд терроризован организованной преступностью,— говорила какая-то женщина.

— В негритянских кварталах Вашингтона наркотики продаются на каждом углу. «Мир Джимми» — это весь наш город,— жаловался учитель из начальной школы.

— Судьба Джимми — результат загнивания нашего общества. Только глубоко больное общество бросает на произвол судьбы детей,— возмущалась домохозяйка из пригорода Арлингтон.

— Ищите не Джимми, а истоки безработицы и нищеты. Боритесь не с наркоманией, а с расизмом! — восклицал слесарь из Роквилла.

Особенно доставалось «Вашингтон пост».

— Быть может, с точки зрения закона газета невиновна, но в моральном плане она соучастница преступления. И это очень показательно для нашего общества, в котором законы и мораль не совпадают,— утверждал машинист из Элликот-сити.

— Виновата система. Она молотит нас, а затем превращает в преступников,— заявляли узники тюрьмы в Лортоне. Они знали, о чем говорили.

...Это было много лет назад. Перед аудиторией вполне интеллигентных и, как принято выражаться, добропорядочных людей выступал Малкольм Икс, выдающийся негритянский деятель и пламенный оратор. Недаром его язык сравнивали с автогенем. Он рассказывал о событиях шестидесятых годов в Сельме, о гроздьях справедливого гнева и разгуле расистского террора.

— Никогда не забуду такую картину: белый полицейский повалил на землю пожилую негритянку, уселся ей на грудь и стал избивать! — гремел голос Малкольма. В зале стояла кладбищенская тишина.— Я вижу, что на ваших лицах написано недоумение и даже неверие,— обратился оратор к интеллигентным и добропорядочным.— Но ведь я ничего

особого не сказал. Вы все это видели сами не раз и не два. Вы просто делаете вид, что не видели, ибо в противном случае вы должны были вмешаться, а вы остались в стороне. (Интеллигентные и добропорядочные остались в стороне и тогда, когда от руки наемного убийцы пал Малкольм Икс.)

Я вспомнил эту давнишнюю историю вот почему: сенсационная шумиха вокруг судьбы Джимми — тоже невмешательство, тоже молчание, та ее разновидность, которая именуется нехлюдовщиной. Я имею в виду не только и не столько бессилие полиции и высокомерие «Вашингтон пост». Я имею в виду общественный климат. Но ведь люди возмущаются, звонят, пищут, требуют! — скажете вы. Да, конечно. Ну, а если бы Джимми было не восемь лет, если бы его колоди не родители и вообще, если бы о нем никто не знал? Что тогда? Никто не возмущался бы, не звонил, не писал, не требовал. А ведь Джимми — песчинка героина в бесконечном потоке, струящемся из «Золотого полумесяца». Безработица среди молодежи в три раза выше общенациональной, а среди негритянской молодежи — в шесть раз, а то и более. Когда на днях мэр Бэрри сунулся «побеседовать» с вашингтонскими безработными, ему не дали и рта раскрыть. Во избежание самосуда мэр, прикрываемый телохранителями, бежал через черный ход здания, где должен был состояться разговор «по душам».

Негритянские лидеры ничуть не преувеличивают, когда называют безработицу и наркоманию замаскированными формами геноцида. А так ли уж они и замаскированы? В эти дни я вновь побывал на Кондон Террас, на Седьмой стрит и на Четырнадцатой, прозванной «галереей уколов». Безработные юноши и девушки торгуют собой и героином, колотся шприцами и закалывают ножами в подворотнях, в телефонных будках, прямо под открытым небом и крытыми забегалками. На перекрестке Девятой стрит и «О»-стрит мальчонки чуть постарше Джимми-невидимки делают вид, что хотят протереть ветровые стекла оставающихся на красный свет автомобилей. Одни протягивают вам руки за мелочью, другие предлагают наркотики. В глазах у них даже не тоска, а пустота, какая-то плывущая, ускользающая, угрожающая пустота. И холод. Как в космосе. Они похожи на пришельцев из иного мира. Впрочем, почему иного? «Мир Джимми» не инопланетный, он молекула, атом этого безумного мира.

...Детские площадки и школьные дворы, усеянные шприцами; улицы, дискотеки, автомобильные стоянки, превращенные в «галереи уколов»; мороженщики, торгующие с лотка

наркотиками вместе со сладкими льдышками и разноцветными конфетами; приемные покои госпиталей, заполненные подростками, впавшими в кому или в ажиотаж галлюцинаций... Гудит, бурлит «мир Джимми», засасывая в свою пучину все новые и новые жертвы...

«Хоуп» — по-английски «надежда», «доуп» — наркотик. «Если есть хоуп, не будет доупа», — говорят одни. «Доуп — единственный хоуп», — возражают другие. Первых — единицы, вторых — подавляющее большинство. Общество, как и природа, не терпит пустоты. Там, где нет надежды, ее место жадно и алчно, со скоростью света, несущего тьму, заполняют наркотики — от газет до героина, от телевизора до марихуаны, от предвыборных обещаний кандидатов в президенты до морфия. Но наркотики не могут, не в состоянии заменить надежду. С надеждой живут, от наркотиков умирают. Недаром один из великовозрастных Джимми сказал мне недавно:

— Конечно, доуп не хоуп, но зато он дает мне свободу выбора смерти.

Если свободу печати в Соединенных Штатах «гарантирует» первая поправка к конституции, свобода смерти гарантируется всем образом жизни этого безумного и преступного «мира Джимми», который, подобно мифологическому чудовищу Минотавру, пожирает даже своих собственных детей. Госпожа Одри Роув, начальник службы социальных услуг при департаменте гуманитарных услуг — есть здесь и тактика, — говорит: «Я с ужасом вглядываюсь в грядущее. Я называю детей в возрасте от двух до двенадцати лет потерянным поколением. Эта потеря обнаружится, когда они достигнут двадцатилетнего возраста. У нас будет общество людей с желеобразными мозгами — неучей и наркоманов. Что станет тогда со всеми нами? Об этом и подумать страшно».

...Сейчас, когда передаются эти строки, Джимми все еще не найден. Сбились с ног полиция, бюро наркотиков, всевозможные «социальные» службы, общественные, просветительские и благотворительные организации. Песчинка героина затерялась в хаосе негритянских гетто Вашингтона, где не принято выдавать «системе», то есть властям, ни преступников, ни жертв. Некоторые даже высказывают опасения, что, возможно, Джимми уже нет в живых. Та самая госпожа Одри Роув, что возглавляет службу социальных услуг при департаменте гуманитарных услуг (нехлодовщина и лицемерие, помноженные на бюрократизм), заявляет: «Необходимо помнить, что семейство Джимми зависит от внешних постав-

щиков героина. Они, разумеется, далеко не в восторге от перспективы, что мать и ребенок будут найдены. Ведь это может навести полицию на их след. Вот почему я обеспокоена судьбой Джимми и Андреа. В любую минуту они могут быть хладнокровно убиты». Госпожа Одри Роув, начальник службы социальных услуг при департаменте гуманитарных услуг, весьма недалеко от истины. Во всяком случае, не дальше, чем Джимми — от смерти.

Тем временем «Вашингтон пост» продолжает разыгрывать фигуру умолчания и попутно восхваляет собственные добродетели. Газета опубликовала статью под заголовком «Единственное обещание, которое было выполнено». В ней говорится: «Джимми, вероятно, не знает, сколько обещаний делалось ему. Было обещание построить Великое общество (социальная программа президента Джонсона.— М. С.), было обещание объявить войну нищете; было обещание соблюдать законы и законность; было обещание, что всем дадут образование для справедливого жизненного старта; было обещание создать всевозможные агентства, которые помогут тебе в беде. И превыше всего было сияющее обещание, что дела пойдут на лад, если ты будешь трудиться, не покладая рук, в поте лица своего. Получай профессию, трудись, и вознаграждение не замедлит прийти».

Но ничего не приходит, ибо обещания, данные дядюшкой Сэмом мальчонке Джимми, не выполняются. А вот тетюшка Кэт (владелица «Вашингтон пост») свое обещание выполнила. Дала слово не раскрывать местонахождения ребенка в обмен на «жареное» интервью и сдержала его. Не подумайте, что я иронизирую. В статье так прямо и говорится. С гордостью. С нескрываемой гордостью. Нашли чем гордиться.

...Америка ищет Джимми и не может найти. Джимми ищет Америку и тоже тщетно. Ибо там, где Джимми-реальность, страны обетованной не существует, она иллюзия.

— Страшная ночь! Грешная ночь! — истерически трезвонят редакционные телефоны и ревут полицейские сирены, эти «крисмас кэролс» этого безумного мира.

Америка и Джимми никак не могут найти друг друга. Они единое целое.

Вот что забыла Америка. Вот чего она не хочет слышать...

Вашингтон.

Октябрь — декабрь 1980 г.

КТО УБИЛ НЭНСИ СПЭНГЕН?

Это произошло 12 октября в Нью-Йорке, в столетнем «Челси», когда-то знаменитом, а ныне пришедшем в полный упадок отеле, где обычно останавливались «звезды» артистического мира и представители литературной богемы, где вам до сих пор показывают номера Сары Бернар или Дилана Томаса. В номере с табличкой «100» на двери после наркотической оргии проснулся Сид Вишиос, бас-гитарист популярной на Западе рок-группы «Секс пистолс» («Сексуальные револьверы»). Сцена, представшая перед его глазами, потрясла даже помутившийся от наркотиков разум рок-идола. Сначала он увидел залитый кровью старый, потертый ковер, ведущий в ванную комнату. С огромным усилием приподнявшись с кровати, шатаясь, как в бреду, Сид направился туда. В ванной, свалившись под умывальник, лежала его двадцатилетняя подруга Нэнси Спэнген. В ее животе, воткнутый по рукоятку, торчал охотничий нож. Яркий электрический свет, горевший в ванной, придавал этой жуткой картине еще более ошеломляющий вид, вид перекочевавших в реальную жизнь мизансцен из фильмов Романа Поланского или Кена Рассела.

Полиция арестовала Сид Вишиос и предъявила ему обвинение в убийстве. Предъявим обвинение в убийстве и мы. Но для этого прежде всего необходимо ответить на вопрос: кто убил Нэнси Спэнген? А еще раньше — на вопрос: кто породил Сид Вишиос?

История, точка в которой была поставлена ударом охотничьего ножа в номерах нью-йоркского «Челси», началась полтора года назад в Челси лондонском — районе английской столицы, облюбованном так называемой молодежной «контркультурой», откуда, кстати, пошли гулять по белу свету неотразимые «мини» Мери Квонт. В течение полтора лет нищий, ничем не примечательный, музыкально бездарный лондонский паренек Джон Ритчи — ему было девятнадцать, когда его «открыли», — превратился в кумира молодежи Старого и Нового света, неотразимого Сид Вишиос. Пигмалионом, совершившим эту метаморфозу, были многомиллиардная «промышленность развлечений» и ее беспощадная рекламная машина, ставшая машиной времени — убитого, невозвратного, потерянного, потраченного зря. «Вишиос попался в сети мифов, которые не он создал и которые он не мог

контролировать», — писала лондонская «Санди таймс». «Сети мифов»... Сказано весьма изящно, с налетом некоей олимпийской дымки. В действительности все было куда проще и страшнее...

Из отеля «Челси» Сиди Вишиос, еще не вполне стряхнувшего с себя наркотический дурман, отвезли в нью-йоркскую тюрьму «Рикерс айленд». Первым посетителем Сиды был его злой тень Малкольм Маклэрен, менеджер группы «Секс pistols», которому она обязана славой «предельно безвкусного и насильственного ансамбля». Поскольку Маклэрен будет посажен нами на скамью подсудимых — власти отведут для него в лучшем случае лишь загончик для свидетелей, — необходимо хотя бы вкратце проследить его далеко не млечный путь.

Предки Маклэрена издавна занимались в Лондоне торговлей коврами, но сам Маклэрен мечтал об ином ковресамолете. Бросив Кройдонскую школу искусств, Маклэрен открыл магазин готового «поп-платья» на Кингс-роуд, главной торгово-социальной магистрали лондонского Челси. Собственно говоря, никакого платья, готового или неготового, в лавке у Маклэрена не было. На полках пылились две-три дюжины брюк «Люрекс» и стопки пластинок пятидесятих годов. Несколько позже Маклэрен сменил вывеску своего предприятия. Он переименовал его в лаконичное «Секс». Изменился и ассортимент товаров — одежда из кожи и резины, разукрашенная, как говорилось в рекламе, «садомазохистскими мотивами». В данном случае реклама не врала, не преувеличивала. Могу засвидетельствовать лично. Мне довелось лицезреть лавку Маклэрена во время последнего посещения Лондона.

Клиентуру «Секса» составляли в основном парни и девушки из лондонских рабочих предместьев. Это были подростки — «тинэйджеры», пытавшиеся подражать послевоенной моде «теддибоев». (Аллах ведает, что сие означает!) Однажды в лавку Маклэрена забрели гастролировавшие в Англии музыканты из скандальной нью-йоркской рок-группы «Доллс» («Куколки»), почти целиком состоящей из гомосексуалистов. Поблизе сойдясь с владельцем «Секса» и впечатлившись его деловой хваткой и жилкой, музыканты предложили ему стать менеджером их группы. Маклэрен согласился. Он перебрался в Нью-Йорк, затем стал постоянно мигрировать между Нью-Йорком и Лондоном, придумывая

всевозможные рекламные ухищрения для сбыта продукции и групп нового музыкального направления, окрещенного в Соединенных Штатах словом «пэнк». (Этимология этого слова весьма сложна. Оно, видимо, гибрид таких слов, как гнилой, гнилушка, трут, никчемность, неоперившийся юнец, хулиган, плохой... В общем, ничего хорошего.) «Пэнк» — последнее слово рок-музыки, или, как здесь иногда говорят, «сверхподпольная музыка» — грубая каксофония, отрежиссированная на потребу низменных страстей. Впрочем, «главное» здесь не столько музыка, какой бы она ни была, а слова песен — вызывающие своей нецензурностью и скабрешностью.

Из безработных и праздношатающихся «тинэйджеров», успевших деклассироваться еще в юные годы, познавших раннее разочарование в жизни и опшивавшихся в его лавке на Кингс-роуд, Маклэрэн без особого труда сколотил одну из первых английских «пэнк»-групп и дал им название «Секс пистолс». То были четыре паренька, едва брэнчавшие на музыкальных инструментах и едва разбиравшиеся в нотах. Одного из них, обитателя лондонского Ист-Энда Джона Лайдона, Маклэрэн возвел в ранг «первого певца» — солиста и дал ему псевдоним — Джонни Роттен, то есть Джонни Прогнивший, вполне в духе стиля «пэнк».

И вот Маклэрэн стал стрелять в упор из своих «Пистолетов» по молодежной аудитории. Наряженная в «садомазохистскую продукцию» его лавки, четверка вчерашних безработных совершала турне по ночным клубам и университетским городкам. Причем каждый концерт неизменно кончался громким скандалом, взрывом насилия. Делалось это умышленно, чтобы заработать славу, неважно какую, а затем чеканить из нее звонкую монету. И питомцы Маклэрэна преуспели. В печати о них заговорили как об ансамбле, «утвердившем новые стандарты общественной непристойности». С подобной характеристикой можно было горы своротить, и Маклэрэн как раз этим-то и занялся.

Здесь я на минуту прерву наше повествование для того, чтобы посадить на скамью подсудимых еще одного преступника — граммофонную фирму ЕМИ. Маклэрэн, ни бельмеса не смысливший в музыке, великолепно разобрался в рыночной конъюнктуре и имел безошибочный нюх на «жареное». Он отлично понимал коммерческие «потенци» своей четверки, ибо хорошо изучил спрос граммофонного бизнеса, занятого беспрестанными поисками золотых жил — новинок,

имеющих успех у молодежи, его главного клиента, главного потребителя его продукции — «дисков». Не менее хорошо знал Маклэрэн и о духе конкуренции, неразборчивой и жестокой, царящей в мире граммофонных гигантов. В этом мире прозевать «восходящие звезды» равносильно первородному греху. Ведь это значит проморгать миллионные прибыли, уплывшие к тому же в чужие, враждебные руки. Джентльменов, совершающих подобный грех, выбрасывают на свалку независимо от того, какой пост они занимают в граммофонной иерархии. В мире бизнеса коты, разучившиеся ловить мышей, вопреки обыденной логике, уже не считаются «жирными».

Ник Моббс, ведающий на фирме ЕМИ отделом «талант скаутов», то есть отделом по отысканию «юных дарований», ловить мышей еще не разучился. Когда в сентябре 1976 года Маклэрэн упросил его послушать «Секс pistols», он немедленно схватился за эти музыкальные револьверы. «Конечно, с технической стороны они не умели играть, но эмоционально это было очень волнительно», — вспоминает Моббс. Уже на следующий месяц ЕМИ и Маклэрэн заключили между собой контракт. Поначалу новички были куплены по дешевке. Им гарантировали всего каких-то восемьдесят тысяч долларов да и то растянутые на двухлетний срок. «Разумеется, это был риск, но не столь уж большой. Продав даже одну пластинку с записью одной песни, мы могли вернуть затраченное в мгновение ока», — говорит генеральный управляющий ЕМИ Лесли Хилл.

Вступив во владение «Пистолетами», ЕМИ начала усиленно рекламировать их, ибо риск риском, а под лежащий камень вода не течет. Реклама велась вполне в духе Маклэрэна, но лишь с еще большим размахом, отличающим корпоративного левиафана от кустаря-одиночки. Первая пластинка, «напетая» питомцами Маклэрэна, называлась «Анархия в Соединенном Королевстве». Я взял слово «напетая» в кавычки потому, что первый блин «Пистолетов» представлял собой сплошной рев и визг, в которых едва можно было разобрать отдельные слова, вроде «я антихрист», которые иступленно выкрикивал Джонни Роттен, то есть Прогнивший.

Спустя несколько дней после «дебюта» четверку пригласили выступить в вечерней программе телевизионной компании «Темза», половиной которой владеет все та же граммофонная фирма ЕМИ. Ведущий программы прямо призывал приглашенных «говорить что-нибудь возмутительное».

Последние не заставили долго себя упрашивать и разразились несусветно-нецензурной бранью. На следующий день газеты вышли с первополосными репортажами, посвященными «Пистолетам». Рекламная цель была поражена в «десятку». «Анархия в Соединенном Королевстве» стала продаваться нарасхват во всем Соединенном Королевстве. Не анархично, организовано.

Справедливости ради надо заметить, что некоторые директора наблюдательного совета ЕМИ, в том числе лорд Шоукросс, бывший английский обвинитель на Нюрнбергском процессе, пытались протестовать, требуя надеть намордник на «Секс пистолс». «Респектабельная» Би-би-си запретила исполнение «Анархии» по своим каналам. Но усмирить вышедшую из берегов стихию было уже невозможно. В мире «желтого дьявола» голос денег, швыряемых на бочку, звучит громче и властнее, чем даже голос бывшего обвинителя на Нюрнбергском процессе и даже чем голос Би-би-си, когда она пытается «честь соблности».

А «Пистолеты» Маклэрена тем временем занялись экспортом «Анархии» за пределами Соединенного Королевства. Их первые гастроли состоялись в Голландии. Для поддержания своей «репутации», а вернее, для броского рекламного старта, «Пистолеты» начали с того, что публично, на глазах у всего честного народа и, разумеется, многочисленной газетной братии, дружно облевали билетную кассу голландской авиакомпании КЛМ в лондонском аэропорту Хитроу. Шумный успех гастролей был обеспечен.

Скамья подсудимых... Вот еще один из них — другая граммофонная фирма «А энд М рекордс» и ее совладелец Херб Альперт. «Пистолеты» достались им по наследству от ЕМИ. По настоянию Маклэрена контракт с новым работодателем был подписан не в штаб-квартире фирмы, а перед зданием... Букингэмского дворца в Лондоне! Джонни Роттен окроплял далеко не святой водой — смирновской водкой — фотографов и директоров фирмы. И те, и другие были в восторге. Пластинки бодро вертелись. Дела шли в гору. «Пистолеты» с треском разряжали в публику свои обоймы низменной музыки и семиэтажного мата.

Затем настал черед фирмы грамзаписи «Вирджин рекордс» заткнуть за пояс лающие «Пистолеты». (Она тоже должна сесть на скамью подсудимых.) Именно в это время к группе Маклэрена присоединился дружок Джонни

Ротгена Джон Ритчи, которого с легкой руки и тяжелого похмелья менеджера окрестили Сидом Вишиос, то есть Сидом Порочным. Он не умел играть на гитаре, зато знал толк в наркотиках, а это было куда важнее...

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Люди с чувством черного юмора утверждают, что будто бы именно эта поэтическая фраза великого соотечественника Маклэрена надоумила последнего на еще один рекламный трюк — воссоздать из наркотической дымки «бессмертных возлюбленных эпохи контркультуры». Играть роль Ромео было поручено Сиду Вишиос. На роль Джульетты подобрали девушку — американку из зажиточной филадельфийской семьи. Правда, она давно покинула родные пенаты, стала хиппи-кочевницей и металась между Нью-Йорком и Лондоном, делая вынужденные остановки в вытрезвителях, клиниках для лечения наркоманов и даже в психиатрических больницах. Она коллекционировала сердца покоренных ею рок-идолов и тратила на героин более ста долларов ежедневно. «Джульетту контркультуры» звали Нэнси Спэнген. Познакомили ее с Маклэреном «Куколки», когда он подвизался в качестве их импресарио.

Сначала все шло согласно маклэреновскому сценарию. Сид и Нэнси исправно играли порученную им роль, пожиная газетную шумиху и паблисити. Но вскоре выяснилось, что трагедийная сила героина не подчиняется законам драматургии даже в ее «контркультурной» модификации. Марионетки вышли из повиновения. Спектакль стал угрожающе расплываться по швам. «Пистолеты» стали все чаще давать осечку. Надвигалась катастрофа, причем в самый кульминационный момент, когда, завоевав Соединенное Королевство, «Секс пистолс» намеревались двинуться в Соединенные Штаты за миллионными урожаями зеленых долларов и поклонников. Все попытки Маклэрена разлучить Ромео и Джульетту «Контркультуры» оказались безуспешными. Наркотические оргии продолжались, грозя и без того бездарным музыкантам полным физическим и умственным разрушением. Заложенный в них взрывной механизм тикал все громче и громче.

Это угрожающее тиканье привлекло к себе внимание гигантской кинематографической корпорации «Уорнер Бразерс». (Ее место тоже на скамье подсудимых.) 10 октября 1977 года, то есть ровно за год до убийства Нэнси Спэнген, «Уорнер

Бразарс» и Маклэрен подписали контракт. Сейчас, спеша отмежеваться, киномагнаты «сожалеют» об этой сделке. «Мы не должны были прикасаться к «Пистолетам» даже кончиком трехметровой палки. Но тогда нам казалось, что дело это стоящее, ибо рок снова входил в моду. И потом, мы заплатили большие деньги, опасаясь, как бы другие компании не перехватили их», — оправдывается Пет Джонсон, исполнительный директор калифорнийского филиала «Уорнер Бразарс». Мефистофель монопольно владел душой Фауста. За души «Пистолетов» шла ожесточенная конкурентная борьба мефистофелей от бизнеса.

Американское турне «Пистолетов» началось с глубокого Юга. Было это сделано с умыслом. Маклэрен рассчитывал на то, что встреча его питомцев с провинциальной и набожной американской глубиной даст «максимальный шоковый эффект». Так оно и произошло. В Техасе, например, даже заматерелье ковбой шарахались, словно необъезженные скакуны, от изрыгавших нецензурную брань Роттена-Прогнившего и Вишиос-Порочного. Газеты были в восторге, было чем потчевать читателя. Наконец, «Пистолеты» получили всеамериканское признание — их пригласили на самое популярное телевизионное шоу компании Эн-би-си «Тудей». «Пистолеты» пришли, увидели и... наследили. Затем они демонстративно покинули шоу, уже передававшееся в эфир.

А тем временем в воспаленном мозгу Маклэрена возникали все новые и новые антрепризы, одна замысловатее другой и скандальнее, разумеется. Так, он задумал путешествие в Бразилию с целью выпуска долгоиграющей пластинки, напечетой вместе с Рональдом Биггсом, скрывающимся в бразильских джунглях руководителем многомиллионного ограбления английского экспреса, нареченного «ограблением века». Даже Джанни Роттену это показалось уж слишком, и он решил выгащить свой пистолет из маклэреновской кобуры.

Уход премьеры не смутил Маклэрена. Ведь у него еще оставались в запасе Ромео и Джульетта. Он вступил в переговоры с еще одним кинематографическим гигантом, «XX век-Фокс», и заключил с ним соглашение о финансировании фильма с участием «Пистолетов». Заголовок будущего фильма убийственно точно отражал его содержание, именно убийственно. Он гласил: «Кто убил Бэмби?» (Кто убил Нэнси, мы уже знаем. Место на скамье подсудимых должно найтись и для «XX век-Фокс».)

Режиссером картины был приглашен Росс Майер. А кто же еще? Несколько лет назад, находясь в Голливуде, я попросил руководителей киностудии «XX век-Фокс» устроить мне встречу с Майером, которого они только что законтрактовали. Джентльмены смутились, но, наконец, согласились. Дело в том, что Майер снимал до того исключительно любительские порнографические фильмы, которые показывали разве что в подворотнях. Чистоплюи из «XX век-Фокс» клялись, что не пустят Майера даже на порог своих съемочных павильонов. Но у Майера оказался на руках козырной пропуск-вездеход — финансовый успех. Затратив какие-то паршивые двести тысяч долларов на съемку порнографического фильма «Супер виксенс», он получил от его проката фантастическую прибыль в 14 миллионов долларов!

Этот «аргумент» действовал неотразимо на директоров «XX век-Фокс», находившегося в то время на грани банкротства, и они, блудливо заливаясь краской стыда, не только взяли обратно свои гордые и благородные слова, не только допустили Майера на порог своих съемочных павильонов, но раскрыли, широко распахнули перед ним двери, поручив постановку серии фильмов по романам писательницы «специфического жанра» Жаклин Сюзан.

Никогда не забуду, с каким гордым и довольным видом водил меня по территории «XX век-Фокс» Росс Майер, водил как победитель, осматривающий взятую им штурмом крепость. Казалось, ему доставляло несказанное удовольствие, я бы сказал, даже чисто физическое удовольствие попирать толстыми подошвами своих башмаков гордыню кинематографического истеблишмента Голливуда, униженно пришедшего на поклон к нему — грязному, неизвестному штамповщику порнографической макулатуры. Никогда не забуду и фигуру джентльмена, отвечавшего в компании за связь с печатью. Он сконфуженно, но тем не менее угодливо семеня след за гигантом Россом — в нем целых два метра, — словно аристократическая, чистых кровей собачонка, увязавшаяся в порыве необузданной похоти за дворовым псом.

Итак, пути Маклэрена и Майера скрестились, и съемки фильма «Кто убил Бэмби?» начались. Однако каким-то чудом «Бэмби» уцелел. Король музыкальной порнографии о чем-то повздорил, что-то не поделил с королем порнографии кинематографической. Сейчас их тяжба перенесена из съемочных павильонов в судебные здания.

Но Ромео и Джульетта — Сид и Нэнси — оказались не столь счастливыми, как «Бэмби». Они продолжали играть в жизни роль, отведенную им в фильме Майера и Маклэрена, и при помощи рекламы умудрились стать суперзвездами, даже не появившись на экране. Именно в качестве суперзвезд Маклэрен привез их в конце августа в Нью-Йорк и поселил в знаменитом «Челси» по соседству с духом Сары Бернар и тенями иных великих мира искусства и литературы. И «Челси», старый, умудренный столетним опытом «Челси», выдавший на своем веку не одну пьяную оргию американских и ирландских бардов, не один громкий скандал французских див и итальянских примадонн, в ужасе содрогнулся. 8 октября, чуть не угорев в пожаре, который возник от брошенной сигареты Сиды, скошенного наркотическим сном, любовники перебрались из одного обуглившегося номера в другой, под номером «100». Утром, накануне трагедии, Сид и Нэнси внезапно навестили приятеля по кличке Неон Леон, и Порочный передал ему свои «самые драгоценные» сувениры — кожаную куртку и подборку газетных вырезок — доспехи хиппи и рекламную дань.

В те дни Сид Вишиос лишь «между прочим» выступал с самыми номерами в нью-йоркском клубе «Макс». Его основным занятием были пьяные дебоши и наркотические сеансы в компании с верной Нэнси. «Они были с ног до головы в синяках и ссадинах. Сид был в таком состоянии, что не мог произнести даже слова «здравствуй». Однажды мне позвонила по телефону Нэнси и с ужасом сообщила, что Сид не может нащупать вену, чтобы ввести в нее шприц с героином», — рассказывает один из их «друзей».

В ночь на 12 октября Сид Вишиос-Порочный нащупал охотничий нож и вонзил его по самую рукоятку в живот своей подруги. Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте...

Впрочем, ушлый Малкольм Маклэрен придерживается на сей счет иного мнения. Он рассматривает жуткое убийство в мебелирашках «Челси» исключительно как ловкий и многообещающий рекламный трюк. Процесс над Сидом сулит грандиозное паблисити, а железо и тем более золото надо ковать, пока оно горячо. И Маклэрен и К^о куют его в поте лица своего, куют, забыв про честь и совесть, куют, забыв обо всем на свете, забыв об убитой Нэнси, о погибшем Сиде, о расстрелянных «Пистолетах», о тысячах и тысячах юных

душ, исковерканных и растленных на алтаре золотого тельца. Фирма грамзаписи «Вирджин рекордс» уже внесла за Сиду залог в пятьдесят тысяч долларов, чтобы он смог «в период предварительного следствия» напеть для нее пластинку-бестселлер. Одновременно Маклэрэн носителся с планами создания фильма «Кто убил Нэнси?» с участием еще остающихся в живых реальных героев трагедии — Сиды Вишиос и «Секс пистолс». Маклэрэн торопится: ведь надо успеть, пока Сиды не упрятали за решетку.

Законы юриспруденции предписывают не объявлять подсудимого виновным, пока не вынесен окончательный приговор. Но к делу об убийстве Нэнси Спэнген это не относится. Убийца, вернее, убийцы известны. И тот, кто всадил нож в несчастную Джульетту «Контркультуры», и те, кто приставил пистолет к виску молодежи западного мира.

Нет повести печальнее на свете... Тем, кто пишет ее кровью и слезами своих жертв, история рано или поздно вынесет свой суровый приговор. И приведет его в исполнение.

*Нью-Йорк — Вашингтон.
Октябрь 1978 г.*

КТО УБИЛ СИДА?

(Вынужденное, но логическое послесловие)

Трагическая история «Ромео и Джульетты контркультуры» была рассказана нами на страницах «Недели» за 28 января. Всего через несколько дней, 2 февраля, бездыханное тело Сиды Вишиос-Порочного было обнаружено в меблированных комнатах Гринич-Виллиджа, района нью-йоркской богемы. Сид лежал обнаженным на кровати. Рядом с ним валялся шприц. Прибывшая на место происшествия полиция зафиксировала смерть от большой дозы героина. Сначала было объявлено, что Сид покончил жизнь самоубийством. Затем причину его конца переквалифицировали в «несчастный случай». Сиду шел двадцать первый год.

Итак, следуя законам высокой трагедии, Ромео последовал за Джульеттой.

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте... Она уже рассказана. Остается лишь дописать к ней послесловие.

Мы расстались с Сидом, когда его посадили в тюрьму за убийство Нэнси Спэнген 12 октября прошлого года в нью-йоркском отеле «Челси». Короли коммерческой музыки, создавшие Сиду, его группу «Секс пистолс» («Сексуальные пистолеты») и хулиганский стиль «пэнк-рок», заплатили гигантский залог, чтобы извлечь убийцу из каменного мешка. Нет, не чувства добрые толкнули их на этот шаг. «Индустрия развлечений» спешила стричь купоны на кровавой рекламе. Выпущенного под залог Сиду ждали контракты на граммофонные записи и кинофильмы.

И завертелась пластинка, и закрутилась лента трагического эпилога. Он ничем не отличался от пролога. Репертуар Сиды, вышедшего на свободу седьмого ноября, был прежним. Вместо гитары — шприц, вместо песен — сквернословие, вместо концертов — дебоши. Он выступал, заколов себе английскими булавками губы и щеки. Булавки торчали на его лице, словно обломки недоброкачественных игл, которые продают из-под полы вместе с героином «пушеры». Он блевал со сцены, принимая для этого рвотные препараты. Однажды он разбил пивную бутылку, исполосовал себе лицо ее осколками, запачкав кровью всего себя с головы до ног, и так продолжал извиваться под ритмы «пэнк-рока». Публика ревела от восторга, кассы ломались от долларов, «интеллектуалы» стонали от сладострастия — вот это, мол, эпатаж! Вот это, мол, сюрреализм!

Среди последних был известный писатель Энтони Бэрджесс, автор нашумевших романа и фильма «Механический (или заводной) апельсин». Сид Вишиос и их герой как две капли воды, или, точнее, крови, походили друг на друга, и Бэрджесса раздувала профессиональная гордыня. Ведь он «прозрел» Сиду на несколько лет вперед, на несколько лет вперед предсказал его явление народу. Бэрджесс написал эссе под названием «Почему «пэнк» должен был кончиться во зле». Он по-прежнему играл словами, импровизируя международный блатной жаргон. Но уже никому не было смешно. Апельсин оказался кровавым плодом, заводным, как бомба замедленного действия. «Сид Вишиос-Порочный оправдал свое имя», — восклицала вечерняя «Нью-Йорк пост», когда-то либеральная газета, закупленная со всеми потрохами гнилого

либерализма австралийским магнатом прессы Мэрдоком и превращенная им в бульварный листок.

Тем временем реклама продолжала подогревать пользовавшуюся спросом версию о «Ромео и Джульетте контркультуры». Антрепренеры Сида распустили слух, что убийство в номерах «Челси» было «несчастливым случаем», что в действительности Нэнси и Сид задумали двойное самоубийство, но «пэнк-Ромео», нокаутированный героином, не смог наложить на себя руки.

— Я не выполнил моей части сделки! — орал Вишиос с эстрады, «намекая» публике на драму гостиничного склепа не то нью-йоркских Монтекки, не то лондонских Капулетти.

А антрепренеры зазывали публику на концертный шахсей-вахсей Сида, щекоча ее нервы лотерейной цетиной — а вдруг именно ей «посчастливится» попасть как раз на то представление, где Сид выполнит наконец «свою часть сделки»?

В декабре Сид чуть было не оправдал томительное ожидание публики, жаждавшей, затаив гнилое дыхание, кровавых зрелищ. Но в последний момент он вместо себя зарезал своего партнера по «пэнк-группе». Порочного снова посадили за решетку. Но ненадолго. Недаром его адвокатом был назначен сам Ф. Ли Бэйли, знаменитый аферист и крючкотвор, защищавший в свое время — как символично! — лейтенанта Колли, организовавшего кровавую резню во вьетнамской деревушке Сонгми. По сравнению с массовым убийцей Колли даже Сид Вишиос-Порочный выглядел невинным библейским агнцем отца Авраама, и Ли Бэйли не стоило особого труда вернуть Сида в круговорот этого безумного, безумного, безумного мира. Сначала Сида перевели из тюрьмы в госпиталь Бельвью, крупнейший, как утверждают, сумасшедший дом во всей Америке. А затем шекспиров от рекламы заплатили за него очередной залог, и власти выдали Сида на поруки матери.

Бедная мать утверждала, что сын ее возродился из пепла. (Скорее из порошков героина.) Сид тоже придерживался этого мнения. В интервью журналу «Роллинг стоун» он заявил, что уже не собирается кончать жизнь самоубийством. «Я хотел умереть, чтобы стать знаменитостью. Поскольку я уже знаменит, нужда в самоубийстве отпала», — говорил Сид. Ну чем, скажите на милость, не возрождение из пепла? Ведь Сид впервые мыслил логически...

В прошлый четверг в Гринич-Виллидже, на квартире своей новой подружки — «Ромео контркультуры» оказался — таки менее преданным возлюбленным, чем его шекспировский прототип — Сид справлял вечеринку в ознаменование двойного выхода из серой тюрьмы и желтого дома. (Впрочем, никакого выхода у него не было.) По словам очевидцев, он несколько раз вводил себе в вены героин и однажды, схваченный судорогами, свалился без чувств на пол. (Сейчас врачи из Бельвю утверждают, что выпустили Сиду «абсолютно детоксифицированным».) Где-то к полуночи Вишиос отдышался, и друзья оставили его «веселым и счастливым». Было далеко за полночь. Мать и подружка нашли его утром. Сид уже не выглядел ни веселым, ни счастливым. Он был мертв и холоден, как Нэнси.

— По-видимому, он принял лошадиную дозу обычного и потерял сопротивляемость, — многозначительно констатировал прибывший на место происшествия полицейский врач Майкл Бэйден.

Да, сопротивляться лошадиной дозе безумия этого мира бесполезно, если тебя зовут Сид Вишиос-Порочный и если ты «Ромео контркультуры» и игрушка контргуманизма без кавычек.

Очерк «Кто убил Нэнси» я закончил следующими словами: «Законы юриспруденции предписывают не объявлять подсудимого виновным, пока не вынесен окончательный приговор. Но к делу об убийстве Нэнси Спэнген это не относится. Убийца, вернее, убийцы известны. И тот, кто всадил нож в несчастную «Джувьетту контркультуры», и те, кто приставил пистолет к виску молодежи западного мира...»

К этому мне нечего добавить. Разве что бездыханное тело Сиды. Не он первый, не он последний.

Вашингтон.

4 февраля 1979 г.

ЛЕТОПИСЬ «КОЗА НОСТРЫ»

Издательская фирма «Патнам и сыновья» получила заявку на один экземпляр только что выпущенной ею в продажу книги. Факт, казалось бы, более чем заурядный и уж

вряд ли достойный упоминания. Но не стоит спешить с выводами. Дело в том, что заявка поступила из тюрьмы особого назначения в Ливенворте от ее наиболее знаменитого узника — Вито Дженовезе, некоронованного короля американского преступного мира, который продолжал править им через стальные решетки своей камеры. Книга, заинтересовавшая Вито, не «Преступление и наказание» Достоевского. (Говоря словами поэта, ни при какой погоде он этих книг, конечно, не читал.) Заявка касалась «Записок Валаччи» Питера Мааса.

Джозеф Валаччи тоже гангстер и тоже сидел за решеткой. Но в отличие от Дженовезе его не тянуло на свободу. Толстые стены федеральной тюрьмы в техааском захолустье Ла-Тюна на границе с Мексикой и специальная охрана, наблюдающая за ним круглые сутки, были единственной надеждой Валаччи избежать «поцелуя смерти», которым его наградил все тот же Вито Дженовезе. Валаччи нарушил «клятву крови» и выдал секреты самого могущественного и разветвленного преступного синдиката в США — «Коза ностры». Он был первым, кто сделал это. Он был первым, кто произнес для слуха непосвященных два слова — «коза ностра». До его разоблачений о делах «Коза ностры» лишь догадывались, а саму организацию называли «по-простонародному» мафией. Не случайно Роберт Кеннеди, бывший в то время министром юстиции, назвал разоблачения, сделанные Валаччи, «крупнейшим единичным прорывом в борьбе против организованной преступности и рэкета в Соединенных Штатах». И тем более не случайно, что «Коза ностра» приговорила к смертной казни Валаччи — первого и пока что единственного своего члена, открыто предавшего ее, признавшего ее существование и свою принадлежность к ней.

В течение тринадцати месяцев корпел Валаччи над своими записками, израсходовал несметное количество шариковых ручек и исписал тысячи страниц. Грандиозный труд для человека, лишь наполовину грамотного. Но отсутствие образования обернулось большим преимуществом. Записки были насквозь пропитаны неповторимым ароматом подпольного мира. По словам одного критика, «в сравнении со стилем Валаччи даже Уильям Фолкнер выглядит приглаженным и ординарным».

Учитывая важность разоблачений Валаччи, департамент юстиции решил сделать исключение из правила, запрещающего заключенным публикацию произведений, касающихся

ся их уголовной карьеры, и дал свое «добро» на издание «Записок». К их редактированию привлекли известного журналиста и адвоката Питера Мааса. Все шло своим чередом: Маас просиживал в камере с Валаччи, трудясь над его рукописью, сотрудники ФБР и Бюро по борьбе с торговлей наркотиками проверяли изложенные им факты, издательства уже вступили в конкурентную борьбу за право обладания уникальным манускриптом, как вдруг карусель завертелась в обратном направлении. Тот же департамент юстиции наложил вето на публикацию записок.

Что же произошло? Слух о предстоящем издании «Записок» стал достоянием гласности и не на шутку встревожил определенные круги. Я имею в виду не саму «Коза ностру». Она принимала превентивные меры, так сказать, по своим каналам. Вспокоились политические боссы и деловые люди, тесно связанные с организованной преступностью. Они опасались, и далеко не зря, что разоблачения Валаччи могут скомпрометировать их. Пришла в движение гигантская машина закулисного лобби. Кто только не был втянут в кампанию давления — сенаторы, конгрессмены, члены Верховного суда, руководители министерств и других правительственных департаментов и даже Белый дом!

Питер Маас бросился за помощью к Роберту Кеннеди, который к тому времени покинул министерство юстиции и был избран в сенат от штата Нью-Йорк. Но Кеннеди не мог сказать ему ничего утешительного. «Они собираются дойти до самого президента Джонсона, — заметил покойный сенатор. — Он прикажет Никю прикончить книгу, и Ник вряд ли осмелится перечить ему». (Ник — Николас Катценбах, сменивший Роберта Кеннеди на посту министра юстиции.)

Предсказание Кеннеди сбылось. Никто не знает точно, что произошло между Джонсоном и Катценбахом, что сказал первый второму, но доподлинно известно одно: лобби действовало через Джека Валенти — всемогущего помощника президента, который передал ему многочисленные протесты против опубликования записок Валаччи. Так или иначе, но министерство юстиции, считавшее доселе их издание «полезным», вдруг нашло такой шаг «вредным» и наложило вето на рукопись. Однако Маас решил не сдаваться. Пользуясь своими связями в газетном мире, он поднял скандал и потребовал судебного разбирательства, возбудив иск против... министерства юстиции. Начался новый тур закулисных

интриг. В Вашингтоне почувствовали, что, перегнув палку, они добились совершенно иного эффекта: вместо того, чтобы замять дело, невольно обеспечили ему грандиозное паблисити. Начались поиски компромисса, и вскоре он был найден. Рукопись Валаччи положили под сукно. Но Маасу разрешили написать на ее основе книгу «в третьем лице», ограничив ее сюжет рамками истории «Коза ностры» как таковой, сведя до минимума все то, что могло бы скомпрометировать «респектабельную публику».

Так появились на свет «Записки Валаччи», ставшие вскоре бестселлером на американском книжном рынке. В предисловии к ним Питер Маас благодарит за помощь, наряду с теми, «анонимность которых должна строго соблюдаться», и министерство юстиции США. В первом случае — с анонимами — автор был предельно серьезен. «Коза ностра» повела активное расследование источников информации Мааса. Недаром Вито Дженевезе заказал для себя специальный экземпляр «Записок». Принося же благодарность министерству юстиции, пытавшемуся «задушить гидру в колыбели», автор, видимо, позволил себе ироническую улыбку.

...Рано утром 22 июня 1962 года заключенный номер 82811 каторжной тюрьмы в Атланте по имени Джозеф Валаччи, осужденный за торговлю героином, подобрал с земли обрезок трубы, убил им другого арестанта. Как выяснилось впоследствии, он даже не знал своей жертвы. Смертельный удар трубой предназначался не для нее. Тридцать лет состоял Валаччи членом «Коза ностры», тридцать лет свято хранил он клятву верности, данную ее главарям, и тем не менее последние заподозрили его в измене. В это время он отбывал тюремное наказание за торговлю наркотиками. Валаччи был приговорен «Коза нострой» к смертной казни. Приказ исходил от самого Вито Дженевезе, тоже сидевшего за решеткой атлантской тюрьмы. За голову предателя была назначена награда в сто тысяч долларов. Три раза пытались отправить на тот свет Валаччи, но ему чудом удавалось спастись. Затравленный до умопомешательства, он перестал есть, опасаясь яда, и ходить в баню, где обычно совершались подобные экзекуции. В четвертый раз приговор поручили привести в исполнение некоему Ди Палермо. Валаччи пронюхал об этом, но, не зная своего палача в лицо, убил вместо него другого.

Суд, на этот раз не «Коза ностры», а штата Нью-Йорк, готов был уже вынести ему смертный приговор, когда Валач-

чи неожиданно предложил властям сделку — выдать им ужасную тайну синдиката преступности в обмен на сохранение ему жизни. Сделка состоялась. Смертная казнь была заменена пожизненным заключением, и Валаччи начал свою исповедь, которая сделала известными его имя и имя «Коза ностры» каждому американцу.

В течение нескольких месяцев его допрашивали наиболее опытные следователи ФБР во главе с легендарным Джеймсом Флинном, прозванным «чемпионом по раскалыванию». Именно он выудил у Валаччи эти два запретных слова — «Коза ностра». Дело происходило 8 сентября 1964 года. Неожиданно прервав рутинный допрос, Флинн сказал:

— Джо, кончай вылить... Я хочу, чтобы ты рассказал об организации... Как она называется? Мафия?

— Нет, не мафия. Этим выражением пользуются посторонние.

— Название итальянского происхождения?

— Что вы имеете в виду?

— Мы знаем больше, чем ты предполагаешь, — прибег к блефу Флинн. — Давай я произнесу первую часть названия, а ты — вторую. Итак, Коза...

Валаччи побледнел. У него словно язык отнялся. Придя в себя, он пробормотал:

— «Коза ностра»! Так вы знаете о ней?

О ней не знали, а лишь догадывались. Но откровения Валаччи перещеголяли все опасения. «Коза ностра» — то есть «Наше дело» — оказалась подлинным государством в государстве, а его главари, говоря словами Валаччи, — «вторым правительством». Ее годовой «оборот» равнялся сорока миллиардам долларов! Гигантская сумма по любым масштабам, тем более что она не облагалась никакими налогами. Впрочем, вместо налогов «Коза ностра» платила взятки и содержала на своем иждивении огромное количество государственных служащих практически на любом уровне бюрократической пирамиды.

Восемь месяцев допрашивал Флинн Валаччи, обьятого двойным страхом — перед возмездием «Коза ностры» и перед тем, что никто не поверит его исповеди, настолько неправдоподобно и фантастически звучал его рассказ.

«Коза ностра» делится на так называемые «семьи». Крупнейшие «семьи» находятся в Бостоне, Буффало, Чикаго, Кливленде, Детройте, Канзас-Сити, Лос-Анджелесе, Ньюар-

ке, Новом Орлеане, Нью-Йорке, Филадельфии, Питтсбурге и Сан-Франциско. Майами и Лас-Вегас считаются «открытыми городами». В них гангстеры отдыхают и режутся не на ножах, а в карты и рулетку. Во главе «семьи» стоит начальник — «капо»; или «босс». У него есть заместитель — «субкапо». Затем идут «лейтенанты». Под началом каждого «лейтенанта» имеется небольшое соединение рядовых гангстеров, или «солдат». Одна треть всех членов «Коза ностры» приходится на Нью-Йорк, где орудуют целых пять «семей». Валаччи назвал поименно всех «капо». То были респектабельные дельцы, ни разу в жизни не сидевшие за решеткой. Вито Дженовезе был исключением. Его арест оказался настолько неожиданным, что «Коза ностра» заподозрила измену. Сейчас «Коза ностра» не имеет верховного босса или «Мистера Биг» («биг» — по-американски «большой»), хотя Дженовезе до своего ареста исподволь подбирался к этому титулу. Общими делами вершит «Комиссия»; которая назначает «боссов», разбирает тяжбы, координирует действия отдельных «семей».

Иногда Валаччи прерывал свои признания, впадал в меланхолию.

— Есть ли смысл рассказывать вам все это? — спрашивал он в такие минуты. — Все равно никто не сможет сладить с «Коза нострой». Она для этого слишком велика.

Меланхолическое состояние не покинуло Валаччи даже тогда, когда его привезли в Вашингтон для допроса в специальной подкомиссии сената. (Этот допрос транслировался телевидением по всей Америке.) Встреча лицом к лицу с сенаторами не рассеяла скептицизма Валаччи, а еще больше подстегнула его. Еще бы, ведь никто иной, как председатель подкомитета сенатор Маклеллан, приватно посетивший его в вашингтонской тюрьме «Форт-монмут», просил расколовшегося гангстера не упоминать о преступном синдикате в городе Хот-Спрингс, находящемся в штате, который господин председатель имел честь представлять на Капитолии. (Встреча сенатора и гангстера состоялась в камере, которая раньше служила своеобразным амфитеатром, откуда наблюдали за смертной казнью на электрическом стуле. Во время пребывания в ней Валаччи стеклянная стена была завешана муслиновым занавесом.)

Да, меланхолия Валаччи, хладнокровно убившего за свою жизнь не один десяток людей (точнее — тридцать три человека), была далеко не беспричинной. И, конечно, не потому, что

за стеклянной стеной мрачно возвышался электрический стул.

Казалось бы, после сенсационных разоблачений Валаччи должна была последовать гигантская волна арестов. Но этого не произошло. Путями, одному богу ведомыми, «Коза ностра» пронюхала о содержании допросов Валаччи и стала принимать превентивные меры. Одна из основных заповедей «Козы ностры» гласит — не оставляй на месте преступления тела убитого! Вот почему ее жертвы, как правило, исчезали. Делалось это умышленно. Согласно уголовному законодательству штата Нью-Йорк, дело об убийстве при отсутствии физических улик не может быть возбуждено, если у обвинения нет свидетелей — очевидцев. По ходу допросов Валаччи вместо ожидавшейся волны арестов пронеслась совершенно иная волна. Стали бесследно исчезать люди, которые могли подтвердить показания Валаччи. Убийцы преспокойно разгуливали на свободе, а если и попадали за решетку, то за более мелкие проступки, вроде неуплаты налогов или контрабанды...

Джо Валаччи пришел в «Коза ностра» с улицы. Трущобы больших городов — вот откуда рекрутировались ее солдаты. Отец его был пьяницей, мать — забитая, неграмотная женщина. Сам Джо не пошел дальше начальной школы. Зато школу преступности он усваивал великолепно. Первые шаги были сделаны им в банде «Минитмены», орудовавшей на 107-й улице Восточного Гарлема. Валаччи исполнял в банде обязанности шофера. Он должен был увозить с места преступления награбленное добро и налетчиков до того, как появится полиция. Все искусство заключалось в точном — до каждой минуты — расчете. Отсюда и название банды. С 1919 по 1923 год Валаччи принял участие буквально в нескольких сотнях ограблений!

В 1923 году хронометраж подвел — таки старину Джо. Его схватили и упрятали в знаменитую нью-йоркскую тюрьму «Синг-Синг». Когда он вышел из нее, то выяснилось, что «Минитмены» распались. Валаччи перебазировался на 116-ю стрит, где к тому времени сложился новый эпицентр преступности. Его штаб-квартирой служил ресторан «Венеция». Там Валаччи познакомился с «королем артишоков» Сиро Террановой. (Он держал в своих руках все снабжение Нью-Йорка артишоками и диктовал на них свою цену.) С его помощью Валаччи вновь сел за руль, но вскоре был смертельно ранен в

перестрелке с полицией и лишь чудом выжил. («Меня спасла закалка, полученная в «Синг-Синг», где я ворочал тяжелыми кувалдами»,— вспоминает в своих записках Валаччи.)

Зализав раны, Валаччи вновь появляется на 116-й стрит и вступает в «ирландскую банду». Вскоре тюрьма «Синг-Синг» вторично распахивает перед ним свои ворота. Именно во время этого визита в «Синг-Синг» Валаччи познакомился с гангстером Воллеро, отбывавшим пожизненное заключение за убийство. Воллеро дал ему рекомендации для поездки в Чикаго к Аль-Капоне и впервые глухо намекнул о существовании «Коза ностры». Шел 1928 год. В этом году отец Валаччи умер от белой горячки, а старший брат угодил навечно за решетку. Валаччи, выйдя из «Синг-Синг», продолжал заниматься грабежами. «Коза ностра» внимательно присматривалась к нему. Но, хотя он уже имел солидный стаж, тот факт, что он путался с ирландцами, несколько настораживал синдикат, где доминировали итальянцы. Для того, чтобы прощупать его, Валаччи несколько раз предлагали убить кого-либо из его прежних партнеров. Он соглашался. Доверие к нему росло.

Наступил 1930 год, вошедший в летопись американского гангстеризма как год «Войны Каstellаммарезе». (Свое название эта гангстерская междоусобица получила от сицилийского местечка Каstellаммарезе дель Гольфо, родом откуда были многие ведущие члены «Коза ностры».) До разоблачений, сделанных Валаччи, об этой войне имелись только смутные представления, а о ее значении для дальнейшего развития организованной преступности в Соединенных Штатах лишь догадывались.

Подлинно общенациональный рэкет начал складываться в США в эпоху «прогибишн». Он покоился на трех китах — торговле спиртными напитками, проституции и азартных играх. Вчерашние гангстеры, травимые полицией, чувствовавшие себя прокаженными и изгоями, буквально с вечера наутро превратились в богачей, и, что самое главное, respectable богачей. Как замечает в своей книге Питер Маас, «вся нация стала их соучастником». Эту фразу следует понимать, конечно, не в том смысле, что каждый американец превратился в гангстера, а в том, что послевоенная Америка была благодатной питательной средой для возникновения организованной преступности. Любой человек, покупавший бутылку запретного виски, заходивший в игорный дом или притон, невольно способствовал расцвету гангстеризма.

К концу 1930 года руководящее ядро «Коза ностры» составляли Джузеппе Массерия («Джо босс»), Чарли Лучиано, Вито Дженовезе, Вильям Моретти, Джо Дото и Фрэнк Каstellо. Любопытно отметить, хотя это и не относится прямо к нашему повествованию, что знаменитый Аль-Капоне, несмотря на грандиозное паблисити в печати и кино, играл в иерархии «Коза ностры» далеко не первостепенную роль.

«Джо босс», невзрачного вида человек, низенький и щупленький, лелеял честолюбивую мечту стать единоличным хозяином «Коза ностры». Главным препятствием на его пути к абсолютной власти был Сальваторе Маранзано, «капо» нью-йоркской «семьи» «Коза ностры». В 1930 году «Джо босс» задумал ликвидировать Маранзано и других строптивых «капо», в основном выходцев из Каstellаммарезе. Но перед началом этой операции «Джо босс» решил почистить и ряды своих сторонников. Он, в частности, устранил некоего Гаetano Реина, на дочери которого впоследствии женился Валаччи. Убийство Реины, пользовавшегося большой популярностью среди преступного мира, дорого обошлось «Джо боссу». Маранзано воспользовался им и объединил против кандидата в диктаторы всех недовольных. Тех же, кто сохранял верность «Джо боссу», стали постепенно отправлять на тот свет. Наконец его покинули наиболее влиятельные удельные князья «Коза ностры» Лучиано и Дженовезе. Это решило судьбу «Джо босса». В один прекрасный день Лучиано пригласил его в ресторан «Скарпато» на Кони-Айленд. После обильного и изысканного ужина, последнего в его жизни, «Джо босс» был застрелян за игрой в карты. (В этот момент Лучиано вышел в туалет помыть руки.) Когда подоспела полиция, все уже было сделано. Официанты, естественно, не могли опознать покушавшихся, а Лучиано, лицемерно сокрушаясь, причитал, что так не вовремя вышел в туалет и не смог защитить своего лучшего друга.

Итак, Сальваторе Маранзано стал некоронованным королем «Коза ностры», а Джо Валаччи — его телохранителем. Убив нескольких сторонников «Джо босса», он заслужил доверие нью-йоркского «капо», который самолично принял у него вступительную клятву. Вот как описывается в «Записках Валаччи» эта церемония.

Однажды Джо Валаччи сказали, чтобы он был готов к загородной поездке. Его отвезли за девяносто миль от Нью-Йорка и высадили у виллы, выстроенной в колониальном

стиле. После недолгого ожидания Валаччи ввели в большой зал. Посреди зала стоял стол, уставленный всевозможными яствами. Вокруг стола сидели сорок человек, а во главе его — Сальваторе Маранзано. «Он выглядел как банкир, — вспоминает Валаччи. — Нельзя было бы признать в нем рэкетира».

Валаччи предложили сесть. Перед ним положили револьвер и нож. Это означало, что отныне он будет «жить с револьвером и ножом и умрет от револьвера и ножа».

— Каким пальцем ты спускаешь курок? — спросили Валаччи.

— Указательным пальцем правой руки.

— Хорошо. А теперь сложи вместе ладони.

Валаччи повиновался. Ему сунули в ладни клочок бумаги и подожгли.

— А теперь повторй за нами: «Пусть так сгорю я, если выдам тайну «Коза ностры»».

Затем слово взял Маранзано:

— Сейчас мы находимся в состоянии войны, поэтому я буду краток. Ты должен запомнить две наиболее важные вещи. Завинти их себе в башку. Первое — предательство «Коза ностры» означает смерть без суда. Второе — если ты дотронешься пальцем до жены любого члена «Коза ностры», тебя также ожидает смерть без суда. Смотри на нее, восхищайся ею, но умей вести себя. (Причина этой второй заповеди была отнюдь не джентльменской. Ее применение сводило к минимуму внутренние распри между членами синдиката и давало «солдатам» определенные гарантии в том, что главари, которым приглянулись их подруги, не будут самоуправствовать, ибо бывали случаи, когда «солдат» обвиняли в измене и ликвидировали лишь для того, чтобы завладеть их женами.)

Приступили к избранию «крестного отца» Валаччи. Им оказался гангстер Джо Бонанно.

— А ну-ка дай мне палец, которым ты стреляешь! — приказал он Валаччи.

Тот протянул ему руку. Бонанно проколол иглой указательный палец Валаччи и выдавил из него кровь.

— Эта кровь породнила тебя с «семьей», — торжественно произнес Маранзано.

Так Валаччи стал членом «Коза ностры».

Со стола убрали револьверы и ножи, и гангстеры приступили к пиршеству...

В американском уголовном мире началась эпоха царствования Сальваторе Маранзано. Он стал «капо ди тутти капи», то есть «боссом над всеми боссами». Именно при нем сложилась организационная структура «Коза ностры», существующая и по сей день. Главарями пяти нью-йоркских «семей» были назначены Лучиано, Галиано, Профачи, Бонанно и Мангано.

Казалось, судьба благоприятствовала Джо Валаччи, шоферу и телохранителю «босса над всеми боссами». Но царствование Маранзано было недолговечным. В «обычной» жизни он был главой фирмы по продаже недвижимости. Его офис помещался в здании нью-йоркского вокзала «Гранд-сенрал» на 46-й стрит и Парк-авеню. Гангстеры имели строгий приказ — не появляться в офисе Маранзано при оружии. Старик дорожил своей репутацией в деловом мире и боялся неожиданной полицейской облавы. Забота об охране репутации оказалась фатальной. Когда однажды к нему в кабинет вошли двое неизвестных, представившиеся в качестве агентов ФБР, застрелили его в упор, а затем для верности перерезали ему горло, безоружным телохранителям Маранзано не оставалось ничего иного, как присутствовать при сем. В ту же ночь было убито около сорока главарей «Коза ностры».

Дворцовый переворот был совершен все тем же Лучиано. Валаччи чудом уцелел в этой резне. Он ушел в глубокое подполье и стал выжидать. Через некоторое время новый король «Коза ностры», решив, что двух варфоломеевских ночей вполне достаточно, объявил амнистию для оставшихся в живых сторонников Маранзано. Попал под амнистию и Валаччи.

Правление Лучиано было отмечено еще более решительным сращиванием «Коза ностры» с легальным бизнесом. Сам Лучиано жил в наиболее фешенебельном нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория». Его апартаменты соседствовали с номерами, где обычно останавливались министры и другие крупные государственные деятели, приезжавшие из Вашингтона. Чтобы не разжигать зависти соперников, Лучиано отменил титул «босса над всеми боссами». Он установил перемирие между «Коза нострой» и другими преступными синдикатами, крупнейшие из которых возглавлялись Датч Шульцем и Майером Ланским.

Неожиданное миролюбие Лучиано диктовалось двумя соображениями. Во-первых, оно сулило больше прибылей.

Во-вторых, в Нью-Йорке для «Коза ностры» наступили тяжелые времена. Находившегося у них на содержании мэра Уокера сменил Ла-Гардиа, а окружным прокурором стал Томас Дьюи, будущий кандидат в президенты от республиканской партии. Новая метла лучше метет, и Лучиано считал за благо не дразнить честолюбивого Дьюи, желавшего сделать карьеру на борьбе с организованной преступностью. Так, например, игорный бизнес перекочевал из Нью-Йорка в Новый Орлеан, где ему лично покровительствовал губернатор Луизианы отпетый расист и мракобес Хью Лонг, отец нынешнего сенатора Лонга, у которого Эдвард Кеннеди отобрал пост заместителя лидера демократического большинства.

Но не все главари нью-йоркского подпольного мира разделяли взгляды Лучиано. Особой агрессивностью отличался Датч Шульц — «король Гарлема», который вознамерился убить самого Томаса Дьюи. Когда Лучиано пронохал об этом плане, он пришел в ужас. Убийство главного прокурора штата могло вызвать опасный взрыв негодования общественности и ответные репрессии властей. Лучиано вошел в сговор с Ланским. Они решили устранить Шульца и поделить между собой его империю. В октябре 1935 года Шульц был застрелен в одном из баров Ньюарка. Он умер не сразу. Еврей, перешедший в католическую веру, попросил о причастии. У изголовья умиравшего стояли пастор и полицейский-стенографист. Первый отпускал грехи, второй — фиксировал их. Его исповедь, сообщали газеты, смахивала на сцену помешательства из «Короля Лира».

— Пусть они оставят меня в покое, — были последние слова Шульца.

Томас Дьюи оставил в покое «короля Гарлема». Но ему нужна была крупная дичь, чтобы сделать себе паблисити и нанести сокрушительный удар конкурентам-демократам, партийная машина которых — пресловутый Тамманихолл — все глубже увязала в трясине коррупции. По иронии судьбы этой дичью стал Лучиано, объективно спасший жизнь Дьюи от посягательств Шульца. Прокурор не смог предъявить главарю «Коза ностры» обвинения в убийстве. Людей, замешанных в покушении на Шульца, успели ликвидировать. Лучиано арестовали и судили за то, что он поощрял «принудительную проституцию», то есть, попросту говоря, владел домами терпимости. (Их у него было около двухсот.) До 1942 года Лучиано сидел в тюрьме Даннмора, на канадской границе, известной в уголовном мире как «Сибирь».

В 1942 году, когда началась вторая мировая война, Лучиано потребовался... командованию военно-морского флота США! Немецкая разведка проникла в нью-йоркские доки и успешно занималась саботажем. Доки тоже находились под влиянием «Коза ностры», и Лучиано знал все входы и выходы «Уотер-фронта» — водной линии — порта, растянувшегося вдоль берега Гудзона. Из «Сибири» Лучиано перевезли в столицу штата Нью-Йорк Олбани. Чем и как помог гангстер адмиралам — до сих пор остается строжайшей тайной. Известно лишь то, что помощь была существенной. В 1945 году адвокаты Лучиано потребовали его помилования в связи с «выдающимися услугами, оказанными им нации во время войны». Помилование было дано, Лучиано освободили, и он уехал в Италию.

Уход со сцены Лучиано расчистил путь к власти над «Коза нострой» его давнишнему другу-сопернику Вито Дженовезе. Во время войны он находился в Италии. Если Лучиано помогал союзникам, то Дженовезе поддерживал Муссолини. Последний собственноручно наградил гангстера самым высшим в стране орденом для гражданских лиц. Заслуга Дженовезе состояла в том, что он отвалил четверть миллиона долларов на строительство новой фашистской штаб-квартиры в Риме. Логово итальянских чернорубашечников, покоящееся на ворованных деньгах американского гангстера, — какое раздолье для любителей символики!

В период междуцарствия, когда Лучиано, сидя за решеткой, помогал адмиралам, а Дженовезе, находясь в Италии, финансировал дуче, во главе «Коза ностры» стоял Фрэнк Каstellло. Его называли «дипломатом и гурманом». Он предпочитал слово пуле, а хорошую трапезу ставил выше всего. Когда сенатор Кефвер вел расследование его махинаций и все газеты были заполнены сообщениями о допросах на Капитолии, Каstellло в беседе с репортерами заметил:

— Вы, может, и не поверите, но это святая правда. Я никогда ничего не читаю о себе. И, знаете, почему? Это не способствует пищеварению.

Там, где слово не помогало, Каstellло прибегал к силе кошелька. Покойного мэра Нью-Йорка Вильяма О'Двайера как-то спросили: в чем заключается магнетическая притягательность Каstellло для политических деятелей?

— Не важно, кто он: банкир, бизнесмен или гангстер. Его бумажник всегда привлекателен, — ответил мэр.

А другой лидер Таммани-холла добавил:

— Когда Кастелло нуждался во мне, он просто посылал за мной.

Сам «дипломат и гурман» говорил о своих связях в высших сферах так:

— Я знаю их. Я знаю их слишком хорошо. Настолько хорошо, что они вынуждены доверять мне.

Таков был соперник, с которым предстояло сразиться Дженовезе. Впрочем, «дон Витоне», как почтительно величали его в подпольном мире, был тоже не лыком шит, хотя и предпочитал кошельку револьвер, не для себя, конечно, а для других. Дитя неаполитанских трущоб, он эмигрировал в Америку шестнадцатилетним парнишкой и поселился в районе нью-йоркской богемы Гринич-Виллидже. Он был наиболее законченным византийцем среди главарей «Коза ностры». В своих записках Валаччи вспоминает: «Когда кто-нибудь приходил к нему с доносом на другого, он сначала приказывал убить жертву доноса, а затем и самого доносчика». Весьма характерна и история женитьбы Дженовезе. Ему приглянулась замужняя женщина. Воспылав романтической страстью, он повелел своим подручным убрать с пути препятствие — мужа. Последнего убили, а заодно и случайного зеваку — свидетеля расправы. Через две недели после убийства несчастного мужа Дженовезе обвенчался с его вдовой.

Возвращение Дженовезе из Италии в Америку после окончания второй мировой войны не было вполне добровольным. Власти Нью-Йорка нуждались в нем для допроса по делу об убийстве. Долгое время Дженовезе удавалось избегать редукации благодаря подкупу офицеров оккупационных войск. Они даже снабдили его бумагами, в которых Дженовезе рекомендовался как «абсолютно честный человек, помогавший искоренению взяточничества и операций на черном рынке»! Наглость Дженовезе дошла до того, что он поступил на службу в армейские трибуналы американских оккупационных войск в Италии в качестве переводчика. Но на всякую старуху есть проруха. Пути Дженовезе скрестились с простоватым сержантом Дикки. Сержант не вращался в высших сферах, не состоял на содержании у «дона Витоне» и вообще не подозревал, что он за птица, а поэтому не испытывал к нему ни любви, ни страха.

Когда Дикки установил личность Дженовезе, он его арестовал, сообщил об этом в Вашингтон и стал готовить его к

отправке в Америку. Между сержантом и гангстером состоялась следующая беседа.

— Если ты забудешь обо мне, то я заплачу тебе двести пятьдесят тысяч долларов,— сказал гангстер сержанту.— Ты молод, тебе всего двадцать четыре года, а получаешь в месяц гроши— немногим более двухсот «баков». Возьми деньги. Их тебе хватит на всю жизнь.

Сержант, не в пример своему начальству, от взятки отказался. Тогда Дженовезе стал запугивать его, говорить, что он «еще поплатится» за свою опрометчивость. Но и угрозы не возымели действия.

И вдруг в один прекрасный день гангстер, расхохотавшись в лицо сержанту, сказал:

— Парень, а ведь ты оказываешь мне величайшую услугу. Ты отправляешь меня обратно домой, в Соединенные Штаты!

Оказывается, Дженовезе ухитрился связаться из военной тюрьмы в Неаполе, где его содержали в предварительном заключении, с американской «Коза нострой» и сообщить ей о своем скором и вынужденном возвращении. «Коза ностра» тут же позаботилась о безопасности его путешествия через океан. Главный свидетель обвинения против Дженовезе был отравлен в тюрьме. Вскрытие тела показало, что он проглотил такую дозу яда, которая «могла убить восемь лошадей». Другого свидетеля нашли с разможженным черепом и дюжиной ножевых ран.

В 1945 году Вито Дженовезе вернулся в Америку. Вместо электрического стула его ожидал трон «Коза ностры». Судья, разбиравший его дело, с нескрываемым сожалением в голосе сказал, что, останься в живых хотя бы один свидетель, не миновать ему, «дону Витоне», смертной казни. А так вот, за неимением оных, суд вынужден оправдать его. Очевидцы рассказывают, что «дон Витоне» выслушал это похвальное слово юридическому бессилию со скучающим выражением лица, зевая и мягко улыбаясь.

Но для гангстера-убийцы в современной Америке избежать электрического стула куда легче, чем захватить трон «Коза ностры». Кто-кто, а Дженовезе знал и о том, и о другом из первых рук, на основе своего собственного богатого опыта. Поэтому он воздержался от фронтальной атаки на Каstellо и начал исподволь нащупывать его слабые места. Одним из таковых оказался Вильям Моретти, ближайший соратник

Кастелло. Подобно Аль-Капоне, Моретти был болен сифилисом; вызвавшим прогрессивный паралич и затронувшим мозг гангстера. В начальной стадии болезни Моретти еще мог контролировать себя, но иногда впадал в состояние опасной болтливости. В узком кругу «Коза ностры» это было еще терпимо, однако на допросах в комитете сената, возглавляемом Кефвером, многословие Моретти граничило с хождением на острие ножа. Дженовезе стал подбивать «Коза ностру» на убийство Моретти. Кастелло был против. Но «дон Витоне» действовал настойчиво и скрытно. И вот в одно октябрьское утро 1951 года Моретти был застрелен в ресторане «Джо» на Пэлисейдс-авеню в Клиффсайд-парке. (Любопытно отметить, что большинство экзекуций «Коза ностры» совершались в ресторанах и барах. То была своеобразная традиция — вкусно накормить жертву перед казнью.) Похороны Моретти были устроены пышные. Надгробную речь произнес Дженовезе. «Да простит господь бог раба своего», — сказал он в заключение.

Не знаю, как господь бог, но сам «дон Витоне» не был расположен к всепрощению. Устранив Моретти, он стал обкладывать главную дичь — Фрэнка Кастелло. Охота заняла не один год. Как-то в мае 1957 года, войдя в холл своего дома, Кастелло услышал голос за спиной:

— Это тебе, Фрэнк!

Он обернулся и получил пулю в голову. Обливающегося кровью гангстера доставили в госпиталь Рузвельта (в двух шагах от моего дома). Выстрел в Кастелло послужил сигналом к началу резни, равной которой «Коза ностра» не помнила со времен «войны Кастелламмарезе». Сам «дон Витоне» забаррикадировался в своем доме в Атлантик Хайлендс, штат Нью-Джерси, под надзором сорока телохранителей. Рана Кастелло оказалась несмертельной. Он выжил. На допросе в полиции и на суде Кастелло отказался признать покушавшегося и назвать того, кто подослал его. (Убийца — некто Джанте, бывший боксер, весил около ста пятидесяти килограммов. Дженовезе нанял специально для него оздоровительную ферму, врачей-диетологов и массажистов. Они славно потрудились над Джанте. На суде подслеповатый портье из дома Кастелло не признал в худощавом мужчине стрелявшего.)

После покушения на его жизнь Кастелло, всегда предпочитавший бумажник револьверу, решил добровольно выйти

из игры, а вскоре его арестовали за махинации в игорном бизнесе. (По иронии судьбы улики были найдены в кармане его брюк в момент, когда его должны были оперировать. «Я так испугался вида крови, что забыл уничтожить их», — вспоминал впоследствии Каstellо.) Теперь между Дженовезе и тронем «Коза ностры» оставался только один человек — глава «Синдиката убийств» Анастасия, гангстер, выделявшийся своей патологической жестокостью даже среди самых отпетых мокряков «Коза ностры». Действуя с благословения ушедшего в кусты Каstellо, Анастасия сам хотел стать королем преступного мира. Но победа вновь осталась за «доном Витоне». 25 октября 1957 года Анастасия был застрелен в парикмахерской отеля «Парк-Шератон». Он так и не увидел своих палачей, которые буквально изрешетили его пулями. В момент убийства лицо его было покрыто горячим компрессом — махровой салфеткой. (Будучи в 1959 году в Нью-Йорке, я посетил парикмахерскую «Парк-Шератона», ставшую своеобразной достопримечательностью города. И хотя я обычно бреюсь электрической бритвой, я попросил мастера обслужить меня. Скажу откровенно, две минуты, проведенные мною под компрессами, оказались весьма волнительными. Ведь кресло подо мной было историческое. Я специально дождался его.)

Устранив всех своих конкурентов, Дженовезе решил, что настала пора для проведения торжественной церемонии коронации. Но торжества обернулись фарсом. В записках Валаччи рассказывается об этом следующее. Сначала местом для проведения конклава «Коза ностры» избрали Чикаго, отдавая сентиментальную дань его славе и роли в мифологии гангстеризма. Но затем возобладали практические соображения предосторожности, и конклав перенесли из гордого Чикаго в небольшое местечко Апалачин в штате Нью-Йорк. Там проживал некто Джо Барбара, лейтенант «Коза ностры», страдавший сердечным заболеванием. Конклав должен был быть проведен под видом визита друзей к старине Джо, прикованному к одру болезни.

Об этом дали знать Барбаре, и он принялся за подготовку к встрече «друзей». Ожидалось прибытие огромного количества людей. Одних боссов «Коза ностры» насчитывалось более ста человек. А ведь каждый из них ехал на конклав не в одиночку. Боссов сопровождали телохранители, особенно многочисленные, ибо в воздухе еще не рассеялась гарь войны.

Дату конклава — 14 ноября — отделяли от убийства Анастасии всего три недели. Барбара послал своего сына в близлежащий городок Бингхэмтон, чтобы он зарезервировал для всей этой гангстерской армии номера в отелях и заказал для званого обеда специальные бифштексы. Таковых в захолустном Бингхэмтоне не оказалось, и было решено доставить их прямо к праздничному столу с чикагских боен.

Утром 14 ноября сержант полиции Эдгар Кроссвел, несший службу в Апалачине, обратил внимание на гигантскую кавалькаду черных «кадиллаков» и «линкольнов», набитых подозрительными личностями в темных очках. Он дал сигнал тревоги и вызвал подкрепление. Дом Барбары был взят в кольцо. Многие гангстеры бежали, кто на лимузинах, кто на своих двоих прямо через лес, побросав оружие и около полумиллиона «карманных денег», чтобы избавиться от нежелательного балласта. Но шестьдесят человек было все-таки задержано. Их судили за отказ сообщить о цели сборища. Однако апелляциянные инстанции оправдали их, сочтя, что в самом факте встречи гангстеров, навестивших своего больного товарища, нет состава преступления.

Итак, торжественная церемония коронации Вито Дженовезе не состоялась. Но тем не менее он стал фактическим главой «Коза ностры». Правда, вскоре его судили за нелегальную торговлю наркотиками и упрятали в федеральную тюрьму Атланты. Однако он по-прежнему продолжал управлять империей гангстеров, превратив свою камеру в ее временную штаб-квартиру.

В тюрьме Атланты вновь скрестились пути Дженовезе и Валаччи. «Дон Витоне», вспоминает последний, был абсолютным монархом среди уголовников. Никто не осмеливался даже обратиться к нему, не испросив предварительно разрешения на это. Особенно туго приходилось картежникам. Они всю старались поддаваться Дженовезе, что стоило им немалых усилий, ибо он играл из рук вон плохо.

Впрочем, у Валаччи были иные заботы. Окольными путями до него дошел слух, что Дженовезе заподозрил его в измене и дал приказ расправиться с ним. С воли поступали тревожные вести о том, что компаньонов Валаччи убивают одного за другим. И вот наконец очередь дошла и до него. Внешне Дженовезе благоволил ему и даже оказал ему честь разделить с ним камеру. (Воля «дона Витоне» была священной и для тюремного персонала — он имел право сам себе

выбирать соседей.) Однако это не ввело в заблуждение опытного Валаччи. Он не мог не обратить внимания на то, что вокруг него образовался вакуум, что остальные члены «Коза ностры», сидевшие в тюрьме, стали избегать его.

— Почему они обращаются со мной как с собакой? — жаловался он «дону Витоне».

— Ладно, я позабочусь о тебе, — отвечал «дон». И позаботился.

Однажды Дженовезе рассказал Валаччи в присутствии других заключенных притчу о том, что гнилое яблоко следует выбросить из корзины, пока оно не заразило остальные. Затем он встал и облобызал Валаччи.

— «Поцелуй смерти», — прокомментировал эту сцену мафиозо Ральф Вагнер. Неосторожное замечание стоило ему жизни. После выхода из тюрьмы он был убит за болтливость.

Что касается Валаччи, то он сначала попросил перевести его в одиночку, а затем, доведенный до отчаяния ожиданием неминуемой смерти, решил сам пойти навстречу ей, «прихватив с собой кого-нибудь из палачей».

...Рано утром 22 июня 1962 года заключенный 82 811 каторжной тюрьмы в Атланте по имени Джозеф Валаччи убил обрезком трубы своего предполагаемого экзекутора. Так завертелась карусель, приведшая к раскрытию тайны «Коза ностры».

Вместо эпилога?

У входа в церковь стоял человек огромного роста, одетый с ног до головы в черное.

— Знаю ли я тебя? — спрашивал он каждого, кто пытался войти в часовню. Если ответ гласил — «нет», то человек в черном повторял свой вопрос в несколько измененном виде:

— А должен ли я знать тебя?

Если ответ вновь был отрицательным, человек в черном преграждал путь любопытному в церковь.

А там в кафедральном полумраке у алтаря стоял бронзовый гроб, утопающий в белых орхидеях, хризантемах и розах. Шесть ритуальных свечей освещали лицо усопшего. Шла заупокойная месса. Детский хор выводил высокими, чистыми, едва вибрирующими голосками «Кирие элейсон». Благого-

вейно замерли служки. Перебирали четками монахини. Священник, преподобный отец Эдмунд Лиз, читал молитву:

— Счастливы те, кто умер в любви к богу,— говорил он нараспев.— Если мы прожили хорошую жизнь на земле, то в мире ином, куда мы отправляемся, нас ждет вечное блаженство. Каждому свое. Наступает конец суда над нами. Смерть забирает на небеса вместе с усопшими их благие деяния — милость, которую они оказывали своим ближним, жертвы, которые они приносили во имя обездоленных...

В церкви, католической церкви Святой Агнесы на Атлантик-Хайлэндс в Нью-Джерси, стояла торжественно печальная тишина. Мужчины в узких пальто напоминали ворон, женщины в накидках — галок. В центре черной палитры выделялось каштановое пятно: мальчики в каштанового цвета костюмчиках и девочки в школьной форме и шапочках того же цвета — ученики дочери покойного.

Утро было холодное, морозное, мглистое. По реке Шрюэбри плыли грязно-серые льдины, похожие на лезвия безопасных бритв с присохшей к ним мыльной пеной, усеянной крапинками щетины. Холмы, окружавшие церковь, топорщились словно белые мамонты. Черные лимузины охватили ее наподобие гигантского ожерелья из агата.

Пастор Эдмунд Лиз продолжал перечислять добрые дела почившего в бозе, ревностного католика, бывшего в течение сорока лет примерным прихожанином церкви Святой Агнесы. Он говорил о нем, как о человеке тихого нрава и нежной души; о том, как он каждое рождество устраивал вечеринки для детей Атлантик-Хайлэндс, щедро одарял их подарками — игрушками и сладостями.

Я мельком взглянул на покойника. Вид его вполне соответствовал описаниям преподобного отца. В бронзовом гробу лежал седовласый чистенький старичок с лицом, на котором застыло выражение умиленности и умиротворенности. На покойнике был серый костюм (такие обычно носят в меру консервативные бизнесмены), белая сорочка и серо-голубой галстук. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал треугольный платок. Он был тоже серо-голубого цвета.

На мгновение мне показалось, что я вижу розовощеких ангелов, деликатно возносящих к небу душу усопшего. Видимо, голоса детей, певших «Кирие элейсон», проникли в мое сердце. Усилием воли я стряхнул с себя наваждение. Ведь благообразный старичок, мирно дремавший в бронзовом

гробу, был не кто иной, как Вито Дженовезе, «дон Витоне» — король «Коза ностры»!

Он умер от сердечного приступа 14 февраля 1969 года в госпитале федеральной тюрьмы Спрингфильда, куда его доставили из Ливенворта. Шел ему семьдесят второй год. Я не знаю, успел ли он дочитать или вообще взглянуть на «Записки Валаччи» Питера Мааса, заказанные им у издательской фирмы «Патнам и сыновья». А, быть может, они и ускорили его кончину? Кто знает.

Из Спрингфильда тело «босса над всеми боссами» доставили в Ньюарк, столицу штата Нью-Джерси, и поместили в небольшом двухэтажном домике из белого кирпича, выстроенном в колониальном стиле. Здесь на улице Брод-стрит 272 находится «Похоронное бюро Андерсона». На похороны «дона Витоне», день и место которых держались в секрете, ожидался слет гангстеров со всех концов Соединенных Штатов Америки, Канады, Италии и других стран. В связи с этим Ньюарк был наводнен агентами ФБР, местными детективами, полицией, газетными репортерами, представителями радио, телевидения, кино.

Однако члены «Коза ностры», видимо, наученные горьким опытом коронации Дженовезе в Апалачине, решили не повторять ошибки прошлого на похоронах своего короля. Была достигнута договоренность, что они пройдут в исключительно узком семейном кругу, семейном без кавычек. («Семья» — название крупного подразделения «Коза ностры».) Поэтому с похоронами не стали тянуть (дочери покойного тоже стремились свести к минимуму нежелательное для отца паблисити) и назначили их на понедельник 17 февраля. Гангстеры, уже прибывшие в Ньюарк, быстро смотали удочки. Те же, кто заказал билеты и зарезервировал гостиничные номера, срочно отказались от них.

Месса в церкви Святой Агнесы длилась немногим более сорока минут. Затем траурный кортеж, развив далеко не погребальную скорость, промчался по шоссе № 36 нью-джерсийской магистрали, проскочил мост Веррацано, оставил позади экспресс-вей Бруклин-Квинс и застыл у входа на кладбище Святого Иоанна в Миддл-Виллидж.

Гранитная плита, закрывающая вход в фамильный склеп «дона Витоне», уже заранее была сдвинута с места.

— Покойнику повезло, — сказал кладбищенский сторож. — Он последний, кто будет здесь похоронен. Все пере-

полнено. Власти запретили нам принимать новых постояльцев.

— Многие невольно заулыбались.

— Узнаю «дона Витоне», — заметил пожилой репортер, отставной сотрудник ФБР. — Он и тут успел подмазать.

Гроб опустили на ложе из белых хризантем. Преподобный отец Эдмунд Лиз вновь вознес к небу молитву. Какая-то женщина с траурной повязкой на рукаве осыпала гроб цветами. Затем за дело принялись могильщики. (Ах, как уместны были бы здесь шекспировские из «Гамлета»!) Через десять минут все было готово. На гранитном памятнике, припечатавшем свежую могилу, закрасовался ангел со сложенными руками. Под ним было выбито всего одно слово — «Дженовезе».

«Дон Витоне» остался скромен в смерти, как и в жизни. Словно подчеркивая это, буквально в нескольких шагах от его двухметровой гробницы высились помпезные мавзолеи прошлых королей «Коза ностры» — Профачи и Лучиано.

Пресса и детективы, которых не допустили к могиле ближе, чем на сто ярдов, яростно ворочали съемочной аппаратурой, снабженной мощными телевиками.

— А вы-то чего стараетесь? — ехидно спросил агента в штатском молодой фотограф из местной газеты. — Кругом ведь одни дети да старухи!

— Авось пригодится, — огрызнулся детектив.

Фотограф навел на него свою камеру. Детектив машинально заслонился рукой и недовольно пробурчал:

— Ты чего?

— Авось пригодится, — имитируя его интонацию, отозвался фотограф.

Толпа зевак — у многих на груди болтались бинокли — сбившись недалеко от кладбищенской ограды, следила за погребальным обрядом, оживленно обмениваясь репликами и впечатлениями.

— Я раньше такие похороны только в кино видел, — говорит один мальчишка другому. Обоим не более двенадцати-тринадцати лет. — Жаль, настоящие гангстеры не приехали. Полиции много, а их нет. А то могла бы и перестрелка произойти.

— А не страшно?

— Страшно, если отец узнает, что я с уроков сюда сбежал. Отстегать может.

Мальчики поочередно прикладываются к биноклю. Вероятно, отцовскому...

Группа женщин. Одна, по всей видимости, не из здешних, негодует:

— Как можно было гангстера на римско-католическом кладбище хоронить? Он и убивал, и наркотиками торговал, и публичные дома содержал. Его присутствие будет лишь осквернять могилы добрых христиан.

— А разве гангстеры не люди, не христиане? — возражает ей другая. — Я живу в Атлантик-Хайлендс с самого детства и хорошо помню «дона Витоне». Это, быть может, в Нью-Йорке он был гангстером. Не знаю. Но здесь он был примерным христианином. Это, быть может, в Нью-Йорке он носил темные очки. Здесь он прекрасно обходился без них. Ему не от кого было прятаться, не от кого и незачем. Вы говорите, что он содержал публичные дома? Не верится мне что-то. Ведь с тех пор, как он развелся со своей второй женой, в его доме ни одной юбки не видели.

— А вы знаете, что он ухлопал ее первого мужа, чтобы жениться на ней?

— Значит, любил по-настоящему.

— Ну, а в тюрьму его, что, за добродетели упрятали?

— В тюрьмах, миледи, разные люди сидят.

Чем окончился этот диспут, я так и не расслышал. Мимо меня вновь пронесся похоронный кортеж. За ним рванулись полиция, пресса и все остальные. Толпа зевак стала расходиться. Поразбежались и мальчишки. Наверное, затеяли где-нибудь игру в гангстеров и детективов. Гранитный памятник, на котором был изображен ангел с молитвенно сложенными руками, остался в полном одиночестве, как единственное слово, выбитое под ним — «Дженовезе»...

Но подлинный спор вокруг его фигуры только-только разгорается. Я имею в виду фигуру «дона Витоне», а не ангела, разумеется. Кто станет его преемником? На чью голову будет возложена тяжелая шапка Мономаха от «Коза ностры»? Эти вопросы занимают сейчас всю Америку не меньше, чем важнейшие внешнеполитические и внутренние проблемы. Газеты, включая «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк пост», посвящают «вопросу о наследстве» редакционные статьи. Телевидение передает интервью с экспертами и заинтересованными лицами. ФБР дрожит, как борзая на стойке.

Обычно смерть короля «Коза ностры», естественная или насильственная, автоматически влечет за собой схватку вокруг наследства среди главарей преступного мира. Устраиваются кровавые побоища. Полиция регистрирует десятки и сотни тайных убийств в разных концах страны. Как будет на этот раз? Одни считают, что «переходный период» пройдет относительно спокойно. Почему? А потому, объясняет заместитель инспектора Центрального расследовательного бюро нью-йоркской полиции Макговерн, что «директора организованной преступности, подобно держателям акций легальных корпораций, не меняют менеджеров, если бизнес процветает. А корпорация Дженовезе пожинает сейчас большие доходы. Поэтому никто в высшем эшелоне Дженовезе не желает перемен».

Кто составляет этот «высший эшелон»? В него входят Томас Эболи («Томми Райан»), Джерардо Катена, возглавляющий гангстеров Нью-Джерси, и Микеле Миранда, босс «Коза ностры» в Квинсе и на Лонг-Айленде. Этот триумvirат сложился уже давно. Он был назначен самим Дженовезе, который, находясь в заключении, управлял с его помощью делами мафии. Коренником в триумvirате является Эболи, он же Райан. По словам сотрудников нью-йоркской полиции, «Райан — это человек. Он крепкий орешек, хороший администратор и пользуется широкой поддержкой». Райану пятьдесят семь лет. Его легальный бизнес — бокс. Как сказал один из агентов ФБР Ральф Салерно, Райан, наверное, сидит сейчас на балконе своей виллы, смотрит на Нью-Йорк и Нью-Джерси и приговаривает: «Ныне это все стало моим, стало моим».

Официальная инаугурация Эболи — Райана пока еще не состоялась. (Согласно «этике» мафии, после смерти босса должно пройти определенное время, «труп его должен остыть».) Но неофициально эта процедура уже имела место под новый год, когда в «вольном городе» Майами-Бич со всех концов Америки собрались представители «Коза ностры» в связи с болезнью «дона Витоне», страдавшего раком и сердечной недостаточностью и предчувствовавшего свою близкую кончину. Но то было все-таки при жизни Дженовезе. Некоторые знатоки считают, что «все мое», произносимое Эболи на мотивы пушкинских злата и булата, несколько преждевременно. Как заметил не без юмора государственный прокурор Моргентану, «история свидетельствует, что триумви-

раты никогда не были эффективной, а тем более долговременной формой власти».

Перечислив членов вышеупомянутого триумvirата, Моргентау заявил, что, по-видимому, между этой троицей и разгорится основная борьба за власть. «Каждый из них,— сказал Моргентау,— силен по-своему и контролирует определенную территорию. Вполне вероятно, что кто-то из них захочет стать единоличным боссом. Но для этого он должен будет советоваться с группой боссов среднего звена и заручиться их поддержкой». Моргентау хочет воспользоваться создавшейся ситуацией «междоусобицы» и помешать проведению «официального съезда гангстеров». Он считает, что, если «смутное время» продлится подольше, то в рядах «Коза ностры» начнется брожение, междоусобица и у властей появятся шансы упрятать за решетку многих гангстеров, к которым сейчас трудно подобрать ключи, поскольку они заняты исключительно «легальным бизнесом».

Согласно всеобщему мнению, в предстоящей схватке за наследство Дженовезе наиболее сильные козыри находятся в руках Эболи. Его характеризуют как «более твердого и решительного». К тому же он значительно моложе своих конкурентов: Катене 67 лет, а Миранде—72. «У Эболи есть свой заповедник в виде штата Нью-Джерси, а Миранда слишком стар для того, чтобы устроить настоящее кровопускание»,— говорит Моргентау. В течение последнего десятилетия Эболи выполнял обязанности верховного босса. Он вошел в состав гангстерского триумvirата, устранив из него некоего Тона Бендера, или Стролло. Последний был убит по приказу Дженовезе и Эболи. Тело его до сих пор не обнаружено полицией. Разумеется, не найдены и лица, приведшие приговор в исполнение.

Впрочем, не следует думать, что борьба за верховную власть ограничится лишь участниками триумvirата. Здесь никто не исключает возможности появления «темной лошади». У Томми Райана, иронически замечает в передовой статье «Нью-Йорк пост», «есть много смелых соперников, обладающих великолепным послужным списком». Среди них называют Пита Дефо, босса «Маленькой Италии» Нью-Йорка (район улицы Малберри-стрит) и его компаньона Фрэнка Тиери из Бруклина. Нельзя сбрасывать со счетов и Карло Гамбино. Этот старый волк был когда-то правой рукой Анастасии, а затем выдал его «дону Витоне». Гамбино

возглавляет влиятельную «семью» «Коза ностры» на Лонг-Айленде, насчитывающую более семисот человек.

Когда слушаешь или читаешь о том, как сейчас в Соединенных Штатах судят и рядят, кто станет наследником Дженовезе, невольно создается впечатление, что «Коза ностра» — не подпольный синдикат гангстеров, а вполне легальная политическая партия, занятая выборами нового лидера и упорядочением процесса перехода власти. Как пишет «Нью-Йорк пост», «привкус респектабельности, который сопровождает дискуссии о наследниках Дженовезе, свидетельствует о всеобщем признании того, что мафия является незыблемой институцией, а ее лидеры могут претендовать на их признание в «Whós Who». Далее газета вопрошает: «Неужели и ныне, когда все помещались на законности и порядке, мафия по-прежнему остается настолько великой, что ей невозможно бросить решительный вызов?»

Но все дело в том, что в Соединенных Штатах «законность и порядок» направлены своим острием против национально-освободительного движения негритянского населения, против университетской молодежи, против коммунистической партии и других демократических организаций. Синдикаты преступности не их мишень. В ходе нашего повествования мы рассказывали о бесчисленном количестве убийств, грабежей и иных преступлений. Почти все они зафиксированы и заприходованы полицией. Заприходованы и списаны как накладные расходы или как представительские большого и легального бизнеса.

Преступность, в первую очередь организованная преступность — бизнес, большой бизнес. В этом ее главная охранная грамота, которую никакими карательными мерами не прошибешь. Питер Маас, автор «Записок Валаччи», пишет, что если бы нелегальные прибыли «Коза ностры» шли в бюджет страны, Америка вместо введения десятипроцентной надбавки на подоходный налог, могла бы позволить себе роскошь снижения его в тех же пропорциях. Подобно тому, как капиталисты подкармливают из корыта сверхприбылей профсоюзную верхушку, гангстеры подкармливают государственный аппарат. «Коррупция правительственных служащих всегда была и остается краеугольным камнем операций «Коза ностры», — признается Питер Маас. Вот почему борьба с преступностью напоминает развесистую клюкву голливудских фильмов о гангстерах времен «прогибишн», напоминает

игру в прятки с открытыми глазами между «казаками и разбойниками».

Еще Максим Горький говорил о том, что в Америке банкир родит бандита и наоборот. В этом основной смысл вечного круговорота воплощения гангстерского будды. Неважно, кто станет преемником «дона Витоне», важно то, что династия «Коза ностры» продлится. Король умер, да здравствует король! «Для рядового гражданина,— пишет «Нью-Йорк таймс»,— будь то домохозяйка, приплачивающая три лишних цента за коробку дезинфицирующего порошка, ибо мафия влияет на пищевую промышленность, будь то бизнесмен, выплачивающий ростовщические проценты за ссуду, которую он не смог бы достать законным путем, будь то игрок на тотализаторе, пари которого, равно как и кредит, принимаются через мафию,— для этого рядового гражданина совершенно безразлично, останется ли триумvirат, или его заменит единоличный босс. В любом случае мафия будет продолжать поставлять ему нелегальный сервис за точно такую же цену, как и прежде». Добавим от себя, что цена эта выражается не только в долларах. Ростовщические проценты преступности включают в себя духовное оскудение и моральное одичание.

...Во время заупокойной службы в церкви Святой Агнесы преподобный отец Эдмунд Лиз воскликнул:

— Вспомянем слугу господня Вито, который почил с Христом-богом. И да разделит он с ним воскрешение!

Патере может не беспокоиться. Молитва его будет обязательно услышана, если не на небе, то, во всяком случае, на земле. И это не будет библейским чудом. Воскрешение короля гангстеров в ином обличье — нехитрая штука в современной Америке.

*Нью-Йорк — Чикаго — Ньюарк
Февраль 1969.*

УБИЙСТВО НАЧИНАЕТСЯ С 47-й СТРИТ

47-я стрит пересекает Манхэттен от Ист-Ривер до Гудзона. Я не собираюсь пересказывать всю историю 47-й стрит. Она, должно быть, длиннее, чем сама улица. Лишь небольшой отрезок ее — истории и улицы — в сто шагов длиной и в двух

шагах от смерти. 47-я стрит от Пятой авеню до Авеню Америк...

Очувтившись на ней, рассеянный пешеход или сосредоточенный автомобилист вряд ли догадываются, что попали в волшебную пещеру сорока разбойников, полную до краев драгоценностями и предчувствием беды. Ни хранилища британской короны, ни сказочные тайники индийских магараджей, ни подземные лабиринты арабских шейхов не могут сравниться по богатству и роскоши с 47-й стрит, несмотря на ее затрапезный вид, грязный тротуар, подозрительные забегайки и прачечные, пахнущие всеми клетками таблицы Менделеева.

На грязной 47-й стрит торгуют бриллиантами чистой воды. Здесь расположен крупнейший в мире центр торговли драгоценными камнями и ювелирными изделиями. На витринах, сверкающих утром и пустующих ночью, щедрой рукой алчности — это не парадокс, а ощущение — рассыпаны алмазы, сапфиры, изумруды, топазы в оправках из золота, серебра, платины, а то и просто без оправ — пригоршнями. Словно в фруктовых и зеленых лавках свисают гроздья часов, браслетов, колец, брошек, запонок, ожерелий, серег, диадем. Переливаясь от игры света и воображения, эти гроздья начинают качаться, если долго и упорно смотреть на них. А на них только так и смотрят.

Но над всеми алмазами и сапфирами, над золотом и серебром здесь царят бриллианты. Их блеск ослепляет не только с витрин. Он бежит, нервно вздрагивая, по лампионии электрической рекламы и струится плавно и похотливо по неоновым трубкам. Кстати, неон относится наукой к разряду благородных газов, и не вина неона, что зачастую его эксплуатируют для рекламы неблагородных вещей и страстей. На фронтонах почерневших зданий горят, подобно воспаленным деснам, всевозможные фразы, объединенные одним словом — бриллианты. «Биржа бриллиантов», «Центр бриллиантов», «Аркада бриллиантов», «Бриллиантовая вышка», «Бриллиантовый клуб», «Биржа дилеров — бриллиантчиков», «Тинтер — бриллианты и жемчуга» и, наконец, «Бриллиантовый центр Америки». Да, так оно и есть — бриллиантовый центр Америки без кавычек.

Это на фронтонах зданий. А внизу, цепляясь друг за друга, как дедка за репку, как жучка за внучку, расположились лавки ювелиров. Если начнешь обходить их слева

направо, от Авеню Америк в направлении Пятой авеню, то первой будет фирма «Фабрикант и братья», затем «Норман Швам», «Горовиц», «Штейнер», «Платт», «Ирвинг Джильберт», «Лоуренс и братья», «Кувейт инкорпорейтед», «Кауфман и братья», «Альтман», «Каплан», «Хейфиц», «Левитан и братья» и, наконец, просто «Мистер Бриллиант». Если пойдешь справа налево, от Пятой авеню к Авеню Америк, то эти лавки выстроятся в обратном направлении — от «Мистера Бриллианта» до «Фабриканта и братьев». Все те же мистеры и те же братья-разбойники.

Витрины маленькие, узкие. Ведь каждому из братьев нужен выход — как сухопутным державам к морю — на тротуар 47-й стрит между двумя фешенебельными авеню. А в нем, в тротуаре, всего сто шагов. Потерянное вширь навертывается вглубь. Лавки, подобно раковому метастазу, прогрызают выход в толщенных наслоениях зданий по обе стороны тротуара — и на 46-ю стрит, и на 48-ю. Внутри копошатся ювелиры-оценщики в белых халатах и с увеличительными стеклами, вставленными в глазницы. Ювелиры-брокеры в черных тройках висят на телефонных трубках, не отрывая взора от биржевых аппаратов.

Бриллианты продают и покупают. Покупатели входят в лавки уверенной походкой, продающие пробираются бочком. Первые хотят, чтобы их заметили, вторые стараются ступать втихомолку. У первых взгляд требовательный, у вторых — заискивающий. Ювелиры предельно внимательны и к тем и к другим. Внимание к первым почтительное, внимание ко вторым презрительное. Вернее, полупочтительное к первым и полупрезрительное ко вторым. Эмоции в их полном объеме у ювелиров вызывают лишь бриллианты, бриллианты как таковые, в чистом виде и, конечно, чистой воды. Судьбы их бывших и будущих владельцев ювелиров не интересуют. Они оценивают камни, а не людей. Там, где Бальзак обнаружил бы россыпи характеров для своей «Человеческой комедии», братья в белых халатах и черных тройках видят лишь россыпи драгоценностей. Не заблуждайтесь, братья тоже большие психологи и знатоки человеческой природы. Но это знание не цель, а средство. Ведь на бриллиантовой бирже все-таки котируются камни, а не люди. Первые движутся по кругу, вторые сходят с круга. Бессмертие первых гарантируется смертностью вторых, ибо под лежащий камень вода, даже самая чистая, не течет.

Ночью, когда драгоценности убирают с витрин и запирают в сейфы, на 47-й стрит торгуют исключительно живым товаром. Здесь промышляют проститутки — негритянки, девушки изумительной красоты, словно выточенные из сандалового дерева, словно сошедшие с обложек журнала «Эбони». Их называют «черными жемчужинами» и «черными бриллиантами». Они приезжают сюда в желтых такси ближе к полуночи, когда опускается занавес театрального Бродвея и пустеют залы кинематографов на 42-й стрит, когда из ресторанов и баров начинают выползать прожигатели жизни с потухшими глазами.

Бренча поддельными драгоценностями, фланируют по «Бриллиантовому центру Америки» девушки неподдельной красоты. Они тоже продаются и покупаются.

Днем на 47-й стрит не протолкнуться. И без того узкая улица еще более сужается от автомобилей, выстроившихся по обе стороны мостовой. Трутся друг о друга бамперами черные «кадиллаки» и красные «мустанги», голубые фургоны прачечных и зеленые «воронки» для транспортировки денег и драгоценностей. Статуями командоров высятся полицейские и частные детективы с лицами профессиональных боксеров и реслеров-кэтчистов: когда под твоим надзором бесчисленные караты, просто необходимо владеть всеми приемами каратэ. Вместо проституток-негритянок — белые, как лилии, дамы в мехах; вместо прожигателей жизни с потухшими глазами — брокеры, маклеры, дилеры с глазами, горящими от алчности. Фланируют одетые по последней моде длиннородые щеголи и еще более длиннородые раввины, видимо, состоящие на службе по совместительству и у бога, и у мамоны. Двери ювелирных лавок в непрекращающемся вращении, как вертела адской жаровни. Люди здесь не ходят, а снуют и шмыгают; не говорят, а жестикулируют и шепчутся. Здесь неизменно кто-то за кем-то наблюдает и шпионит; кто-то что-то вынюхивает и выуживает. Незримые лабиринты и незримые перископы. «Атташе-кейзы» — черные чемоданчики в руках ювелиров и их клиентов — выглядят ящичками Пандоры, где до поры до времени дремлют в объёмку богатство и смерть, готовые пролиться в любую минуту и кровью, и бриллиантами чистой воды.

Торговцы драгоценностями, обычно не отличающиеся чувством юмора, шутливо называют эти «атташе-кейзы» портативными гробами. Шутка мрачная, как кожа чемодан-

чиков, но точная, как ювелирные весы. Ювелиры охотятся за клиентами, гангстеры охотятся за ювелирами, вернее, и те и другие охотятся за бриллиантами. Охота, как правило, начинается с 47-й стрит. Где она кончится — одному богу известно. Трупы убитых коммивояжеров или застреленных гангстеров иногда обнаруживают в тысячах миль от Нью-Йорка.

Путешествующие ювелиры — коммивояжеры с 47-й стрит имеют при себе драгоценности в среднем на сумму свыше ста тысяч долларов, уложенные в «атташе-кейзы», которые зачастую прикованы к их запястьям тонкими металлическими наручниками. Иногда на них, словно на ниточке, держится сама жизнь владельцев черных чемоданов. Маршруты странствующих по городам и весям ювелиров-путешественников держатся в строжайшей тайне. Знает о них лишь очень узкий круг доверенных лиц. Грандиозная игра в прятки — от океана до океана — напоминает сошедшие с экрана фильма ужасов Альфреда Хичкока. Ювелиры заматают следы; мечтают по стране словно блуждающие электроны; останавливаются в одних отелях, ночуют в других; заказывают билеты на поезд в Сан-Франциско, но летают на самолете в Бостон. У каждого есть двойник, за каждым следует хвост-детектив. Обязанность первого — пустить по ложному следу гангстеров, обязанность второго — самому идти по гангстерскому следу. Весь вопрос в том, кто кого перехитрит. Полиция наблюдает за этой игрой в кошки и мышки со стороны. Ювелиры предпочитают не пользоваться ее услугами. Во-первых, у них самих рыльце в пушку, а, во-вторых, у гангстеров с полицией установлен беспроволочный телефон. За соответствующую мзду блюстители порядка не прочь поделиться имеющейся у них конфиденциальной информацией. Поэтому к их услугам обращаются уже постфактум, когда дело сделано и надо зарегистрировать убийство очередного ювелира или гангстера, смотря по обстоятельствам.

Только за последнее время были убиты три крупных нью-йоркских ювелира с 47-й стрит. Смерть застигла их в пути. Жака Хаузера застрелили во Флориде, на улице небольшого городка Тампа, среди бела дня на глазах у честного народа. Гангстеры скрылись в неизвестном направлении, похитив заветный «атташе-кейз» с бриллиантами, стоившими более ста пятидесяти тысяч долларов. Несколько позже в одном из отелей Чикаго обнаружили труп ювелира Уолтера Граубарта. Бандиты задушили его. Их улов — бриллианты на

сумму в двести тысяч долларов. Еще через несколько дней внимание полиции привлек новенький «кадиллак», сиротливо брошенный на автомобильной стоянке в аэропорту Ньюарка — столицы штата Нью-Джерси. За рулем автомобиля спал вечным сном ювелир-коммивояжер Морис Стампер, служащий фирмы «Гарри Уинстон, инкорпорейтед». Спал с единственной пулей 22-го калибра в сердце, но без бриллиантов на полмиллиона долларов, которые должны были быть при нем. Полиция оказалась в тупике. По ее сведениям, Стампер, живой и здоровый, находился в момент убийства в Вашингтоне. Глава фирмы мистер Уинстон сообщил, что украденные бриллианты были застрахованы в лондонской конторе Ллойда. (Ювелир Стампер тоже был застрахован. Так что и его босс, и его семья получают на «утешение».)

Сейчас на бриллиантовой бирже 47-й стрит царит паника. Нет, нет, спрос на драгоценные камни ничуть не упал. Они по-прежнему котируются высоко, даже выше обычного уровня в связи с очередными валютными потрясениями в Западной Европе. Но чем выше котируются камни, тем ниже котируется жизнь тех, кто держит их за пазухой или, если без красного словца, в черных чемоданчиках. Мозговой трест 47-й стрит срочно разрабатывает новые меры безопасности. Увеличивается контингент частных сыщиков, уменьшается число лиц, посвященных в тайны бриллиантовой миграции. Но панический озноб не утихает. «Все объята страхом. Каждый думает об одном и том же: кто следующий?» — признается мистер Уинстон.

Стопроцентная гарантия на благородные камни не распространяется на людей даже неблагородных. Почему? На Востоке есть поговорка: «Крепости берутся изнутри». Обитатели 47-й стрит не без веских на то оснований подозревают, что в их среду затесались наводчики, причем затесались в самые высокие сферы «Бриллиантовой вышки», откуда все маршруты просматриваются как на ладони.

— На наших тайных вечерах неизменно присутствует хотя бы один Иуда,— сказал мне пожилой маклер, видимо, объятый библейским ужасом...

В последний раз я посетил бриллиантовый отрезок 47-й стрит после загадочного покушения на Мориса Стампера. Решив написать об улице, с которой начинаются убийства, я предпринял ее методическое исследование (внешнее, конечно) с карандашом и блокнотом в руках. Появление на 47-й стрит

подозрительной личности, которая подолгу останавливалась у каждой витрины и делала какие-то пометки в своей записной книжке, естественно, не прошло незамеченным. Ко мне подошел молодой полицейский и вежливо, но настойчиво осведомился по поводу моей деятельности. Не чувствуя за собой никакой вины, я храбро ответил вопросом на вопрос блюстителя порядка:

— А разве здесь делать пометки в записную книжку запрещается?

Полицейский, видимо, был новичком и еще не успел пропитаться профессиональным цинизмом к так называемым основным правам человека, американской конституции и бесконечным поправкам к оной. Смутившись, он пробурчал:

— Нет, почему же.

Когда нью-йоркский полицейский начинает отвечать на вопросы, вместо того чтобы задавать их, это уже большая моральная победа. Я несколько обнаглел и предпринял дальнейшее наступление:

— Так в чем же дело? Быть может, вам еще и удостоверение личности показать?

Полицейского это задело. Он начал нервничать, но сдержался.

— Ладно, ладно. Кип мувинг — проходи, не задерживайся!

Я продолжал инвентаризацию витрин 47-й стрит, наблюдая одним глазом за моим полицейским. Он пересек улицу и, остановившись у подъезда «Бриллиантового клуба», о чем-то заговорил с верзилой в штатском, облокотившимся несколько поодаль на перила. Вскоре перешел на ту сторону улицы и я. Когда я поровнялся с подъездом «Бриллиантового клуба», полицейский куда-то испарился. Верзила стоял в гордом одиночестве.

— А ну-ка давай сюда твою записную книжку! — неожиданно рявкнул он на меня.

Взглянув на его лицо, лицо профессионального боксера, я сразу понял, с кем имею дело. Понял я и то, что этот частный детектив давно уже позабыл и о правах человека, основных и не совсем основных, и об американской конституции, не говоря уже о каких-то там поправках к оной. Поэтому я проворно протянул ему свой блокнот, а вместе с ним столь же проворно и светло-зеленую корреспондентскую карточку, вырезанную по форме полицейского жетона, выданную поли-

цейским департаментом города Нью-Йорка и удостоверяющую, что я, Мэлор Стуруа, корреспондент газеты «Известия», имею право «проходить полицейские и пожарные кордоны».

— А, вот оно что,—процедил верзила сквозь зубы, как мне показалось, фальшивые, вертя перед своим мясистым сплюснутым носом корреспондентскую карточку, вырезанную на манер полицейского жетона.—Пресса, значит?

— Пресса, пресса,—поспешно подтвердил я и, пытаясь поддержать собственное достоинство, сострил,—прохожу сквозь пожарные кордоны, сэр!

Острота имела успех.

— После того, как ухлопали беднягу Стампера, здесь и впрямь как на пожаре,—сказал верзила, возвращая мне блокнот и удостоверение.—Все словно с ума посходили. Только и слышишь: протекши, протекши—охрана, охрана. А о каком протекши может быть речь, если они сами друг друга продают.—Верзила указал через плечо большим пальцем на витрину ювелирной лавки.

Мы с ним потолковали о том, о сем еще минуты две-три, а затем распрощались. Он остался подпирать, как кариатида, своими могучими плечами своды «Бриллиантового клуба», а я двинулся дальше по 47-й стрит от Пятой авеню в сторону Авеню Америк—по небольшому ее отрезку в сто шагов длиной и в двух шагах от смерти.

Уже смеркалось. По тонким стеклянным трубкам заструился неон, газ благородного происхождения. Бриллиантовый центр Америки сверкал и переливался всеми цветами радуги, из которых явно преобладал багряный. По крайней мере таково было мое ощущение.

Нью-Йорк

Декабрь 1968 год.

III

ПРОРОК НА МАРГАРИНЕ

Ночью на город обрушился сильный снежный буран. Замело улицы. Температура упала ниже нуля. С океана дул пронизывающий ледяной ветер. Рассвет продирался сквозь облачное небо нехотя, по обязанности. Было пустынно на Бродвее: ночная жизнь уже угасла, дневная еще не началась. Лишь у дома № 1650 притоптывала длинная очередь, окольцованная деревянными полицейскими барьерами.

Толпа была разношерстная — дети, старики, инвалиды в ортопедических креслах, несколько парней в военной форме, много негров. Люди были одеты во что попало, но все одинаково бедно. Они зябко кутались, то и дело стряхивая снег с пальто и головных уборов. Мороз неумолимо заползал к ним за шиворот. Люди коченели, однако не расходились, зорко следя слезящимися от стужи глазами друг за другом и за дверью. Дверь была на запоре, а нарушать очередь никто не осмеливался, даже глубокие старики и безногие.

Обычно публику подобного сорта можно наблюдать у кафетериев, где выдаются бесплатные обеды от имени «Армии спасения» или каких-либо иных благотворительных обществ, в ночлежных домах Бауэри, в меблирашках Гринич-Виллиджа, в церквях, где водятся действительно бедные мыши. Но что делали эти люди здесь, на Бродвее? В доме № 1650 нет ни кафетерия, ни ночлежки, ни меблированных комнат. Что же касается мышей, то, если они и водятся в этом доме, их вряд ли можно зачислить в разряд бедных. И потом ночь все еще цеплялась за верхушки нью-йоркских небоскребов.

— Мы стоим здесь с двух часов ночи, — говорит парнишка лет шестнадцати. — Зовут меня Ричард Кастальдо. А это мой

брат Джой. Ему двенадцать лет.— Братья жмутся друг к другу, засунув руки в карманы пальто.

— Мама у нас больна. Ее нужно срочно оперировать. А денег на операцию взять неоткуда. Вот мы и пришли сюда просить его дать нам деньги на мамино лечение,— шевелит посиневшими от холода губами маленький Джой.

— У меня шестеро детей, и ни одного из них я не могу послать учиться. Не на что. Их ждет моя участь — судьба неквалифицированного рабочего. Я пришел сюда в надежде, что он поможет мне поставить на ноги семью,— бормочет пожилой человек в рваном кашне, обмотанном вокруг шеи поверх воротника.

— А мне нужны деньги для того, чтобы выписать мать из Миссисипи. Ей далеко за восемьдесят. Живет в полуразвалившейся хижине одна, без присмотра.

— У меня любимая девушка. У нас ребенок, а пожениться не можем. В карманах пусто. Быть может, он войдет в наше положение.

Немолодой водитель такси объясняет, что деньги ему нужны для переезда в новый дом. У него трое детей и жена, страдающая ревматизмом. А живут они в сыром полуподвале. Девушка с нервным лицом жалуется, что ей пришлось бросить университет ради заработка. Она приехала из Олбани просить его о стипендии. Стоящая рядом с ней старуха не вдается в подробности своих невзгод. Она просто плачет и причитает:

— Мы так бедны, мы так бедны. Он обязательно должен помочь нам. У него такое доброе сердце!

Юноша, сидящий верхом на полицейском барьере, читает книгу. Джордж Оруэлл. «Ферма зверей» — значит на обложке.

— Я здесь не ради денег,— говорит юноша.— Просто пришел поглядеть, что он за птица. Если он — о'кэй, то я пожму ему руку, если нет — дам в морду...

Наконец, рассвело. Появился посыльный телеграфной компании «Вестерн юнион» с туго набитой сумкой на ремне.

— Очередная порция для него! — прокричал он, хлопнув рукой по сумке.— Рацион — тысяча штук в день!

Затем к дому № 1650 подъехала автомашина. Из нее вылез какой-то джентльмен, наклеил на стеклянную дверь клочок бумаги и тут же укатил, не проронив ни слова. Толпа подалась к подъезду.

— Что там написано? Читайте же, ради бога! Скорее! Громче! — кричали из задних рядов.

— Здесь сказано, что приема не будет. Его офис на Бродвее закрывается!

Люди, терпеливо ждавшие на морозе в течение нескольких часов, вдруг пришли в неистовство. В каком-то отчаянном порыве они бросились вовнутрь здания, повалив барьеры и оттеснив наряд полиции. Толпа заполнила вестибюль и стала набиваться в новенькие, обшитые сверкающим алюминием лифты. Она напоминала в этот момент пассажиров тонущего корабля, охваченных паникой и штурмующих спасательные лодки, в которых нет места для всех.

— Где он? Где он? Почему его нет? Ведь он обещал!

Лифты останавливались один за другим на четырнадцатом этаже. Люди вываливались из них и метались по коридору в поисках комнаты № 1409. Найдя ее, они тщетно трясли неподдающуюся дверь, барабанили в нее кулаками, пытались высадить. Подоспевшие полицейские старались утихомирить вторгшихся, совали им в руки новые адреса и телефоны.

— Идите на 106-ю стрит, дом 105 Ист! Звоните по номеру 914 ОКЗ-3968!

Блюстители порядка явно сочувствовали его нарушителям. С нью-йоркскими «копами», скажем прямо, такое случается не столь уж часто.

Сцены, подобные вышеописанной, имели место в то утро не только на Бродвее. Толпы людей осаждали дом на Ист-Сайде, где живет его отец; его офис в Гарлеме, его загородную виллу в Скардейле. Но он был неуловим.

— Боже мой, что мне делать, куда податься? — плакала Бланш Даффи, седая женщина в легком вельветовом пальто. — Я приехала из Чаттануги на занятые деньги. Вчера он поцеловал меня, сказал, чтобы я пришла утром за подарком, ведь сегодня у меня день рождения — мне исполнилось шестьдесят семь лет. И вот нет ни его, ни подарка. Нет у меня и денег, чтобы вернуться назад в Чаттанугу. Нет денег на гостиницу. Нет денег на еду.

— Вам, матушка, не следовало уезжать из Чаттануги, — назидательно втолковывал ей верзила в широкополой техасской шляпе. — В вашем-то возрасте — и такое легкомыслие!

— А мне и в Чаттануге не на что жить, — отвечала она сквозь слезы.

К ним подошел мужчина с посеревшим от бессонницы лицом.

— Я пытался звонить по указанному телефону, но ничего не добился. Зря перевел всю мелочь. Дежурная телефонистка хотела утешить меня: «Сообщите ваш адрес, и мы возвратим вам деньги, потраченные на телефонные звонки». Мой адрес? Я ночую на скамейках вокзала «Гранд централ стейшн». Когда я сказал об этом дежурной, она тут же повесила трубку. Так я потерял свой последний «дайм».¹

— Не смешно,— процедил сквозь зубы верзила в техасской шляпе.

— Еще бы,— поспешно согласился обитатель «Гранд централ стейшн», видимо, не уловив иронии в голосе ковбоя...

Утро окончательно завладело городом. Холодное январское солнце соскоблело с небоскребов последние остатки ночи. Привычные нью-йоркские будни потекли по Бродвею мимо деревянных полицейских барьеров, поваленных в снежные сугробы, и толпы страждущих, никак не желавших расходиться.

Кто-то из полицейских приволок охапку свежих номеров «Дейли ньюс». (Нью-йоркские «копы» других газет обычно не читают.)

— Можете убедиться сами: вашего благодетеля нет ни в Нью-Йорке, ни в Скарсдейле. Он улетел на арендованном «джете»² в Пуэрто-Рико,— выкрикивал полицейский на манер уличных продавцов газет, раздавая толпе экземпляры «Дейли ньюс». Люди рвали ее друг у друга из рук, читали вслух, чертыхались. Сомнений быть не могло. Он обманул их, обманул и покинул.

Толпа стала расходиться. Кто куда. Юноша, читавший «Ферму зверей» Джорджа Оруэлла, подошел к подъезду дома № 1650, нацарапал на нем гигантский знак доллара, а рядом написал: «Было бы куда лучше, если бы малютка Христос заткнул твою глотку и открыл твои глаза». Прохожие, читая надпись, одобрительно кивали головами.

Наконец, толпа рассеялась. Уехали полицейские, предварительно погрузив в «воронки» выкрашенные в стальной цвет деревянные барьеры, и Бродвей перед домом № 1650 стал таким же, как перед домами, носящими другие номера. Вот

¹ «Дайм» — монета достоинством в десять центов.

² «Джет» — реактивный самолет.

только снег подтаял сильнее обычного под сотнями топтавшихся ног, и в грязных лужах плавали страницы «Дейли ньюс» с его портретами. Над одним из них склонился старик в подозрительной дохе, словно взятой напрокат из реквизита к горьковскому «На дне». Создавалось впечатление, что он молится на этот портрет, на фотографию молодого человека с обезумевшими глазами и взъерошенной копной длинных нечесаных волос. Впрочем, так оно и было.

— Я не уйду, я не уйду! Я верю в тебя, я верю в тебя! — шамкал старик беззубым ртом.

Фотография с газетного листа, припечатанного грязью к бродвейской мостовой, молчаливо ухмылялась ему в ответ...

Явление народу Майкла Джеймса Броди имеет свою историю. Она не отличается библейской древностью и неправдоподобностью. В октябре 1969 года Майклу исполнился двадцать один год. Он стал совершеннолетним. В качестве такового Майкл получил право распоряжаться наследством, которое оставил ему дед по материнской линии. Звали деда Джон Ф. Джелке, и был он маргариновым королем Америки. Королевские миллионы хранились в сейфах «Континентл бэнк оф Чикаго» и «Скарсдейл нешнл бэнк энд Траст компани». Никто не знал точно размеров доли Майкла. Назывались самые различные цифры — от трех миллионов долларов до двадцати пяти и даже выше. Жрецы обоих банков хранили молчание.

Сам же наследник предавался безудержной хлестаковщине. Отсюда резкие колебания в оценках дедушкиного дара.

До самого последнего времени Майкл вел обычный образ жизни богатого лоботряса. Отец его, вице-президент «Коламбия коррейтед контейнер корпорейшн», не докучал своему чаду моралью строгой. Мать, дочь маргаринового короля, умерла, когда Майклу было три года. Науки питали юношу весьма умеренно. Он менял школы, колледжи и университеты так же часто, как и автомобили. В первых он проваливался, во вторых — разбивался. Занимаясь в колледже «Майами Дейд», Майкл гонял «ХКЕ»; в университете Батлера (Индианаполис) он красовался за рулем «лотуса»; в колорадском университете «Боулдер» разъезжал на «гарднере». Затем последовали «ягуары» и «кадиллаки».

С наступлением совершеннолетия в жизни Майкла никаких особых перемен не произошло. Разве что к автомашинам добавились самолеты? Судьба постучалась в его полумилли-

онную виллу в Скарсдейле лишь под новый год, точнее, пятнадцатого декабря. Звали судьбу Рэне-Луиз Дюбуа. И было ей двадцать лет от роду. Рэне-Луиз вместе со своим дружкой, женихом и партнером неким Доном (никто не знает его фамилии) занималась торговлей гашишем, марихуаной, ЛСД и другими наркотиками, которые доставлялись контрабандой из Израйля. В качестве клиентуры ими были облюбованы богатые прожигатели жизни, вроде Майкла. Это и привело их в знаменитые пригороды Скарсдейла. Скарсдейл — не просто зажиточный пригород Нью-Йорка. Он стал символом крайнего богатства и замкнутости благоденствующих слоев Америки, бегущих от грозных реальностей созданного ими же самими капиталистического урбанизма — загрязнения атмосферы, преступности, расовых волнений — в буколические оазисы «сабурбии»¹. Но Агасфер первородного греха настигает их везде и всюду. Даже в неприступном Скарсдейле.

Настиг он и наследника миллионов маргаринового короля Америки.

Торговцы наркотиками надолго задержались у Майкла Броди. Дегустация гашиша и марихуаны потянула за собой длительные оргии. Маргариновый принц воспылал любовью к наркотической Золушке и предложил ей руку и сердце. Черноволосая и зеленоглазая Рэне-Луиз дала согласие Майклу и отставку Дону. Между сеансами ЛСД и амфетамина сыграли свадьбу. Официальная церемония длилась несколько минут. Третьего января Майкл привел невесту к судье Альберту Глисону.

— Меня зовут Майкл Броди. Я гений и миллионер, — представился он.

По-видимому, это произвело впечатление на провинциального законника.

— О'кэй, — сказал он, — валяйте. — И скрепил брачными узлами союз двух любящих сердец.

Медовый месяц они провели на Ямайке. Здесь-то, по словам маргаринового принца, у него и возникла впервые идея раздать свое наследство униженным и оскорбленным. С этой идеей он возвратился через две недели в Штаты и немедленно приступил к ее осуществлению.

Вскоре на Таймс-сквер и других людных перекрестках Нью-Йорка замелькала пара — он и она. Он был одет в

¹ Пригород (англ.).

шинель цвета хаки, полы которой подметали мостовую, в индейскую куртку и мокасины. Она была в черных брюках и свитере, жакете из цветной замши. Тряся рыжими патлами и беспокойно поводя воспаленными глазами, он брэнчал на гитаре и произносил бессвязные речи.

В паузах он целовал свою спутницу, которая лишь молчаливо взирала на него.

Нью-Йорку не привыкать к хиппи. Они здесь в порядке вещей, а посему привлекают внимание только полицейских и туристов. Но наша пара сразу же оказалась в центре грандиозного столпотворения. Еще бы, ведь парень в шинели не просто брэнчал на гитаре, а, перевернув ее тыльной стороной, выписывал чеки любому лицу и на любую сумму.

О нем немедленно заговорили газеты. Телевидение стало начинать с него передачи последних известий. Знаменитый Эд Салливэн пригласил его на свое шоу — честь, которая оказывается лишь самым популярным актерам. Граммофонная фирма «А. Р. рекординг» поспешила заключить с ним договор на производство пластинок с записями его песен. Слава о Майкле Броди, раздающем деньги тем, кто в них нуждается, перешагнула пределы сначала Скарсдейла, затем Нью-Йорка и, наконец, Соединенных Штатов. Редакции газет и телеграф оказались заваленными депешами со всех концов света, в которых содержались просьбы сообщить координаты маргаринового принца. Люди осаждали его квартиры, виллы, офисы. Благо много еще на нашей земле голодных и нищих.

Пока Майкл подписывал чеки, все шло если и не как по маслу то, по крайней мере как по маргарину. Но когда счастливые обладатели заветных бумажек бросились погашать их в «Континентл бэнк оф Чикаго» и в «Скарсдейл нэшнл бэнк энд Траст компани», то там им заявили, что на текущем счету Броди нет ничего, кроме сущей чепухи.

— Где же наследство? Где же миллионы маргаринового короля? — шептали в отчаянии благодетельствованные пари.

— Наследство есть. Есть и миллионы, — отвечали им. — Но есть и соответствующая финансовая механика, оберегающая их от сумасбродных владельцев и от такой, как вы, голи перекатной.

Разумеется, ответы банковских клерков давались в более вежливых тонах. Впрочем, сути дела это ничуть не меняло. Чеки, подписанные Броди, не погашались и не учитывались.

Родственники, попечители, опекуны, юристы, брокеры, бухгалтеры и прочие члены свиты маргаринового принца грудью встали на защиту миллионов, завещанных неразумному потомку Джоном Ф. Джелке-старшим. Они поспешно принялись выколачивать из него наркотическую дурь, чтобы никто, воспользовавшись ею, не выколотил из него доллары. Как заявил вице-президент «Континентл бэнк оф Чикаго», «имеются определенные ограничения в отношении того, какие суммы денег и на каком отрезке времени имеет право тратить Броди». Вице-президент добавил, что его клиент «иногда ведет себя вполне трезво и рационально, но иногда вызывает подозрения — не сумасшедший ли он?».

Итак, чеки не погашались. Но не гаши и надежды, порожденные обещаниями Броди «облагодетельствовать в одиночку весь мир». Люди металась между Нью-Йорком и Скарсдейлом в поисках новоявленного Христа. Однажды им удалось настичь беглеца у дома 130 Ист на 63-й стрит, где живет его отец. Разыгралась трагикомическая сцена. Отстраняясь от протянутых к нему рук, Броди кричал:

— Убирайтесь, убирайтесь отсюда немедленно, или я вызову полицию! Вы и так забрали у меня все деньги, украли бумажник и обручальное кольцо! Убирайтесь!

Затем Броди перешел на нецензурную брань. Он рвал на себе платье и волосы, падал на колени, выворачивал карманы. Толпа в изумлении взирала на свою «надежду». У людей словно отнялся дар речи.

Между тем в апартаментах отца обсуждалась стратегия на будущее. Было решено отправить Майкла на некоторое время в Пуэрто-Рико. Когда он поднялся наверх, ему сообщили об этом решении. Майкл не возражал.

Развалившись на обитой шелком кушетке и поглощая сэндвичи с ростбифом, он философствовал:

— Пуэрто-Рико — это великолепно! Хотя, быть может, я и не поеду туда. Быть может, я просто взлечу на своем «джете» в воздух и буду кружить в течение недели над землей на высоте сорока тысяч футов. «Джет» — это тоже великолепно! Каждый человек на земле должен иметь собственный «джет». Я куплю себе целую флотилию «джетов»!

В сопровождении газетных репортеров и рекламных агентов Броди отбыл на аэродром Кеннеди в новой автомашине (на этот раз «плимуте»). Он был в прекрасном расположении духа, выжимал до ста миль в час и громко хохотал:

— Ну и ловко же подшутил я над всем миром!

Рэне-Луиз блаженно улыбалась и нежно жалась к супругу, заставляя трепетать от страха остальных пассажиров летевшего как стрела «плимута».

— Не бойтесь,— успокаивал их маргариновый принц.— Тот, кто верит в меня, бессмертен. Я и сам бессмертен и могу творить чудеса, например, лечить рак. Не правда ли, дорогая?

— О, конечно, любимый,— лепетала в ответ Рэне-Луиз.

В аэропорту Броди поджидал сверкающий белоснежный девятиместный двухмоторный реактивный самолет «Сокол». Находившийся на борту самолета коммивояжер компании «Пан-Америкэн уорлд эйруэйс» Джим Маркел торжественно поведал представителям печати о том, что «Сокол» был великодушно предоставлен мистеру Броди его фирмой за небольшую арендную плату в двадцать пять тысяч долларов...

На Пуэрто-Рико летели стрелой. Хлестали джин и виски. Курили марихуану. Болтали. Главным образом о себе. Иногда в первом лице. Иногда в третьем. Вдали от людей, которым он сулил все земные блага, Майкл чувствовал себя много увереннее.

— Идея раздачи наследства возникла у меня под влиянием наркотиков,— объяснял он доверительно корреспондентке «Нью-Йорк таймс» Нэнси Моран, которую специально подсадили к нему в «Сокол», чтобы она «раскусила этого Броди». — Удивительно, как легко попадают люди на удочку. Они вообразили, что я Иисус Христос!

В аэропорт Сан-Хуана прибыли уже под утро. Броди и его свиту поджидали два автомобиля, которые доставили их в фешенебельный отель «Кандидо Бич». Менеджер отеля Марсель Уортман отвел высоким гостям шесть лучших номеров стоимостью в шестьдесят долларов в сутки каждый.

— Конечно, у этого Броди сумасбродные идеи. Но есть в нем и нечто такое, что заставляет тебя думать: э, нет, этот парень себе на уме; он знает, чего добивается,— заявил владелец «Кандидо Бич». — Во всяком случае, я не возражаю, когда деньги тратят в моем отеле.

Майкл был в восторге от Сан-Хуана:

— Здесь просто великолепно. Никто не хватает тебя за руки, не просит подаяния, не требует чеков, не ждет чудес. Мы будем плавать и загорать, загорать и плавать. Больше ничего.

Безмятежный затяжной уик-энд в Пуэрто-Рико начался с затяжек марихуаны. И Броди вновь загорелся и поплыл.

— Мне необходимо срочно вернуться в Нью-Йорк,— твердил он своему окружению.— Я должен выступить по телевидению. Пусть миллионы людей увидят меня. Кроме того, я собираюсь встретиться с президентом США и изложить ему разработанные мною планы прекращения войны во Вьетнаме и междоусобицы в Нигерии. Я должен спешить. Время не ждет.

Механики тут же приготовили к полету сверкающий белоснежный девятиместный двухмоторный реактивный «Сокол», любезно предоставленный в распоряжение Броди компанией «Пан-Америкэн уорлд эйруэйс» за сущую безделицу— в двадцать пять тысяч долларов, и маргариновый принц отбыл обратно в Вавилон на Гудзоне.

Через четыре часа «Сокол» приземлился в аэропорту Вестчестерского графства неподалеку от Нью-Йорка. Здесь Броди поджидали личный вертолет и представители всех крупнейших американских газет, телевидения и телеграфных агентств.

В ходе десятиминутной пресс-конференции Броди сообщил следующее:

— Прямо из Вестчестера я вылетаю на вертолете в Вашингтон. Посадка будет совершена на лужайке Белого дома. Я изложу президенту свой план прекращения войны во Вьетнаме, который обойдется в тридцать миллиардов долларов— платить буду, конечно, я, а затем мы с ним полетим в Париж на мирные переговоры. Кроме того, завтра я выступлю перед Генеральной Ассамблеей ООН с проектом установления мира на Ближнем Востоке. Что касается Нигерии, то в результате моего финансового вмешательства внутренние распри там уже прекращены.

Броди перевел дыхание, отбросил со лба слипшиеся космы и продолжал:

— Лишь после того, как все дела— международные и внутренние— будут улажены, мы с женой поедем со спокойным сердцем куда-нибудь в штат Коннектикут, купим птицеферму и обзаведемся детьми...

Репортеры не смеялись. Они были заняты конспектированием речи Броди.

Закрыв пресс-конференцию, Броди сел в вертолет и дал знак к отправлению. Заработали мощные винты. Машина медленно поднялась в воздух. Некоторое время она висела

в пространстве, удаляясь и уменьшаясь, а затем полностью растворилась в серо-голубом январском небе.

— Неужели в Вашингтон? — сказал кто-то.

— Все может стать, — послышалось в ответ.

Но вертолет маргаринового принца полетел не в Вашингтон, а в Нью-Йорк, и приземлился не на лужайке Белого дома, а в Манхэттене на вертолетной площадке у 60-й стрит рядом с апартаментами отца Броди. Не состоялось и выступление Майкла в Генеральной Ассамблее. Вместо речи в ООН был концерт на телевидении. Вместо небоскреба на Ист-Ривер — студия «Коламбия бродкастинг компани» на углу Бродвея и 53-й стрит.

Десятки миллионов американцев смотрели его по телевидению; тысячи обрывали звонки телефонов в студии; сотни верующих с нетерпением ждали его выхода из здания «Коламбия бродкастинг компани»; десятки репортеров толпились за кулисами.

— Я не желаю разговаривать с вами, — сказал газетчикам Броди после концерта. Но тут же, передумав, начал пространно излагать перед ними планы раздачи на будущей неделе ста миллиардов долларов, которые он заработает концертными выступлениями по телевидению, граммофонными записями и сочинениями порнографических рассказов.

— Поверьте мне, я большой мастер на этот счет, — признавался без ложной скромности Броди.

Репортерам вновь было не до смеха. Они лихорадочно стенографировали заявление маргаринового принца, которое обязательно должно было попасть в первые выпуски утренних газет.

Было не до смеха, разумеется, по совершенно иным причинам, и тем, кто, находясь в крайнем отчаянии, поверил в явление Христа народу, так сказать, на бис. Но Христос оказался не настоящим, Христос был на маргарине...

Здесь обрывается, по всей видимости, на время его житие. Что будет дальше? Поживем — увидим. Скорее всего он продолжит свою бурную благотворительную деятельность в планетарном масштабе. Ведь денег у него куры не клюют. (До птицефермы в Коннектикуте еще очень и очень далеко.)

А бедных и легковых на планете нашей, пока еще мало оборудованной для счастья, куда больше, чем долларов на счету у Броди в «Континентл бэнк оф Чикаго» и «Скарсдейл нешнл бэнк энд Траст компани» вместе взятых.

Паузу, наступившую в житии пророка на маргарине, заполняют сонмы социологов, моралистов и психиатров, с поспешной готовностью принявших эстафету из рук газетной братии. Они пытаются — каждый со своей колокольни, в меру своего ума и порядочности — дать объяснение «феномену Броди». Одни сводят все дело к наркотикам, влияние которых, мол, расшатало психику молодого человека, обладавшего и без того весьма нестабильным характером, и разбудило дремавшие в нем депрессивно-маниакальные наклонности. Другие подозревают, что псевдофилантропическая одиссея Броди — циничный рекламный трюк, придуманный и разработанный профессионалами от паблисити для миллионерского сына, возмечтавшего о лаврах «битлзов».

Третьи считают, что ключ к разгадке в наследственности. В династии маргариновых королей было много эксцентриков с мозгами набекрень, утверждают они. Например, один из них имел обыкновение развлекаться следующим образом: он приглашал свою жену в рестораны, заказывал для нее роскошные обеды и ужины, но не разрешал ей даже дотрагиваться до них. («По усам текло, а в рот не попало», — говорят у нас.) Не в этом ли источник садизма Броди, сначала сулившего людям золотые горы, а затем грубо отказывавшего им в подавании? Другой предок Броди питал слабость ко всему венценосному. Живя в Англии, он снимал особняк, принадлежавший Анне Болейн, одной из восьми жен короля Генриха VIII. Спал он на кровати короля Георга III и дружил с герцогом Виндзорским, бывшим королем Эдуардом VIII. Не в этом ли источник тяги Броди к великим мира сего? Еще один его предок страдал алкоголизмом и зарабатывал деньги, принуждая женщин к проституции, за что был посажен в тюрьму. Кстати, он был тезкой Майкла.

Наконец, дед его и наследодатель — сам Джон Фэрис Джелке тоже не раз соприкасался с Фемидой, ибо испытывал непреодолимое отвращение к уплате налогов и частенько выдавал за сливочное масло свой маргарин, за что его судили и при президенте Тафте, и при президенте Вильсоне.

Да, ничего не скажешь, галерея предков Майкла Броди впечатляет. Но дает ли она разгадку поведения их хиппизированного потомка? Отчасти, да. Это справедливо и в отношении других причин — наркомании и паблисити. В случае с Броди сыграли свою роль в той или иной степени, а вернее в своей совокупности, и марихуана, и реклама, и наследствен-

ность. Вот почему они вышли далеко за рамки конкретного биографического факта. В психиатрических лечебницах Америки всевозможных пророков, королей и президентов хоть пруд пруди. И наркоманов великое множество. И реклама здесь заменяет действительность, как маргарин — сливочное масло. Броди, возможно, нежданно-негаданно для себя оказался в скрещении пороков американского общества и посему был возведен на его пьедестал. Он, по сути дела, и есть «стопроцентный янки», но только гипертрофированный и окарикатуренный самой жизнью.

Броди обещал богатство и процветание всем бедным и нуждающимся. А разве не обещают им то же самое политика-ны? И разве не обманывают они народ столь же бесцеремонно, как Броди? Было бы ошибкой считать, что маргариновый принц вообще никого не облагодетельствовал. На нем сделали рекламу и приобрели клиентуру «Континентл бэнк оф Чикаго» и «Скарсдейл нешнл бэнк энд Траст компани», «Пан-Америкэн уорлд эйруэйс» и «Коламбия коррегейтед контейнер корпорейшн» и, быть может, кое-кто еще из им подобных.

Я уже не говорю о прессе и телевидении. А разве не они — банки и монополии — всевозможные корпорации, компании, тресты, фирмы, синдикаты с ограниченной ответственностью и без оной, являются подлинными потребителями государственного пирога, выпекаемого, разумеется, не на маргарине, а на сливочном масле? Разве только Броди не подпускает к нему бедняков из Чаттануги и бездомных с «Гранд сентрал стейшн»? Броди обещал выступить в Генеральной Ассамблее с проектом установления мира на Ближнем Востоке. А разве не прожужжали уши общественности подобными же проектами с той же трибуны ООН вашингтонские дипломаты? И что же? Как Броди не принес мира пылающему Ближнему Востоку, так не принесли его и вашингтонские миротворцы. Ибо их миротворчество — маргарин, а сливочное, вернее, пушечное масло — агрессия. (Для них, в отличие от Бланш Даффи из Чаттануги, пушки и масло — идентичные понятия.)

Майкл Броди — пророк на маргарине. Но он настоящий дядюшка Сэм, правда, еще без клинообразной бородки и едва-едва достигший совершеннолетия, с необсохшим молоком на губах и дымящейся марихуаной в зубах. У него все еще впереди, поверьте. И Белый дом, и желтый...

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЛЭРРИ ФЛИНТА

6 марта 1978 года в небольшом городке Лоуренсвилль, штат Джорджия, выстрелом из ружья «магнум» 44-го калибра, с которым обычно охотятся на крупных оленей, был тяжело ранен Лэрри Клекстон Флинт, король «империи непристойностей», состоящей из ряда порнографических изданий и сети ночных притонов.

В Лоуренсвилль Флинта занесли дрязги судебные. Здесь, как, впрочем, и во многих других городах Соединенных Штатов, против него было возбуждено дело по обвинению в распространении непристойной литературы. «Король» и его адвокаты возвращались после обеденного перерыва в зал суда, когда неизвестный (он до сих пор не опознан и не схвачен) открыл по ним пальбу не то из автомобиля, не то из стоявшего поблизости заброшенного здания (это пока тоже не установлено). Флинт получил три пули в живот и был немедленно доставлен в местный госпиталь. Здесь ему сделали две операции подряд. В течение семи часов хирурги штопали «короля», удалили у него селезенку и часть двенадцатиперстной кишки. По последнему заключению врачей, состояние Флинта продолжает оставаться «критическим». Судья Гаррисон прекратил дело. Аналогичные процессы, которые должны были состояться в Атланте и Кливленде, отложены на неопределенное время.

Здание госпиталя «Баттон Гвиннет», где между смертью и жизнью находится Флинт, окружено полицией и его личными телохранителями, которые беспечно оставили своего патрона, путешествующего по Джорджии, и лишь после покушения присоединились к нему. Сюда началось паломничество со всех концов Америки религиозных фанатиков и королей порнобизнеса. «Противоположности сходятся», — острят репортеры. «Приемный покой госпиталя напоминает цирковую арену», — сообщает корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс. У изголовья больного попеременно дежурят две женщины: президент журнала «Хастлер» — жемчужины империи Флинта госпожа Алтея Флинт, она же супруга потерпевшего, и госпожа Рут Стэйплтон, знаменитая евангелическая проповедница и «волшебная исцелительница», сестра президента Картера. (О том, как пути этих двух женщин скрестились у койки раненого Флинта, мы расскажем несколько ниже.)

В лучших традициях религиозных мелодрам за отлетающую душу «короля» идет ожесточенная борьба между силами света и тьмы, между ангелами на коне и ангелами падшими. Воинство последних возглавляет еще один король порнобизнеса, «закоренелый грешник и атеист», издатель сенсационно непристойного журнала «Скру» Эл Голдстин. (Против него, как и против Флинта, возбуждены судебные дела в нескольких городах. А по другим процессам он уже успел отбыть тюремные заключения.) «Закоренелый грешник и атеист» явился в пуританский Лоуренсвилль в сопровождении свиты телохранителей (на ошибках учатся) и в пуленепробиваемом жилете.

«Силами света» верховодит некто Майкл Худ, глава религиозной секты с труднопроизносимым названием Свами Паранаханза Муктананда. Худ и его антураж, пользуясь замешательством, царившим в первые часы после покушения, захватили холл госпиталя. Закатив глаза и содрогаясь в иступленном трансе, они причитали:

— Лэрри Флинт! Лэрри Флинт! В нас вселилась исцеляющая божественная сила! Восстань с одра болезни и смерти и приходи к нам!

Силы порядка приняли сторону сил тьмы. Элу Голдстину с его телохранителями и пуленепробиваемым жилетом было разрешено остаться в госпитале. А вот Майкла Худа и его антураж не только попросили удалиться, но и взяли под стражу, предъявив им вполне заслуженное обвинение в нарушении общественного спокойствия. Худ, в свою очередь, обвинил полицию в заговоре с дьяволом.

— Они не дали мне возможности низослать исцеляющую божественную силу на Флинта, ухаживать его раны и поднять с операционного стола,— жаловался репортерам выпущенный под залог Худ.

Тем временем поиски покушавшегося или покушавшихся продолжаются. Пока что безрезультатно. Никто не задержан. Никто не подозревается. Технические эксперты изучают отпечатки шин перед зданием суда и отпечатки пальцев на рамах заброшенного здания, откуда, согласно некоторым показаниям, стреляли в Флинта. Потеет и баллистическая экспертиза. Как сообщил следователь Ральф Макги, оказывается, через двадцать минут после того, как было совершено покушение, в мэрии Лоуренсвилля раздался телефонный звонок и некто, пожелавший остаться анонимом, прокричал в трубку: «Иисус Христос приложил к этому свою руку!»

Не знаю, как в отношении покушения, но к трагикомической судьбе Лэрри Флинта сие можно отнести без всякой натяжки. И вот почему.

...«Сказать о Флинте, что он занимается порнографией, значит ничего не сказать или это равносильно тому, чтобы сказать: «Шекспир сочинял пьесы»,—заметил как-то по поводу нашего героя журнал «Тайм». Да простит нас великий английский бард за подобное кощунство, но «Тайм» прав на все сто процентов. В сравнении с продукцией Флинта даже такие столпы порнографического истеблишмента, как журналы «Плейбой» и «Пентхауз», выглядят наводящей скуку и нагоняющей зевоту жвачкой для домашнего чтения под лампой с зеленым абажуром.

«Символ ходячей непристойности», как величают иногда Флинта, начинал свою карьеру в городе Колумбус, штат Огайо. Начинал с малого — с так называемых «гоу-гоу баров», где за стойкой пьют посетители, а на стойке танцуют мастерицы стриптиза. Дела в «гоу-гоу барах» шли хорошо, число их росло, кассовые аппараты щелкали в такт каблучкам голых танцовщиц. На часть выручки Флинт основал скромный еженедельник, нечто вроде туристического справочника-гида по «горячим точкам» ночной жизни Колумбуса. И вот со временем — на удивление коротким — из этого скромного путеводителя выросла гигантская порно-издательская империя. Ее коренник — журнал «Хастлер» выходит тиражом в три миллиона экземпляров, уступая лишь вышеупомянутым «Плейбою» и «Пентхаузу». Другой журнал, «Шик», имеет полумиллионный тираж. В общем годовой доход всей империи Флинта составляет двадцать миллионов долларов. Соответственно изменился и образ жизни «символа ходячей непристойности». Из курятника — в прямом смысле этого слова — он переселился в замок «эпохи и стиля» Тюдоров, утопающий в розовых садах, с мраморными ваннами-банями сердцевидной формы, завел парк дорогих лимузинов и личный реактивный самолет-лайнер.

За успех надо платить. Я имею в виду, естественно, не баснословные суммы, в которые обходилась Флинту его «сладкая жизнь». Нахальство «короля», который, по словам газеты «Вашингтон пост», «раздвинул горизонты порнографии до пределов невозможного», стало вызывать возмущение даже, казалось бы, уже ко всему привыкшей Америки. В феврале прошлого года суд города Цинциннати приго-

ворил Флинта к тюремному заключению сроком от семи до двадцати пяти лет «за публикацию и распространение непристойных изданий». Флинт был выпущен под гигантский залог, но уже не для продолжения «сладкой жизни», а для просиживания штанов на скамье подсудимых в разных концах страны, ибо его издания наводняют всю Америку от Атлантического океана до Тихого.

Как-то прошлым летом Лэрри Флинт выступал по телевидению в программе компании Си-би-эс под названием «60 минут» (уголовные преступники типа Флинта — желанные гости не только в судах, но и на телевидении). Жалуясь на непрекращающиеся преследования со стороны мадам Фемиды, Флинт сказал, что ему хотелось бы разобраться в своей беспутной жизни и докопаться до истины о самом себе — «Кто я есть на самом деле?». Продюсер этого шоу Джон Вершба как бы невзначай «посоветовал» запутавшемуся в сетях судебной волокиты Флинту обратиться за помощью к Рут Стэйплтон, проповеднице-евангелистке, якобы обладающей волшебным даром исцеления больных.

Совет пришелся Флинту по душе. Трудно сказать, во что он больше уверовал — в волшебный дар исцеления проповедницы или в ее реальные родственные узы с президентом США. Во всяком случае, историческая встреча грешника и святой состоялась в загородном клубе близ Фэйетвиля, штат Северная Каролина, где живет госпожа Стэйплтон. Затем встречи участились. Прощлогодний День благодарения проповедница провела в Колумбусе, в греховном логове, в знаменитом замке «эпохи и стиля» Тюдоров, утопающем в розовых садах, с мраморными ваннами-банями сердцевидной формы. (В замке двадцать три комнаты, так что места для священной медитации было более чем предостаточно.) По словам бойкого на язык Флинта, подобный шаг потребовал от проповедницы большой смелости. «Она не знала, что ее ожидает, и напоминала первых христиан, брошенных на съедение львам на арене римского Колизея», — вспоминал впоследствии «король» порнографии. Однако и это противостояние грешника и святой закончилось вничью: львы не съели христиан, христиане не укротили львов.

В конце ноября прошлого года реактивный лайнер Флинта занесло каким-то ветром в город Сан-Антонио, то ли по делам издательско-порнографическим, то ли по делам судебным, которые к тому времени окончательно переплелись.

Когда Флинт вышел из самолета и направился к зданию аэропорта, его атаковали два проповедника-фундаменталиста и спросили, не согласится ли он помолиться вместе с ними? Флинт неожиданно для себя — во всяком случае, он так утверждает — согласился. И вот все трое тут же на бетоне аэропорта, что называется, не отходя от кассы, стали на колени и начали возносить горячие, как солнце Калифорнии, молитвы всевышнему. Молитвы, видимо, были услышаны, ибо Флинт почувствовал «реальное, драматическое присутствие бога». (Помимо Флинта присутствие Христа в аэропорту Сан-Антонио никем, включая радары, замечено не было.)

Потрясенный снизошедшей на него благодатью, Флинт немедленно позвонил в Новый Орлеан, где находилась его благоверная супруга Алтея, и поспешил поделиться с ней радостью своего прозрения. Но благоверная Алтея по причинам, о которых читатель узнает несколько позже, никакой неземной радости не испытала. Напротив, ею овладело вполне земное беспокойство. Правда, сначала она подумала, что ее муженек по обычаю или, будучи навеселе, шутит, и решила ответить шуткой на шутку:

— Быть может, бог и вошел в твою жизнь, но двадцать миллионов долларов ежегодного дохода покинули ее, — прокричала Алтея в телефонную трубку из Нового Орлеана в Сан-Антонио.

Но в Сан-Антонио эта шутка успеха не имела. Флинт настаивал на том, что он «вновь родился». Тогда бедная Алтея перепугалась, решив, что ее муж свихнулся. Она так прямо ему и сказала.

— Уж не сошел ли ты с ума? — несся ее полный ужаса голос из Нового Орлеана в Сан-Антонио.

Но из Сан-Антонио ее утешили, сказав, что с башкой у Флинта все в порядке. И вот тогда-то шутливая Алтея, обеспокоенная Алтея превратилась в Алтею разгневанную, в Алтею фурию. «Я вдруг почувствовала, что меня сильно надули. Я была вне себя», — говорила она впоследствии.

После телефонного разговора с женой Флинт велел немедленно седлать своего реактивного коня. Находясь уже в небе, поближе к вновь обретенному богу, в десяти тысячах метрах от грешной земли, где-то между Денвером и Хьюстоном, Флинт связался уже по радиотелефону с госпожой Стэйплтон, находившейся в своем религиозном центре в Далласе. Было около полуночи, когда проповедницу под-

няли с кровати. «Он говорил со скоростью 90 миль в час. Спросонья мне показалось, что он обезумел. Но, несмотря на его бессвязную речь, я поняла: произошло нечто чрезвычайно важное», — рассказывает Рут Стэйплтон. Тем временем Флинт, говоривший со скоростью 90 миль в час и летевший со скоростью 600 миль в час, то ударялся в буйное веселье, то содрогался от рыданий, то пускался в пляс, то опускался на колени, то пел, то молился. «О боже, как играют страсти его измученной душой!» — уж не о нем ли — в предвосхищении — выразился столь точно поэт?

Следующие три дня проповедница и возродившийся из порнографического пепла феникс христианства провели вместе, служа молебны на евангелических сборищах в Монтгомери, Хьюстоне и Далласе. Наконец, Флинт решился публично объявить о том, что он окончательно порывает с прошлым и посвящает всего себя без остатка богу. Проповедница и раскаявшийся грешник договорились приурочить соответствующую торжественную церемонию к ассамблее евангелических церквей в Брэсвуде. Флинт явно нервничал, как во время полицейских рейдов по его «гоу-гоу барам».

— Что вы скажете членам ассамблеи? — спрашивал он свою наперсницу.

— Я еще сама того не знаю, — отвечала она. — Ну, а вы? — И я тоже не знаю.

Но на людях Флинт нашелся. Он покаялся «перед всеми женщинами Америки» и попросил у них извинения за то, что обращался с ними, «как с куском мяса». Далее Флинт клятвенно обещал, что превратит журналы «Хастлер» и «Шик» из порнографических журналов, на страницах которых «голые женские тела развешивались, как мясные туши», в рупор слова божьего, а свою издательскую империю — в филантропический религиозный фонд. Клятвы и покаяния неизменно перемежались хвалой в честь всевышнего и его первой жрицы на земле госпожи Рут Стэйплтон.

По пути в Колорадо снова в реактивном самолете, летевшем, как обычно, в десяти тысячах метрах над грешной землей со скоростью 600 миль в час, проповедница совершила над Флинтом, говорившим со скоростью 90 миль в час, обряд крещения. На церемонии присутствовала примкнувшая к ним Алтея, по-прежнему безутешная в своем горе и грехе. После обряда крещения Флинт впал в транс, затем забылся коротким, но глубоким сном. Проснувшись, он рассказал присут-

ствующим, что ему привиделся вещий сон: к нему явился апостол Павел. Флинт припал к апостольским стопам и пообещал принести ему в жертву все, включая свою бесценную подругу жизни Алтею.

Сон был в руку для госпожи Стэйплтон, но не на руку для госпожи Флинт. Она ударилась в слезы и стала молить проповедницу:

— Верните мне моего Лэрри! Верните мне моего Лэрри!

Однако проповедница оказалась не из уступчивых и не вернула Алтею ее Лэрри. Правда она, как могла, успокаивала полусоломенную вдову и даже преуспела в этом. Поплакав и попричитав, Алтея смирилась с неизбежным. «Мне пришлось привыкнуть к мысли о том, что я буду номером два в жизни Лэрри, а бог — номером один. Пожалуй, это унижение — самое большое бремя, которое свалило на мои плечи обращение Лэрри в христову веру», — говорит Алтея. Из нашего дальнейшего повествования читателю станет кристально ясно, что Алтея, пропустив вперед бога, отнюдь не преувеличивает и даже не впадает в гордыню, говоря о бремени и унижении, связанном с понижением на роль номер два в созвездии Лэрри, хотя, с другой стороны, в чем читатель также сможет убедиться из нашего дальнейшего повествования, Алтея стала номером один в империи того же Лэрри в результате его обращения к богу, ибо пути господни неисповедимы.

Сообщение об историческом перевоплощении Лэрри Флинта, состоявшемся в воздухе, было немедленно передано на землю. Об этом позаботился сам обращенный, лихо скрестив религиозное таинство с газетным паблисити. Прямо с борта самолета он связался с репортером «Вашингтон пост» Руди Мэкса и дал ему интервью, то и дело прерывавшееся рыданиями.

— Бог нагоняет страх. Его невозможно постичь. В него можно только слепо верить! — кричал сквозь слезы и странство Флинт. — Я подал в отставку с поста исполнительного президента компании «Лэрри Флинт энтерпрайзис» и передаю бразды правления в руки моей жены Алтеи.

Затем к телефону подошла Рут Стэйплтон:

— У меня такое ощущение, будто последние 72 часа я нахожусь в эпицентре гигантского циклона. Да-да, обращение Лэрри — факт. Правда, Алтея несколько обескуражена и не может примириться с ним. Но, надеюсь, со временем она поймет и примет обновленного Лэрри...

Здесь в разговор вновь вмешался Флинт.

— Не горюй, мед ты мой,— сказал я жене.— Где-то я прочел, что 92 процента людей верят в бога. Не знаю, так ли это на самом деле. Но, во всяком случае, в порнографию верит куда меньшее количество людей. Так что можешь не беспокоиться — мы как-нибудь проживем, как-нибудь сведем концы с концами...

На следующее утро интервью Флинта вместе с историей его возвращения в лоно Христа было опубликовано на целых двух полосах «Вашингтон пост». Аналогичная информация появилась почти во всех без исключения газетах и журналах — и серьезных, как «Нью-Йорк таймс» и «Ньюсуик», и бульварных, как «Нэшнл инкуайер» и «Пипл»: «Событие дня» было подано с сенсационной помпой радио и телевидением. В информации преобладали сироп и умиление, в комментариях — укус и цинизм. Авторы последних гадали, кто больше выиграл от заоблачной сделки — Рут Стэйплтон или Лэрри Флинт, укротительница или укрощенный? Согласно общему мнению, выиграла оба. Первая, спасая душу закоренелого грешника, еще более преумножила свою славу проповедницы, прорицательницы, исцелительницы, короче, сотворительницы всевозможных чудес. Второй, дав себя окрестить, завязал знакомство с «первым семейством» Америки, заполучив важную протекцию, столь необходимую в период хождения по судебным мукам, то есть инстанциям, и, конечно же, грандиозное паблисити, ибо, что ни говори, а верующих в бога и впрямь все-таки больше, чем верующих в порнографию.

Вернувшись на землю, «рожденный вторично» Флинт приступил к реорганизации своей «империи непристойностей» в царство божие. Печать шаг за шагом хронометрировала эти метаморфозы, сообщая о них «всему человечеству».

Лэрри Флинт решает заменить одного из главных героев серии комиксов «Хастлера» Честера Молестера, то есть Честера-приставалу к маленьким девочкам, Честером Протектором, то есть Честером, защищающим этих малюток.

Лэрри Флинт решает закрыть основную секцию «Хастлера», публикующую фотографии женщин в чем мать родила, ту самую секцию, которая принесла ему реальное богатство и сомнительную славу.

Лэрри Флинт отправляется в Каноссу, то есть в Хьюстон, на всеамериканский женский конгресс и вновь публично приносит извинение перед слабым и прекрасным полом за

то, что в его журналах «голые женские тела развешивались, как мясные туши». Он буквально бухается на колени перед Глорией Стейнем, Беллой Абзуг, Фло Кеннеди и другими руководителями феминистского движения в Соединенных Штатах и молит у них прощения за грехи прошлого. Церемония покаяния повторяется перед конгрегацией верующих женщин, собравшейся в том же Хьюстоне, который является не только космическим, но и религиозным центром Америки.

Лэрри Флинт дает аудиенцию своему бывшему коллеге, другому королю порнобизнеса, Элу Голдстину, который желает непосредственно убедиться, не рехнулся ли часом его ближайший друг. Нет, не рехнулся, успокаивает его Флинт и многозначительно добавляет: «Большой парень, который там наверху в небе, находится на нашей стороне». Флинт не уточняет, то ли случайно, то ли намеренно, на чьей же это стороне: праведников или порнографов?

Лэрри Флинт встречается с другим, не менее знаменитым «рожденным вторично» грешником. Зовут его Чарльз Коулсон. Да-да, это тот самый Коулсон, которого принято считать злым гением экс-президента Никсона и главной пружиной Уотергейтского дела. Коулсону повезло меньше, чем Флинту. Он «открыл бога», уже находясь за тюремной решеткой. Коулсон несказанно рад, что его полку раскаявшихся грешников прибыло. После встречи вновь обращенных на высшем уровне Коулсон делает заявление для печати, в котором между прочим говорится: «Когда грешник возвращается в лоно Христа, ангелы на небе плачут от счастья. И сегодня я тоже плачу вместе с ними от счастья. Испытав на себе издевательства и насмешки, скептицизм и цинизм, я верю: ни один человек не сделает признаний, которые сделал Флинт, если он не верит в них искренне. Я думаю, что спасение Флинта — дело рук самого господа бога, и еще многие флинты мира сего испытают подобные превращения». И вся христиански лицемерная Америка, читая эти слова в газетах, слушая их по радио и телевидению, умиляется и, умилившись всласть, присоединяется к рыдающим в небе от счастья ангелам, к уголовному преступнику и одному из главных затейщиков Уотергейта, к оптовому торговцу непристойностями, некоронованному королю порнографов Америки. Да, вот это тайная вечеря! И вряд ли кто-либо из мастеров Возрождения, будь то раннего или позднего, смог бы воссоздать ее на своих полотнах.

Лэрри Флинт становится вегетарианцем. Затем начинает питаться одними плодами. И постится, постится, постится. Дни поста он проводит на Багамских островах вместе со своим вновь обретенным другом комическим актером Диком Грегори. Молитвы очищают его душу, клизма — желудок. (После покушения хирурги поведают миру о том, что если бы не посты, диета и клизма, то раны, полученные Флинтом в Лоуренсвиле, могли бы оказаться фатальными. Пули, разорвав внутренности, могли бы вызвать перитонит. Кстати, и об этом тоже было поведено всему миру, последняя трапеза Флинта перед покушением состояла всего из одного стакана грейпфрутового сока. Итак, старая, лишь немного подретушированная мораль: на бога надейся, но и клизмы не забывай.)

Флинт расширяет свою издательскую империю, скупая налево и направо уважаемые провинциальные газеты и журналы, одни в меру либеральные, другие не в меру консервативные. Вскоре их у него набирается до дюжины. Но хотя верующих в бога больше, чем верующих в порнографию, вновь приобретенные журналы приносят только убытки, и их приходится поддерживать за счет греховных доходов «Хастлера».

Неудачи не страшат Флинта. Он приобретает еще три газеты таблоидного формата — в Лос-Анджелесе, Атланте и родном городе своей душеспасительницы Плеинсе. Последняя носит название «Плеинс Джорджия монитор». На центральном развороте первого номера этой газеты Флинт помещает символический рисунок, в центре которого госпожа Лириан Картер — мать госпожи Рут Стэйплтон. Она в белом одеянии, с младенцем на руках. Над ней парит Иисус Христос, а над Христом — Махатма Ганди. Рисунок из доселе никому не известной «Плеинс Джорджия монитор» воспроизводят журнал «Ньюсуик» и другие ведущие органы печати. Одни хвалят благочестие Флинта. Но кое-кто начинает кряхтеть: мол, слишком уж много паточки. Стэйплтон вступает за своего крестного. «Будьте терпимы к нему, ведь он еще суший ребенок», — говорит она. Разворот в «Плеинс Джорджия монитор», видимо, пришелся ей по душе.

Лэрри Флинт посещает Лос-Анджелес. Он едет на фотостудию в Калвер-сити, где стряпают порнографические иллюстрации для «Хастлера», сделавшие его мультимиллионером. Возмущенный грязью и мразью фотостудии в Калвер-

сити, Флинт предлагает Алтее «бросить все и уехать на вечное жительство в Акапулько». Алтея с трудом отговаривает мужа от «ухода». (Софья Андреевна оказалась менее удачливой.) Лимузин с Лэрри и Алтеей скользит мимо магазина спортивных товаров, расположенного по соседству с греховной студией. У Флинта возникает новая идея. «Давай купим этот магазин, поселимся в нем и станем торговать теннисными туфлями»,— говорит он Алтее. Но Алтея и здесь неумолима. Не для того эта бывшая золушка подцепила порнографического принца, чтобы променять золотые туфельки на матерчатые теннисные!

Лэрри Флинта распирает от филантропических потуг. Он помещает стоящее десятки тысяч долларов рекламное объявление на целую полосу в «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и еще в двадцати крупнейших газетах страны. В объявлении говорится, что Флинт начинает поход за вечный мир, за искоренение голода и за излечение от рака сенатора Губерта Хэмфри. (Последний был еще жив тогда, но дни его были уже сочтены.)

Лэрри Флинт заключает пакт с «Христианскими патриотами» — ультраправой группировкой, помешанной на конспиративной деятельности. «Патриоты» против мира и разрядки, судьба миллионов голодающих в Азии, Африке и Латинской Америке их мало трогает, но зато они «знают» секрет раннего обнаружения рака с помощью элементарного химического анализа слюны и мочи, а главное, «знают» секрет врачевания этой ужасной болезни. Лишь темный заговор правительства и медицинского истеблишмента, в ряды которых проникли «красные», не позволяет «Христианским патриотам» избавить человечество от ракового недуга и поставить на ноги Губерта Хэмфри.

Лэрри Флинт становится во главе мировой цивилизации. Находясь в Индианаполисе, он провозглашает: «Моисей освободил иудеев, Авраам Линкольн — рабов, а я освобожу всех, кто охвачен страхами и неврозами». Типичный случай мании величия. Но в современной Америке столько людей страдают иной манией — преследования, что к Флинту начинают прислушиваться, Флинту начинают верить. А что, если?.. Ведь и безнадежно больные раком стучатся от отчаяния к «Христианским патриотам». Отчаяние и невежество всегда ходят в обнимку.

Конечно, не все идет у Флинта гладко. Бывают и срывы. Так, устроенная им встреча между Рут Стэйплтон и Элом

Голдстином закончилась вничью. «Я как был закоренелым грешником и развратником, так им и остался», — заявил не без некоторого кокетства Эл Голдстин представителям печати, кстати, не спортивным обозревателям, а политическим.

Но еще больший конфуз приключился на съезде Национальной ассоциации религиозного радиовещания, который проходил в вашигтонском отеле «Хилтон». Флинт с превеликой помпой прибыл в столицу, чтобы принять участие в работе съезда и выступить перед его делегатами на тему «Секс и насилие в печати и телевидении». Номер в «Хилтоне» Флинту дали, а вот трибуну нет. Более того, исполнительный секретарь ассоциации Бен Армстронг заявил, что Флинта вообще никто не приглашал на съезд. Но Лэрри не растерялся и устроил пресс-конференцию в гостиничном холле. Мне довелось быть на ней. Лэрри был великолепен. Лэрри метал громы и молнии. Лэрри клеймил лицемеров.

— Я знаю, почему ассоциация взяла назад свое приглашение, — говорил Флинт, глядясь в линзы телевизионных камер. — Некоторым ее высокопоставленным членам пришлось не по вкусу мое замечание о том, что я предпочитаю по воскресным утрам дома терпимости церквам, ибо первые осуществляют расовую интеграцию более решительно...

Переждав, пока смолкнет одобрителный смех и улягутся поощрительные аплодисменты, Флинт продолжал:

— У меня создалось впечатление, что организаторы съезда испугались, как бы я не отхватил у них кусочек пирога. Напрасные страхи. Я хоть и являюсь вторично рожденным христианином, но мой бизнес — бизнес, а не религия. Так что отцы религиозного радиовещания могут не беспокоиться... Я же на них не в обиде за то, что они захлопнули дверь съезда перед моим носом. Обретя бога, я обрел и внутренний покой. Это не рекламный трюк. Видите ли, я пал настолько низко, что падать дальше было просто невозможно. Оставался единственный путь — наверх, к богу. И я его проделал. И если я по-прежнему сутенер, то исключительно сутенер бога на земле.

Умри, Флинт, лучше не скажешь!

Далее «сутенер бога на земле» вкратце коснулся политических вопросов.

— Если бы у находящегося в Белом доме брата моей доброй феи была бы хоть толика ее благодати, то все проблемы, стоящие сейчас перед Вашингтоном, были бы незамедлительно решены.

Воспоминания о доброй фее вызвали слезы на глазах Флинта.

— Не пишите о ней ничего плохого. А уж если вам будет невтерпех, пишите обо мне. Я как-нибудь управлюсь...

Тут рыдания окончательно задушили преображенного рыцаря-сутенера, голос его дрогнул и сел. Пресс-конференция была прекращена...

Но хронометраж жития Лэрри Клэкстона Флинта продолжался. Газеты, журналы, телевидение, казалось, вели один непрекращающийся рассказ или, вернее, многосерийную передачу, состряпанную по избитым голливудским рецептам, главные ингредиенты которых секс, религия и насилие. (Последнее материализовалось позже — в небольшом, всего семь тысяч жителей, городке Лоуренсвилль, штат Джорджия.) Евангелие от «Нью-Йорк таймс» сшивалось с евангелием от «Пипл», евангелие от «Уолл-стрит джорнэл» переплеталось с евангелием от «Нэшнл инкуайер», вырастая и распухая в библию, в ветхий и новый завет американского образа жизни.

Хронометраж жития Лэрри Клэкстона Флинта врывался какими-то нервическими, гротескными позывными, как соло шутов в трагедиях Шекспира, в сообщениях о забастовке угольщиков, о демонстрациях протеста против нейтронной бомбы, о падении доллара на международных денежных рынках, о разоблачениях грязной политики плаща и кинжала, проводимой ЦРУ и ФБР, о росте цен и падении жизненного уровня, о росте преступности и падении нравов, о Корейгейте, Голливудгейте и прочих скандалах, которым Уотергейт подарил концовку, но которым не видно конца, о попрании гражданских прав и человеческого достоинства, о бурях социальных и климатических, о «крылатых ракетах» и бескрылой внешней политике, о подводных «Трайдентах» и поднебесном «Шаттле», об опасных генетических экспериментах и безопасных социальных реформах, о визитах Садата и Бегина, о сенатских бдениях по Панамскому каналу, о налогах простых американцев и наложниках американцев знаменитых и о еще многом, многом другом, к чему на первый взгляд житие Лэрри Клэкстона Флинта не имело ровно никакого отношения и тем не менее с чем оно органически сопрягалось, наперекор здравому смыслу, повинаясь смыслу высшему, как несколько позже впились в его брюшину свинцовые инородные тела. Впрочем, так ли уж инородные? Свинцовые точки и многоточия щедро рассыпаны по библии, американизма, и они выглядят в ней не менее естественно, чем

бубенчики на колпаках шутов из шекспировских трагедий, чем водоросли на теле Офелии, далеко не инородном в притче о принце датском...

Все с понятным любопытством и нетерпением ожидали выхода в свет очередного номера журнала «Хастлер», со страниц которого вместо порнографических помоев должен был заструиться религиозный елей. И вот долгожданный номер появился на прилавках газетных киосков. Публика стала расхватывать его, словно чудо-пилюли от рака. Но каково же было ее разочарование,—впрочем, многие при этом облегченно вздохнули,—когда перед ее глазами предстал старый, хорошо знакомый «Хастлер» с нагими женскими телами (отнюдь не инородными), развешанными, как мясные туши, на его страницах.

Спеша рассеять подозрение одних и недоумение других, Флинт сообщил, что виной тому недостаточно поворотливая техника печатания. Мол, каждый номер запускается в производство за три-четыре месяца вперед, а посему график выхода «Хастлера» не смог угнаться за графиком обращения своего издателя. Естественно, возникли ножницы, которые и настригли старое порнографическое содержание. Видимо, так будет продолжаться еще некоторое время, пока оба графика не сольются, наконец, воедино. В ходе пресс-конференции, на которой Флинт давал объяснения по этому поводу, я не удержался и бросил реплику:

— По-видимому, нынешний «Хастлер» можно сравнить со звездой, которая уже погасла, но свет от которой все еще продолжает струиться на нашу планету?

Флинту это сравнение очень понравилось, и он полностью с ним согласился. Я тщетно пытался отыскать на его лице следы иронии и до сих пор не могу ответить на вопрос: был ли он серьезен или виртуозно владел чувством юмора?

Но вернемся к погасшему «Хастлеру». Черепашьи темпы типографской техники были лишь отговоркой. Главной причиной его порнографической косности, сопротивлявшейся религиозным метаморфозам, был бизнес, а его главной жрицей — Алтея, супруга «вторично рожденного».

Вот тут-то и настало самое время выполнить обещание, данное нами читателю, и поговорить особо об Алтее. Она этого, поверьте, вполне заслуживает.

Родилась Алтея в Колумбусе, штат Огайо, в семье инспектора местного автомобильного завода «Дженерал моторс».

Мать Алтеи работала медицинской сестрой в госпитале для умалишенных. Приходилось ей приглядывать и за своим мужем, который был несколько не в себе с тех пор, как вернулся со второй мировой войны. (Он служил в артиллерии.) Родители Алтеи поженились, когда ее матери было всего пятнадцать лет. Отец отличался патологической ревностью: не позволял матери иметь друзей, читать книги и журналы, ходить в гости.

Когда Алтее исполнилось восемь лет — она была младшим ребенком в семье, — отец застрелил мать, тестя и знакомого матери, а затем покончил жизнь самоубийством. В момент этой кровавой драмы Алтея, ее брат и сестра находились в школе.

— До сих пор помню, как в нашу классную комнату вошел директор. Лицо его было мертвецки белым, глаза красными от слез, — рассказывает Алтея. — Директор вызвал меня в коридор. Я собрала свои вещи и покинула классную комнату, охваченная предчувствием, что больше никогда не вернусь в школу. В коридоре нас уже ожидали брат и сестра. Директор поведал нам ужасную новость. Сестра расплакалась. За ней я. Брат не плакал. Он у нас вообще никогда не плачет...

Так, с восьми лет оставшись круглой сиротой, Алтея начала скитаться сначала по родственникам, затем по домам для беспризорных. Жизнь ее надломилась. В семье она была фавориткой. Ей с рождения пророчили особое будущее, даже имя дали особое, греческое — «Алтея», что в переводе означало «исцелительница». А в сиротских домах всех стригли под одну гребенку и в прямом, и в переносном смысле. Одинаковая одежда, одинаковая пища, одинаковое обращение.

— Они отобрали у меня башмаки и нарядили в длинное уродливое платье до щиколоток. Они запрещали мне быть красивой.

А Алтее очень хотелось быть красивой, красивее всех. Поэтому она то и дело убегала из сиротских домов. Ее ловили и возвращали обратно, возвращали и жестоко наказывали.

— Мамки у нас были коварные и злые, скорые на руку, на расправу. Меня они часто сажали в изолятор. Однажды я провела в нем целых две недели. Это была пустая комната, если не считать матраца, с грязным полом и сырыми стенами. Матрац был полусгнившим, и от него нестерпимо воняло. «Обстановку» изолятора дополняли ночной горшок и рулон туалетной бумаги.

Алтею было всего тринадцать лет, когда ее лишили невинности.

— Это мое единственное светлое воспоминание о годах, проведенных в сиротских домах,—говорит она без тени иронии в голосе.

Алтея познакомилась с Флинтом, будучи семнадцатилетней девушкой. К тому времени она осталась без гроша и без всяких средств к существованию. Десять тысяч долларов, полученные в наследство от родителей, были пущены ею на ветер в течение нескольких месяцев после выхода из сиротского дома. Она «экспериментировала» с героином и другими наркотиками, покупала себе золотые туфли и экстравагантные парики, чтобы выглядеть по моде «Вампиреллой», а стоили эти забавы совсем недешево. Старшей сестре удалось пристроить Алтею танцовщицей в один из «гоу-гоу баров», принадлежавших Флинту. Там-то и скрестились их пути.

— При первой же встрече с Лэрри, с первого же взгляда я поняла, что мы одного поля ягоды. Он стал моим отцом, мужем, любовником, другом, деловым партнером, короче, всем на свете.

Но если Лэрри и Алтея и стали Ромео и Джульеттой, то стали они ими на свой манер — порнографическими Ромео и Джульеттой. Рассказы об их взаимных изменах, оргиях и будуарных похождениях наводняли бульварную печать и колонки светской хроники печати «серьезной». Исповедуя «свободную любовь» как форму «свободного предпринимательства» и «честной конкуренции», Алтея устраивала «постельные состязания», бросая вызов тем танцовщицам «гоу-гоу баров» и тем фотомоделям «Хастлера», к которым, как она подозревала, ее муженек испытывал слабость. И непременно выходила победительницей....

Кроме женских чар, Алтея обладала несомненной деловой хваткой. Она непосредственно взялась за редактуру «Хастлера», приумножив по волшебному мановению руки его дешевую популярность и далеко не дешевые доходы. Это ей принадлежала наделавшая много шума «журналистская новация» — фоторепортаж о кастрации, опубликованный два года назад в «Хастлере». Даже издавшие виды протогонисты насилия и секса дрогнули, решив, что «это уж слишком». Редакционную почту «Хастлера» засыпали письма протеста и возмущения. Но Алтея и глазом не моргнула, бровью не повела. «Раз они говорят о нас — неважно что,—значит,

они интересуются нами. А это главное», — изрекла верховная жрица порнографии. И была она, черт ее подери, абсолютно права! Бухгалтерия «Хастлера» подкрепляла его порнографию и наоборот. Восхищенный супруг и издатель назначил совсем еще юную Алтею своей заместительницей и положил ей щедрое жалованье — 100 тысяч долларов в год. (Для сравнения скажу, что годовое жалованье главного редактора «Нью-Йорк таймс» Розенталя составляет 125 тысяч долларов.)

Помимо «Хастлера», Алтея взяла в свои тщательно выхоленные и филигранно наманикюренные руки и другие деловые предприятия империи Флинта. И тоже успешно. Она основала весьма процветающую компанию «Лежа тайм продактс» («Предметы свободного времени»), занимающуюся торговлей по почте всевозможными порнографическими аксессуарами. Внесла Алтея свой вклад и в искусство моделирования нагишом на разворотах «Хастлера», разумеется, за умопомрачительные гонорары. Вскоре о ней стали говорить — с веским на то основанием — как об одной из самых богатых женщин Америки.

— Говорят, что в нашей стране порнография эксплуатирует женщин. Ко мне это не относится. В моем случае все происходит наоборот, — философствует Алтея...

Теперь вам понятно, почему Алтее не улыбалась роль кающейся порнографической Магдалины, которую ей хотели отвести в трагикомедии «вторичного рождения» Лэрри Флинта с помощью чудотворной проповедницы и исцелительницы Рут Стэйплтон?

Сначала Лэрри пытался предпринять робкие попытки обратить свою неукротимую подругу жизни в христианскую веру и посадить ее на строгие вегетарианские посты. Но не тут-то было. Коса вновь нашла на камень. Алтее храм божий внушал такое же отвращение, как и сиротский дом. К тому же, на нервной почве она стала приналегать на еду и заметно пополнела, потеряв когда-то изящные формы «Вампиреллы» — юной танцовщицы из «гоу-гоу баров» Колумбуса.

Но трезвый расчет и деловая хватка остались при Алтее. Пока Лэрри располагался по правую руку от бога, Алтея располагалась по правую руку от Лэрри. Пока Лэрри обсуждал теологические тонкости с сестрой президента, Алтея обсуждала порнографическую злобу дня с редколлегией «Хастлера». А было это не из легких занятий. Религиозные

метаморфозы босса не на шутку всполошили подданных его империи. Я уже упоминал о его проекте превратить героя комиксов Честера Молестера (Честера-приставалу) в Честера Протектора (Честера-покровителя). Когда создатель Честера художник Дуэйн Тинсли узнал об этом, он пришел в неистовство. Особенно его задело то, что босс, не посоветовавшись с ним, объявил о предстоящей перемене в судьбе Честера в телевизионном интервью, данном компании Эн-би-си по программе «Тудэй». «Меня выставили на посмешище перед двадцатью миллионами телезрителей! Со мной обошлись не как с художником, а как с вьючным животным!» — бесновался Тинсли. Пришлось вмешаться Алтее, чтобы успокоить задетое самолюбие творческой личности и заверить ее, эту самую личность, что в Америке никому не дано попирать свободу творчества, никому, даже Лэрри Флинту и Рут Стэйплтон.

По меткому и едкому замечанию одного вашингтонского журналиста, если Рут стала буфером между Флинтом и злом, то Алтея взяла на себя роль буфера между Флинтом и добром. Образовался своеобразный равнобедренный треугольник, своеобразный параллелограмм противодействующих сил, уравновешивающих друг друга, «как в жизни». Впрочем, почему «как в жизни». Ведь это и есть самый настоящий, самый реальный, самый первородный в чистом, незамутненном виде американский образ жизни с крестом, перевитым лозой лицемерия, из которой в случае надобности можно делать великолепные розги. Невольно вспоминается кардинал Спэллман, благословлявший во Вьетнаме палачей-агрессоров, или сменивший его на посту главы американских католиков кардинал Кениг, посылающий проклятия на головы бастующих горняков.

В отличие от природы Флинт отнюдь не внимал равнодушно добру и злу, эквилибрируя ими, как веерами, на проволоке жизни. Добро в лице Рут приносило публичность, респектабельность, связи, надежду избежать тюрьмы. Зло в лице Алтеи приносило доходы, удовольствия, власть, надежду избежать сумы.

Флинт оставил за собой пост председателя совета директоров компании «Лэрри Флинт энтерпрайзис», а пост исполнительного президента передал Алтее. Соответственно выросла и ее зарплата. Сейчас она получает полмиллиона долларов в год, став самой высокооплачиваемой женщиной в Америке.

(Для сравнения скажу, что годовое жалование президента Соединенных Штатов в два раза меньше.) Алтея восприняла как должное свое новое положение. Сейчас она не без удовольствия и, как мне кажется, не без известного, хотя и скрытого, злорадства ставит себя в один ряд с самыми знаменитыми женщинами в издательском мире Америки — с владелицей «Вашингтон пост» Катериной Грэм, с бывшей хозяйкой «Нью-Йорк пост» Доротти Шиф, с легендарной Ифигенией Сульцбергер из «Нью-Йорк таймс», с не менее легендарной «мамой Баф» Чэндлер из «Лос-Анджелес таймс» и, наконец, с писательницей и дипломатом Клэр Бут Люс, женой покойного главы издательской империи «Тайм». Намекая на судьбу Катерины Грэм, муж которой сошел с ума и застрелился, Алтея жеманно цедит сквозь зубы, белые, как кость собаки, умершей от голода в пустыне:

— Сейчас я лучше понимаю Кэй, понимаю, через какие муки пришлось ей пройти. Я надеюсь, что буду такой же удачливой, как и она, взяв издательское дело в свои руки. Или возьмем Клэр Бут Люс. Все мы — тесное сообщество сестер, объединенных одинаковой судьбой. Мы не только продолжаем доставшийся нам в наследство бизнес, но делаем его еще более процветающим. Вот подлинники памятники, которые мы ставим нашим мужьям!

Представляю себе, что творится с «тесным сообществом сестер», когда до их утонченного слуха (в случае с Ифигенией — уже на том свете) доходят подобные тирады Алтеи. Представляю себе, как искажаются гримасой презрения лица этих аристократок, этих высших представительниц правящей элиты Америки, перед которыми трепещут президенты и министры (после уотергейтский Никсон вполне серьезно утверждает, что пост президента компании «Вашингтон пост» могущественнее поста президента США), перед которыми заискивают губернаторы и мэры, перед которыми падают ниц писатели и художники и приседают в низких поклонах актрисы и балерины, перед которыми ползают на брюхе добывающиеся переизбрания сенаторы и конгрессмены, когда гуляющая девка из «гоу-гоу баров» Колумбуса, бывшая наркоманка и стриптизница, дитя сиротских домов и нудистских фотостудий, навязывается им в партнерство на равной ноге, навязывается в интимные, душевные подруги, заражая их изысканные будуары, пропитанные ароматом утонченных духов, отталкивающей вонью матраца из приютского

изолятора и притягательным запахом греховного, хотя и по-своему трудового пота от двадцатичетырехчасового вращения бедрами в свете раскаленных юпитеров и спертости оголенных бурлесков.

Но «тесному сообществу сестер» негоже воротить носы. «Тесному сообществу сестер» поделом. Алтея — их дитя, пусть даже незаконнорожденное, но все-таки дитя. Она — ветвь их генеалогического древа, плоть от плоти, кровь от крови, хотя, подобно заурядной дворняге, не может проследить своей родословной дальше ближайшей подворотни. Нет, Алтея не втерлась, не протиснулась, не пробралась в «тесное сообщество сестер», а вошла в него с парадного входа, вошла с высоко поднятой головой, вошла по праву, единственно реальному праву, существующему в Америке, которое не только провозглашается, но и гарантируется. И осуществляется. По праву денег, больших денег, которые в отличие от матраца из приютского изолятора не пахнут. Вознесение Алтеи из грязи в князи, как и вознесение Лэрри из порнографа в святые, — детали одной и той же мозаики, сцены из одной и той же человеческой трагикомедии, которую не смог бы охватить во всей ее масштабности и расхристанности даже Бальзак и имя которой все тот же американский образ жизни...

По иронии судьбы Лэрри впервые познакомился с библией благодаря... Алтее! Когда Флинтты переехали в новый замок «эпохи и стиля» Тюдоров, утопающий в розовых садах, с мраморными ваннами-банями сердцевидной формы, Алтея при всей своей раскрепощенности все-таки пожелала, чтобы «в доме была библия, как у всех». До «обращения» Флинт к библии никогда не прикасался и не читал ни при какой погоде. После «обращения» Лэрри завел карманную библию, с которой он никогда не расстанется, а Алтея стала заглядывать в библию «семейную», чтобы, как она утверждает, «говорить на одном языке с мужем».

— Сейчас я обсуждаю с ним апостола Павла или цитаты из Гenezиса, как когда-то издательские дела.

Но Алтея, не любящая витать в эмпиреях, пытается выжать «практическую пользу» и из библии. Она хочет скрестить «Хастлер» и священное писание и вывести новый гибрид, новый сорт религиозной порнографии, служащей одновременно и богу, и мамоне.

— Мы намереваемся иллюстрировать ближайшие номера «Хастлера» эротическими картинами о грехопадении Адама и Евы в райских кущах,— говорит Алтея.

— Алтея, а не хотели бы вы сами «вторично родиться»?

— Нет уж, покорно благодарю. Когда-то, в минуты отчаяния, я подумывала о монастырской келье, но сейчас, когда Лэрри посвятил себя богу, я вынуждена полностью посвятить себя Лэрри и «Хастлеру». Ведь должен же кто-то присматривать за лавочкой, пока Лэрри беседует с всевышним? И потом, откровенно говоря, в глубине души я верю в старый добрый «Хастлер». Пусть Лэрри верит во вновь обретенного бога, я по-прежнему верю в прибыли.

Чтобы создать идеальные условия для бесед Лэрри с богом, Алтея решила сделать ему (Лэрри) подарок под прошлое рождество—купить райское местечко, достойное «вторично рожденного». Как стервятник из поднебесья, она кружила на вертолете над и впрямь райскими купцами Эвергринна, штат Колорадо, этого отторженного от остального мира Скалистыми горами заповедника для богатых, о котором говорят, что «там люди живут не в домах, а на собственности».

Зоркий взгляд Алтеи остановился на великолепном гнездышке, вкрапленном в самой сердцевине Эвергринна. Она приказала пилоту приземлиться. Внизу ее уже поджидал «кадиллак» с маклером по продаже недвижимости. Гнездышко оказалось великолепным и изнутри, обставленным со вкусом экзотической мексиканской мебелью и американским антиком.

— Я тороплюсь. Моему мужу необходимо уединенное место для чтения,— сказала Алтея владельцу гнездышка.

— Ваш муж, он что, писатель?

— Нет, издатель. Он издает журнал «Хастлер».

— Черт побери!

— Он только что обрел бога, и ему необходимо читать библию, много читать.

— Черт побери, ведь это же великолепно! Моя жена—член общества христианских ученых. Каждую неделю у нее собираются люди для молебней. Мы будем рады такому соседству!

Сделка заключена. Купчая скреплена. За полмиллиона долларов гнездышко становится собственностью Флинта. Теперь он может спокойно, не отвлекаясь злобой дня, беседо-

вать наедине с богом, наслаждаясь видом Скалистых гор штата Колорадо. А подвижнице Алтее не до красот природы, не до бесед со всевышним. Сделав мужу рождественский подарок, она вновь садится в вертолет и летит в Колорадо-спрингс в свой отель, куда уже прибыла из Колумбуса редколлегия «Хастлера», все еще находящаяся в смятении растрепанных чувств. Сам босс отсутствовал по уважительным причинам. Он находился в это время в Айова-сити, штат Айова, на религиозном сборище, проходившем под девизом «Думай позитивно!».

Приходилось пошевеливать позитивно мозговыми извилинами и Алтее.

— Как нам быть с рекламой продукции компании «Лежа тайм»? — интересуется во время делового ланча главный редактор «Хастлера» Брюс Дэвид.

— На первых порах помещайте ее в других наших журналах, — дипломатически отвечает Алтея, затягиваясь сигаретой «Кул» и попивая красное бургундское, единственный вид алкоголя, который она потребляет.

— А с продажей искусственных конечностей по почте? Разве они инструмент божий? — допытывается Брюс Дэвид.

— Лишь все естественное — инструмент божий, — философски уклончиво парирует Алтея, оставляя, однако, вопрос открытым.

Султанша и ее первый визирь переходят к обсуждению внутриредакционной жизни.

— Мне очень неприятно, но я все-таки должен сказать вам об этом, — вкрадчиво начинает Брюс Дэвид. — Некоторые сотрудники запили после того, как их босс «вторично родился», причем они пьют прямо на работе и ведут себя самым непотребным образом.

— Кто они? Сейчас же дайте мне их имена, фамилии, номера телефонов. Я должна немедленно поговорить с ними, устыдить их, заставить их почувствовать свою вину!

— Не торопитесь, Алтея. И не судите их слишком строго. Подумайте только, какая неожиданность свалилась на их голову, какое чувство растерянности и неуверенности в будущем приходится им испытывать! Вполне понятно, что им нужна разрядка.

— Разрядка? Пожалуйста! Но только не в рабочее время и не на рабочем месте. Короче, не за наш счет, — сухо отрезает Алтея, давая понять, что вопрос исчерпан.

За все тридцать лет моей журналистской жизни мне еще ни разу не доводилось присутствовать на подобной редколлегии...

Поручив Алтее копание в прозе жизни, Лэрри занялся самым модным и дорогим времяпрепровождением в современной Америке, самым эксклюзивным хобби, гарантирующим широкую рекламу в печати и маленькую дырочку от пули в теле. (В конце концов Флинт получил и то, и другое.) Называлось это хобби «Кто убил президента Кеннеди?». Флинт объявил вознаграждение в один миллион долларов тому, кто наведет на след заговора против Кеннеди и предоставит соответствующие улики. В том, что президент стал жертвой заговора, Флинт не сомневался ни минуты. Он считал, не будучи, впрочем, оригинальным, что Кеннеди был устранен убийцами, имевшими связи с ЦРУ и ФБР. Флинт издал специальное приложение к своему журналу, выпущенное миллионным тиражом, в котором отстаивал эту версию. Одновременно он создал расследовательскую группу в составе семи человек во главе с известным адвокатом Марком Лейном, автором ряда книг о покушении на президента Кеннеди, и финансировал ее розыски, которые велись по всей стране.

Как и следовало ожидать, увлечение подобным хобби привело к заболеванию манией преследования. (Она уже давно стала родом профессионального недуга среди тех, кто жаждет приоткрыть завесу над далласской трагедией.) Опасаясь покушения на свою жизнь, Флинт завел телохранителей и купил огромного черного пса, существа дьявола, которого, словно нарочно, окрестил «мистером Магнум». «Мистера Магнум» не было рядом с хозяином в тот роковой день в Лоуренсвиле, когда Флинта сразили три пули, выпущенные из «магнума» 44-го калибра, валящего наповал гигантских лосей и оленей. Не было и телохранителей. «Лоуренсвилль — дремучее захолустье. Там тихо и приятно. Охрана будет не нужна», — сказал Лэрри Алтее перед поездкой в суд. Тишина дремучего захолустья оказалась обманчивой...

В самом начале нашего повествования мы оставили Лэрри Клэкстона Флинга в лоуренсвилльском госпитале «Баттон Гвиннет». Через несколько дней, когда состояние раненого несколько улучшилось, его перевезли в Атланту и поместили в госпиталь университета Эмори. Там ему сделали еще одну операцию. Врачи считают, что сейчас жизнь Флинга

вне опасности, но что он, видимо, будет парализован ниже пояса. «Как губернатор Уоллес», — говорит с затаенной гордостью в голосе неунывающей Флинт.

Вместе с раненым из «Баттон Гвиннета», Лоуренсвилль, в Эмори, Атланта, перекочевал и весь его антураж — телохранители, приживалы, шуты, адвокаты, репортеры газет и телевидения. По-прежнему у изголовья Флинта идет ожесточенная борьба за его чуть было не отлетевшую душу между силами света и тьмы, между ангелами на коне и ангелами падшими. Первых возглавляет все та же евангелическая проповедница и «волшебная исцелительница» Рут Стэйплтон, вторых — Алтея.

Если госпиталь «Баттон Гвиннет» напоминал цирк, то госпиталь Эмори больше смахивает на выездную редакцию журнала «Хастлер». Бывший корреспондент «Ньюсуика» Эндрю Джаффе, которого Флинт переманил, чтобы поручить ему ведение дел во вновь приобретенных газетах, выполняет роль пресс-секретаря при раненом боссе, держит связь с печатью, делает заявления, дает пресс-конференции. Телеграммы с «искренними соболезнованиями» поступают со всех концов Америки — от религиозных организаций и порнографических издательств, от губернаторов и сутенеров, от политических деятелей и проституток. Госпожа Рут Стэйплтон сообщила, что ее брат — президент Соединенных Штатов горячо молится за Флинта.

Прибыл в Атланту и адвокат Марк Лейн. На очередной пресс-конференции, устроенной Эндрю Джаффе, он заявил:

— Покушение на Лэрри Флинта имеет идентичный модус операнди с покушениями на президента Кеннеди и доктора Мартина Лютера Kinga. Об этом говорит весь мой 14-летний опыт расследования политических убийств.

Лейн отмел, как не выдерживающую никакой критики, версию печати о том, что во Флинта стрелял религиозный фанатик, возмущенный нахальным вторжением порнографа в божественные сферы. Намекая на ЦРУ и ФБР, Лейн сказал:

— Имеют место умышленные попытки помешать расследованию, которое я веду вот уже в течение месяца по поручению Флинта. Правительство хочет заткнуть нам рот, потому что мы хотим доказать: Ли Харви Освальд действовал не один.

Когда присутствовавшие на пресс-конференции репортеры высказали сомнение по поводу подобных мотивов покушения на Флинта, Лейн категорически отпарировал:

— Органы массовой информации всегда не правы. Подумайте сами, в течение всего каких-то двенадцати секунд неизвестные успели произвести несколько выстрелов, покинуть здание, сесть в автомобиль и исчезнуть. Так хорошо и профессионально спланированная операция не похожа на баловство любителей из Лоуренсвиля.

Покушавшиеся, считают, что их было двое — мужчина и женщина, до сих пор не схвачены. Несколько человек, задержанных полицией по подозрению, были отпущены после того, как доказали свое алиби. Тем не менее следственные органы утверждают, что они располагают «солидными уликами» и настойчиво идут по следам преступления. Не менее настойчиво идет по следам полиции Марк Лейн, начавший свое собственное расследование дела о покушении на Лэрри Флинта.

Сам издатель «Хастлера» допускает обе версии покушения: и со стороны властей, чтобы смешать пробитые пулями далласские карты, и со стороны религиозных фанатиков, ненавидящих его порнографическую деятельность, окруженную с некоторых пор нимбом святости. Обе версии его устраивают, облагораживают, возвеличивают.

— Если покушение, совершенное на меня, привлечет достаточное внимание к проблеме непристойности, быть может, мы будем иметь, наконец, свободную печать в нашей стране, — провозглашает Флинт с больничной койки, намекая на то, что он подвергается судебному преследованию, ибо пытается осуществлять свое конституционное право на свободу слова и печати. — Меня больше всего печалило, что народ Америки не верил, когда я говорил о своей готовности умереть за принципы, на которых зиждется наша страна. Надеюсь, сейчас он мне верит. Если Америка проснется от апатии, мы сможем разрешить многие наши социальные проблемы и укротить насилие, царящее в этом мире. Если моя жертва будет способствовать этому, то, значит, я страдаю не зря...

Тут вмешивается Алтея и просит его побережь проповеднический запал до более подходящих времен, а заодно побережь и силы.

— Воды! — шепчет Флинт потрескавшимися губами.

Дежурный врач говорит, что больному пить воду запрещено и предлагает взамен лекарство.

— А оно содержит сахар? — спрашивает Флинт.

— Да, но это вам полезно, — отвечает врач.

— Он у меня абсолютный вегетарианец. Он не потребляет даже сахар,— объясняет Алтея.

Флинт утвердительно кивает головой, а врач, улыбаясь терпеливой иронической улыбкой, указывает на сосуд с глюкозой, подвешенный над кроватью больного и подсоединенный тоненькой резиновой трубочкой к его венам.

Символическая картина!

Лэрри просит Алтею посидеть у его изголовья, пока он спит.

— А то еще, чего доброго, перестану во сне дышать, и никто этого не заметит...

Алтея, как «мистер Магнум», верно несет караул у постели отходящего ко сну повелителя.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. И пошло. Трагикомическая судьба Лэрри Клэкстона Флинта продолжает висеть на волоске. Но он жив, он есть, ибо, перефразируя Вольтера, можно сказать: если бы не было Флинта в современной Америке, его пришлось бы выдумать. Он капля, в которой отражается океан. Вернее, страна, раскинувшаяся между Атлантическим океаном и Тихим и стиснутая между библией и «Хастлером».

Вашингтон.

Март 1978 года.

ВСЕПРОЩЕНИЕ В БЭРКЕ

— Вам заправиться?

— Нет, спасибо.

— Подкачать шины?

— Нет, нет. Я просто хочу узнать, как проехать к торговому центру Бэрка.

— К торговому центру Бэрка? — переспрашивает молодой паренек в форменном комбинезоне на бензоколонке «Экксон». — Не знаю, сэр. Я здесь новичок, сэр. Спросите у леди в конторе. Она из местных.

Я нехотя вылезая из автомобиля и иду в контору. Леди за телефонным пультом тоже не знает, где находится торговый центр Бэрка.

— Тогда, быть может, вы мне укажете ресторан, который содержит бывший южновьетнамский генерал?

— Вы, столичные, словно с ума посходили. Ищете здесь какого-то южновьетнамского генерала. Нет у нас таких. Никогда не слыхала.—Леди за пультом явно раздражена.

Видимо, я не первый, кто пристаёт к ней с подобными вопросами.

— Весьма странно,—говорю я и лезу в карман за вырезкой из «Вашингтон пост», которая удостоверяет, что в торговом центре Бэрка, небольшого городка в штате Вирджиния в нескольких милях от Вашингтона, находится ресторан «Ле трау континентс», принадлежащий бывшему южновьетнамскому бригадному генералу и шефу сайгонской полиции Нгуен Нгок Лоану.

— Ах, вы о «Ле трау континентс»!—воскликает леди, дрогнув под тяжестью неопровержимых улик.—Так бы и сказали. Поезжайте от бензоколонки прямо до здания школы. Затем поверните налево и еще раз налево на улицу Олд Кини милл-роуд. Следуйте по ней, не обращая внимания на дорожные работы. Она приведет вас прямо к Роллинг Вэлли-молл. Это и есть торговый центр Бэрка. «Ле трау континентс» как раз посреди торговых рядов.

Я благодарю леди за пультом, столь благополучно преодолевшую внезапный приступ выпадения памяти, сажусь в автомобиль и еду по указанному ею маршруту, минуя школу, дважды сворачиваю налево, пытаюсь не обращать внимания на дорожные работы и в награду попадаю на Роллинг Вэлли-молл. Торговый центр Бэрка блещет отсутствием посетителей. На гигантской автомобильной стоянке, размеры которой мало чем уступают всей городской территории, десятка два машин, не более. Кругом абсолютная тишина. Кажется, слышно, как опадают с деревьев багряные листья, устлая шуршащим под ногами ковром цвета меди бетон автостоянки.

«Ле трау континентс» нахожу сразу. Его внешний вид весьма сомнительно сопрягается с пышной вывеской и названием—«Три континента». Это дешёвый кафетерий-закусочная. Реклама соблазняет «вьетнамскими и европейскими блюдами». Сие для экзотики, равно как и стилизованные жалюзи на окнах и крыша в форме пагоды над баром. Для бизнеса обычная пицца и сэндвичи. Столики без скатертей и черные клеенчатые скамейки, узкие и неудобные, как в современных вагонах-ресторанах. Кругом неопрятно, если не грязно. Музыкальный автомат стыдливо маскирует вход

в туалет. На стеклянных, захватанных нечистыми руками полках бара всего несколько бутылок — пустых или полупустых. Столики в ресторане тоже пустые или полупустые. На самом видном месте огнетушитель. С потолка свисают черные чугунные фонарики. Они тоже для экзотики, не для света.

На входной двери всплески информационного взрыва: ресторан открыт с одиннадцати утра до десяти вечера ежедневно, кроме воскресений; имеются «семейные обеды»; запрещается сорить, приводить животных и ставить велосипеды; посетители обязаны быть в ботинках и рубашках. Последнее предупреждение относится, видимо, к вымирающему племени хиппи и размножающемуся племени бегунов. Задняя стенка бара оклеена всевозможными сертификатами-лицензиями: на право владения рестораном, на право аренды помещения, на право торговли спиртными напитками. Много, очень много прав у владельца «Ле трау континентс». Между лицензиями цветная литография какого-то средневекового вьетнамского короля. Литография, как и грамоты о правах, засижена мухами. От нее веет уже не экзотикой, а нечистоплотностью...

Приехал я в Бэрк не для «семейного обеда», хотя со мною были жена и сын. «Ле трау континентс» не славится своей кухней. Вы не найдете упоминаний о нем в гастрономических колонках газет и журналов, в рецензиях кулинаров-экспертов, в телевизионной рекламе. Но вот в последнее время громкое название ресторана и труднопроизносимое имя его владельца замелькали в политических разделах прессы и в выпусках телевизионных новостей. Почему?

Это произошло в 1968 году. Марионеточный режим Тхиеу при помощи американских оккупантов с огромным усилием сдержал очередное весеннее наступление — «тет» — южно-вьетнамских патриотов, которое захватило весь Сайгон и докатилось вплоть до ограды посольства США, превращенного в гибрид бункера и дота. Отбив наступление и отдышавшись под сенью штыков «джи-ай», марионетки устроили кровавое побоище, резню-мщенье. Репрессиями палачей руководил бригадный генерал, начальник полиции Нгуен Нгок Лоан. Руководил он не из тиши кабинета, а на улицах истерзанного Сайгона, самолично, без комедии суда и следствия, расстреливая «подозрительных». Один из «подвигов» южновьетнамского палача был запечатлен «для потомства» фоторепортером агентства Ассошиэйтед Пресс Эдди Адамсом. Этот снимок — Адамс получил за него Пулитцеровскую

премию — облетел всю мировую печать. Был он опубликован и в советских газетах. На снимке был изображен Нгуен Нгок Лоан с пистолетом в руке, приставленным к виску пленного вьетконговца со скрученными за спину руками. Еще мгновение, курок будет спущен, и жизнь молодого паренька оборвется.

Так оно и произошло. Мне довелось видеть телевизионный сюжет, снятый операторами Эн-би-си, одновременно с фотографией Адамса. Он еще ужаснее, чем фото. И не только потому, что мы видим начало и конец казни, видим ее в движении, в развитии. Цотрясает ее будничность, обыденность, словно речь идет не об убийстве человека, словно кто-то просто потушил подошвой военного ботинка тлеющий окурок сигареты. Телевизионный сюжет, длящийся всего несколько мгновений, выглядит следующим образом: генерал Нгуен Нгок Лоан разговаривает с кем-то на улице развороченного Сайгона. Затем неожиданно подходит к пленному, вскидывает револьвер и спускает курок. Пленный, обливаясь кровью, падает замертво на мостовую, а палач как ни в чем не бывало возвращается к прерванному разговору, даже не повернув головы в сторону своей жертвы, уже бездыханно лежащей в луже крови.

Всего несколько жутких мгновений... Я пережил их дважды — в 1968 году и сейчас, десять лет спустя. И оба раза их показывали в последних известиях. Для 1968 года это было вполне понятно. Но как и почему сюжет десятилетней давности затесался в программу новостей сейчас? В порядке ретроспекции, в ознаменование «круглой даты» или, быть может, в качестве назидания и напоминания? Нет, это было связано со злобой дня.

Американская иммиграционная служба, которая в 1975 году благосклонно открыла ворота «земли обетованной» перед южновьетнамским палачом и даже предоставила ему право на постоянное проживание в Соединенных Штатах, неожиданно возбудила дело о лишении Нгуен Нгок Лоана этого права и о его возможной депортации на основе того, что им была совершена «моральная подлость». Южновьетнамским палачом, ставшим американским ресторатором, было совершено хладнокровное убийство безоружного человека; моральную подлость совершили те, кто приотлил карателя, кто оградил его от справедливого возмездия.

«Прозрение» иммиграционных властей, затянувшееся на несколько лет, было вынужденным. Дело в том, что под

давлением общественности несколько конгрессменов подняли вопрос о правомерности пребывания Лоана в Штатах. Сначала иммиграционные власти сделали вид, что им ничего не известно о Нгуен Нгок Лоане. Так, на соответствующий запрос члена палаты представителей Элизабет Хольцман иммиграционная служба ответила, что она «не может установить местонахождение Лоана». В 1976 году газетные репортеры «нашли» палача-невидимку. Слово «нашли» я взял в кавычки потому, что это особого труда не представляло. Лоан и не думал скрываться, он не изменил ни внешности, ни фамилии. Пустив в оборот награбленное и похищенное добро, Лоан обосновался в графстве Фэрфэкс, штат Вирджиния, и открыл ресторан «Ле трау континентс» в городке Бэрк. (От Капитолия, где находится конгресс США, до Бэрка, где «скрывался» Лоан, максимум сорок минут езды на машине даже в часы «пик».)

После того, как местонахождение преступника было установлено, иммиграционная служба отошла, так сказать, на вторую, глубоко эшелонированную линию обороны. На очередной запрос другого конгрессмена — Гарольда Сойера — она ответила, что пребывание Лоана в Штатах вполне правомерно, поскольку, согласно законодательству, существовавшему в Южном Вьетнаме при режиме Тхиеу, он не совершил никаких преступлений. Вряд ли подобный ответ был результатом исключительно «юридического кретинизма». Ведь если следовать подобной логике, то все гитлеровские военные преступники должны были быть оправданы, поскольку они действовали — пытали и убивали — на основе законов третьего рейха.

Дальше произошло событие, которое «поборники справедливости» на Капитолии ставят себе в заслугу, но которое, по-моему, вопиет своим лицемерием, своей абсурдностью. Конгрессмен Сойер официально поручил библиотеке конгресса США «изучить вопрос», нарушил ли Лоан законодательство марионеточного режима Тхиеу, застрелив безоружного пленного? Почему мистер Сойер не обратился к правительству Демократической Республики Вьетнам? Почему он не адресовал свой запрос в Сайгон, где проживают оставшиеся в живых жертвы Лоана и многочисленные свидетели его преступлений? На одно убийство, совершенное им перед фото- и телевизионными камерами, приходится десятки не зарегистрированных в прессе и на экране и сотни, если не тысячи, совершенных по приказу шефа сайгонской полиции.

Почему, наконец, запрос конгрессмена не дошел до международного суда? Впрочем, не будем множить эти в общем-то по сути риторические «почему».

Библиотека конгресса, «изучив вопрос», составила и представила доклад, согласно которому Нгуен Нгок Лоан является преступником, поскольку южновьетнамское законодательство, действовавшее в 1968 году, запрещало массовые казни без суда и следствия. Теперь вам понятно, почему я говорю об абсурдности и лицемерии? Подобное «соломоново решение» не имеет ничего общего с истиной и справедливостью. Жертвуя пешкой — Лоаном, его авторы реабилитируют задним числом и марионеточный режим Тхиеу, и американских агрессоров, на штыках которых он держался. Именно массовые казни без суда и следствия были единственным законом в Южном Вьетнаме. Для установления этого очевидного и неоспоримого факта нет необходимости рыться в хранилищах библиотеки конгресса США. Для этого, достойные джентльмены, достаточно взглянуть на разрытые могилы массового захоронения казненных, достаточно покопаться если не в совести, то хотя бы в памяти о не столь уж отдаленных годах.

Выше я упомянул о «жертве пешки». Жертва эта чисто теоретическая. Лоану практически ничего не грозит — ни депортация, ни тем более справедливое возмездие. Под тяжестью библиотечного фолианта иммиграционная служба признала, что совершила некоторую промашку. «Он просто проскользнул сквозь нашу бюрократическую систему», — говорит с невинным выражением лица представитель иммиграционных властей Сайлас Джервис. Проскользнул? Ой ли? Ведь Нгуен Нгок Лоан пересек границу США не тайком, не в кузове автомобиля, не закатанный в персидский ковер. Он пересек ее на белом коне, и перед ним был развернут почетный ковер красного, как кровь, цвета...

Прошлым летом информационная служба, подштопав для видимости свою бюрократическую систему, официально уведомила Лоана, что она «намерена предпринять шаги для лишения его статуса постоянно проживающего в Соединенных Штатах Америки». Времени с тех пор утекло предостаточно, но слушание дела Лоана еще даже не обозначено. Однако сам палач-ресторатор уже перешел от обороны к наступлению. Он нанял вашингтонского адвоката — некоего Роберта Аккермана, — который, прежде чем надеть на себя

адвокатскую мантию, щеголял в зеленом берете, служил в морской пехоте и, таким образом, имеет значительный опыт в защите палачей-марионеток. Мистер Аккерман в отличие от конгрессмена Сойера не загружает работой библиотечных крыс и архивариусов. И впрямь, зачем ему крысы, если можно взять за рога самого быка? Мистер Аккерман так и поступает. «Мой подзащитный,— говорит он,— действовал в поддержку американских интересов. Он действовал по закону о чрезвычайном положении, согласно приказам вышестоящих инстанций— южновьетнамских властей и американско-го командования. Чего же вы от него хотите?»

И то правда, чего же! А, собственно, ничего. Как заявил на днях официальный представитель иммиграционной службы США, «даже если мы и выиграем дело, это необязательно приведет к депортации Лоана». Оказывается, трудно подыскать страну, которая согласилась бы принять палача с распростертыми объятиями. Что же касается Вьетнама, то, поскольку Лоану там грозит «политическое преследование», посылать его обратно, на место содеянных им преступлений, было бы «негуманно». Что же остается? По-видимому, говорит тот же официальный представитель иммиграционной службы, Лоану будет разрешено остаться в Соединенных Штатах, но уже не в качестве постоянно проживающего, а лишь в качестве «лица, не имеющего гражданства»!

Правосудие еще не свершилось, а издевательство над правосудием уже происходит. Адвокат в «зеленом берете» призывает на помощь палачу других палачей в качестве свидетелей. Среди них бывший южновьетнамский вице-президент «маршал авиации» Нгуен Као Ки. «Мы возмущены преследованием Лоана,— говорит он.— Все, что было сделано Лоаном, было сделано во имя его родины и союзников». Ки, проживающий в Лос-Анджелесе, где он содержит винную лавку, не опасается американской Фемиды. Органы юстиции уже проверили его дело и сочли маршала «чистым». И вот южновьетнамский Геринг протягивает руку южновьетнамскому Гиммлеру, протягивает через всю Америку— от ее тихоокеанского побережья до атлантического, от винного погреба в Лос-Анджелесе до кафетерия в Бэрке. А официальная Америка, пораженная недугом вывернутой наизнанку «защиты прав человека», берет под свое высокое покровительство низость и того, и другого.

А неофициальная? Поездку в Бэрк я совершил не для того, чтобы поглазеть на палача, который стоит за баром

вместо того, чтобы сидеть на скамье подсудимых. Мне хотелось узнать из первых рук, что думают о Лоане те американцы, которые ходят в его кафетерий, живут и работают рядом с ним.

...Было что-то около двух часов дня, когда мы вошли в «Ле трау континентс» и заняли самый крайний столик у входа. Кроме нас, в кафетерии сидели пожилая пара, как впоследствии выяснилось, муж и жена, два длинноволосых паренька не старше пятнадцати-шестнадцати лет и еще двое солидных джентльменов в добротных твидовых пиджаках с замшевыми защитными нашлепками на рукавах у сгиба в локтях.

Я украдкой покосился в сторону бара. За стойкой стоял Нгуен Нгок Лоан. Сомнений быть не могло. Это был тот самый человек с телевизионной ленты Эн-би-си и пулитцеровской фотографии Адамса, тот самый человек, который застрелил безоружного пленного со скрученными за спину руками. Правда, сейчас вместо револьвера он держал бокалы и бутылки. Угодливый лакей заслонил в нем самоуверенного палача.

Я резко подошел к бару и спросил:

— Вы тот самый?

— Тот самый,— ответил Лоан. Он отлично понял, что подразумевал мой вопрос, и не стал вдаваться в подробности, переспрашивать. Наступила тягостная пауза.

— Вам что-нибудь налить? — Глаза Лоана, злые и испуганные, как у побитого пса, сощурились, а губы растянулись в дежурную улыбку. Он походил на затравленного и обессиленного зверя, у которого уже нет когтей, но жажда мщения осталась. И еще одно ощущение: от всей фигуры Лоана веяло какой-то нечистоплотностью. Казалось, он основательно вывалялся в грязи, прежде чем прийти сюда и стать за стойку бара. Коричневая рубашка нараспашку, коричневый вязанный жакет на пуговицах, пластыри на пальцах, редкие лоснящиеся волосы — все было грязным, грязным и омерзительным.

— Нет, не надо. Я подойду попозже, и мы поговорим,— с трудом выдавил я.

— Пожалуйста, как вам будет угодно.— Он, видимо, почувствовал, что вызывает отвращение. Глаза его еще больше сузились, стали еще больше злыми и угодливыми.

Я вернулся к своему столику, а Лоан начал обходить немногочисленных посетителей кафетерия. На нем были

коричневые брюки в дудочку, потертые и грязные. Он заметно волочил правую ногу, громко стуча по полу тяжелыми черными башмаками.

— У вас, надеюсь, все в порядке? Вам ничего не надо? — обращался он со стереотипными вопросами к посетителям. Те отвечали вежливыми улыбками, дескать, у них все в порядке, а если что и надо, то еще один стаканчик на дорогу или сэндвич навynos, не более. Мой столик Нгуен Нгок Лоан обошел.

Закончив обход, Лоан, напевая под нос какой-то неразборчивый мотивчик, подошел к музыкальному автомату, маскировавшему вход в туалет, и нажал на кнопку. Из автомата полилась сентиментальная песенка. Лоан несколько мгновений прислушивался к ней, затем, волоча правую ногу, направился к кухонной двери и исчез за ней. Быть может, мне это просто показалось, вероятнее всего, так оно и было, но ресторатор, нажавший обыденным движением пальца кнопку музыкального автомата, как две капли воды, вернее, крови, походил на палача, нажавшего на курок своего пистолета, приставленного к виску жертвы...

Настал мой черед обходить столики. Сначала я подсел к супружеской паре, представился, извинился за вторжение и перешел к делу.

— Знаете ли вы о прошлом владельца этого ресторана?

— Да, знаем.

— Как вы к нему относитесь?

— Никак.

— Лоан — палач, военный преступник, убийца. Как вы считаете, должен он понести за это наказание? Разве это не будет справедливо?

— С тех пор утекло много воды. И потом то было иное, военное время. На войне как на войне — все убивают, — ответил за обоих муж.

— Но Лоан убивал не в бою.

— Все равно, сейчас ему судья только бог, — поддержала мужа жена.

Я понял, что дальнейшие расспросы излишни, и поэтому ограничился еще одним, последним вопросом для ясности:

— Итак, вы против суда над Лоаном?

— Нет, почему же. Но это должен быть суд божий.

Джентльмены в добротных твидовых пиджаках с замшевыми нащлепками просто отказались отвечать на мои

вопросы, дав недвусмысленно понять, что они по меньшей мере неуместны. Они явно симпатизировали Лоану, что, впрочем, не помешало им оставить на чай весьма мизерную сумму, меньше обычно принятого. Длинноволосые пареньки встретили меня более приветливо, даже предложили сигареты. Они тоже слышали о прошлом Лоана, но это им безразлично.

— Мы тогда только-только начинали говорить,— сказал, улыбаясь, один из них.

— Но разве это смягчает вину палача?

— Нет, я просто хотел сказать, что все это было очень давно.

— Американская молодежь выступала против войны во Вьетнаме.

— Да, но война кончилась. Прошлое незачем ворошить. Что было, то было. Сейчас у нас иные заботы.

— А справедливость, мораль, наказание порока, долг перед мучениками, перед их памятью?

— Красивые слова. Взгляните на Лоана. Он никому не причиняет вреда, торгует сандвичами, пиццей, пивом, а не наркотиками и живым товаром, как некоторые другие южно-вьетнамские генералы. Оставьте его в покое. Каждый человек имеет право на новый старт в жизни.

— Даже тот, кто лишал жизни других? Новый старт без искупления за прошлое?

— Пусть каждый занимается своим делом,— «философски» заметил тот, что помладше, тряхнув длинными, как у русалки, волосами. Я так и не понял, кого имел в виду паренек — себя, меня, Америку, Лоана?

— Пусть палачи казнят невиновных и пусть люди попустительствуют палачам?

— Зачем же так, мистер, я просто сказал, что пусть каждый занимается своим делом.— Разговор возвращался на круги своя, и я решил оставить в покое длинноволосых парней.

В кафетерии больше никого не оставалось. Я вышел в длинный коридор, соединяющий крытые торговые ряды Роллинг Вэлли-молла. Напротив «Ле трау континентс» находился музыкальный салон, справа — парикмахерская, слева — цветочный магазин. Я начал с салона.

— Знаете ли вы, кто является вашим соседом напротив?

— Знаю,— ответил мне человек за прилавком.

— И вы не тяготитесь таким соседством?

— Нисколько. У нас с Лоаном отличные отношения. Он покупает у нас пластинки, мы у него завтракаем и обедаем.

- Я не о достоинствах его кухни, а о его прошлом.
- Его прошлое меня не интересует.
- Вы хотите сказать, что закрываете на него глаза?
- Не надо шить мне соучастие. Место святых на небе, земля для грешников.
- А для кого же тюрьмы?
- Лоан не нарушает наши законы, а то, что он делал во Вьетнаме, нас не касается.
- Но делал-то он это по вашим приказам!
- Тем более его незачем винить.
- Значит, вы против депортации Лоана?
- Это было бы негуманно..

Женщина в цветочном магазине души не чаёт в Лоане. Она не только прощает ему прошлое, но, видимо, не очень-то верит в него.

- Такие ошибки всегда бывают.
- Но ведь он сам не отпирается!
- Людям свойственно наговаривать на себя. Во всяком случае, мистер Лоан и мухи не обидит.
- Но он расстреливал безоружных людей!
- Не знаю, не знаю...

Молоденькая кассирша из парикмахерской, видимо, наблюдая за моей активностью на молле сквозь стеклянную стену салона, встретила меня крайне недружелюбно.

— Мистер Лоан — мой самый дорогой друг, — сказала она с вызовом. — Он вжился в наши торговые ряды, и здесь мы все на его стороне.

- И против его жертв?
- Нет, против тех, кто жаждет его крови.
- А кто ответит за кровь, которую он проливал?
- Мистер Лоан будет держать ответ перед богом.
- А перед людьми, перед законом?
- Перед ними в ответе время. Оно делает нас палачами.

Время и война.

- Так вы за всепрощение?
- Оно, во всяком случае, лучше, чем месть.
- Даже справедливая?
- Справедливость торжествует на небесах.
- А на земле?
- Сострадание.
- Что-то ваш самый дорогой друг Лоан не очень-то испытывал его по отношению к своим жертвам.

— Мистер, по-видимому, вы из газеты и хотите вытянуть из меня признание против Лоана. Напрасно стараетесь.

— Отстаньте от нее, мистер, и не суйте нос не в свое дело! — грубо прикрикнул на меня единственный в салоне парикмахер, оторвавшись от прически, которую он сооружал на голове пышноволосой рыжей матроны. Я почувствовал, что пора сматывать удочки, а то еще, чего доброго, самодеятельному Гэллапу с иностранным акцентом может не поздоровиться. И поделом. Ведь недаром надпись на рекламном щите, установленном посреди торговых рядов Бэрка, предупреждает: «Осторожно, мы не несем ответственности за увечья, полученные вами на молле»...

Я вернулся в «Ле трау континентс». Нгуен Нгок Лоана все еще не было. За стойкой стоял бармен-вьетнамец в белом смокинге и очках. «Быть может, тоже из зондер-команды Лоана?» — промелькнуло в голове.

— Скоро вернется босс? — спросил я его.

— Не знаю, по-видимому, не скоро...

Я расплатился по счету, не оставив на чай ни цента, вышел из ресторана, пересек пустынную гигантскую автомобильную стоянку, сел в машину и завел мотор. Было такое ощущение, будто весь Роллинг Вэлли-молл, все торговые ряды Бэрка провозжат меня долгим недобрый взглядом, а сквозь щелку в стилизованных жалюзи «Ле трау континентс» наблюдают за мной глаза Лоана, злые и испуганные, как у побитого пса. Наверное, он мысленно спускал курок пистолета, приставленного к моему виску. И Бэрк, всепрощающий Бэрк, был на его стороне.

«Обобщать — значит ошибаться», — гласит один из парадоксов-афоризмов Ларошфуко. Соединенные Штаты Америки, конечно, не торговые ряды Бэрка. Не все американские женщины думают так, как цветочница и кассирша с молла; не вся американская молодежь разделяет легкомыслие пареньков из «Ле трау континентс». Но опасная тенденция всепрощения, вернее, заблуждения и забвения, существует и набирает силу. Ее питает официальная пропаганда. Ей эта тенденция на руку. Ведь без забвения уроков Вьетнама трудно, если не невозможно, его повторение в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Вашингтону наплевать на Лоана. Он заботится не о нем, а о себе. Возмездие палачу может создать нежелательный прецедент, ибо не он один на руках у благожелательных иммиграционных властей. Сколько их,

гитлеровских преступников, палачей России и Франции, Польши и Бельгии, всех народов Европы, сколько их, наемных убийц, совершавших успешные и безуспешные террористические акты против глав соседних государств, вроде Чили и Кубы, сколько их, международных бандитов, вроде торговцев наркотиками и проститутками, вроде убийц стюардессы советского самолета, имеющих статус «постоянно проживающих» или «лиц, не имеющих гражданства», вросло корнями, инкорпорировалось в торговые ряды Америки и не только в торговые ряды! А на подходе — рано или поздно — новые издивенцы, все эти пиночеты, сомосы, стреснеры. Их тоже придется трудоустраивать...

Нет огульной вины, но нет и огульной невинности. Человек в ответе за все, что происходит на земле, тем более на его родной земле. Если твоя хата стоит на ней, она никогда не будет с краю. В ней не отсидеться, как в Ноевом ковчеге, не отлежаться, как в госпитале. Невежество, незнание, неосведомленность, личная духовная гигиена, а вернее, чистоплюйство, ссылки на высшую справедливость, на суд божий, на Лету, в которую все равно все должно кануть, на целебные качества времени, на сострадание, понять, дескать, простить, на то, что все одним миром мазаны, и прочая тому подобная нехлюдовщина и маниловщина — когда как — не могут служить индульгенцией. Они, если говорить серьезно, лишь отягчающие вину обстоятельства.

Соединенные Штаты Америки не торговые ряды Бэрка. Но, с другой стороны, торговые ряды — все эти моллы и плазы, коих в Штатах, по последним подсчетам, около двадцати тысяч, квинтэссенция одноэтажной и разноэтажной Америки, ее не по Синклеру Льюису Главная улица, траншеи потребительского общества, гнезда мещанства, болота «молчаливого большинства», где тон задают отнюдь не мифические «пожилые леди в теннисных туфлях», до удивления точно шагающие в ногу с теми, кто обут в башмаки милитаризма.

Мой «опрос общественного мнения» ограничился поневоле одним Бэрком. Газета «Вашингтон пост», располагающая куда большими возможностями, провела его во всеамериканском масштабе. Результат получился тот же самый. Приведу лишь некоторые письма, опубликованные на ее страницах.

Мистер Джон Харт хорошо знает Нгуен Нгок Лоана. Еще по Южному Вьетнаму. И не может «вообразить» его в качестве военного преступника. Оказывается, Лоан был сама скром-

ность. Он даже не облачался в генеральские одежды. (На фото убийства Лоан действительно в простой рубашке.) Лоан был сама честность. Он мог хапнуть огромный капитал, но довольствовался малым. Открыл скромную забегаловку в Бэрке, а мог ворочать крупными делами. Лоан был хорошим офицером, прошедшим французскую и американскую выучку. (Что правда, то правда — выучка у Лоана была.) Он «скептически относился к перспективе немедленного насаждения демократии в стране, имеющей многовековое иерархическое общество, но, качая головой в знак сомнения, сотрудничал как мог в осуществлении американских планов военно-политических игр». Я цитирую, ничего не меняя в письме мистера Харта. Оказывается, агрессия во Вьетнаме, пардон, военно-политические игры, была затеяна исключительно с целью немедленного насаждения демократии! (С каких это пор демократии насаждаются?) А Лоан был орудием этого насаждения. Мистер Харт, сам того не подозревая, дает убийственную характеристику американскому вмешательству во Вьетнаме. Хороша демократия, которую приходится насаждать, да еще при помощи палачей!

Впрочем, для мистера Харта Лоан не палач, а герой. «Надо было обладать весьма сильным этическим ощущением, чтобы отличать героев от злодеев в условиях вьетнамской войны», — пишет Харт. Так уж сильным, мистер Харт? Неужели палач «Тета» генерал Лоан и палач Сонгми лейтенант Колли оставляют за собой шлейф сомнения в определении подлинного характера их поступков? Хотя мистеру Харту нельзя отказать в последовательности: этические категории, которые он исповедует, вполне под стать демократии, которую он насаждает. Это справедливо и по отношению к моральным концепциям Харта. Возмущаясь, что иммиграционные власти обвинили Лоана в «моральной подлости» (этим, конечно, можно возмущаться, но по совершенно иным мотивам), мистер Харт предлагает заклеить тех, кто совершил «аморальный поступок», порезав покрышки у автомобиля палача. Резать покрышки нельзя, аморально, резать невинных людей можно, морально, этично, демократично. Остается лишь добавить, что мистер Харт, мистер Джон Л. Харт в 1966—1968 годах возглавлял службу ЦРУ в Южном Вьетнаме, так что его компетентность в области проблем морали и демократии сомнению не подлежит. И еще: Харт защищает не столько Лоана, сколько себя. Работодателя.

Ральф Коррадино не является сотрудником ЦРУ, но он тоже лицо заинтересованное, поскольку живет в Бэрке, да еще по соседству с Лоаном. Он пишет, словно выступает в качестве свидетеля защиты, вызванного «зеленым беретом» Аккерманом наряду с маршалом Ки: «Я хочу присовокупить, что генерал Лоан и его семья — трудолюбивые налогоплательщики. Они — ценный вклад в сообщество жителей Бэрка. Их дети — образцовые школьники, получающие отличные отметки и одновременно помогающие родителям управляться с рестораном». Невольно вспоминается рассказ о том, каким любящим сыном был лейтенант Колли, как он заботился о своем отце, которого свалил инсульт, как он привозил ему из Вьетнама свиные окорока, которые его отец так обожал.

Далеко, очень далеко от Бэрка штат Вирджиния, США, до Сонгми, Южный Вьетнам, СРВ. Далеко и одновременно близко. Слово «Сонгми» не случайно застревает в горле у американцев. «В этой вьетнамской деревушке, по-видимому, умерла совесть нашей страны... Америка потеряла свою невинность, и вполне возможно, что навсегда», — говорит вашингтонская обозревательница Мэри Макгрори. Здесь есть, конечно, с чем поспорить. Американский империализм не мог потерять того, чем он никогда не обладал. С другой стороны, американская нация не отдавала своей совести на откуп лейтенанту Колли и его хозяевам. Доктор Спок и доктор Стрейнджлав разного поля ягоды. Но и честная Америка в ответе за Сонгми, как сегодня за Бэрк. Более того, она не сможет остаться честной, если попытается уклониться от этой ответственности, уйти в кусты всепрощения. Писатель и журналист Пит Хэмилл признает: «Так получилось, что, переступая порог семидесятых годов, мы узнали о себе нечто темное и окончательное. Мы, все мы без исключения, сидящие здесь в уюте и комфорте, обеспокоенные инфляцией и наступающей зимой, собирающиеся в театр или на стадион, ремонтирующие наши автомашины и чешущие языки за ленчем, составляющие списки рождественских подарков, играющие свадьбы и разводящиеся, ушедшие в самих себя и в банальности жизни, все мы должны помнить, отходя ко сну, что мы соучастники массового убийства».

Мистер Ральф Коррадино, восхищающийся «трудолюбивым налогоплательщиком» Лоаном и его детьми-отличниками, тоже помнит об этом; правда, помнит по-своему. Он пишет: «Генерал Лоан не только выполнял приказ, он

защищал наше посольство и его личный состав. Наше правительство поддерживало Лоана, а он поддерживал наши интересы... Поэтому я советую иммиграционной службе оставить в покое Лоана и заняться проблемой тех незаконных иммигрантов — мексиканцев, венесуэльцев, колумбийцев и так далее, которые угрожают нашей экономике, нашей занятости, нашим городам».

В краткую мою бытность в Бэрке мне не довелось свидеться с Ральфом Коррадио. Но его письмо достаточно поучительная, если не исчерпывающая, визитная карточка американца, затравленного злобой дня нынешнего и неуверенностью в день будущий. Его ксенофобия — реакция на эту затравленность и неуверенность. Наверное, не меньше, чем иммигрантов-чиканос; он ненавидит негров и коммунистов, даже если те стопроцентные американцы без кавычек. Первых он подозревает в том, что они, будучи «ленивыми налогоплательщиками», объедают его; вторых же — в том, что они, будучи «плохими патриотами», предают его. И невдомек мистеру Коррадио, что корень зла вообще и его злоключений в частности совсем в другом. «Интересы», которые защищал Лоан в Сайгоне, не его интересы, не интересы американского народа. Это интересы американского империализма, который как раз и представляет подлинную угрозу экономике и городам Америки, занятости ее населения, более того — его жизни и будущему. Это он объедает и предаёт мистера Коррадио и десятки миллионов ему подобных. Вот почему всепрощение в Бэрке опасное, слепое всепрощение. Оно распространяется не только на Лоана и уводит в сторону от сути дела.

Но вернемся к почте «Вашингтон пост». Генри Нау из Гэйтсбургга считает, что «логическая и моральная дилемма», стоящая перед американским правосудием, такова: или оставить в покое Лоана, или же наказать всех американцев, поддерживавших войну во Вьетнаме. Ту же мысль высказывает Сюзан Вуд из Вашингтона. Она считает, что, поднимая вопрос о депортации Лоана, власти хотят снять с Америки вину за злодеяния, свершенные во время агрессии во Вьетнаме... «Американцы виновны в той же степени, что и Лоан, если не больше, и мы не имели права судить его и его поступки».

Я не собираюсь ставить под сомнение искренность авторов подобных писем. Более того, между строк этих писем чувствуется, что их авторы были против вьетнамской

агрессии, считают ее преступной, аморальной. Но их внешний максимализм — все или ничего — их донкихотский подход к проблемам преступления и наказания объективно играет на руку тем, кто хотел бы спрятать концы в воду и, простите за неумышленный каламбур, выйти сухим из воды. Общеизвестно, когда «все виноваты», ответственности никто не несет. «Все виноваты» в преступлениях расистов, все американское общество, но никто не несет ответственности за убийство Кинга и других борцов за расовое равноправие. «Все виноваты» в поддержке террористических диктатур Пиночета и Сомосы, режимов Солсбери и Иоханнесбурга, но никто не несет ответственности за убийство десятков и сотен тысяч жертв фашизма и апартеида. «Все виноваты» в злодеяниях общества насилия — преступности, наркомании, детской проституции, но никто не несет ответственности за миллионы искалеченных человеческих судеб. Лейтенант Колли, уголовник Рэй и несколько других, которых Фемида коснулась краешком своего крыла, лишь козлы отпущения, не более. Всепрощение в Бэрке — частичка, сегмент всеамериканского всепрощения, весьма удобного и выгодного для властей предрержащих, ибо оно помогает им сопрягать воскресные моральные проповеди с будничными, ежедневными преступлениями против мира, демократии, прогресса.

Но даже «максималисты», оправдывающие Лоана с позиции «все виноваты», составляют меньшинство. Большинство авторов писем просто на стороне Лоана, поскольку в военные годы он был на стороне Америки, а в мирные годы стал исправным налогоплательщиком. Ричард Хоскингс из городка с символическим названием Линчбург считает Лоана невиновным, поскольку «убийство партизан на месте» предусматривается законами войны. А некто Уебб превращает одним росчерком пера линчевателя в линчуемого. Он обвиняет конгрессменов, поднявших вопрос о возможной депортации Лоана, в «охоте на ведьм», в «бесполезном наказании личности». Уебб пишет: «Мистер Лоан живет в Северной Вирджинии вот уже более шести лет. За это время он создал дело, заслужившее хорошую репутацию, купил дом и без особого шума оказывает услуги местной общине... Попытка реконструировать инцидент, имевший место в пылу войны десять лет назад и совершенный человеком, культура страны которого выглядит примитивной в глазах среднего американца, означает всего лишь трату времени и денег».

На этом последнем письме стоит остановиться поподробнее. Оно, словно лакмусовая бумажка философии мелкого собственника («купил дом»), отравленного расовыми предрассудками («примитивная культура»), который мечтает, чтобы его оставили в покое («Беспольное наказание личности»). Характерно, что участники резни в Сонгми тоже пытались оправдываться ссылками на «примитивность» своих жертв.

Война, которую вел американский империализм во Вьетнаме, была не просто агрессия. Это был самый неприкрытый геноцид. Журнал «Нью-Йоркер» приводит слова рядового из Техаса: «Дело в том, что никто из нас не считает вьетнамца за людей. Для нас они не люди. Поэтому безразлично, что ты с ними делаешь». А другой солдат добавляет: «Вот если бы они были представителями другой нации, скажем, шведами...»

Чувство расового превосходства и расовой ненависти питало американских агрессоров. Это, пожалуй, единственное, на основе чего они не делали разницы между своими южновьетнамскими союзниками и вьетнамскими патриотами. Солдатский жаргон «джи-ай» необычайно обогатился за годы войны презрительными кличками, которыми они награждали людей, имевших неосторожность родиться не шведами. Вьетнамец для них не человек. Он — «динк», «вог», «чинк», «слоп», «чарли», «мик», «спик», «кик», «полак», «чини» — короче, все что угодно, но только не человеческое и даже не одушевленное существо. Если всмотреться попристальнее в это явление, то нетрудно обнаружить под поверхностным слоем казарменного фольклора официальную доктрину правящих кругов США. Ведь, по существу, и политика «пусть азиаты воюют против азиатов» или нынешняя — «пусть африканцы воюют против африканцев», покоится на китах расизма и геноцида, на глубочайшем презрении к человеческой жизни и личности.

Геноцид во Вьетнаме и вообще за рубежом — расизм дома, в Соединенных Штатах. «Джи-ай», набившие руку на убийствах во вьетнамских джунглях, стали желанным пополнением для бэрчистов и минитменов, для куклуксклановцев и сегрегационистов Алабамы и Миссисипи. Впрочем, разрез глаз и цвет кожи — это только начало. Наука убивать имеет опасное свойство распространяться подобно цепной реакции, не делая исключения даже для «разных прочих шведов».

В пылу войны... Подобная логика чудовищна, если ею пользуешься для оправдания преступлений.

— Такое случается на войне, — говорят виновники трагедии Сонгми и палачи «Тета».

— Такое случается во время вооруженного ограбления,— говорят бандиты, напшиговавшие свинцом брюхо ночного сторожа в банке.

— Такое случается в суматохе политической борьбы,— говорят адвокаты наемных убийц.

— Такое случается в семейных дразгах,— говорит подсудимый, застреливший жену и семерых детей.

— Такое случается при употреблении наркотиков,— говорит торговец героином, «извиняя» бессмысленную смерть подростка — своего клиента.

— Такое случается в чреве больших городов,— говорит современный питекантроп, изнасиловавший и зарезавший девушку на одной из станций нью-йоркского метро.

— Такое случается, когда накалены расовые страсти,— говорил директор ФБР Гувер об организованном истреблении руководства «Черных пантер».

Что это — смягчающие или отягчающие вину обстоятельства? Если ты не всепрощенец из Бэрка, то ответ может быть только один — отягчающие. Любой эксцесс перестает быть единичным явлением, коль скоро его причина коренится в системе, в обществе. Агрессия и насилие идут в обнимку по Главной улице Америки, по ее торговым рядам, по всем этим моллам и плазам, не просто так, как заблудшие овечки. Они здесь не случайные прохожие, а обитатели с постоянной пропиской.

Именно в этом следует искать, как мне кажется, и причины «плебисцита» в пользу палача Нгуен Нгок Лоана. И вновь вспоминается Сонгми, вернее, результаты опросов общественного мнения, проводившиеся тогда по его поводу в Штатах. Половина нации не верила, что резня в Сонгми вообще имела место. Среди другой половины значительное, если не подавляющее большинство считало, что события в Сонгми носили единичный, исключительный характер. Много было и таких, которые, не одобряя в личном плане карательную экспедицию роты Колли, пытались оправдать ее, равно как и агрессию во Вьетнаме, высшими патриотическими соображениями по принципу: «Права она или не права, но это моя родина». Согласно результатам опроса института Харриса, 66% выступали против военного трибунала над солдатами, устроившими резню в Сонгми. Только 15% считали, что их надо судить. Остальные «не имели никакого мнения». На вопрос: что бы вы сделали, будучи на месте солдат в

Сонгми, получивших приказ расстреливать стариков, женщин и детей?—45% ответили, что они ослушались бы подобного приказа, 37%—что они выполнили бы его.

Результаты опросов привели тогда в явное смущение американскую общественность, во всяком случае, либерального толка. Картина, которая вставала из-за колонок цифр и процентов, выглядела далеко не привлекательно для самозванного стража «демократии» и защитника «прав человека». «Неужели наша адаптабельность ко злу перешла в бессердечие и даже в варварство?»—спрашивали себя наиболее совестливые, стесняясь смотреть друг другу в глаза. «Одна из моральных угроз войны во Вьетнаме, возможно, состоит в том, что она начинает убеждать нацию: насильственное принесение в жертву сынов Америки, подобно тому, как афиняне скармливали своих детей Минотавру, является неизбежным порядком вещей»,—писал журнал «Тайм»...

Дональд Уебб, автор письма в защиту Нгуен Нгок Лоана,—житель местечка Арлингтон, расположенного в предместьях американской столицы. Здесь находится знаменитое национальное кладбище. Его зеленые холмы усеяны ровными и бесконечными рядами белых мраморных плит, столбиков и крестов над могилами солдат и офицеров, павших в войнах, которые вела Америка. На Арлингтонском национальном кладбище горит вечный огонь над усыпальницей президента Кеннеди. На Арлингтонском национальном кладбище находятся могилы Неизвестного солдата первой и второй мировых войн, а также корейской войны.

Могилы Неизвестного солдата вьетнамской войны нет. Не потому, что Америка осознала ее несправедливый, агрессивный характер и, мучимая угрызениями совести, решила не ставить памятник своему позору. Причина того, что загодя подготовленный склеп для Неизвестного солдата вьетнамской войны до сих пор пустует, совсем в ином. Дело не в большой совести Америки, а в хорошо поставленной бухгалтерии смерти; не в развитом чувстве искупления, а в прогрессе патологоанатомии. Все сорок семь тысяч американцев, убитых на поле боя, и шестьдесят две тысячи, «погибших от других причин» во Вьетнаме, были с предельной достоверностью опознаны, пронумерованы, переданы родственникам и погребены. Как заявило, извиняясь, министерство обороны США, «мы не в состоянии предоставить Неизвестного солдата вьетнамской войны. Изощренная техника патологии

сделала такой выбор невозможным». В этом специфическом бессилии Пентагона имеется своя символика: отныне все жертвы американского империализма — в Штатах или за их пределами — известны, никакая изоциренная техника лжи не скроет его преступления.

Отчаявшись найти обитателя для склепа Неизвестного солдата вьетнамской войны, власти прибегли к вынужденному эрзацу — вместо него на Арлингтонском национальном кладбище установлена мемориальная доска «в честь и память тех военнослужащих вооруженных сил, которые благородно служили в Юго-Восточной Азии во время вьетнамского конфликта».

Открытие мемориальной доски состоялось в День ветеранов — 11 ноября, как раз в самый разгар общенациональной дискуссии о том, как поступить с «исправным налогоплательщиком» Лоаном. (Я посетил его «Ле трау континентс» за три дня до этого.) Арлингтонское национальное кладбище было окутано густым туманом. По его холмам, уже не зеленым, а багряно-желтым, порывистый ветер, пронзительный и сырой, гонял листву, которая то облепляла плиты и монументы, то завихрялась шуршащим смерчем над простыми крестами на могилах солдат и памятниками военачальникам на могучих конях и массивных постаментах.

Перед Амфитеатром-полукругом, подпираемым вереницей беломраморных колонн, собралась внушительная толпа — те, кто посылал на войну (их было меньшинство), и те, кого посылали. Среди последних было много инвалидов. Гремел военный оркестр. Шелестели на ветру боевые знамена. Президент Картер, только что возложивший венки к могилам Неизвестных солдат иных войн, со скорбным выражением лица слушал, как горнисты выводили на своих рожках мелодию «тэпс» — сигнал тушения огня в казармах, обычный аккомпанемент солдатских похорон. Мелодия «тэпс» словно сливалась с порывами ноябрьского ветра, нагрянувшего с Атлантики, с шуршанием знамен и осенней листвы, знамен звездно-полосатых, листвы багряной, сливалась и пронизывала похуже ветра, заставляя глаза слезиться, а тело пожевываться.

Отыграли «тэпс», и к микрофону подошел президент. Он обратился к нации с призывом почитать «игнорируемых» ветеранов вьетнамской войны. «Мы перед ними в особом долгу, — говорил он. — Их критиковали и отвергали за то,

что они откликнулись на призыв своего долга. Их игнорировали, словно их присутствие является неприятным напоминанием о боли и страданиях». Президент еще раз призвал оказывать «особые почести» ветеранам вьетнамской войны, а затем перешел к «прозе дня», пообещав стране новый виток гонки вооружений. «Я, как президент Соединенных Штатов, сделаю наши военные приготовления настолько совершенными, чтобы никогда ни один противник не посмел и не пожелал испытать нашу волю». Мотивы известной президентской речи в военно-морской академии Аннаполиса прозвучали особенно странно и неуместно на Национальном кладбище Арлингтона, тем более в присутствии ветеранов вьетнамской войны, точнее, агрессии, ибо не Вьетнам «испытывал» волю Америки, а Америка пыталась и испытывала Вьетнам в течение десятилетней «грязной войны». Вьетнам с честью выдержал это испытание. А Америка, как показывают события последнего времени,— и глобальные, как гонка ядерных вооружений, и эпизодические, как дело Лоана,— начинает предавать забвению опыт Вьетнама и предаваться старым опасным заблуждениям о своем всемогуществе, приравнивая свою волю, вернее, волю своей правящей верхушки, к воле божьей...

Президент кончил говорить. С кладбищенских холмов грянули пушечные залпы. Оркестр заиграл «Там, за океаном», а затем под звуки «Звездно-полосатого флага» началось прохождение ветеранов.

— Как это прекрасно! Мы никогда не осознавали полностью, чего это им стоило,— произнес президент, смахнул слезу, обнял сидевшего рядом с ним в ортопедическом кресле главу Администрации ветеранов Макса Клеелэнда и слегка приподнял в воздух обрубок его тела.

Макс Клеелэнд потерял обе ноги и правую руку во Вьетнаме. Наблюдая за прохождением своих более удачливых товарищей по оружию, он механически, в такт музыке, постукивал левой рукой по никелированной ручке ортопедического кресла. Мальши, оседлавшие своих отцов и дедов, махали ему в знак приветствия маленькими бумажными флажками. Тоже звездно-полосатыми.

«Мы никогда не осознавали полностью, чего это им стоило...» В памяти невольно возникают иные картины, картины недавнего прошлого, хотя тогда мальши, оседлавшие сейчас своих отцов и дедов, не только не умели самостоятельно ходить по земле, но вообще еще не успели

родиться. Это было в апреле 1971 года в Вашингтоне. «Молл» — небольшой зеленый квадрат в крестовине Джефферсон-авеню и Четвертой стрит — внешне весьма напоминал Арлингтонское национальное кладбище в День ветеранов, 11 ноября 1978 года. Тогда тоже маршировали ветераны вьетнамской войны. Тогда тоже играли «тэпс». Его мелодию выводил на рожке Гэйл Олсон, сын которого погиб во Вьетнаме через три дня после прибытия на фронт.

За ними шли — вернее, их катили в ортопедических креслах — человеческие обрубки. Апрельское солнце, по-вашигтонски знойное и палящее, чеканило зайчики из золота и серебра их орденов, из хрома и никеля их протезов. Несколько поодаль ковыляли ветераны на костылях. Репортеры, суетившиеся вокруг, то и дело нагибались и совали им под культишки микрофоны своих портативных звукозаписывателей, чтобы запечатлеть жуткую дробь костылей по асфальту Пенсильвания-авеню.

Цепочка ветеранов перекинулась зеленой радугой от «Молла» до западного крыла Капитолия, где на дне лестничного водопада высится статуя верховного судьи Джона Маршалла, сидящего в глубоком бронзовом кресле. «Вест-плаза» — бетонная терраса у подножия статуи — была рассечена пополам высоким проволочным забором. Его воздвигли накануне. На всякий случай. По ту сторону забора остались Конгресс, статуя судьи Маршалла, полицейские. По эту сторону — ветераны. Они пришли сюда к законодательному холму, ставшему могильным, в последний день операции «Дьюи-Каньон Ш» — недели протеста против войны в Индокитае. Они пришли сюда, чтобы усеять Капитолийский холм крестами, полученными в этой войне, крестами, на которых распята совесть Америки. История войн — а летопись человечества испещрена ими до умопомрачения — не знает и не помнит столь массового отказа солдат от боевых наград, добытых на полях сражений...

«Вест-плаза» замерла как заколдованная. Никто и ничто не шелохнется. Даже знамя на куполе Капитолия, даже красные тюльпаны вдоль его балюстрады. Отыграв «тэпс», Олсон отходит в сторону.

— Сердце, сердце... Что это с моим сердцем? — говорит он сквозь слезы.

У микрофона бывший сержант корпуса морской пехоты Джек Смит из Коннектикута.

— Мы срываем с себя эти «медали за храбрость», эти знаки «безупречной службы». Мы выбрасываем их на помойку в качестве символов позора, бесчестия, бесчеловечности,— говорит он. — Нас послали во Вьетнам не ради спасения жизней, а ради подсчета трупов. Мы пришли в конгресс, чтобы рассказать о геноциде, расизме, о массовых побоищах. Но нас встретили двери и разум, запертые на замок. Это ваша война, джентльмены. Так берите обратно ваши медали!

Джек Смит запускает руку в каску, извлекает из нее кучу звезд и крестов и швыряет их через проволочное ограждение.

Кто-то снижает штатив, на котором укреплен микрофон. Это для ветеранов в ортопедических тележках. Билли Уаймэн, как и глава Администрации ветеранов Макс Клелэнд, которого обнимал президент, потерял обе ноги, подорвавшись на mine. Ему двадцать лет. Он показывает свои медали толпе и говорит:

— Ничего особенного, обыкновенное дерьмо.

Затем Билли с трудом приподнимается и хочет перебраться «обыкновенное дерьмо» через проволочную ограду. Это ему не удастся. Медали падают под колеса тележки.

— Там я потерял тело, здесь душу.— Рыдания сдавили горло солдата-калеки. Никто не осмеливается помочь ему, когда он рискованно свешивается со своего ортопедического постамент, пытаясь подобрать медали и вновь швырнуть их в сторону Капитолия.

Две девушки бережно подводят за руки к микрофону глубокого старика. На нем черная пилотка Американского легиона. Алексу Манселлу далеко за семьдесят. Он ветеран первой мировой войны.

— Я не собирался принимать участие в этой церемонии,— говорит он. — Привело меня сюда вчерашнее телевизионное выступление национального командора Американского легиона. Он осмелился назвать ваше движение позором для ветеранов. А я считаю, что оно не позор, а слава. Вот почему я порываю с легионом и становлюсь в ваши ряды!

Дрожащими руками старик рвет легионерский билет и стаскивает черную пилотку, обнажая седую как лунь голову. «Вест-плаза» бурно рукоплещет ему. Затем старик откальвает с груди медали, полученные им на Марне в 1918 году, и, обращаясь к своим юным проводницам, говорит:

— А ну-ка закиньте их за ограду. В моих руках нет больше сил...

После демонстрации протеста перед Капитолием ветераны вернулись на «Молл» и посадили в южном уголке зеленого квадрата между Джефферсон-авеню и Четвертой стрит молодой и стройный американский вяз. Вяз этот и сейчас шумит листвой, когда его теребит осенний вашингтонский ветер. Шумел он, наверное, и 11 ноября, в День ветеранов. Никто не покушается срубить его, спилить или спалить. Дровосеки забвения стучат топорами и корчуют в иных лесах, лесах человеческой памяти, пытаются распилить ее на грововые доски забвения в Арлингтоне и всепрощения в Бэрке...

На днях в научном центре имени Вудро Вильсона при Смитсоновском институте состоялся симпозиум, посвященный роли средств информации во вьетнамской войне. Он был приурочен к тринадцатой годовщине с того дня, когда корреспондент телекомпании Си-би-эс Морли Сэйфер впервые передал репортаж, рассказывающий о зверствах американских агрессоров во Вьетнаме. (В этом репортаже-первенце речь шла о том, как подразделение корпуса морской пехоты США сожгло дотла мирный вьетнамский поселок.) Название симпозиума гласило: «Телевизионная война». Но война-то была не телевизионной, а реальной! Агрессивной со стороны Америки и освободительной со стороны Вьетнама. И убивали, и умирали на ней не понарошку, а по-настоящему. И шеф полиции Сайгона генерал-палач Нгуен Нгок Лоан пристрелил свою жертву не холостым патроном, а боевым.

Иногда выпадение памяти—худший вид человеческого падения, а великодушные всепрощения—малодушие соучастия. Многим на руку, когда рука руку моет. «Возможно, дело уже не в самом Лоане. В конце концов он есть то, что он есть, что мы сделали из него. Он приводит в свидетели своего хорошего поведения маршала Ки, человека, который не скрывал, что восхищался Гитлером, и который, в свою очередь, может сослаться на некоторых американских политических деятелей. Если вы верите в теорию домино, то вот вам пример ее обратного действия—от Сайгона, Южный Вьетнам, до Бэрка, Вирджиния. И нам от этого не отвертеться»,—пишет известный американский обозреватель Ричард Коен.

Все это, конечно, так, но зачем расплачиваться за преступления, если можно исправно платить налоги? И вот генерал-палач Нгуен Нгок Лоан по-прежнему служит Америке, правда, не на улицах развороченного Сайгона, а

в торговых рядах причесанного, приглашенного, намаженного Бэрка, не в застенках полиции, а в стенах ресторана, прохаживаясь не среди трупов своих жертв, а между столиками своих клиентов. И я отчетливо слышу его вкрадчивый, лебезящий, подобоострастный голос:

— У вас, надеюсь, все в порядке? Вам ничего не надо?

Нгуен Нгок Лоан в глубине своей поганой, насмерть перепуганной душонки, уверен, что когда и если он понадобится, его снова позовут. На расправу. Не в качестве ответчика, а в качестве палача. А пока что он вежливо осведомляется:

— Вам кофе со сливками или без?

Нгуен Нгок Лоан очень предупредительная личность...

Бэрк, Вирджиния — Вашингтон.

Ноябрь 1978 года.

ЗАКОНЫ ДЖУНГЛЕЙ ПРАВЯТ ВАШИНГТОНОМ

Поначалу их спарили в ночной программе телевизионной компании Эй-би-си. Программа называется «На сон грядущий». На сон грядущий американцам продемонстрировали убийцу и его жертву, вернее, потенциальных убийцу и жертву. Первым был Гордон Лидди, главарь «водопроводчиков» Белого дома, совершивших злополучный взлом в Уотергейте, который повлек за собой оглушительный политический скандал и падение президента Никсона. Вторым был известный «разгребатель грязи» журналист Джек Андерсон. Гордон Лидди находился в нью-йоркской телестудии, Джек Андерсон — у себя в вашингтонском офисе. На первых порах телевизионные боссы не решились свести их воочию. Не потому, что опасались, как бы Лидди, чего доброго, не задушил Андерсона перед многомиллионной аудиторией — вот это было бы шоу! — а по соображениям «нравственного» порядка, «ради приличия».

Роль «связного» между убийцей и жертвой выполнял корреспондент Эй-би-си Тед Коппель, задававший им попеременно вопросы. Тед Коппель, и без того огненно-рыжий и весь в веснушках, буквально горел от возбуждения. Забыв на

время о профессиональном бесстрашии, он то изумлялся, то восхищался, то негодовал.

Компании Эй-би-си удалось заполучить Гордона Лидди «на огонек» после того, как ее главный соперник — Си-би-эс разругалось с издательством «Сейнт Мартинс пресс». Последнее подготовило мемуары Лидди под заголовком «Воля», содержащие ряд сенсационных откровений. Книга печаталась в обстановке абсолютной секретности. Когда первый ее тираж в количестве ста тысяч экземпляров начали рассылать по магазинам, их владельцы не только ничего не ведали о фактуре книги, но даже не подозревали о ее существовании.

Право первой перепечатки отрывков из мемуаров было куплено журналом «Тайм» (номер, помеченный 21 апреля). Си-би-эс хотело обскать журнал, но издатели не согласились. Тогда его продюсеры отвергли интервью с Лидди, и последний достался со всеми потрохами компании Эй-би-си.

Прежде чем вернуться к диалогу, состоявшемуся в передаче «На сон грядущий», коснемся вкратце той части книги мемуаров Лидди, где речь идет о проектах убийства Андерсона.

Это было в феврале 1972 года. В ресторане отеля «Хэй-Адамс», находящегося напротив Белого дома — их разделяют узкая полоска Лафайетт-сквера и асфальтовая лента Пенсильвания-авеню, — обедали три человека: бывший сотрудник ФБР Гордон Лидди, его партнер по команде «водопроводчиков», бывший сотрудник ЦРУ Говард Хант и некто «под оперативной фамилией» Джордж Леонард. Последний был представлен Хантом Лидди в качестве врача-сотрудника ЦРУ, специалиста по «неортодоксальному применению медицинских и химических знаний»(!). Обед был сугубо деловой. На нем обсуждался вопрос о том, как «остановить» Джека Андерсона. Соответствующие предложения должны были быть представлены «принципалу» Ханта. Под «принципалом» подразумевался Чак Коулсон, помощник президента Никсона. (Этот тип, которого именовали «злым гением» Никсона, отсидев свой срок за уотергейтские «проказы», ныне ударился в религию, объявив себя «заново рожденным» христианином.)

Участники обеда в «Хэй-Адамс» пришли к общему мнению о том, что Андерсон в своих писаниях о проделках ЦРУ «зашел слишком далеко» и что одна из его статей может привести или даже уже привела к гибели какого-то «зарубежного разведывательного источника». Хант предложил подвер-

гнуть Андерсона действию наркотического препарата ЛСД и дискредитировать его. Однако джентльмен «под оперативной фамилией» Леонард возразил, что, как показывает опыт ЦРУ, манипуляции с ЛСД не всегда бывают успешными. Каждый человеческий организм по-своему реагирует на этот препарат. У одних он вызывает галлюцинации, а у других нет.

Здесь в беседу вмешался Лидди. Он предложил более «радикальное» решение проблемы — убить Андерсона. И как можно быстрее. Собутельники Лидди немедленно согласились с этим предложением. Джентльмену «под оперативной фамилией» Леонард тут же был уплачен гонорар «за консультацию». Любопытно, что деньги, полученные им, были из «разведывательного фонда» так называемого «Комитета по переизбранию президента Никсона».

И вот Лидди и Хант приступили к разработке операции по устранению Джека Андерсона. Предполагались два альтернативных плана — или подстроить автомобильную катастрофу, или симулировать убийство с целью ограбления «на одной из улиц Вашингтона, отличающегося высоким уровнем преступности» (слова Лидди, хорошо знающего «окружающую среду» столицы Соединенных Штатов). Проведение операции было решено поручить группе ультра из числа кубинских эмигрантов, уже завербованных «Комитетом за переизбрание президента Никсона». Однако «принципал» Ханта выразил сомнения по поводу того, насколько целесообразно поручать столь щекотливое дело «посторонним». «У меня был готов ответ на беспокойство принципала Ханта,— пишет в своих мемуарах Лидди. — «Передай ему,— сказал я Ханту,— что если возникнет необходимость, я сам сделаю это».

Таков «исторический фон», на котором состоялась телевизионная встреча Лидди — Андерсон. Интервьюировавший их Тед Коппель был вне себя от восторга. «Ведь это же подлинная американская сага — конфонтация в аду или в раю, где вам больше будет угодно, между потенциальным убийцей и потенциальной жертвой!»

Дует Лидди и Андерсона — первый говорил басом, второй фальцетом — и впрямь был примечательным. Но не только потому, что когда-то «водопроводчик» собирался убить «разгребателя грязи». Поражала деловитость, даже прозаичная будничность диалога. Ни тот, ни другой не повышали голоса, не возмущались, не проявляли каких-либо иных эмоций. (Дрожал от возбуждения один лишь интервьюер.) Казалось,

что речь идет о чем-то само собой разумеющемся. Впрочем, если разобраться по существу, так оно и было на самом деле. Характерная деталь: Джек Андерсон возмущался не тем, что его намеревались убить, а тем, что его обвиняли в компрометации сети зарубежных агентов ЦРУ. По-своему он вел себя мудро, с резонансом. Разоблаченный Лидди ему уже не страшен, а вот как быть с другими, носящими лишь «оперативные фамилии»? И Джек Андерсон на всякий пожарный случай доказывал свою невиновность, свою непричастность, свою благонадежность, свое алиби...

Шоу, преподнесенное американцам на сон грядущий, было лишь началом. Почувствовав «жареное», компания Эй-би-си решила сделать еще один шаг вперед навстречу «подлинной американской саге» — организовать уже не заочную, а реальную встречу лицом к лицу Лидди и Андерсона. Нетерпение было настолько великим, конкуренция — настолько опасной, что реальная конфронтация состоялась буквально через несколько часов в передаче «Доброе утро, Америка», которая начинается в семь часов утра. Лидди и Андерсона, не выпавшихся и не очухавшихся от вчерашнего — куй железо, пока горячо — приволокли в нью-йоркскую студию Эй-би-си. Обоих сопровождали свиты репортеров. Убийце и жертве отвели отдельные раздевалки и гримерные. Дело в том, что они еще никогда до этого не встречались лицом к лицу, и Эй-би-си хотелось донести до экрана «девственность» их конфронтации, чтобы, говоря словами одного из телевизионных боссов, «боевые петухи были еще свежими».

«Я не мог дожидаться утра, чтобы увидеть их лицом к лицу», — признавался Тед Коппель. В аналогичном напряжении находилась вся Америка, хотя ей не привыкать к подобным шоу — и экранизованным, и подлинным. Роль интервьюера выполнял на сей раз ведущий программы «Доброе утро, Америка», бывшая баскетбольная звезда Дэвид Хартман.

— Итак, начнем, мистер Лидди, — сказал, запинаясь, Хартман. — Вы хотели убить этого человека?

Диалог лицом к лицу мало чем отличался от заочного. Бас-Лидди и фальцет-Андерсон вели свои партии по-прежнему без каких-либо эмоциональных обертонов, сухо и деловито, как дикторы, зачитывающие курсовые бюллетени застойной биржи. И бас-Лидди, и фальцет-Андерсон пытались убедить аудиторию, что ими двигал и движет патриотизм,

что они — стопроцентные американцы. Причем Андерсон вновь доказывал свое алиби. На всякий случай. Вслушиваясь и всматриваясь в «водопроводчика» и «разгребателя грязи», я думал о том, что они и впрямь выставочные экспонаты стопроцентного американизма в гуверовском понимании этого термина.

Как и во время заочного диалога, нервничал и волновался один ведущий. Волнение это было настолько сильным, что вообще-то опытный Хартман сморозил явную глупость.

— Итак, вы хотели убить Андерсона. Но вы не сделали этого? — спросил он Лидди.

— Очевидно, нет. Иначе этот джентльмен не сидел бы сейчас здесь, рядом со мной, — ответил с сухим юмором Лидди, кивнув на журналиста...

Перед началом передачи Андерсон осведомился, потребуется ли от него обменяться рукопожатием с Лидди. Телевизионщики оставили этот «щепетильный» момент на усмотрение «разгребателя грязи». Но когда убийца и жертва сошлись впервые лицом к лицу в нью-йоркской студии Эй-би-си, когда их обступила свора алчущих фоторепортеров, «щепетильный» момент отпал как-то сам по себе. Рукопожатие состоялось. Недаром верховный закон американского зрелищного бизнеса гласит: «Несмотря ни на что, шоу должно состояться и продолжаться».

В течение всего шоу Гордон Лидди фамильярно называл Андерсона «Джек». Убийцы всегда запанибрата со своими жертвами. Андерсон держался с «водопроводчиком» официально, формально и, обращаясь к нему, говорил: «Мистер Лидди». Жертвы всегда испытывают некоторую уважительность по отношению к своим убийцам. «Мондо бицаро» («Странный мир») — так окрестили в телевизионных кругах тет-а-тет Лидди — Андерсон. «Да, это и впрямь было странно, — вспоминает Тед Коппель. — И особенно странным было то, что во всех этих передачах наиболее разумным человеком выглядел именно Лидди. Он по крайней мере знал, чего добивается, куда движется. Все остальные словно плавали, словно находились в дрейфе...» (К этому времени Лидди успел выступить еще в двух программах — «Сегодня» по каналу Эн-би-си и «После полуночи» по каналу Си-би-эс. И все это произошло в течение одних суток, за двадцать четыре часа!)

«Мондо бицаро» — «Странный мир». А так уж ли он странный? Ведь это все тот же безумный, безумный, безумный

мир, который почему-то — быть может, от обратного? — называется американским образом жизни, хотя он таит угрозу смерти каждому, кто с ним соприкасается и несет смерть каждому, кто бросает ему вызов.

Нет ничего странного и в парадоксальном на первый взгляд утверждении Теда Копшеля о том, что на телевидении Гордон Лидди выглядел «наиболее разумным человеком». В передаче «На сон грядущий» Америка засыпала под барабанный бой Белого дома, грозящего Ирану военными санкциями, под мрачные выкладки экономистов о вползании страны в спад, под сообщения об убийствах, ограблениях, катастрофах. В передаче «Доброе утро, Америка» страна просыпалась все под тот же барабанный бой администрации и под ту же декламацию экономических некрологов. Вот только сообщения об убийствах, ограблениях и катастрофах были новыми. Ночи в Америке беспокойные. За ночь здесь многое может произойти. И происходит.

В передаче «После полуночи» Гордон Лидди выступал в компании с бывшим послом США в Советском Союзе Малкольмом Туном. Такое соседство несколько шокировало маститого дипломата. «Если бы я знал заранее, в каком обществе мне придется выступать, то я бы отказался от вашего приглашения», — заявил мистер Тун ведущему — Гордону Питерсону. Напрасное, показное чистоплюйство! Разница между профессиональным убийцей и профессиональным дипломатом была subtilной до условности, хотя язык дан Лидди, чтобы рекламировать свои похождения и, разумеется, книгу, а Туна — чтобы скрывать свои мысли. Их взгляды на события в Иране и Афганистане, на коммунизм были почти идентичными. «Против советской угрозы не борются с помощью рождественских елок», — с нотками резонерства в голосе поучал слушателей Гордон Лидди, рекомендуя заодно совершить налет на Тегеран и «освободить» силой заложников. Дипломат также выговаривал администрации за «мягкотелость», хотя был настроен менее оптимистически, чем автор «Воли».

Короче, извлеченный из тюремного небытия на телевизионные экраны, Гордон Лидди оказался на своем месте, в своей родной стихии. Отдыхавшись от первоначального шока сенсации, печать считает, что она «не тянет» на место в классическом фонде «подлинных американских саг», запечатленных теле- или кинокамерой, — таких, как убийство

президента Кеннеди и Освальда в Далласе, как убийство Роберта Кеннеди в Лос-Анджелесе или Мартина Лютера Кинга в Атланте или хотя бы покушение на губернатора Уоллеса и массовое культовое самоубийство в джунглях Гайаны. Согласимся, «не тянет». Не тянет эта сенсация и по сравнению с разоблачениями подрывной и преступной деятельности ЦРУ и ФБР, которая продолжается, но которую хотят предать забвению в атмосфере нового приступа военной истерии. На этом впечатляющем фоне Гордон Лидди выглядит всего лишь опереточно-живописным, хотя и лишенным чувства юмора Джеймсом Бондом, «агентом 007», имеющим «разрешение на убийство».

Книга Лидди, обещающая стать бестселлером, не содержит ничего принципиально нового об Уотергейте, о котором уже написано бесчисленное количество исследований и мемуаров, включая те, что принадлежат перу главных участников этой грандиозной трагикомедии политических нравов современной Америки. «Воля» Лидди любопытна скорее своими деталями, нанесенными сочными мазками беспардонности и саморекламы на панорамическую картину этих нравов. Интерес к книге Лидди объясняется еще и тем, что он не «раскаявшийся грешник», подобно Коулсону и другим персонажам Уотергейта, а матерый преступник, до сих пор носящий его клеймо как высший знак отличия. Лидди пробыл за решеткой дольше всех из замешанных в уотергейтском скандале — почти пять лет. Он так и не «раскололся», получив за это кличку «Сфинкс». Когда 4 июня 1973 года на закрытом заседании сенатского комитета по Уотергейту его председатель Сэм Эрвин задал Лидди традиционный процедурный вопрос: «Клянетесь ли вы торжественно говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?» — Лидди ответил односложно и решительно «нет».

И вот, наконец, «Сфинкс» заговорил. Лидди объясняет это своими долгами — перед историей и перед юристами. Первая, конечно, могла и подождать, но вторые, которым Лидди задолжал около четырехсот тысяч долларов, видимо, не обладают эпическим терпением его величества Времени. И вот профессиональному убийце пришлось переквалифицироваться в писателя-любителя и зарабатывать хлеб насущный не кинжалом, а пером.

Кроме «пикантной» истории с Джеком Андерсоном книга содержит аналогичную историю и с Говардом Хантом. Неко-

торое время Лидди и Хант отбывали заключение в одной и той же тюрьме. Как-то в мае 1973 года Хант признался Гордону Лидди, что он должен давать показания перед Большим жури и собирается «расколотся». Лидди перестал разговаривать с Хантом и начал исподволь готовить его убийство, пребывая в полной уверенности, что получит на это соответствующий приказ с воли, точнее, от Белого дома, в мемуарах «Сфинкса» рассказывается и о том, как он задумал даже свое собственное устранение! Поскольку операция со взломом штаб-квартиры демократической партии в Уотергейте провалилась по его вине, Лидди предложил Джону Дину, помощнику Никсона, самоустраниться со сцены, чтобы оборвать нити, тянувшиеся к вершине пирамиды власти — к Белому дому.

— Послушайте, Джон, — сказал Лидди. — Я был капитаном судна, которое наскочило на рифы, и я готов пойти на дно вместе с ним. Если кто-нибудь хочет пристрелить меня, то вы мне так и скажите, скажите, на каком углу стоять, и я буду там. О'кей?

Помощник президента был явно огорошен.

— Угу, ладно, — пробормотал он, заикаясь. — Но я не думаю, что мы уже докатились до этого, Гордон.

Ничего себе картинка с натуры, живописующая гангстерские нравы и законы джунглей, царящие в вашингтонских коридорах власти!

Но, по-моему, наиболее впечатляют те страницы мемуаров, где рассказывается о том, как Лидди докладывал Джону Митчеллу, бывшему министром юстиции США в период подготовки уотергейтской операции, о своих планах обеспечения «стопроцентной победы» Никсона на президентских выборах. Каждый раздел этого плана имел кодовое название — наименование драгоценных камней — «Бриллиант», «Рубин», «Сапфир», «Опал» и так далее. То было и впрямь собрание драгоценностей. План предусматривал похищение и отравление наркотиками организаторов антиниксоновских демонстраций, засылку шпионов в руководство демократической партии, перехват писем и подслушивание телефонных разговоров, рекрутирование проституток для сбора информации, саботаж съезда демократов и так далее все в том же роде.

Для осуществления этого плана Лидди подобрал соответствующую группу «ювелиров» — профессиональных убийц. «На их совести уже было двадцать два убийства, причем двоих они повесили на перекладине в гараже», — вспоминает Лидди.

Мокрые дела в отличие от «драгоценных» имели кодовое название «Ночь и туман», не по-английски — «Night and Fog», а по-немецки «Nacht und Nebel». «Немецкий акцент» операции не был случайным. Недаром Лидди признает, что в юношеские годы его идеалом был Гитлер. Банда убийц-«ювелиров» официально именовалась «Группой по специальным поручениям». Когда Митчелл переспросил Лидди о ее названии, последний отчеканил уже по-немецки:

— Die Einsatzgruppe, herr general!

Министр юстиции США, верховный охранитель законности и порядка в государстве, понял без перевода...

План Лидди не был принят. Во всяком случае, целиком. Не потому, что он пахивал уголовщиной и фашизмом, а потому, что оказался слишком дорогим. Лидди запросил за свои «драгоценности» один миллион долларов.

— Один миллион — это чертовски большая сумма денег, Гордон. Идите и возвращайтесь с чем-нибудь более реалистичным, — напутствовал Митчелл автора мемуаров. Наверное, в этот момент верховный страж закона был чертовски похож на «крестного отца» мафии...

Соединенные Штаты еще не успели очухаться от мемуаров Гордона Лидди, которыми телевидение пичкало их на сон грядущий и которые оно подавало к утреннему завтраку американцев, как на головы последних обрушилась еще одна сенсация — мемуары бывшего вице-президента США, мошенника и взяточника Спиро Агню. Эти мемуары, озаглавленные «Убирайся без шума, а не то...», еще не продаются, но вокруг них уже поднята большая шумиха. Дело в том, что в них Спиро Агню утверждает: он подал в отставку с поста вице-президента, опасаясь, как бы в противном случае его не убили. (Об этом Спиро Агню заявил на днях в Нью-Йорке представителям печати.) По словам Агню, 4 октября 1973 года его адъютант — генерал Майк Данн — имел беседу с главным помощником президента Никсона генералом Александром Хэйгом, бывшим командующим вооруженными силами НАТО в Европе, а ныне президентом «Юнайтед технолоджис корпорейшн». Хэйг якобы сказал Данну, что Никсон, обложенный со всех сторон расследователями уотергейтского дела, уже больше не может позволять себе роскоши поддерживать попавшегося на жульничестве вице-президента. Агню цитирует следующие слова Хэйга: «Мы сходим с дистанции и не в состоянии контролировать события... Всякое может

приключиться. Дела обещают быть и будут мерзкими и грязными... Президент обладает огромной властью. Не забывайте об этом».

Собственно, слова «Убирайся без шума, а не то...» произнесены Хэйгом не были, но именно так была воспринята вице-президентом его угроза. И не без веского на то основания. «Я испугался. На примере заседаний совета национальной безопасности я знал, как действуют разведывательные органы. Поэтому я опасался за свою жизнь. Если бы было принято решение о моей ликвидации путем подстроенной автомобильной катастрофы, инсценированного самоубийства или чего-нибудь еще в том же роде, истоки подобного приказа, исходящего из Белого дома, трудно было бы проследить, как это было с приказом убить Кастро», — заявил Агню представителям печати, собравшимся в номере нью-йоркского отеля «Уолдорф-тауэрс», где он остановился по пути в Европу. Более того, Агню сказал, что он до сих пор не знает, говорил ли Хэйг от имени Никсона или от имени кого-нибудь еще. «У Хэйга могли быть и другие связи. Откуда я знаю, кого он предпочитал видеть там?» — многозначительно заметил Агню, намекая на президентское кресло.

Когда эти откровения бывшего вице-президента дошли до Хэйга, то он охарактеризовал их как «чудовищные» и не заслуживающие опровержения. Что касается генерала Данна, который, подобно Хэйгу, вышел в отставку и возглавляет сейчас «Кэн мэнюфэкчурерс», то он отреагировал следующим образом: «Я, как и все, читаю детективные романы. Дай бог, чтобы наши разведывательные ведомства были хотя бы на одну треть столь же эффективны в жизни, как в литературе... Агню, будучи вице-президентом, находился под охраной секретной службы. А она соперничает с другими разведывательными органами и гордится тем, что не теряет своих подопечных — клиентов. Представляете, какая создалась бы неразбериха, если бы одна ветвь разведки пошла на другую». По-видимому, выйдя в отставку, его высокопревосходительство, а ныне просто мистер Данн, уволил на пенсию и свою память. История и практика разведорганов США показывают, что живут они между собой, как кошка с собакой. Возьмем хотя бы тот же Уотергейт. А что касается того, что якобы секретная служба не теряет своих клиентов, то в свете убийства братьев Кеннеди подобное утверждение звучит по меньшей мере неубедительно.

И все-таки наиболее примечательное место в реакции Данна — сравнение мемуаров американских политических деятелей с детективными романами. Даже если сделать скидку на сенсационность, вызванную соображениями рекламы, криминальный жанр этих мемуаров диктуется главным образом криминальным характером описываемых в них событий. Вот что действительно чудовищно, мистер Хэй!

И еще один штрих, правда, не детективного, а морально-бытового характера. Ушедший на покой Спиро Агню живет в Калифорнии на Ранчо-мираж неподалеку от Палм-Спрингс, где расположились виллы богатых и сильных мира сего. Соседями Агню являются знаменитый певец Фрэнк Синатра и бывший президент США Джеральд Форд, сменивший его когда-то на посту вице-президента. Дом Агню граничит с площадкой для игры в гольф. Здесь Агню и Форд иногда встречаются, но никогда не разговаривают между собой и даже не обмениваются приветствиями. Агню не поддерживает отношений и со своим бывшим патроном. Когда однажды Никсон позвонил ему, Агню отказался подойти к телефону. Да, обитатели вашингтонских коридоров власти — это пауки в банке, вернее, скорпионы. Их личное измельчание по сравнению с «отцами-основателями» республики символически отражает эрозию буржуазной демократии, ее нравов.

...В своей «Воле» Гордон Лидди пишет о том, что в детстве он был очень пугливым ребенком, боялся крыс, грозы и так далее. И вот он решил закалить свою волю. Однажды он увидел на кухонном полу дохлую крысу. Превозмогая ужас, Лидди все-таки рискнул дотронуться до нее. Затем, чтобы окончательно побороть в себе страх, он поджарил крысу, съел ее ножки, а остальное захоронил. Затаптывая землю, Лидди заметил, что их домашний кот Томми наблюдает за ним. «Я улыбнулся: с этих пор крысы должны были бояться меня, как котов. Ведь я тоже поедал их», — «морализует» Лидди.

Для того, чтобы иметь возможность поедать не только крыс, но и более крупную дичь, Лидди поступил в академию ФБР. Здесь его страстью стала наука убивать. «Я научился убивать людей даже с помощью простого карандаша, калечить их, ослеплять», — пишет Лидди. Он буквально помешался на стрельбе по мишеням. Стрелял до того, пока не обдирает кожу с указательного пальца правой руки. Заклеив кровоточащий палец пластырем, Лидди продолжал стрелять, пока пластырь тоже не протирался. Он не соглашался жениться на

любимой девушке, пока ФБР не удостоверило ее благонадежность. А во время свадебной церемонии держал револьвер под фраком.

Что это — паранойя или самореклама? Скорее всего и то, и другое. Но дело, конечно, не в том, что Лидди побеждал в себе чувство страха, а в том, что он и ему подобные насаждают и культивируют это чувство в обществе насилия, подменяя Декларацию независимости законами джунглей. Это и есть подлинная американская сага.

Вашингтон.

Апрель 1980 года.

МИСТЕР «НИКАКИХ НЕОЖИДАННОСТЕЙ»

Представьте себе гигантскую корпорацию, имеющую более двухсот тысяч держателей акций и около полумиллиона служащих. Представьте себе грандиозный международный конгломерат, владеющий в 93 странах 331 дочерней фирмой, у которых, в свою очередь, водятся еще 708 дочерних фирм, производящих буквально все — от телефонов до губной помады, от автомобилей до ветчины. Представьте себе, что эта корпорация-конгломерат, считающая себя американской, в годы второй мировой войны производила в фашистской Германии бомбардировщики «Фокке-Вульф», которые топили американские суда, предоставляла германской разведке свои средства связи в Латинской Америке для оповещения подводного флота гросс-адмирала Деница, а после войны имела наглость потребовать у правительства США 27 миллионов долларов «компенсации» за то, что союзническая авиация «нанесла ущерб» ее заводам «Фокке-Вульф», потребовать и... получить! Представьте себе, наконец, что эта корпорация-конгломерат, занимающая, согласно знаменитым индексам журнала «Форчун», девятое место в списке индустриальных левиафанов с годовым оборотом в девять миллиардов долларов и фиксирующая непрерывный рост прибылей вот уже на протяжении двенадцати с половиной лет, ухитряется тем не менее платить государственной казне столь же непрерывно убывающие суммы налогов. И вот это чудовище, начиненное сюрпризами, как бомба тринитротолу-

олом, имеет в качестве председателя совета директоров человека по прозвищу «Никаких неожиданностей»!

Корпорация, о которой идет речь, называется «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ). Имя мистера «Никаких неожиданностей» — Гарольд Сидней Дженин.

Согласно мифологии американского бизнеса, происхождение прозвища Дженина таково: почти сразу же после того, как он возглавил «Интернэшнл телефон энд телеграф» в качестве ее президента, Фидель Кастро объявил о национализации средств связи на Кубе, принадлежавших ИТТ еще с конца двадцатых годов. В течение продолжительного времени мистер президент пребывал в состоянии глубокого шока. Наконец, несколько отдышавшись, он созвал своих подчиненных из всех 93 стран, пораженных раковым метастазом ИТТ, в штаб-квартиру корпорации — 33-этажный небоскреб в готическом стиле на улице Брод-стрит в Даун-тауне, деловом квартале Нью-Йорка. Сидя в кабинете-салоне эпохи короля французского Людовика XIV под портретом папы римского Пия XI, Гарольд Дженин, буравя своих вассалов взглядом потревоженной совы, грозно изрек:

— Я не желаю, слышите, не желаю и не потерплю никаких неожиданностей!

С тех пор фраза эта стала сакраментальной. Дженин неустанно повторяет ее на собраниях акционеров и заседаниях совета директоров, на светских банкетах и конфиденциальных брифингах. Недавно штаб-квартира ИТТ перебазировалась из готического небоскреба с Брод-стрит в небоскреб из стекла и стали на Парк-авеню, и остряки советуют пустить по его фронтону неоновую вязью: «Никаких неожиданностей». Но людям, знающим прошлое ИТТ и ее настоящее, знающим характер Дженина, имеющего еще одно прозвище — «Микеланджело бизнеса», которым его наградила французский журнал «Антреприз», совсем не до смеха. Ведь «Интернэшнл телефон энд телеграф» с не меньшим на то основанием может именоваться «Интернэшнл плац энд кинжал». Корпорация располагает своей собственной разведывательной сетью, которую когда-то сравнивали с немецким «абвером», а сейчас — с ЦРУ. (Кстати, в годы войны на ИТТ работали рука об руку в Швейцарии Аллен Даллес и банкир — генерал СС Курт фон Шрёдер.) Руководители ЦРУ признают, что разведка ИТТ

«более мобильна и лучше экипирована», чем их собственная. «О многих важнейших событиях, происходящих в той или иной части земного шара, мы узнаем позже Дженина», — говорят они. Причиной тому не только бесконтрольный бюджет и чудеса коммуникаций. Некоторые из этих событий непосредственно инспирируются мистером «Никаких неожиданностей».

Если деятельность «Интернэшнл телефон энд телеграф» на международной арене напоминает хитросплетения ЦРУ, ее деятельность в рамках Соединенных Штатов направляется параллелью к ФБР. Согласно порядку, заведенному Дженином, копии всех телеграмм, отправляемых или получаемых сотрудниками ИТТ, — деловых и личных, с финансовыми отчетами или с восточкой любовнице о приглашении на завтрак — отсылаются на просмотр высшим жрецом корпорации. «Наши копировальные машины работают круглосуточно. От них пар валит», — невесело шутят сотрудники ИТТ. И хотя от электронных компьютеров пару валить не положено — не та эпоха, — в этих словах нет ни грама преувеличения. Почта ИТТ рассылается в конвертах, запечатанных особым клеем; ее открытые депеши, как правило, зашифрованы. «Тайны ИТТ охраняются строже хитросплетений Ватикана и личной жизни английской королевы», — пишет журнал «Нью-Йорк». Чистка аппарата и промывка мозгов поставлены Дженином на научную основу. Ее катехизис — книга под классическим названием: «Обучение, переобучение и перепереобучение служащих». Когда двойное «пере» не помогает, служащий превращается в безработного...

«Микеланджело бизнеса» стремится сделать из ИТТ Сикстинскую капеллу мира монополий. «Гарольд начинает свой день с просмотра шкалы доходов корпорации, как обычные смертные — с бритвы. Она его зеркало», — говорят люди, близко знающие Дженина.

Из этого зеркала на мистера «Никаких неожиданностей» смотрит хитрое и жестокое лицо, напоминающее одновременно лисью морду и голову совы. За очками в легкой оправе — их называют бухгалтерскими — мигают глаза, умные и колючие. Мистер «Никаких неожиданностей» знает себе цену, хорошо знает. Его годовая зарплата, которую он сам себе платит — 813 311 долларов, — самая высокая в Америке среди

менеджеров гигантских компаний. Впрочем, как без ложной скромности поведал Дженин журналу «Форбс», сие не так уж много, если учесть, сколько миллиардов долларов он заработал для ИТТ.

Дженин, надо отдать ему должное, щедр не только к себе. Жалование сотрудников ИТТ, как правило, на десять процентов выше, чем в других компаниях.

«Старик платит нам чуть-чуть больше той суммы, в которую мы сами себя оцениваем. Зато дерет с нас семь шкур», — жалуются его подданные. ИТТ стоит на первом месте в пирамиде американского бизнеса по количеству алкоголиков и разведенных. «Людей ИТТ легко можно опознать по блуждающему взгляду и синякам под глазами. Они всегда немножко того», — говорят физиономисты с Уолл-стрита. Потогонная система мистера Дженина носит вполне благопристойное и даже научное название: «Философия агрессивного ожидания и эффективных акций для достижения конечной цели». Конечная цель, разумеется, прибыли и сверхприбыли. Здесь Дженин не терпит никаких неожиданностей. Если джентльмены из ИТТ своими эффективными акциями не удовлетворяют агрессивные ожидания босса, им указывают на дверь. Исключений не бывает. Чем выше стоит джентльмен на иерархической ступени ИТТ, тем больше он шлепается. «Мой лимузин — моя тюрьма», — говорят директора «Интернэшнл телефон энд телеграф». Их юмор — юмор висельников. Надзирает за ними некто Герберт Кнортц, правая рука Дженина, о котором говорят, что у него мозги, как компьютер, глаза, как телевизор, а уши, как подслушивающее устройство. Иные предпочитают сравнивать Кнортца с Гиммлером, а эрудиты — с Жозефом Фуше.

По слухам — ибо воочию этого еще никто не видел — Кнортц — единственный человек в ИТТ, который осмеливается перечить Дженину. Более осведомленные утверждают, что это лишь трюк Дженина — он делает публицити своему Фуше; пусть его по сильнее боятся. Мистер «Никаких неожиданностей» — полновластный хозяин корпорации. Энтони Сэмпсон, известный английский публицист, автор «Анатомии Британии», характеризует его как диктатора и деспота, который усвоил девиз британского колониализма — «разделяй и властвуй» и правит своей компанией «не как океан-

ским лайнером или хотя бы броненосцем, а как пиратской шхуной».

Страсть к диктатуре у Дженина род недуга. Недуг этот наследственный. Им заразил ИТТ еще основатель компании, ее первый президент полковник Бенн. Международные связи «Интернэшнл телефон энд телеграф» находились и находятся в теснейшем переплетении с диктаторскими режимами. Контрагентами ИТТ были Примо де Ривера и Франко, Гитлер и Муссолини, Батиста и Антонеску. В кормушке ИТТ пасутся стада латиноамериканских марионеток. Мистер «Никаких неожиданностей» упрямо ставит на диктаторов, требуя от них взамен «представительских расходов» лишь одного — никаких неожиданностей. Политических и тем более социальных. Конгломерат, находящийся на передовом рубеже научно-технической революции, исторически прикован к средневековью. Вот почему, патентуя выдающиеся открытия, он одновременно пытается закрывать Америки, если последние не вписываются в карту мира, висящую в кабинете Гарольда Сиднея Дженина. Не вписываются по своей политической конфигурации и социальной окраске.

Но ставить на диктаторов — значит играть в испорченный телефон. Диктаторы приходят и уходят. Тут нет никаких неожиданностей. Тут все закономерно. Мистеру Дженину известно это из первых рук. Сколько раз, поднимая трубку своего телефона, чтобы перекинуться веским словечком с тем или иным призракoм дня вчерашнего, он слышит на том конце провода многозначительное молчание, а сквозь него высокочастотное дыхание века. Своды телефонно-телеграфной Сикстинской капеллы обрушиваются на «Микеланджело бизнеса», но он упорно затыкает уши себе и глотки другим. Казалось бы, непогрешимый жрец, о котором говорят, что он возвысился благодаря «двойной бухгалтерии в постижении человеческих ошибок», афоризмы которого на сей счет широко цитируются в многочисленных руководствах по менеджменту и зазубриваются наизусть будущими капитанами американского, европейского и японского бизнеса, упорно отказывается применять к самому себе эту двойную бухгалтерию. Отравленный «философией агрессивного ожидания и эффективных акций для достижения конечной цели», он тщетно пытается повернуть вспять колесо истории, словно

оно диск его телефонного аппарата. Он засылает своих людей в Пентагон, госдепартамент и ЦРУ, он предоставляет генералам Пентагона, дипломатам госдепартамента и агентам ЦРУ сочные директорские синекуры в ИТТ, он штурмует во главе могущественного лобби Капитолийский холм и кулуары конгресса. Не находя выхода, он, холодный игрок и высохший бухгалтер, теряет голову, голову мудрой совы и, забывая о декоруме, совершает опрометчивые поступки.

Так произошло, например, с «делом о чилийском миллионе». Но, прежде чем перейти к рассказу об этой цифре, необходимо хотя бы вкратце упомянуть еще о двух — ста пятидесяти миллионах и тридцати шести процентах. Первая цифра — ее следует рассматривать в долларах — отражала сумму капиталовложений ИТТ в Чили. Вторая цифра — ее следует рассматривать в голосах — отражала количество бюллетеней, полученных Сальвадором Альенде на президентских выборах 4 сентября 1970 года. Вторая цифра угрожала первой. Тридцать шесть процентов гарантировали Альенде победу на заключительном этапе выборов, который должен был состояться 24 октября того же года в чилийском конгрессе. А Альенде обещал национализировать имущество ИТТ и был полон решимости сдержать это свое обещание.

Оказавшись перед лицом столь неприятной неожиданности, мистер «Никаких неожиданностей» послал к шефу ЦРУ Ричарду Хелмсу его близкого друга бывшего шефа ЦРУ, а ныне директора ИТТ Джона Маккоуна с предложением пошуровать в четыре руки за кулисами чилийской политики. Хелмс проявил «живейший интерес» к предложению Дженина. Вскоре в Вашингтоне состоялась секретная встреча между мистером «Никаких неожиданностей» и эмиссаром Хелмса Вильямом Брэ, «гроссмейстером шпионажа», руководителем подрывных операций ЦРУ в западной хемисфере, то есть в Латинской Америке. Человек дела, Дженин с ходу предложил своему понятливому и податливому собеседнику «значительный фонд» — миллион долларов за «незначительную услугу» — не допустить водворения Альенде в президентский дворец «Ла Монеда».

За несколько дней до голосования в чилийском конгрессе Вильям Брэ и вице-президент ИТТ Эдвард Геррити разработали «возможные акции американских компаний для создания

нарастающей экономической нестабильности в Чили». (Из показаний Брэ в подкомитете сената по мультинациональным корпорациям.) Предполагалось, что ИТТ вместе с другими «заинтересованными юридическими лицами» вроде «Анаконды», «Кеннекотт коппер», «Бэнк оф Америка», «Пфицер, инк» и «Рэлстоун пюрина» развернет форменную войну — саботаж против правительства Народного единства. Банки должны были отказывать ему в кредитах, монополии — в поставках оборудования, запасных частей и технической помощи. Предполагалось искусственное создание финансового хаоса, взрыва паники с последующим закрытием страховых компаний, сберегательных и ссудных касс.

Пока Брэ и Геррити занимались «техническими деталями», Дженин подбивал Вашингтон на создание в Чили коалиции реакционных сил, чтобы остановить Альенде на пути к «Ла Монедо» или свергнуть его, если он все-таки попадет туда. Так родилась «формула Алессандри» — меморандум Дженина. Смысл его сводился к следующему: противопоставить Альенде экс-президента Алессандри, который после победы должен был уйти в отставку, и передать бразды правления хунте генералов-компрадоров. Формула пришла по вкусу обитателям вашингтонских коридоров власти, и американский посол в Сантьяго Эдвард Корри получил соответствующие инструкции. Как сообщал Дженину его чилийский проконсул, сообщал, захлебываясь от восторга, «послу дали зеленую улицу, чтобы удержать Альенде от прихода к власти». Много позже в ходе сенатского разбирательства Корри охарактеризовал эту реляцию как «вводящую в заблуждение», однако наотрез отказался раскрыть характер полученных им инструкций, воскликнув с наигранным возмущением и благородством, что «было бы аморально разглашать детали привилегированных коммуникаций между посольством и правительством...» Ах, уж эти некокоммуникабельные моралисты!

Однако, несмотря на все меры, принятые мистером «Никаких неожиданностей», его ожидало горькое разочарование: Альенде стал президентом Чили и вскоре подписал закон о национализации «Интернэшнл телефон энд телеграф». Плакали сто пятьдесят миллионов долларов Гарольда Сиднея Дженина.

Сам Дженин, утерев невидимые миру слезы и протерев знаменитые бухгалтерские очки, стал готовиться к реваншу, подстегиваемый все той же «философией агрессивного ожидания и эффективных акций для достижения конечной цели». Сидя за столом эпохи Людовика XIV («Государство — это я») и молясь на портрет папы римского Пия XI («Не укради» или «Не убий?»), мистер «Никаких неожиданностей» сочинял очередной наказ госдепартаменту и ЦРУ. Назывался этот наказ «Программой из 18 пунктов». Все восемнадцать пунктов Дженина, выдержанные в духе «дипломатии канонеров» (помните слова Сэмпсона о пиратской шхуне?), выдавали его пунктик: Латинская Америка семидесятых годов XX века по-прежнему мерещилась мистеру «Никаких неожиданностей» связкой банановых республик в авоське «Юнайтед фрут» или «Джерси стандарт».

Вооруженный «Программой» своего повелителя, шеф вашингтонского отделения ИТТ Вильям Мерризм постучался в кабинет Питера Петерсона, занимавшего тогда пост помощника президента США по международным экономическим проблемам. Подобно мифологической сирене, Мерризм услаждал слух Петерсона: «Надо сделать все тихо, но эффективно, для того, чтобы Альенде не продержался более шести месяцев». В отличие от мифологического Одиссея Петерсон не дал себе труда привязаться к мачте корабля (государственного), дабы не впасть в искуc. Было решено употребить джениновский миллион на финансирование оппозиционной правительству Альенде печати и на создание «надежных источников в чилийских вооруженных силах».

Практическое осуществление «Программы» поручалось нашему старому знакомому гроссмейстеру по латиноамериканским гамбитам Вильяму Брё. (Несколько позже, оправдывая перед сенатским подкомитетом «Программу» Дженина, один из директоров ИТТ, Джэк Нил, имевший за спиной тридцать пять беспорочных лет службы в госдепартаменте, дипломатически, как это ему показалось, заметил: «Люди ИТТ в долгу не только перед собой, но и перед чилийским народом. Чилийцы — великие демократы, и наша священная обязанность предотвратить превращение их страны во вторую Кубу...» В сентябре 1973 года ИТТ сыграла далеко не последнюю роль в превращении Чили во вторую Германию

эпохи начала «тысячелетнего царства». Мистер «Никаких неожиданностей» прочувственно облобызал генерала-палача Пиночета и по телефону, и по телеграфу.)

«Дело о чилийском миллионе» стало достоянием гласности благодаря разоблачениям, сделанным знаменитым «разгребателем грязи» журналистом Джэком Андерсоном. Разразился грандиозный скандал. Пришлось вмешаться сенату. Было назначено слушание. Директора ИТТ, вызванные на Капитолий в качестве свидетелей, давали сбивчивые и противоречивые показания. Вице-президент компании Геррити, постоянно улыбающийся, оборожительный и общительный, как и подобает быть человеку, ответственному за паблицити фирмы, тратящему на ее «духовную косметику» сто миллионов долларов в год и получающему за это двести тысяч долларов жалованья, договорился даже до того, что объявил целью «Программы» своего босса «осчастливить президента Альенде американским присутствием». Уже тогда это звучало чудовищным лицемерием и кощунством. После зверского убийства Альенде фраза Геррити приобрела особый смысл, стала темой рока в чилийской трагедии...

Сенатское разбирательство застигло врасплох главных действующих лиц закулисной трагикомедии. Свидетели от ЦРУ не отрицали существования «чилийского миллиона», свидетели от госдепартамента утверждали, что слыхом о нем не слыхали. Так Чарльз Мейер, помощник государственного секретаря Роджерса по латиноамериканским делам, разыгрывал из себя человека, свалившегося с Луны, где присутствие ИТТ пока что ограничивается спорадическим оборудованием для космических исследований.

— Совершенно очевидно, что кто-то из вас лжет, — подвел итоги слушания председатель подкомитета сенатор Фрэнк Чэрч.

А в соответствующем подкомитете палаты представителей конгрессмен Клиффорд Кэйз в сердцах воскликнул:

— На кого же в конце концов работает ЦРУ — на Соединенные Штаты или на «Интернэшнл телефон энд телеграф» и Дженина?!

Краткий, но авторитетный и исчерпывающий ответ на этот во многом риторический вопрос дал сам Дженин. Его появление в конгрессе было кульминационным пунктом

разбирательства. Восхождение мистера «Никаких неожиданностей» на Капитолийский холм не имело ничего общего с восхождением Христа на Голгофу. Дженин прибыл в сенат, окруженный свитой адвокатов и телохранителей. Он был в отменном расположении духа, отпускал остроты направо и налево, доверительно подмигивал законодателям и телевизионным камерам. Сверкая неизменными бухгалтерскими очками и тыча указательным пальцем то в телеобъективы, то в физиономии несколько опешивших сенаторов, Дженин, преподав им наглядный урок стопроцентно американского патриотизма, безапелляционно заявил:

— Да, я дважды предлагал деньги Центральному разведывательному управлению, чтобы не допустить избрания Альенде президентом Чили...

Продолжать дальше разбирательство было бессмысленно, и его прекратили. В тот же день. А щуку? А щуку бросили в реку.

Дело в том, что на крючке находилась не щука. Крючок крепко держал самого рыбака, глубоко впившись в его податливые взяткам ладони. Именно в их извилинах, по которым бойкие на язык цыганки читают будущее, чилийский миллион был неразрывно переплетен с майамскими двумястами тысячами.

Итак, еще одна цифра — двести тысяч, разумеется, долларов, но почему майамских? Съезд республиканской партии в канун президентских выборов 1972 года состоялся на фешенебельном флоридском курорте Майами-Бич. Партийная касса республиканцев была к тому времени основательно изрешечена шрапнелью предвыборных боев. Аренда Дворца съездов, дорогих отелей, монтаж коммуникаций, транспортные расходы и прочая проза жизни стоили огромных расходов. Конечно, кое-что можно было добыть в долг, но задаток требовалось выложить на бочку звонкой монетой. И это сделала ИТТ, поручившись двумястами тысячами долларов за «великую старую партию».

Как принято говорить в подобных случаях, «Интернэшнл телефон энд телеграф» раскошелилась отнюдь не ради прекрасных глаз старой республиканской леди. В тот год мистер Дженин, обладающий лицом совы, но аппетитом удава, с особой интенсивностью заглатывал всевозможные компании,

расширяя сверх всякой меры границы своего конгломерата. Досье ИТТ в комиссии по антитрестовскому законодательству уже занимало тридцать четыре объемистых ящика и продолжало катастрофически распухать. Когда Дженин присоединил к ИТТ «Хэртфорд файр иншурэнс компани», гигантскую страховую фирму, начальник антитрестовского отдела министерства юстиции некто Ричард Маклэрен аж взвыл от изумления и скрепя сердце назначил расследование. К тридцати четырем ящикам прибавился тридцать пятый, но само дело откладывалось в долгий ящик, а затем просто сыграло в оный. Правительство санкционировало захват Дженином страховой компании «Хэртфорд файр». Майамские двести тысяч оказались весьма веским аргументом в пользу удава.

Пока Ричард Маклэрен упражнялся в булавочных уколах правосудия, мистер «Никаких неожиданностей» развил бурную закулисную деятельность. Он делегировал своего вице-президента вечно улыбающегося Эдварда Геррити к другому вице-президенту — Спиро Агню, а сам занялся обработкой министра юстиции Митчелла, министра финансов Коннэли, министра внутренних дел Мортонна, двух министров торговли — Стэнса и Питерсона и, наконец, помощников президента — всесильного тогда Джона Эрлихмэна и Чарльза Коулсона,

Подавляющее большинство собеседников Дженина сошло с политической сцены в связи с так называемым «Уотергейтским делом». Имеются весьма веские основания предполагать, что это совпадение далеко не случайное. Сие, конечно, касается не только марки подслушивающих устройств и профиля бывших агентов ЦРУ. Ставшие достоянием гласности меморандумы верхушки ИТТ о встречах с механиками вашингтонской карусели проливают свет на ее нравы. (Это в особенности касается отчетов о завтраках между Геррити и бывшим вице-президентом США Агню, именуемым в меморандумах фамильярно «Тед».) Во время разбирательств на Капитолии все участники дела о майамских двухстах тысячах, разумеется, отвергали под присягой какую-либо причастность к махинациям ИТТ и Дженина, ссылаясь на свою «антитрестовскую философию». Но, как свидетельствует все тот же Уотергейт, как свидетельствует позорная и беспреце-

дентная отставка «Теда» Агню, клятвопреступление стало заведенным порядком вещей в вашингтонских коридорах власти.

Что же касается жертв Уотергейта, то не стоит удивляться, если в самом ближайшем будущем мы обнаружим кое-кого из них в списках директоров «Интернэшнл телефон энд телеграф». Клятвопреступники не краснеют, но долг платежом красен. О них позаботятся. И в этом не будет никакой неожиданности. Не так ли, мистер Дженин?

...Как правило, в конце года, где-то накануне рождества, я получал от пресс-службы ИТТ посылку: настенный календарь, карманную адресно-телефонную книжку в изящном тиснении, итоговый отчет компании перед акционерами, смахивавший и по форме, и по содержанию скорее на торжественный адрес, чем на финансовый документ, и, наконец, предложение услуг — установка телетайпа, посылка телеграмм и так далее. Настенный календарь отписывался сыну, книжка в изящном тиснении — жене, а итоговый отчет и предложение услуг отправлялись в корзину для бумаг. Ритуал этот, ставший рутиной, повторялся из года в год. Лишь однажды под влиянием дела о чилийском миллионе и майамских двухстах тысячах я несколько нарушил обычную процедуру. Конечно, календарь достался сыну, книжка — жене, а предложение услуг — мусорной корзине. Но вот вложенным в итоговый отчет приглашением на ежегодное собрание акционеров «Интернэшнл телефон энд телеграф» я решил воспользоваться. И не пожалел.

Не буду описывать само собрание. Оно мало чем отличалось от тех, что созывают другие американские компании, и представляло традиционный опыт массового очковтирательства и промывки мозгов, слегка замаскированный правилами хорошего тона, обычно царящими в обществах взаимного восхищения. Доклад и речи были оптимистическими и монотонными, как песенка «Все хорошо, прекрасная маркиза» без ее иронического подтекста. Люди торопились в буфет, рвались к коктейлям, и мажордомы — организаторы шоу охотно шли навстречу священным позовам суеты сует, понимая, что акционера, как и соловья, нельзя кормить одними баснями.

Да, описывать ежегодное собрание акционеров ИТТ, так сказать, от и до нет смысла. Я хочу рассказать лишь об одном

небольшом эпизоде. В какой-то момент финансового богослужения по знаку, незаметно поданному Дженином, он, его вице-президенты и директора, сидевшие за длинным столом президиума, одновременно вскинули ноги и с грохотом обрушили их на зеленое сукно. Ноги жрецов ИТТ были обуты в белые баскетбольные кеды, на подошвах которых красной краской были выведены буквы. Сначала я, как, впрочем, и весь зал, вздрогнул от неожиданности. Придя в себя, я взглянул на красные буквы, бежавшие по белым кедам и зеленому сукну. Они складывались во фразу: «Новый год. Быстрый старт». Зал взорвался бурной овацией. Акционеры неистовствовали. Можно было идти в буфет пить коктейли. Лисья мордочка мистера «Никаких неожиданностей» сияла от удовольствия. На ней холодно поблескивали бухгалтерские очки.

Жизненный старт самого Гарольда Сиднея Дженина был на удивление быстрым. Его ноги, обутые, правда, не в баскетбольные кеды, а в черные ботинки стиля «бизнес», протопали не одну сотню километров по заснеженному бумажным мусором паркету фондовой биржи Нью-Йорка. Он начинал в качестве биржевого пажа, то есть мальчика на побегушках, и в этом качестве испытал знаменитый крах 1929 года, травматическое влияние которого, как в дальнейшем революции на Кубе, имело первостепенное значение в формулировании принципа «никаких неожиданностей».

Биржа привила маленькому Дженину большую любовь к большим цифрам и компаниям. Его феноменальный бухгалтерский талант и не менее грандиозный пиратский аппетит сделали свое дело. Он взбирался по ступеням власти с ловкостью горного козла. Все выше и выше: от «Лайбрэнд Росс Брос энд Монтгомери» через «Рэйтеон» к «Интернэшнл телефон энд телеграф». Рассказывают, что Дженин сменил «Рэйтеон» — гигантскую корпорацию в электронном бизнесе — на ИТТ в связи с тем, что ее президент Чарльз Фрэнсис Адамс, потомок великих американских государственных мужей, слишком уж зажился на белом свете, а Дженину, который был старшим вице-президентом, стукнуло пятьдесят лет, и ему наскучило «иметь посредников между господом богом и собой». Тогда-то совет директоров ИТТ предложил Дженину ботфорты полковника Бенна, отправившегося в мир

иной. Ботфорты, несмотря на их раблезианские размеры, оказались вполне по ноге их новому владельцу, и он бодро зашагал дальше и выше по кручам американского и мирового бизнеса.

Сейчас между мистером «Никаких неожиданностей» и господом богом уже нет никаких промежуточных инстанций. Общаются они по прямому проводу. ИТТ, разумеется. На Уолл-стрите саркастически посмеиваются: Дженин, мол, скоро самого всевышнего за пазуху заткнет; все дело, мол, в его будущем произношении. Каким быть ему — твердым, как у бога, или мягким, как у Иисуса?¹

А пока вопрос о произношении еще не решен, мистер «Никаких неожиданностей» председательствует не на небесах, а на двенадцатом этаже своей штаб-квартиры на Парк-авеню за специально по его проекту сконструированным столом в форме гигантской подковы, установленным в конференц-зале. Подкова не к счастью. Дженин не суеверен. Просто она дает возможность одновременно наблюдать за всеми апостолами. Ни один ангелок за крылышками другого не спрячется. Мистер Дженин не любит никаких неожиданностей. (Заседания за подковообразным столом сотрудники ИТТ за спиной шефа называют «святой инквизицией».)

Внешне Дженин мало чем напоминает легендарных баронов-разбойников эпохи первоначального накопления, массивных, как несгораемые шкафы, и громоподобных, как олимпийцы. Он скорее похож на гнома, вернее, на безбородый вариант пушкинского Черномора. Экстравагантный кабинет-салон в стиле Людовика XIV и портрет папы римского Пия XI достались ему в наследство от полковника Бенна, человека, любившего и умевшего пожить на широкую ногу, джентльмена в гранд-манере и неисправимого гурмана. Воцарившись в ИТТ, Дженин первым делом рассчитал шеф-повара своего предшественника, великого искусника плиты, которого полковник похитил из парижского «Максима». Опечаленным директором мистер Дженин назидательно заметил:

---

¹ Непереводимая игра слов. По-английски фамилия главы ИТТ пишется Genip, но первая буква читается не как «г» — «год», то есть бог, а как «дж», то есть Джизус-Иисус.

— Полковник был человеком своего времени, я — своего. — И после непродолжительной паузы добавил: — Я предпочитаю обычные «гамбургеры»...¹.

Поклонник обычных «гамбургеров» живет неподалеку от штаб-квартиры «Интернэшнл телефон энд телеграф», чтобы всегда быть как можно ближе к своим цифрам и индексам, над которыми он нередко корпит до полуночи. Цифры его единственная страсть, цифры, дающие власть над людьми и событиями, цифры, не таящие никаких неожиданностей, подчиняющиеся законам двойной бухгалтерии. Он не расстанется с ними даже тогда, когда отправляется на отдых во Флориду. Его мрачная вилла, прозванная «Домом с привидениями», находится по соседству с дачей экс-президента Никсона в Ки-Бискэйн. А у причала стоят бок о бок их яхты. Яхта Дженина «Джени IV» — плавучий вариант конференц-зала небоскреба ИТТ на Парк-авеню. «В то время, как гости удят рыбу в Атлантике, Гарольд удит ее в карманах гостей», — утверждают его конкуренты — злые языки. Что ж, им виднее. Рыбак рыбака видит издалека. А «Джени IV» при некотором — суцая чепуха — насилии над воображением напоминает пиратскую шхуну, правда, без «йо-го-го» и бутылки рому.

Энтони Сэмпсон пишет, что Дженин не просто управляет ИТТ, а пытается создать «вековечную систему», которая пережила бы его самого. Он не хочет никаких неожиданностей даже после своей смерти. Он еще терпит мебель в стиле Людовика XIV, но теорию Людовика XV — «После меня хоть потоп» — не приемлет. Ведь потоп — неожиданность. А Дженин не прожигатель жизни; он страж капиталистического образа жизни. И это далеко не одно и то же. Недаром его идеалом в мифологии американского бизнеса является Альфред Слоан, крестный отец «Дженерал моторс», который тоже имел свою «вековечную систему», больше пригодную для господства над миром, чем для ведения дел автомобильного концерна. И недаром из этой системы родилась формула-заповедь: «Что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо для Соединенных Штатов».

¹ Мясные котлеты; подаются на поджаренном хлебе с картошкой. Самое распространенное в Соединенных Штатах блюдо из тех, что готовятся на скорую руку.

Герб «Интернэшнл телефон энд телеграф» — ангел, между распростертыми руками которого пробегает молния от западного полушария нашей планеты до восточного. Задуманный как символ коммуникаций, он претерпел коренную метаморфозу и воспринимается сейчас как ангел мщения старого мира новому, как падший ангел, жаждущий испепелить неожиданности мира сего. Вглядываясь пристально в огнедышащее лицо электрического ангела, невольно узнаешь в нем черты Гарольда Сиднея Дженина. Он публично песочит Уайтхолл за «поспешность», проявленную британским колониализмом в ликвидации империи. Он требует у Даунинг-стрит, 10, безоговорочной поддержки родезийского расиста Смита. Он призывает Пенсильвания-авеню, 1600¹, ввести войска в арабские страны, чтобы «защитить наши нефтяные интересы». Он ненавидит майора Кастро и обожает генерала Стресснера². На его руках кровь Че Гевары и Сальвадора Альенде. Сверхзадача этого сверхчеловека — сверхприбыли. Ловкий, как горный козел, хитрый, как лиса, мудрый, как сова, прожорливый, как удав, он пытается загнать неожиданности века в подземелья прошлого, не понимая всей тщеты подобного предприятия.

Ибо эти неожиданности суть форма проявления исторических закономерностей.

Вашингтон — Бостон — Москва
1969—1979 гг.

ДВУЛИКИЙ ЯНУС

Каждый президент Соединенных Штатов Америки, покидая свой пост, оставляет после себя канонический портрет, который вешают в лабиринтах Белого дома для всеобщего обозрения. Портрет закрепляется навечно зарамленной в позолоте памятью для потомков, памятью и назиданием.

С раннего утра перед Восточными воротами Белого дома выстраивается длинная очередь. Туристы со всех концов

¹ Адрес Белого дома в Вашингтоне.

² Парагвайский диктатор.

мира, американцы из отдаленных штатов, вашингтонские школьники, изучающие историю своей страны, медленно движутся мимо здоровенных полицейских и стриженных «под ежик» сотрудников секретной службы в штатском. Они проходят сквозь анфиладу комнат, со стен которых на них смотрят тридцать шесть президентов, передававших друг другу эстафету власти в течение почти что двух столетий.

Плавное движение очереди иногда прерывается. Создается затор, толчея. Это, как правило, происходит в одних и тех же местах, перед вполне определенными портретами. Я несколько раз проделывал путь, начинающийся от Восточных ворот, и могу лично засвидетельствовать регулярность этой своеобразной пульсации популярности американских президентов. Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Авраам Линкольн, Франклин Делано Рузвельт, Дуайт Эйзенхауэр, Джон Фитцджеральд Кеннеди — перед их портретами чаще всего заквашивается людской водоворот, и нетерпеливым блостителям порядка приходится то и дело прищипывать толпу ледяным душем «Кип мувинг!» — «Пошевеливайтесь!». Оттого, что эти слова произносятся не с обычным надрывом и зыком, а полупшепотом, они приобретают еще более устрашающий характер, и туристский конвейер, нехотя повинувшись, движется дальше.

С конца января 1969 года конвейерную ленту туристов стало заедать в еще одном месте — у двери, ведущей в Зал государственных банкетов. Здесь повесили портрет Линдона Беинса Джонсона. Он никогда не был популярным президентом, отнюдь. Слава его, если он когда-либо и имел ее, была исключительно геростратовской. Людей привлекает не человек, а портрет, не натура, а копия, вернее, история, связанная с ее происхождением. В ней, как в капле воды, отразилась суть президентства Джонсона, отразился и его личный характер, в котором доминировали черты двуликого Януса.

Подобно фараонам Древнего Египта, начинавшим строить свои гробницы-пирамиды сразу же при восхождении на трон, Джонсон, придя в Белый дом, немедленно занялся поисками художника, который увековечил бы его образ для будущих поколений. Таковой был найден в лице выдающегося американского портретиста Питера Харда. Хард взялся за работу и в ноябре 1965 года после многочисленных сеансов привез на тexasское ранчо президента законченное полотно: Джонсон взглянул на него, сделал несколько натянутых

комплиментов художнику, а затем, удалившись в свои покои, дал волю обуревавшему его гневу.

— Это самая безобразная вещь, которую я когда-либо видел! — бушевала уязвленная президентская гордость.

Несколькими годами позже, давая прощальную пресс-конференцию, Джонсон сказал, что он не произносил этих слов, что, вообще-то говоря, портрет понравился ему, сходство было схвачено верно, за исключением одной детали — художник забыл пририсовать над его головой нимб святости. Уходящий президент изволил шутить, но в шутке этой содержалась лошадиная доля истины.

Отвергнув работу Харда, Джонсон призвал ко двору художницу Елизавету Шавматову и стал позировать ей. Портрет, вышедший из-под ее мягкой кисти, привел президента в восторг, и он распорядился повесить его на стенах Белого дома после своего ухода. Именно этот портрет и красуется сейчас у двери, ведущей в Зал государственных банкетов, привлекая внимание туристов и нарушая их плавное скольжение по паркету и коврам резиденции на Пенсильвания-авеню, 1600.

Художница не украсила голову президента нимбом святости. До этого дело не дошло. Но в остальном она постаралась на славу, предпочтя всем цветам палитры хрестоматийный глянец. С канонического портрета на вас смотрит человек с добрыми глазами, излучающими человеческое тепло. Как язвительно заметил по этому поводу публицист Хью Сайди, ведущий колонку «Президентство» в журнале «Тайм», Джонсон на портрете Шавматовой выглядит так, словно он только что вернулся с Южной лужайки Белого дома после возни со своими внучатами, а не из «Ситюэйшн рум», где планировались военные операции во Вьетнаме.

Сравнение двух портретов — канонического и отвергнутого — уже само по себе психологический этюд и политический памфлет. Добрые глаза на одном — колючий взгляд на другом; незлобивые барашки облаков на одном — тяжелые свинцовые тучи на другом; губы, сложенные в улыбку, на одном — поджатые в гневе на другом. На первом портрете Джонсон выглядит много моложе своих лет. Лицо его покрыто здоровым загаром. На нем словно играют отблески «великого общества», построение которого он обещал своим «согражданам-американцам». На втором мы видим жестокого человека, влюбленного во власть, снедаемого ею. Его лицо изборождено

морщинами, подобно тому как планы «великого общества» были иссечены войной во Вьетнаме и непосильными расходами на гонку вооружений, подавлением негритянских гетто и университетских городков.

Короче: на каноническом — голубь, на отвергнутом — ястреб.

Двуликий Янус намеревается впорхнуть в историю воркующим голубем. Он надеется, что за незлобивыми барашками облаков люди не разглядят груженных бомбами и напалмом самолетов, которые он посылал сеять смерть на вьетнамские джунгли. Он надеется, что за белым куполом Капитолия, служащим фоном для его портрета, можно будет упрятать черные дела, свершенные в годы его правления. Тщетно. Этот своеобразный портрет Дориана Грея от политики не сможет послужить оригиналу ни ширмой, ни оправданием. Он останется вечным памятником его двуличию и лицемерию...

Не менее любопытна история отвергнутого портрета. Забрав его, Джонсон невольно сделал бешеную рекламу автору. Художника засыпали сотнями поздравительных писем и заказов. О нем трубили в газетах. Картинные галереи и частные коллекционеры предлагали ему за полотно баснословные суммы. Вернисажи, где оно выставлялось, пользовались оглушительным успехом. Оно было главной приманкой для благотворительных сборов в пользу университета в Нью-Мексико, оперы в Санта-Фе и даже зоологического парка в Фениксе!

Наконец, Хард передал «ястребиный вариант» национальной портретной галереи в Вашингтоне. Директор галереи Чарльз Нейджел сообщил, что портрет Джонсона будет вывешен. Но не тут-то было. Ушедший на покой экс-президент нажал на попечителей галереи и потребовал от них ни в коем случае не извлекать ненавистный ему портрет из запасника и не выставлять его. Глава фонда попечителей — так называемого «Смитсоновского института» — Диллон Райпли заявил, что «пожелание» Джонсона будет уважено.

Голубь в Белом доме — ястреб в запасниках Национальной галереи. Поистине от великого до смешного всего один шаг!

Но у истории есть иной попечитель, которого нельзя уломать, как почтенного мистера Диллона Райпли. Есть у истории и иной суд, от которого не спрятаться ни в каком

запаснике. Он властно извлечет двуликого Януса из, казалось бы, надежных объятий паутины и покажет миру, народам его подлинное лицо, очищенное от ханжеской косметики и хрестоматийного глянца, которыми оно светится в лабиринтах Белого дома, у двери, ведущей в Зал государственных банкетов.

* * *

Самолет был тот же самый — «Боинг-707» американских ВВС за номером 26 000, на борту которого 22 ноября 1963 года он принес президентскую присягу через два часа после убийства Джона Кеннеди в Далласе. На этом самолете он прибыл из проклятого тexasского города в Вашингтон, чтобы войти в Белый дом уже на правах хозяина. На этом же самолете он улетал сейчас из Вашингтона обратно в Техас, чтобы удалиться на свое ранчо от мирской суеты. Оркестр военно-воздушных сил играл «Желтую розу Техаса». Видимо, дирижер хотел сделать приятное экс-президенту, не подозревая, что желтая роза — знак траура.

Он отказался сделать какое-либо заявление перед микрофонами, установленными на всякий случай на платформе близ самолета. Говорить было не о чем. Все было уже сказано и пересказано не раз и не два. Холодный январский ветер теребил его волосы, сильно поседевшие за последние пять лет. Глаза, пойманные в сети морщин, слезились не то от ветра, не то от наплыва чувств. Он машинально пожимал протянутые к нему руки и целовал детей, словно не расставался с властью, а вел очередную избирательную битву за власть.

Пресс-секретарь его супруги госпожа Лиз Карпентер держала над головой транспарант, на котором было написано: «Калпейпер благодарит вас, мистер президент!» Транспарант тоже будил воспоминания о былых сражениях. Во время избирательной кампании 1960 года, проезжая мимо небольшого городка Калпейпер, Джонсон крикнул с подножки вагона его жителям: «Что сделал Ричард Никсон для Калпейпера?» Фраза эта стала крылатой. И вот наконец пришло время, когда, стоя у трапа символического самолета, он уже не задавал вопрос, а выслушивал его: «Что сделал Линдон Джонсон для Соединенных Штатов?»

Пушки с базы Эндрюс дали прощальный залп. Это был конец. Экс-президент взошел по трапу, окинул в последний раз взглядом жидкую толпу провожавших и, как-то неловко взмахнув рукой, исчез в глубине самолета.

Взвыли могучие реактивные двигатели, и «Боинг-707» американских ВВС за номером 26 000 взял курс на Остин, увозя с авансцены истории на ее задворки Линдона Беинса Джонсона — тридцать шестого президента Соединенных Штатов Америки, ставшего уже «экс». В это время оркестр военных моряков перед Белым домом грянул торжественный марш «Да здравствует новый шеф» в честь его счастливого соперника — тридцать седьмого президента США Ричарда Мальхауза Никсона, который принимал парад, стоя на трибуне за пуленепробиваемым стеклом, прижав правую руку к сердцу. Экс-президент не видел парада и не слышал музыки. Никто не осмелился включить телевизор на борту «Боинга».

Его последний день в Белом доме начался как обычно. Проснувшись в семь часов утра, он позавтракал в своей спальне на втором этаже, выходящей окнами на южную сторону лужайки. Затем принял помощников и стал подписывать документы. Одни касались назначений, другие — награждений. Он действовал одновременно как призрак и автомат. Недаром в Америке, согласно статистике, самое большое количество суеверных людей и кибернетических машин.

Несколько позже приехала чета Никсонов. Чтобы рассеять создававшуюся неловкость, заговорили о погоде.

— Как вы думаете, удастся ли нам избежать сегодня снегопада? — спросил Никсон.

— Надеюсь, что да, — ответил Джонсон.

— А как было четыре года назад? — снова спросил Никсон.

— Неплохо. Но вот восемь лет назад...

— О, восемь лет назад было ужасно. Я до сих пор помню снег, — перебил его Никсон.

Разговор о погоде принимал скользкий оборот.

— Не войти ли нам в дом? — предложил Джонсон. — Прошу.

— Нет, нет. До полудня первым все еще идете вы.

Затем они поехали вместе на Капитолий. Пока у подножия лестничного водопада проходила церемония приведения к присяге нового президента, расторопные грузчики вывозили из Белого дома последние пожитки бывшего — кресло-качалку из Овальной комнаты, семейные фотографии и многочисленные сувениры. Тем временем драпировщики меняли красные шторы на зеленые.

Джонсон больше не вернулся с Капитолийского холма в Белый дом. Адресат, прописанный по Пенсильвания-авеню, 1600, Вашингтон, округ Колумбия, выбыл. По словам профессора истории Эрика Голдмана, служившего когда-то помощником у Джонсона, «ни один президент со времен Герберта Гувера, покидавшего Белый дом по Пенсильвания-авеню в холодный день 1933 года, не оканчивал своего срока, пожал так мало осанны и так много вздохов облегчения». Не было ни затуманившихся взоров, ни предательских комков, подступающих к горлу. Джонсон пообедал у своего министра обороны Кларка Клиффорда, а затем отбыл вертолетом на базу Эндрюс. Самолет уже ждал его. Тот самый, на котором совершил свое последнее путешествие в свинцовом гробу и с разбитым черепом Джон Фитцджеральд Кеннеди. Теперь путешествие предстояло совершить ему, Линдону Джонсону. Незадолго до этого он сказал своим друзьям: «Джон Кеннеди был убит в результате покушения. Убит в результате покушения и я. Единственная разница между нами состоит в том, что он мертв, а я все еще жив».

Трудно сказать, что имел в виду экс-президент: то, что в почте Белого дома осело более двенадцати тысяч писем с угрозой убить его? Что только в прошлом году было задержано шесть человек, пытавшихся перелезть ограду Белого дома с целью совершить покушение на его обитателя? Джонсона сравнивали с королем Испании Филиппом II, затворившимся в Эскуриале. Сам он называл Белый дом тюрьмой, а себя — ее пленником. На одном из благотворительных обедов в Нью-Йорке, обращаясь к Никсону и Хэмфри, он полушутливо заметил: «В качестве узника большой тюрьмы, именуемой Белым домом, я с огромным удовольствием предвкушаю тот момент, когда смогу приветствовать одного из вас словами «сосед по камере». Незримые решетки висели на 147 окнах и 412 дверях Белого дома. Таковы политические нравы современной Америки.

Но только ли это имел в виду экс-президент? Или, быть может, в редкие минуты откровенности перед самим собой он вдруг ощущал себя живым трупом и стопроцентным банкротом? Если так, то ему следовало говорить не о покушении, а о приговоре, приведенном в исполнение не Освальдом, а Историей. Никто не стрелял в Джонсона с верхотуры склада школьных учебников в Далласе, но это слишком невесомое основание для того, чтобы войти в школьные учебники синонимом жизни.

Выступая на прощальном обеде в вашингтонском Национальном клубе печати и пошутив насчет того, что он, вернувшись на свое ранчо в Техасе, посидит пару минут в качалке, а затем, нахлобучив ковбойскую шляпу, пойдет разыскивать Уолтера Липпмана¹, Джонсон, приняв постное выражение лица, сказал:

— Если бы у меня — в качестве президента — было право последнего желания, то я пожелал бы вернуть из Вьетнама всех тех, кого я послал туда.

Он мог сделать это в любой момент своего пятилетнего пребывания в Белом доме. Но он не отзывал солдат из Вьетнама, а посылал туда все новых и новых, пока их число не перевалило за полмиллиона. Это при нем и благодаря ему сложили головы во вьетнамских джунглях двадцать восемь тысяч американцев. Сто восемьдесят тысяч навек остались калеками. Никакое последнее желание Джонсона уже не вернет им жизни и здоровья. (Он послал обоим своих зятей во Вьетнам. То была политическая нехлюдовщина, когда искупление — тоже грех.) А кто вернет жизнь миллионам убитых и замученных вьетнамцев? Кто осушит глаза их матерей и оплодотворит их пепелища?

Слишком поздно решил он отправиться на поиски Уолтера Липпмана. Слишком долго прислушивался он к советам Уолта Ростоу.

В день шестидесятилетия Джонсона члены кабинета преподнесли ему подарок — чернильный прибор из серебра. Огромное пресс-папье было почти целиком испещрено выгравированными на нем основными законодательными актами и другими важнейшими решениями, принятыми за годы пребывания Джонсона в Белом доме. Но не было среди них одного — Тонкинской резолюции 1964 года, положившей начало эскалации агрессии во Вьетнаме. Министры, видимо, поступили так из деликатности. Однако, опустив упоминание о фатальном документе, неизвестный гравер лишь еще больше подчеркнул его незримое присутствие.

Подобно тому как пресс-папье впитывает в себя чернила, вьетнамская авантюра всосала и засушила проекты «великого общества», созданием которого Джонсон мечтал обеспечить себе почетное место в истории. То было справедливое возмез-

---

¹ Известный американский публицист, резко критиковавший политику Джонсона.

дие и ему, и его «великому обществу» за злодеяния, совершенные в далеком Вьетнаме. Жертвами войны стали не только вьетнамцы, но и американцы, ибо Джонсон вел войну за их счет, расплачиваясь их жизнями и из их кармана. Но в конце концов расплата не миновала и его самого. Пресс-папье выросло до размеров парового катка, раздавившего Джонсона. Свое шестидесятилетие он справлял в дни съезда демократической партии в Чикаго. Он не поехал к берегам озера Мичиган, где ему готовили заупокойно-торжественную мессу. Он был уже вне игры, был «хромой уткой», как здесь величают президентов, отказывающихся выставлять свою кандидатуру на следующий срок.

Вьетнам называют «белым китом» Джонсона, о который разбилась его администрация и одержимость которым погубила его. Конечно, было бы наивным упрощением полагать, что агрессия во Вьетнаме — «личная война Джонсона», как считают некоторые летописцы, гипертрофирующие значение роли личности в истории. Агрессия во Вьетнаме — не личная война Джонсона, а преступление американского империализма. Но он стал символом этого преступления, его олицетворением, его носителем и одновременно, согласно правилам высокой греческой трагедии, его жертвой. Вьетнамские джунгли обернулись Биргманийским лесом для этого Макбета из Техаса.

Он приближал к себе тех военачальников, которые обещали ему выиграть битву во Вьетнаме. Ему казалось, что в генерале Крейтоне Абрамсе он наконец обрел своего генерала Улисса Гранта¹. Он окружал себя теми дипломатами и политиканами, которые поставляли ему доказательства необходимости и респектабельности вьетнамской агрессии. Он называл «нервными Нелли»² тех, кто критиковал его агрессивный курс.

Постепенно вокруг него начал образовываться вакуум. Одни уходили от него потому, что он не оправдал их надежд — не поставил на колени свободолюбивый Вьетнам. Другие уходили от него потому, что он опять-таки не оправдал их надежд — не положил конца кровопролитию во Вьетнаме. Первые становились под знамена Уоллеса, вторые — под

¹ Знаменитый генерал времен гражданской войны, впоследствии президент США.

² Литературный синоним неуравновешенных политиков.

знамена Маккарти и Роберта Кеннеди. Исчерпав запас не то моральной прочности, не то морального бесстыдства, уходили один за другим в отставку его представители в ООН. Уже после того, как Джонсон покинул Вашингтон, стало известно, что целый ряд его министров грозил отставкой в связи с вьетнамскими делами, что лишь ценою огромных усилий удалось избежать правительственного кризиса. Наконец, его кронпринц Хэмфри вынужден был перегрызть пуповину, соединявшую его с Белым домом, чтобы получить хоть какой-то шанс проехаться по Пенсильвания-авеню в качестве победителя. Правда, сделано было это слишком поздно и робко.

Ни один президент в истории Соединенных Штатов не избирался таким большинством голосов, как Джонсон в 1964 году. Конечно, во многом этому способствовал отблеск славы Кеннеди, задевший его хвостом промелькнувшей кометы, и слишком уж пещерный характер его соперника Голдуотера. Но ни один президент в истории Соединенных Штатов не растерял так быстро своей популярности, как Джонсон. Он пришел в Белый дом под возгласы: «All the way with LBJ» — «Всю дорогу с Эл-Би-Джей» (то есть Линдоном Беинсом Джонсоном), а покидал его под возгласы: «Hey, hey, LBJ, how many kids did you kill today?» — «Хей, хей, Эл-Би-Джей, сколько сегодня убил ты детей?»

Он относил это за счет людской неблагодарности. Однажды во время какого-то заседания в Овальной комнате Джонсон, неожиданно прервав очередного оратора, обратился к Уолту Ростоу:

— На президентском посту человек обязательно должен иметь эталон, по которому он работает. В моем случае им является то, что будут думать обо мне мои внуки, когда меня похоронят на ранчо под деревом. Мне кажется, они будут гордиться двумя вещами: тем, что я сделал для негров, и тем, что я сделал для всей Азии во Вьетнаме.

Наступило неловкое молчание. Президент взглянул на Ростоу и с горечью добавил:

— Негры стоили мне падения популярности на пятнадцать процентов, а Вьетнам — падения популярности на двадцать процентов.

И то, и другое, и многое иное стоило ему гораздо большего — просто падения. Падения с вершин власти, падения в глазах современников. И не надо быть пророком для

того, чтобы предсказать приговор, который произнесут над ним потомки, когда он будет похоронен «на ранчо под деревом».

В последний период пребывания в Белом доме Джонсона, по его собственному признанию, особенно терзали одиночество, неуверенность, чувство надвигающегося цейтнота. «Боже, я так устал. Я одинок, как Черчилль в 1940 году», — сказал президент накануне своего решения не баллотироваться вновь одному английскому журналисту. На вопрос последнего, что бы он пожелал себе через четыре года, Джонсон ответил: «Четыре года назад я еще мог бы ответить вам. Сегодня я не могу и подумать об этом. Сегодня я не могу думать на четыре года вперед. Я не думаю даже на четыре месяца или четыре недели вперед. Я в состоянии думать только на четыре дня вперед».

Жизнь по курсу дня, неустойчивому, как индексы Доу-Джонса¹, жизнь без будущего не была опять-таки просто личной жизнью, личной трагедией Линдона Джонсона. Он аккумулировал и излучал состояние тех кругов, от имени которых и для которых правил Соединенными Штатами Америки.

Жизнь по курсу дня... Рассвет только начинал заниматься над Вашингтоном, когда в «Ситюэйн рум» Белого дома приступали к составлению очередного «Доклада о Юго-Восточной Азии» — ежедневной сводки о событиях во Вьетнаме, военных и политических. Выжимки из депеш посла Банкера, донесения генерала Абрамса. Сколько убито, сколько ранено, сколько разрушено.

К шести часам утра сводка была готова. Ее несли по еще пустынным коридорам Белого дома, по мягким ковровым дорожкам от «Ситюэйн рум» к лифту, ведущему в личные покои президента. Здесь «Доклад о Юго-Восточной Азии» вручался швейцару, который вез его наверх и передавал двум сержантам военно-воздушных сил, стоявшим на часах перед президентской спальней. Около семи часов помощник вносил доклад в спальню и клал его на столик вместе с утренним завтраком. Завтрак был обычный — бекон или сосиски, залитые яичницей-глазуньей, кофе, чай, тосты. Обычными были и сводки — сколько убито, сколько ранено, сколько разрушено.

¹ Показатели котировки акций крупнейших промышленных компаний на бирже Уолл-стрита.

Здесь же на подносе лежали и другие донесения. С голубой печатью на обложке — резюме за сутки, составленное Центральным разведывательным управлением; отпечатанный красным шрифтом обзор государственного департамента. «Доклад о Юго-Восточной Азии» был черно-белым.

К девяти утра президент вместе со своим пресс-секретарем Джорджем Кристианом шел в бассейн купаться. Это не было сентиментальной данью истории и тени Понтия Пилата. Просто привычка...

Жизнь по курсу дня... С каждым днем черно-белый доклад становился все мрачнее и мрачнее. Росли цифры потерь, росло число бомбовых налетов, но призрак победы отодвигался все дальше и дальше. Подобно Бонапарту у Бородина, он приказывал вспать еще и еще «этим вьетнамцам». Он строил воздушные замки триумфа при помощи «летающих крепостей». Крепости сбивали, замки рушились.

Вьетнам стал роком Америки, ее крестом. Голиаф терпел поражение не только от Давида. Он разрывался изнутри множеством противоречий, которые вьетнамская война сфокусировала, обнажила и обострила. Противоречия между поколениями, между богатством и нищетой, между белыми и цветными. Зимы тревоги сменялись жарким летом. Роптала интеллигенция, бунтовали студенты. Не желая уж слишком марать рук, кочевряжились союзники. Ближайшее окружение было охвачено паникой. Оно напоминало крыс, учуявших течь на демократическом корабле. А ведь выборы были на носу. По свидетельству журнала «Лайф», президента безоговорочно поддерживали лишь генералы во главе с его специальным советником Максвеллом Тэйлором, злой гений Белого дома Уолт Ростоу и, конечно, Дин Раск, похожий на Будду государственный секретарь, с неизменной сигаретой «Ларк» во рту. Конечно, «Лайф» приуменьшал количество ястребов. Их было куда больше. Но ястребам не удалось расклевать вьетнамский орешек, поэтому они стали клевать печень своего вожака.

Удары сыпались на него и слева, и справа. Под их тяжестью гигантская техасская глыба наконец дала трещину и закачалась. Успех сенатора Маккарти на выборах в Нью-Гэмпшире прозвучал первым звонком. Пришел в движение клан Кеннеди, призвав под знамена Роберта затаившую жажду мести «ирландскую мафию».

Знаменитая фраза: «Я не буду добиваться переизбрания, и я не соглашусь на выдвижение...» — уже сложилась в его голове и даже была написана на бумаге. Он постоянно носил ее с собой, подыскивая подходящий повод для ее оглашения. Поводов было сколько угодно. Причин еще больше. Но он колебался, все еще надеясь на чудо. Однако чудеса творили вьетнамские патриоты, а не генерал Абрамс, которому так и не удалось стать Улиссом Грантом при дворе президента Джонсона.

— Какой смысл быть президентом? — говорил он своим близким. — Какой резон быть им, когда страна расколота, когда на улицах Америки льется кровь и белый человек идет против черного, когда конгресс отказывается утверждать налоговые законопроекты, а доллар находится под угрозой? Мне думается, что я смог бы добиться выдвижения своей кандидатуры и победы на выборах. Но держатели акций недовольны. Возможно, мы нуждаемся в новом президенте.

Однако через некоторое время он запикивал поглубже бумажку со словами «Я не буду...» и посылал во Вьетнам новые соединения «зеленых беретов» и морской пехоты, отдавал приказы об интенсификации бомбардировок и о расширении территории, которой было уготовлено будущее выжженной земли.

Эскалация агрессии не приносила желаемых результатов. Утреннее чтение черно-белых сводок бесцеремонно напоминало ему о ненавистной бумажке, запрятанной поглубже в задний карман брюк.

— Я не буду выставлять свою кандидатуру вторично, — говорил он в такие минуты вице-президенту. — Вы бы лучше поехали по стране, показали бы себя людям, чтобы они узнали, кто вы и что вы.

Хэмфри послушно покидал столицу и отправлялся по городам и весям показывать себя будущим избирателям. Но у Джонсона вновь появлялись проблески надежды на чудо. Звонок междугородного телефона настигал вице-президента неожиданно, словно молния.

— Какого черта вы пропадаете? — раздавался в трубке хрипловатый с заметным южным акцентом голос патрона.

— Я по вашему же совету совершаю поездку по стране.

— Вам бы лучше вернуться обратно и заниматься своими делами дома!

Джонсон был превосходным игроком в покер, неподражаемо владел искусством блефа, умел разыгрывать самую плохую карту, как козырного туза. Его искусство игры в политический покер было еще более совершенным. За тридцать восемь лет пребывания в вашингтонских коридорах власти он довел его до виртуозности. Недаром от должности «доркипера» (сенатского привратника) на Капитолийском холме он дошел до самой его вершины, а затем до Белого дома. Но пережить судьбу ему не удалось. Дело не в том, что предательская бумажка со словами «Я не буду...» жгла его через брюки. Дело в том, что приговор истории: «Ты вынужден» — обжалованию не подлежал.

По иронии судьбы он зачитал приговор и бумажку одновременно первого апреля. Но это уже не было шуткой. Буквально до самой последней минуты он продолжал игру в кошки-мышки с самим собой, с историей, с судьбами миллионов людей. Он отдал для записи на видеоленту весь текст своей речи, за исключением пассажа об отречении. Он все еще не хотел отрезать себе путь к отступлению.

Рассказывают, что все решил неожиданный ночной приезд его дочери Линды, муж которой, Чак Робб, семь лет воевал во Вьетнаме. Днем раньше Линда виделась с ним на Западном побережье, где он находился пролетом. Супруги не смогли обменяться даже парой слов. Чтобы избежать всевидящего телевизионного ока, Робб скрылся в самолете на полчаса раньше отлета. Линда была близка к истерике. Всю ночь экспресс «Красный глаз» мчал ее в Вашингтон. Родители, разбуженные секретной службой, встретили ее в пижамах. Она была бледна, как привидение, говорила о муже в прошедшем времени, словно его уже не было в живых.

— Отец, мне хочется спросить тебя, почему мы послали туда двести парней в роту Чака? Почему мы должны продолжать войну, когда здесь, дома, столько людей выступают против нее?

Я не знаю, что ответил президент своей дочери. Я даже не знаю, насколько соответствует действительности вышеописанная сцена. Имела ли она вообще место? В конце концов, несмотря на весь ее драматизм, не в ней суть дела, как и не в заботах супруги президента о здоровье мужа, страдавшего сердечным заболеванием и находившегося под впечатлением того, что никто из его родителей не смог перешагнуть рубеж шестидесяти лет. Объективно отречение Джонсона было

кардиограммой поражения американского империализма во Вьетнаме. Вопреки испепеляющей логике огневой мощи напалма оказалось, что именно «эти вьетнамцы» вспали гиганту из Техаса, а не наоборот. Личные моменты лишь слегка окрасили этот итоговый черно-белый «Доклад о Юго-Восточной Азии»...

На следующее утро президент проснулся уже «хромой уткой». Энергия тexasского Гаргантюа все еще кипела в нем. Он не мог представить себя ни в роли Трумэна, удалившегося на покой в чертоги одноэтажной Америки, ни в роли Эйзенхауэра, играющего в гольф на лужайках Палм-Спрингс. Жажда власти по-прежнему мучила его. Власть, по существу, была единственным смыслом его жизни. И смыслом, и хобби. Даже разводя племенной скот на своем ранчо в Джонсон-сити, он думал только о власти.

И вот он лишился ее. Правда, он все еще был президентом и главнокомандующим, подписывал законопроекты и принимал парады, но в этом было уже нечто иррациональное, нечто от Кафки, которого он никогда не читал. Власть покидала его, как душа покидает тело, как жизнь вытекает из смертельной раны. Чувствовалось это и в большом, и в малом. Когда его помощник Калифано, гибрид Бруклина и Гарварда, наполовину ирландец, наполовину итальянец, поднимал трубку серебряного телефона, чтобы сообщить волю своего босса министрам, то на том конце провода все чаще и чаще его ожидало молчание. А ведь еще совсем недавно трубки поднимались почти синхронно! Госпожа Бесс Абель, ведавшая светской жизнью Белого дома, все чаще и чаще стала получать отказы от приглашенных присутствовать на президентских приемах и обедах. Они, конечно, начинались со слов «К моему глубокому сожалению...», но суть дела от этого не менялась. А ведь совсем недавно подобные приглашения рассматривались как высочайший приказ, и надо было быть по меньшей мере Артуром Миллером, чтобы рискнуть ослушаться его. Продавцы сувениров начали расчищать полки своих магазинов от чашек, блюд, ваз, пепельниц, запонок, браслетов, открыток и прочей мишуры, украшенной изображением Джонсона.

— Они не идут даже по уцененному тарифу, — жаловалась мне продавщица из «Капеко», крупнейшего в Вашингтоне магазина, торгующего мещанским мемориалом. — Так что посуду мы просто отправляем на бой. Сказать по правде,

Джонсон не пользовался особым спросом и раньше. Лучше всех до сих пор идут Эйзенхауэр и Кеннеди.

Стали исчезать из вашингтонских магазинов шляп и ковбойские «стетсоны» — любимые головные уборы Джонсона.

— Ждем нашествия нью-йоркских юристов. У них более консервативные вкусы, — сказал мне менеджер с лисьей мордой. Знакомство его с политикой было исключительно шапочным, но симптоматически верным.

Наконец за мелкими уколами последовала настоящая встряска. Сенат отказался утвердить решение Джонсона о назначении его личного друга Эйба Фортаса председателем Верховного суда США. То была уже публичная пощечина, а не кукиш в кармане. Узнав о сенатском демарше, Джонсон с глубоким вздохом сказал:

— Бедняга Эйб. Они принесли его в жертву ради того, чтобы дать мне понять: ты, мол, больше не президент, а «хромая утка».

Напрасно еще один помощник и однофамилец уходящего президента Джонсон расклеил по Белому дому рукописные плакаты: «Трудитесь упорнее. Конец близок». Конец действительно был близок, но никто не собирался засучивать рукава. Люди были заняты сматыванием удочек. В пресс-комнате президентского офиса кто-то вывесил старую карикатуру из «Нью-Йоркера», на которой были изображены олени, проходящие лес. «Если мы успеем сегодня миновать лес, то завтра будем уже вне сезона», — говорил один олень другому. Джонсон оказался менее удачлив — он выходил из моды, заблудившись в лесу.

После поражения демократов на президентских выборах «утка» стала хромать на обе ноги. Ведь в Белом доме предстояла уже не просто смена караула, а смена администрации. Когда однажды Джонсон попросил соединить его со штаб-квартирой партии, телефонистка по простоте душевной переспросила его: «Какой, демократической?» А ведь безупречность и профессионализм телефонисток Белого дома всегда были притчей во языцех. Покойный президент Кеннеди любил говорить, что они способны раздобыть из-под земли самого Лазаря и, подобно Христу, воскресить его. Повидимому, политическое воскрешение Джонсона было куда более сложным, вернее, несотворимым чудом, превосходившим даже возможности телефонисток Белого дома.

А маляры перед въездом нового хозяина уже приступили к традиционной покраске резиденции на Пенсильвания-авеню, 1600, и, как люди хотя и пьющие, но вежливые, повесили на лесах дощечку следующего содержания: «Пожалуйста, извините нас за причиняемые неудобства. Мы готовимся к встрече другого великого человека». Маляры, конечно, не телефонистки, откуда могли они знать, что наибольшим неудобством в Белом доме был сам Джонсон?

Прощаясь с репортерами, аккредитованными при Белом доме, президент, недолюбливавший курильщиков (кстати, единственное, что не устраивало его в Раске), заметил:

— Теперь вам больше не придется ворошить мои пепельницы.

Репортеры великодушно пообещали ограничиться его пеплом...

Помощники, заходившие в Овальную комнату, все чаще заставляли президента сидящим глубоко в зеленом кресле-качалке под портретом Франклина Делано Рузвельта и сосредоточенно глядящим на часы, ход которых тревожно нарушал уютную тишину комнаты с пасторальным видом на «Розовый сад». Джонсон обдумывал свою последнюю кампанию. Будучи великим актером, он знал, как важен уход со сцены, в особенности если занавес больше никогда не подыметя перед тобой. Примирившись с тем, что он оставляет власть, Джонсон решил оставить и память о себе в качестве прижизненной компенсации и посмертной реабилитации. Отчаявшись войти в историю как президент-громовержец, он попытался протиснуться в нее как президент-миротворец. Его письменный стол, обычно заваленный бумагами, был сейчас почти пуст. На нем одиноко лежала записка, покрытая календарной кабалистикой. В ней говорилось, что Женевские соглашения 1954 года, положившие конец войне во Вьетнаме, были выработаны за семьдесят четыре дня. Столько же дней, многозначительно подчеркивалось в записке, отделяют 6 ноября — момент избрания нового президента — от 20 января — момента вступления его в должность.

Все врут календари. Но на этот раз календарь был точен. Фальшивил тот, кто хотел воспользоваться им. Фальшивил с самого начала. Женевские соглашения были приняты вопреки желанию Соединенных Штатов. Вашингтон не подписал их, рассчитывая сохранить за собой свободу рук для подавления свободы Вьетнама. Свободу рук он сохранил, но подавить

свободу Вьетнама ему не удалось. Постепенно стала испаряться и свобода рук, оказавшихся короткими, несмотря на длинный список злодеяний и военного снаряжения. Джонсон пытался приписать своему миролюбию прекращение бомбардировок и начало переговоров в Париже. Блажен, кто верует. Мир не забудет лицемерную и коварную игру в прекращение бомбежек, которую он вел до самого последнего мгновения. А переговоры в Париже — свидетельство не его заслуг, а поражения, не добродетели, а банкротства. Человек, вознамерившийся перекроить карту Юго-Восточной Азии, кончил тем, что препирался со своими марионетками из Сайгона по поводу формы стола в парижском отеле «Мажестик» на авеню Клебер. Но даже к этому столу он пришел не из миролюбия, а потому, что не нашел победы на полях сражений.

Во время прощального обеда в Национальном клубе печати Джонсон, предаваясь воспоминаниям, с некоторым оттенком иронии в голосе рассказывал:

— Мне, конечно, неприятно признаваться в этом, но факт остается фактом — госпожа Джонсон не каждую ночь оставалась в моей спальне, так как она нуждалась в покое. Мне же приходилось ограничиваться минимумом сна. Когда посреди ночи раздавался телефонный звонок, она накидывала на себя халат и немедленно удалялась. Однажды задолго до рассвета вновь позвонили. Я потянулся, зажег лампу и взглянул на часы. Время было такое, что я подумал: «Не иначе как новая катастрофа. Этот телефон не будет звонить между тремя и четырьмя часами ночи просто так, если не стряслась какая-нибудь беда. Будить президентов — сомнительное развлечение».

Звонил из «Ситюэйшн рум» Уолт Ростоу, специальный советник президента по вопросам национальной безопасности.

— Извините, мистер президент, я весьма сожалею, но...

— Полноте, Уолт, и, бога ради, поторапливайтесь. В чем дело?

Ростоу сообщил, что процедурные препятствия к началу переговоров в Париже устранены.

На моем президентском веку это был единственный ночной телефонный звонок, принесший новость, которую, при надежде, можно рассматривать как хорошую, — закончил свой рассказ Джонсон.

Грешнику всегда плохо спится, говорили древние. Ночные телефонные звонки с дурными новостями были лишь эхом его собственной политики. Он по-своему кривил душой, говоря о последнем звонке как о хорошей новости. Он бы, конечно, предпочел звонок генерала Абрамса, будящего его новостью о поднятии звездно-полосатого флага над покоренным Ханоем. Но этого звонка он так и не дождался. Последний звонок Росту оказался и впрямь последним, но в совершенно ином смысле.

Семьдесят четыре дня Джонсона стали бледной копией ста дней Бонапарта, хотя благословенный штат Техас в несколько тысяч раз больше острова Святой Елены...

В первой статье, написанной им сразу же после ухода из Белого дома для «Энциклопедии Британники», Джонсон говорил: «Самое последнее, чего бы я желал, так это стать президентом военного времени». Благими намерениями дорога в ад вымощена. Джонсон навеки связал свое имя с самой непопулярной войной, которую когда-либо вела Америка. Это наиболее разительный, но далеко не единственный парадокс его правления.

Ни один из его тридцати пяти предшественников не подписал такого количества законопроектов об образовании, как Джонсон. Их насчитывается около сорока — от дошкольных реформ до университетских. И тем не менее ни один президент не вызывал к себе такой ненависти со стороны молодежи, как он. Никогда молодежь не подвергалась таким гонениям, как при нем. Достаточно вспомнить Чикаго.

Ни один из его тридцати пяти предшественников не провел через конгресс такого количества антирасовых законопроектов, как Джонсон. При нем негр впервые стал министром, членом Верховного суда, мэром столицы (его фамилия — Вашингтон). В своем послании 89-му конгрессу он дошел до того, что процитировал слова «Мы преодолеем» из спиричюэлс, ставшего гимном негритянских борцов за свободу. «То, что произошло в Селме (штат Алабама), — восклицал он, — является частью более широкого движения, которое охватывает все слои и штаты Америки. Это попытка американских негров обеспечить себе всю полноту благословенного американского образа жизни. Их дело должно стать нашим делом, ибо не только негры, но и все мы должны преодолеть уродливое наследие нетерпимости и несправедливости. И мы преодолеем!» И в то же время ни при одном президенте волна

освободительного движения негров не вздымалась так высоко, а совесть белого босса не падала так низко. Именно в эпоху правления Джонсона политический словарь Америки обогатился выражением «жаркое лето», а земля Америки обогрилась кровью Мартина Лютера Kinga. И разве только его одного?

Идеалом Джонсона был Франклин Делано Рузвельт, при котором он начал свою карьеру в Вашингтоне. Принципы рузвельтовского «Нового курса» он почитал, как библию, и пытался лепить с него свое «великое общество» в надежде сравниться с идеалом и даже перещеголять его. Он буквально обрушил на конгресс каскад социальных реформ и всевозможных прожектов по борьбе с нищетой, с труппами больших городов, с голодом в фермерских районах. В своем первом выступлении на Капитолии он обещал «больше школ и жилищ, больше библиотек и госпиталей... Все это и многое другое может быть достигнуто этим же летом и без увеличения расходов». Слушая его разглагольствования, лидер республиканского меньшинства Дирксен ехидно заметил: «Это не великое общество, а суций рай».

С тех пор прошло не одно лето. Расходы росли катастрофически, вызывая инфляцию, но нищета и голод не желали отставать от них. Они тоже росли. Буквально за несколько дней до смены караула в Белом доме министр земледелия Фримен потребовал от конгресса еще один миллиард долларов для пособий неимущим, которые не в состоянии прокормить себя. А специальная комиссия сената начала слушание врачей-диетологов, доложивших о том, что в Америке распространяются болезни, вызванные дистрофией, болезни, которые существуют только в самых отсталых африканских странах! Социальные реформы выродились в социальное изживенчество, рузвельтовский либерализм — в «философию виски». «Прогресс — как виски, — говорил Джонсон. — В умеренных дозах он действует хорошо. Но когда им злоупотребляешь, он ударяет в голову, от него начинает тошнить». Именно при этом столпе либерализма Америка дала резкий крен вправо. Именно при этом столпе либерализма Америка еще больше вцепилась в прогнившие диктаторские режимы по всему белу свету. А сам столп удивлялся: «Мы проявляли заботу о Нго Дин Дьеме и Трухильо. И тот, и другой умерли насильственной смертью. Быть может, это ужасное возмездие?»

Сейчас, когда Джонсон покинул Белый дом, следует напомнить его слова, произнесенные им после президентских выборов 1965 года: «Я не хочу быть президентом, который сколачивает империи, ищет величия, расширяет владения. Я хочу быть президентом, который просвещает детей, готовя их к чудесам этого мира. Я хочу быть президентом, который помогает накормить голодных и превратить их из нахлебников в налогоплательщиков. Я хочу быть президентом, который поможет беднякам найти свой путь и защитит право каждого гражданина принимать участие в любом голосовании. Я хочу быть президентом, который поможет положить конец ненависти между его соотечественниками и который пробудит любовь между людьми всех рас, всех взглядов, всех краев света. Я хочу быть президентом, который поможет положить конец братоубийственной войне на земле».

Я привел эту длинную цитату не ради злорадства, не просто ради того, чтобы поймать ее автора на слове, показать, как далеко разошлись его обещания с реальными делами. Все это в порядке вещей у буржуазных политиков. Человек, мечтавший стать миротворцем, выродился в антикоммунистического крестоносца, реформатор — в ретрограда. Вместо славы второго Линкольна он заслужил благосклонность расистов. Вместо либерального ореола Рузвельта — реакционные лавры. Он окончил свой срок, став снайпером «холодной войны» и мишенью «жаркого лета». Да, Джонсон был глубоко противоречивой натурой. Но раздвоение его личности, которое столь сильно занимает сейчас западных историков, психологов и журналистов, интересно не само по себе. Оно достойно пристального исследования как феномен общественный, как яркое свидетельство декаданса философии и практики буржуазного общества, ставящего на свой капитанский мостик уже не олимпийских богов, а двуликих Янусов.

Феномен Джонсона заслуживает пристального исследования еще и потому, что на его примере особенно явственно обозначилось крушение одной из глубоких иллюзий, которыми всегда было пропитано американское общество. Эта иллюзия состоит в том, что хозяин Белого дома может иметь сколько угодно недостатков, но в глубине души он обязательно «хороший парень», для которого народное благоденствие наивысшая цель. Здесь не место останавливаться на том, как и почему сложился этот миф в Америке, не прошедшей тысячелетней школы идолопоклонства. Но факт остается фактом — Джонсон нанес этому мифу сокрушительный удар.

Журнал «Ньюсуик» приводит следующие слова одного из ближайших сотрудников экс-президента: «Для того чтобы понять Линдона Джонсона, следует иметь в виду — он никогда не был полностью честен в отношении кого-либо или чего-либо». Один из мэров-демократов жаловался после выборов в конгресс 1966 года: «Мы потеряли сорок семь мест только потому, что народ Америки не доверяет этому парню в Белом доме. Он сомневается в искренности президента». Обозреватель Мэл Элфин замечает: «Линдон Джонсон исчерпал запас доверия, существовавший между ним и американцами».

Показательно, что чем больше старался Джонсон выглядеть искренним, тем меньше располагал он к себе людей; чем больше подчеркивал свою честность, тем меньше сердец улавливал в свои сети. Одни видели в нем техасского Макиавелли в широкополом ковбойском «стетсоне», другие — фокусника, таскающего из этого самого «стетсона» зайцев. Джонсон знал об этом. С миниакальной настойчивостью твердил он окружающим, что человек в «стетсоне» не может быть ни Макиавелли, ни фокусником. С ним соглашались — кто вежливо, кто подобострастно. Но это навязчивое самооправдание лишь подогревало подозрения.

— Почему люди, в особенности молодежь, не засучат рукава, как это было при «Новом курсе», и не примутся за осуществление моей программы ликвидации нищеты? — вопрошал Джонсон. — Почему они не идут за мной, бывшим сельским учителем, сделавшим так много для просвещения?

Ответы на эти вопросы не могли, конечно, соперничать по трудности с разгадкой таинственных писем племени майя, но кто мог осмелиться довести их до слуха бывшего сельского учителя? Лишь однажды, после очередной джонсоновской филиппики по поводу людской неблагодарности, кто-то несмело пробормотал:

— Вся беда в том, мистер президент, что вы не слишком симпатичный человек.

То был глухой намек на крушение мифа о «хорошем парне». Люди не верили, что он непричастен к заговору против Кеннеди. Не верили в его решение отказаться от президентства. Не верили ни в его жестокость, ни в его сентиментальность; ни в его смех, ни в его слезы; ни в его принципы, ни в его прагматизм. «Придите, и подумаем вместе», — говорил он словами пророка Исайи. Но никто не шел к нему. От него уходили. Он все больше и больше начинал

походить на персонажей из романов Аллена Друри¹. Но никто не верил в его одиночество, как раньше не верили в его общительность. «Не тот человек, не на том месте, не в то время и не в тех условиях», — подытоживает свои наблюдения над Джонсоном его бывший помощник историк Голдман.

Некоторые склонны видеть причины этой «эрозии доверия» в том, что Джонсон слишком долго околачивался на Капитолийском холме, слишком долго, чтобы остаться «хорошим парнем», а тем более «хорошим президентом». Его жизненный путь не был достаточно разветвленным: техасское ранчо — конгресс — Белый дом. Вот почему, говорят сторонники теории «эрозии доверия», Джонсон привнес в здание на Пенсильвания-авеню, 1600, еретические идеи о том, что Соединенными Штатами можно крутить, как ранчо, и вертеть, как сенатской подкомиссией. Америка-де воспринималась им как загон и кулуары, и он пытался править ею соответствующим образом — кнутом и интригами, превратившись из президента в «своеобразное смещение царя Соломона, царя Канута и царя Конга»².

Джонсон-конгрессмен считался непревзойденным «вилер-дилером», то есть комбинатором. Именно в курилках конгресса проходило его политическое созревание. Впервые он был избран в сенат микроскопическим большинством в 87 голосов. Это принесло ему насмешливое прозвище «подавляющий Линдон» и анекдот о маленькой Джун. Однажды маленькую Джун нашли плачущей на тротуаре.

— Ты чего? — спросили ее.

— Папа не пришел повидаться со мной, — ответила она сквозь слезы.

— Но ведь твой папа умер шесть лет назад?!

— Да, но в прошлый вторник он вернулся проголосовать за Линдона Джонсона, а вот повидаться со мной не пришел...

Шли годы, и «подавляющий Линдон» стал подавляющим уже без всяких кавычек. В период президентства Эйзенхауэра Джонсона, который с 1953 года стал лидером демократического большинства, не без основания считали хозяином сената и вторым по влиянию человеком в Вашингтоне. Он манипулировал высшим законодательным органом страны с ловкостью

¹ Автор ряда книг о политической кухне Вашингтона.

² Царь Конг, или Кинг-Конг, — гигантская горилла, фантастический персонаж из американских приключенческих фильмов и мультипликаций.

ковбоя, объезжающего диких скакунов. «Наш сенат,— говорил Джонсон,— подобен опасному животному, которое вы пытаетесь заставить работать на вас. Подтолкните его немного, и оно пойдет. Подтолкните его немного сильнее, и оно может двинуться, а может и заартачиться и повернуться против вас. Вам приходится каждый раз прикидывать, что пройдет, а что нет, и изо дня в день учитывать, в каком он сегодня настроении, и если вы потеряете с ним контакт, он тут же выйдет из-под контроля, и тогда вам уже с ним не сладить».

— Мне нужно прикоснуться рукой и почувствовать плоть,— говорил Джонсон — «вилер-дилер» и гипнотизер. Так он и поступал, причем не только в переносном, но и в прямом смысле.

Вот как описывает Джонсона тех лет вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Рассел Бейкер:

«В интимной обстановке зала заседаний его личные качества проявлялись наиболее ярко. Стройный гигант с широченными плечами, с походкой ковбоя и постоянно движущимися руками, он, казалось, просто органически был неспособен пробыть хоть какое-то время в покое.

Он постоянно ходит по залу, то размахивая руками, то похлопывая кого-то по спине, беря одного сенатора за лацкан, нашептывая что-то другому, провожая одного человека в кулуары, беседуя с каким-нибудь секретарем, вдруг останавливаясь, чтобы доставить удовольствие разглагольствующему коллеге словами о том, что он с гордостью будет рассказывать своим внукам, как он работал в сенате вместе с этим светочем государственной мудрости.

Наблюдать, как Джонсон старается заручиться еще одним нужным ему голосом в сенате, было истинным удовольствием. Это была своеобразная форма гипноза движением, который, казалось, погружал жертву в состояние глубокого сна. Он подходил к нужному человеку и брал его для начала за лацкан. Затем его большие руки начинали описывать круги вокруг бедняги, и лидер склонялся к нему нос к носу, что-то непрестанно нашептывая, решительно опуская кулак себе на ладонь, сгибая лацканы жертвы, приседая и покачиваясь из стороны в сторону, резко отклоняясь, затем столь же резко приближаясь лицом к лицу собеседника, вынуждая его уступить и отступить в душевном смятении».

Однако сильные стороны Джонсона-конгрессмена обернулись уязвимостью Джонсона-президента. Он стал жертвой своего прошлого успеха. Техасец, влюбленный в масштабы, не смог соразмериться с ними. Перед ним курилась история, а он по-прежнему думал, что находится в курилке сената. Он по старинке брал за лацканы своих собеседников, не замечая, что ход событий взял его самого за горло. Он прикоснулся не к плоти, а к призраку. Он не мог понять, что невозможно загибнуть весь народ, подобно тщеславному сенатору, у которого ты клянчишь лишний голос. Человек, считавший руководство государством «искусством возможного», уповал на невозможное. Великий специалист по прорытию лабиринтов на Капитолии, он не нашел выхода из лабиринтов Белого дома. Не нашел и заблудился. Но, повторяю, это не было исключительно его личной слепотой.

Иные наблюдатели считают, что роковой в карьере Джонсона оказалась не столько его сенатская закваска, сколько тexasкая. Как это ни парадоксально, но тexasкая гипертрофия питала не только непомерное тщеславие и самоуверенность в характере Джонсона, но и культивировала в нем комплекс неполноценности. «Я не могу рассчитывать на справедливое к себе отношение, потому что я южанин,— говорил Джонсон.— Мне никогда не дожидаться одобрения того, что я делаю в области внешней политики, ибо я не кончал Гарвардского университета».

Он тщетно пытался соскоблить с себя стигму «селфмейдмена», хотя время от времени козырял ею («Отец обычно будил меня на рассвете со словами: «Поторапливайся, сынок, все другие ребята в округе уже обогнали тебя на два часа»,— с многозначительной улыбкой вспоминал Джонсон, взяв реванш за свой поздний старт). Столь же тщетно пытался он избавиться от южного акцента и вообще от ярлыка южанина, который в 1956 и 1960 годах свел на нет его шансы быть выдвинутым кандидатом в президенты от демократической партии. Чтобы потрафить северянам, он с показным рвением проталкивал в сенате законопроекты о гражданских правах, объявил себя «человеком с Запада, а не с Юга» и даже начал принимать участие в кулуарных заседаниях демократов-сенаторов, представлявших западный блок.

Но эта история с географией мало на кого производила впечатление. Его по-прежнему считали продуктом фермерской Америки, испытавшей библейский ужас перед машин-

ной цивилизацией больших городов, его демократическую философию — чисто рефлекторной лояльностью, его мнимую заботу о «маленьком человеке» — камуфляжем служения интересам нефтяных и газовых королей Техаса. (Финансовой аристократии Нью-Йорка и Бостона было, конечно, равным счетом наплевать на то, что Джонсон игнорировал «маленького человека». Ее волновала его ориентация на хищников-парвеню, бросивших вызов традиционному восточному истеблишменту.)

Почти вся политическая карьера Джонсона прошла в Вашингтоне. Но Джонсон и Вашингтон никогда не симпатизировали друг другу.

— Столица не видела такого президента со времен Энди Джексона, — возмущенно шептались в вашингтонских салонах и в особняках Джорджтауна. Его презрительно называли «отполированным ковбоем», шагнувшим в современность из эпохи накладных ватных плеч, вечеринок под радио и стреловидных усов Кларка Гэйбла. Его мания величия была постоянным объектом насмешек газетных карикатуристов и столбчатых острословов. «Джонсон — ходячая иллюстрация к понятию «величие» по словарю Вебстера», — язвил покойный Роберт Кеннеди. Издевались над его манерой употреблять монаршьё местоимение «мы», над его огромным белым «линкольном», в котором он носился по своему тexasскому ранчо, над привычкой таскать в карманах блокноты с результатами опросов общественного мнения, когда они благоприятствовали ему, над склонностью подбирать низкорослых помощников, чтобы, взирая на них с высоты своих двух метров, еще нагляднее иллюстрировать понятие «величия» по словарю Вебстера. Когда Джонсон, находясь перед телевизионной камерой, поднял за уши щенка гончей, а затем, задрав рубаху, показал шов, наложенный после операции желчного пузыря, вся Америка — потрясенная и шокированная — ахнула. Члены всевозможных обществ по защите животных от жестокого обращения и попечители женских колледжей предали имя Джонсона анафеме. «Фи!» — говорили потомки пассажиров «Мэйфлауэр» от Филадельфии до Сан-Франциско. Не только фельетонисты вроде Арта Бухвальда, но и многие историки вроде Шлезингера-младшего считают, что эти две эскапады явились смертным приговором политической карьере Джонсона. Это, разумеется, преувеличение. Но доля истины в подобных утверждениях все-таки есть.

И наконец, печать Кеннеди. Правление Джонсона было словно обрамлено трагической историей этого семейства. В 1963 году он стал президентом после убийства Джона в Далласе. В 1968 году, через несколько дней вслед за его отказом выставить свою кандидатуру на следующий президентский срок, в Лос-Анджелесе был убит Роберт. В 1969 году, когда он прощался с конгрессом, с передней сенатской скамьи смотрел на него в упор презрительно вежливый Эдвард. Джонсон изгнал из Белого дома помощников президента Кеннеди, а из своих речей — упоминание о нем. Имя Кеннеди стало для него одновременно и табу, и проклятием. Этим именем тыкали ему в нос в качестве назидания и наказания, в качестве упрека и попрека, в качестве недостижимого идеала и антитезы. Молодость противопоставлялась старости, элгантность — разухабистости, гарвардское произношение — южной хрипотце, холодный интеллектуализм — эмоциональным всплескам, профильтрованные временем деньги — долларам, пахнущим тexasской нефтью и лошадиным навозом. Пребывание Джонсона в Белом доме было объявлено досадным и непредвиденным антрактом и в истории правления клана Кеннеди. Ему приходилось сражаться на два фронта — против легенды и против действительности. Легенда давила, действительность наступала.

Слов нет, тexasская закваска и тень Кеннеди, подобно балласту сенатского «вилер-дилерства» — комбинаторства, сыграли свою роль в судьбе Джонсона — человека и президента. Однако не следует преувеличивать ни того, ни другого. О Джонсоне говорили, что на него легко рисовать карикатуры, но писать с него портреты очень трудно. Джонсон был незаурядной фигурой, человеком колоссальной энергии, прошедшим огонь, воду и медные трубы политики. То был матерый волк, привыкший идти во главе стаи, а не плестись в ее хвосте. Его антиинтеллектуализм — в основном выдумка вашигтонских снобов, вульгарная карикатура, созданная объединенными усилиями старых салонных болтунов и молодых честолюбивых профессоров, жаждавших пристегнуть к своим академическим дипломам министерские портфели, вознамерившихся не только писать историю, но и делать ее и не простивших Джонсону, что он выставил их за порог Белого дома. Конечно, Джонсон не имел гарвардского произношения и академической лысины, не писал «Профилей смелых», подобно Джону Кеннеди, не цитировал Эсхила, как Роберт, но

он был человеком блестящего ума, которому не занимать мозговых извилин.

Надо сказать, что и многие прозорливые критики Джонсона, хорошо понимавшие, насколько далеки от оригинала рисовавшиеся на него карикатуры, также придерживаются «ковбойского варианта» изложения истории его президентства. Но если первые делают это, ослепленные личной ненавистью, то вторыми движет забота о реабилитации системы. Им выгодно свалить все неудачи американского империализма на «ковбоя Джонсона», на его неотесанность, на его тexasское мирозерцание. Они исподволь протаскивают идею о том, что достаточно лишь заменить ковбоев юристами, тexasцев — ньюйоркцами, южный акцент — гарвардским говорком, и все пойдет как по маслу: система вновь начнет функционировать как ни в чем не бывало.

Было бы крайне неосмотрительно попадаться на эту наживку. Джонсон был сильным и опытным лидером самого могущественного капиталистического государства. Он потерпел банкротство не потому, что таскал за уши щенят, а потому, что не смог вытащить Америку из морального и политического кризиса, в котором она погрязла по уши. Он потерпел банкротство не потому, что питал пристрастие к большим белым «линкольнам», а потому, что большие черные ракеты, самолеты, крейсера, на которых гордо оттиснуты звездно-полосатые эмблемы, уже не в состоянии поддерживать миф об «американском веке», о «Пакс Американа», провозглашенном когда-то издателем «Лайф» — газетным королем Генри Люсом. Подытоживая результаты своего правления, Джонсон в статье, написанной для «Энциклопедии Британники», признавал: «То обстоятельство, что мы имеем в своем ядерном арсенале силу, способную разрушить мир, ввело некоторых в заблуждение насчет того, что мы обладаем также властью перекраивать мир согласно нашим желаниям». Никакая лысина, никакой гарвардский прононс, никакие цитаты из Эсхила не в состоянии изменить этот итог.

У Трумэна была Корея, у Кеннеди — Куба, у Джонсона — Вьетнам. Так принято говорить, но принято исключительно для краткости, для удобства обозначения, не больше. Соединенные Штаты не феодальное владение, Белый дом не главная жемчужина в системе майората, американские президенты не средневековые бароны, ведущие свои собственные войны и походы. Трудно подыскать более разнородные,

непохожие друг на друга фигуры, чем Трумэн, Кеннеди и Джонсон. Один олицетворял «одноэтажную Америку» и маленького американца; другой — Америку финансовой аристократии и интеллектуальной элиты; третий — ее тexasский размах, бесшабашность, напор. Но в то же время духовное единство этой троицы несомненно. Более того, оно важнее, чем различия ее личные качества, возведенные в абсолют специалистами по мифотворчеству.

Корреспондент журнала «Тайм» Ричард Салтонстолл рассказывает о том, как он посетил Джонсона на его тexasском ранчо через несколько дней после ухода последнего из Белого дома.

— Оглядываясь назад, находите ли вы что-либо такое, что бы вы сделали по-иному в качестве президента? — спросил он Джонсона.

Джонсон на мгновение задумался, а затем, понизив голос так, что его еле можно было расслышать, сказал:

— Я не могу ответить на этот вопрос, пока не засяду за свой дневник и не проштудирую день за днем все принятые мною решения.

Затем еще тише добавил:

— Так, например, раскрыв дневник за 5 марта 1965 года, я, быть может...

Здесь экс-президент оборвал себя и перескочил на другую тему.

5 марта 1965 года по приказу президента Джонсона три с половиной тысячи солдат морской пехоты США высадились на вьетнамском побережье в пяти милях к западу от Дананга с «ограниченной миссией», как она именовалась в официальном сообщении. «Ограниченная миссия» переросла в результате неограниченной эскалации агрессии в самую грязную войну американского империализма.

Решение, принятое 5 марта 1965 года, было продиктовано не тexasским ковбоем, а президентом Соединенных Штатов Америки.

Ежегодное послание конгрессу президент, как правило, на Капитолии сам не зачитывает. Делают это за него другие. В последний раз традиция была нарушена Джоном Адамсом. Это было 168 лет назад, в 1801 году. Будучи уже одной ногой на своем ранчо, президент Джонсон решил пойти по стопам Адамса и самолично предстать перед конгрессом. Некоторые объясняли такой шаг его сентиментальной привязанностью

к сенату, где он провел многие годы. Другие — неутоленными ностальгическими чувствами и желанием устроить себе бенедикт под самое закрытие занавеса. Ведь искусство уйти со сцены не менее важно, чем появиться на ней. Так или иначе, но свое последнее послание конгрессу Джонсон зачитал сам.

Объединенный форум сенаторов и членов палаты представителей встретил его бурными аплодисментами. Кто-то даже затянул, хотя и робко, песенку «Он — хороший парень». Облаченные в мантии, гордо восседали члены Верховного суда. Присутствовали все члены кабинета. Сверкали орденами и медалями генералы и адмиралы. Галерея для публики была забита до отказа. Среди зрителей находилось семейство президента, включая его полуторогодовалого внука.

Джонсон говорил проникновенно. На его губах играла улыбка смирения, на глазах блеснули слезы. Правда, текст послания не слишком вязался с выражением его лица. Он как бы распадался на две части — беззащитную саморекламу коммивояжера и защитительное красноречие адвоката. Речь президента то и дело прерывалась аплодисментами. Это происходило так часто и длилось так долго, что невольно начинало казаться — ты не в конгрессе, а в «Метрополитен опера» и на сцене не президент, а Тито Гоби.

Раздались аплодисменты и после слов заключительного пассажа, гласивших: «Но я верю, что по крайней мере будет сказано, что мы пытались...» Президент уходил с трибуны, сопровождаемый овацией. Конгрессмены вскочили на ноги. Горячо пожимали ему руку. Никто не удосужился спросить, что же пытался сделать Джонсон, не забывший о монаршем «мы» даже в последние минуты. Что он пытался сделать и для кого? Обстановка была неподходящей для вопросов такого рода, ибо в меню конгресса значилась заупокойная служба на задранные мотивы. Впрочем, страна, раскинувшаяся у подножия Капитолийского холма, не ждала его ответа и, говоря откровенно, не очень-то нуждалась в нем. Ведь страна на себе испытала последствия джонсоновского «мы пытались».

Заведующий вашингтонским бюро «Нью-Йорк таймс» Том Уиккер сравнил церемонию в конгрессе с панихидой, которую устроили по Тому Сойеру и Геку Финну. Сорванцы опять куда-то запропастились, и после безрезультатных поисков люди решили, что они погибли, утонув в Миссиссипи. Дело происходило в один тихий, очень тихий субботний вечер. Помните, у Марка Твена?

«Никто не мог припомнить, чтобы маленькая церковь была когда-нибудь так полна... Пропели трогательный гимн, за которым последовал текст: «Я есмь воскресение и жизнь».

Затем началась проповедь, и священник в горячей речи стал превозносить погибших мальчиков; он изобразил их такими добрыми, даровитыми, умными, что в церкви не осталось ни одного человека, который не почувствовал бы угрызений совести; каждый спрашивал себя: как же могло случиться, что он не заметил великих достоинств этих несчастных детей и видел только их недостатки?

Священник рассказал несколько умилительных случаев из их жизни; у мальчиков, оказывается, был нежный, великодушный характер; слушатели легко могли теперь убедиться, как благородны и прекрасны были поступки необыкновенных детей, и вспоминали со скорбью, что, покуда эти дети были живы, те же самые поступки казались такими озорными проделками, за которые надо было выпороть хорошим ремнем. Речь священника становилась все трогательнее, публика все больше умилялась, и, наконец, все единодушно присоединились к рыданиям родственников, и сам священник, не сдержав своих чувств, прослезился на кафедре».

Какое-то сходство между тем, что происходило в конгрессе и в маленькой приходской церкви городишка Санкт-Петербург, безусловно, было. Но только внешнее. За гранью безобидного юмора эти два события резко отличались друг от друга. Во-первых, Джонсон, не надеясь на помощь извне, сам себе воскурил фимиам. Во-вторых, если Том Сойер, «оглядываясь на завидовавших ему сверстников, сознавал в душе, что это лучшая минута его жизни», Джонсон столь же отчетливо понимал—то была самая незавидная и скорбная минута в его политической карьере. Обитатели алабамского Санкт-Петербурга, расходясь по домам после зауспокойной мессы, говорили друг другу, что, «хотя их и обманули бесстыдно, но они, пожалуй, готовы снова очутиться в дураках, лишь бы еще раз услышать благодарственный гимн, исполненный с таким воодушевлением». Вряд ли аудитория Джонсона в конгрессе, а тем более за его пределами испытывала особое желание вновь оказаться в дураках ради удовольствия вновь послушать его акафисты самому себе. В течение пяти лет джонсоновского правления им пришлось платить за это сомнительное удовольствие

слишком уж высокую цену. И, наконец, самое главное различие. «Морские пираты» Том и Гек, хотя их и отпевали, были живы и здоровы. Их жизнь только-только начиналась. У Джонсона все было позади. Никакого «кам-бэк» (возвращение на сцену) не предвиделось. Ни прозаического возвращения, ни чудесного воскрешения. Авторизованный надгробный панегирик подводил конечную черту.

...Шел 1887-й и последний день президентства Линдона Беинса Джонсона. Вашингтон, несмотря на пасмурную погоду, был объят праздничной лихорадкой инаугурации¹. Работали без выходного лишь сотрудники секретной службы и грузчики фирмы, которой была поручена смена декораций в Белом доме.

Президент Томас Джефферсон как-то заметил, что в обширных апартаментах Белого дома вполне могли бы разместиться «два императора, папа римский и далай-лама в придачу». С тех пор прошло много лет, и Белый дом разросся еще больше. Тем не менее грузчики-виртуозы справились со своей задачей в рекордно короткий срок. Между отъездом Джонсонов и новосельем Никсонов прошло только три часа. За этот ничтожный промежуток времени сменили не только мебель, но и драпировку на стенах, шторы на окнах, цветы в вазах. Произошла смена книжных корешков на полках. (Ах, если бы все перемены совершались так же просто, быстро и безболезненно!) Во всех ста тридцати двух комнатах затопили камин. Даже разнообразные геометрические фигуры-пятна на обоях, оставленные снятыми фотографиями и картинами, принадлежавшими бывшим квартирантам, исчезли, как мимолетное виденье. Восхищенная расторопностью персонала, госпожа Никсон воскликнула:

— Для того чтобы въехать в Белый дом, вполне достаточно прихватить с собой зубную щетку и гардероб!

Впрочем, у ее супруга с его огромным опытом двух президентских кампаний, видимо, имелось на этот счет свое особое мнение.

В Овальной комнате портреты демократических президентов — Джефферсона, Джексона и Франклина Делано Рузвельта — заменили портретом республиканского — Джорджа Вашингтона. Вынесли вон гроздья микрофонов, с помощью которых экс-президент подслушивал, что говорится в сосед-

¹ Приведение президента к присяге.

них комнатах. Выволокли грандиозный телевизор-комбайн с тремя экранами, по которому можно было наблюдать одновременно за передачами всех главных каналов. С президентского стола убрали кнопочную панель с надписями «Кофе», «Рут-пиво», «Фреска». Нажимая на эти кнопки, Джонсон заказывал себе соответствующий напиток. Величественный телефон с сорока двумя клавишами (все тот же тexasский масштаб!) уступил место более скромному—с четырьмя. В стакан заправили свежезаточенные карандаши. Рядом положили стопку чистой бумаги.

Когда Джон Фитцджеральд Кеннеди впервые вошел в Овальную комнату на правах президента, он смахнул со стола вещи, принадлежавшие его предшественнику Эйзенхауэру, с минуту молча глядел на пустой стол, а затем, обращаясь к обступившим его министрам и советникам, с улыбкой сказал:

— Ну-с, что мы будем теперь делать?

За свое недолгое пребывание в Белом доме Кеннеди так и не удалось отмахнуться от проблем, оставленных ему в наследство Айком, а тем более расчистить авгиевы конюшни Америки.

Эйзенхауэр в первом томе своих мемуаров вспоминает, как он также, впервые войдя в Овальную комнату, обнаружил, что верхний ящик письменного стола заперт. Генерал приказал открыть его. Послали за ключами. Через некоторое время все было о'кэй. Генерал выдвинул ящик и вынул из него папку, оставленную Гарри Трумэном. На папке рукою экс-президента было выведено: «Заботы». Восемь лет провел Эйзенхауэр в Белом доме. За это время папка не только не похудела, но, наоборот, еще больше распухла.

Никсону не пришлось прибегать к помощи слесарей. Джонсон не оставил ему своего письменного стола из мореного дуба. Стол этот, которым Джонсон пользовался еще на Капитолии, будучи лидером большинства в сенате и вице-президентом, и к которому он питал сентиментальную привязанность, отправили в Техас, где экс-президенту оборудовали новый кабинет—точную копию Овальной комнаты Белого дома.

В поисках письменного стола Никсон также обратил свой взор к Капитолийскому холму. Он распорядился перевезти отсюда на Пенсильвания-авеню стол, который служил верой и правдой президентам Вильяму Маккинли и Вудро Вильсону, а также самому Никсону в бытность его вице-президентом.

В столе никакой папки с собственноручной надписью Джонсона — «Заботы» — не оказалось. Тем не менее они обступали нового, тридцать седьмого президента США со всех сторон.

Вашингтон — Нью-Йорк,
февраль 1969 г.

У ПАМЯТНИКА ЛИНКОЛЬНУ

Правительство народа,
управляемое народом для народа...
Авраам ЛИНКОЛЬН

Маноло Санчес, давнишний камердинер президента, был удивлен и даже несколько встревожен. Прошло не более часа с тех пор, как хозяин отправился к себе наверх спать, и вот он опять понадобился ему. Президент был уже одет, когда Санчес вошел в его личные покои.

— Маноло, приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать памятник Линкольну ночью? — спросил президент.

— Нет, сэр, — растерянно ответил камердинер.

— Тогда собирайтесь, поехали...

Через несколько минут из ворот Белого дома вырулил знаменитый черный бронированный «линкольн». Кроме президента и его камердинера, в нем находились три сотрудника секретной службы. Они чувствовали себя явно не в своей тарелке, не столько от бессонницы, сколько от страха, и президент всю дорогу подтрунивал над их «окаменелостью».

Пуленепробиваемый лимузин, подарок автомобильного Детройта чиновничью Вашингтону, бесшумно катил по вымершей Конституишн-авеню. Столица спала неглубоким, беспокойным сном; скорее даже не спала, а дремала, ежеминутно вздрагивая в ожидании смутного рассвета и бурного дня. Многие демонстранты, прибывшие загодя на берега Потомака, расположились табором в городских садах и парках. Войска, стянутые на всякий случай с окрестных военных баз, расквартировали по различным государственным учреждениям, чтобы они не мозолили глаза населению и не создавали дополнительной нервозности. Вокруг Белого дома, вдоль его обычной ограды была установлена разноцветная подкова из тяжелых, как мебель Собакевича, автобусов. Тоже на всякий случай.

Президентский лимузин свернул с Конституион-авеню на 23-ю стрит и, плавно развернувшись по асфальтовой петле, застыл несколько наискосок от памятника Линкольну. Мемориал, высеченный в духе классического греческого храма, казалось, парил над землей, впечатав свои строгие контуры в густую синеву майской ночи. Мягкий свет невидимых прожекторов лился сквозь фалангу могучих дорических колонн и, минуя их, ложился на мужественное, аскетически суровое лицо Авраама Линкольна. «Великий эмансипатор» — освободитель негров — сидел в своей обычной позе, глубоко откинувшись в каменном кресле, выставив вперед непропорционально большие руки и ноги. Широко раскрытыми, но глубоко запавшими на худом костистом лице глазами он пристально, не мигая, смотрел туда, где по другую сторону вытянувшегося параллелепипедом «Бассейна размышлений» воткнулся в небо беломраморный «Карандаш» — монумент в честь Джорджа Вашингтона.

Что привело тридцать седьмого президента Соединенных Штатов Америки к ступеням памятника шестнадцатому?

Пресс-конференция, на которую он возлагал столь большие надежды, явно не удалась. По свидетельству очевидцев, президент был не в форме. Старожилы-репортеры не помнили его таким со времен знаменитого прощального интервью, данного им в 1962 году, когда он с треском проиграл губернаторские выборы в Калифорнии. Решив окончательно уйти с политической арены и заняться юридической практикой на Уолл-стрите, он не без горечи заявил обступившим его журналистам:

— Итак, джентльмены, у вас больше не будет Никсона, чтобы лягать его...

Но на этой пресс-конференции его никто не лягал. Корреспондентский корпус, аккредитованный при Белом доме, всегда отличался хорошими манерами. Вопросы задавались в исключительно вежливой форме и были отнюдь не самыми заковыристыми. Беда заключалась в другом: цель, которую он преследовал, оказалась недостижимой. Он хотел, не отступая ни на йоту от принятых им решений — вторгнуться в Камбоджу и возобновить бомбардировки Северного Вьетнама, — убедить всколыхнувшуюся страну, что, собственно говоря, ничего особенного не произошло, что он просто решил ускорить движение к миру, отвечающее стремлениям его сограждан-американцев. Он хотел доказать, что его акции

не раскололи страну, а объединили ее, что сердца студентов бьются в унисон со счетно-вычислительными машинами Пентагона, воркующими по-голубиному.

— Студенты пытаются сказать, что они хотят мира. Они пытаются сказать, что хотят прекращения убийства. Они пытаются сказать, что хотят отмены системы призыва. Они пытаются сказать, что мы должны уйти из Вьетнама. Я согласен со всем тем, чего они хотят добиться,— говорил президент, а затем объяснял, что вторжение в Камбоджу как раз и было предпринято ради этого.

Отвечая на вопрос о том, как увязать его призыв «остудить риторику» с клеймом «бездельников и бродяг», которое он приклеил студенчеству, президент сделал поначалу вид, что извиняется, а кончил тем, что нашел это выражение слишком уж мягким. Рассказывая о впечатлении, которое произвели на него помещенные в «Вашингтон стар» фотографии четырех студентов, убитых в Кенте, президент пообещал начать поиски не убийц, нет—Национальная гвардия не находится под федеральным контролем, поспешил он снять с себя вину,— а «методов, способных более эффективно управляться с проблемами насилия, но не лишаящих жизни невинных людей».

Последний вопрос привел его в замешательство.

— Господин президент, встретитесь ли вы завтра в Белом доме с кем-либо из демонстрантов? Будете ли вы беседовать с ними?

Во время последних антивоенных походов на Вашингтон президент умышленно покидал Белый дом и ездил смотреть футбольные матчи, желая выказать тем самым свое безразличие и даже пренебрежение к тем, кто дефилировал мимо его окон: топайте, мол, сколько угодно, а я со своего пути не сверну.

Президент не сразу ответил на вопрос. Некоторое время он потирал руки, приглаживал волосы, поправлял микрофон. И наконец решился:

— Если мой штат достигнет договоренности, чтобы они встретились со мной, то я буду рад. Вообще-то я говорю с большим количеством людей. Я буду в Белом доме весь день. Фактически я буду там весь сегодняшний вечер и весь завтрашний день.

По-видимому, решив, что он зашел слишком далеко, президент поспешил добавить:

— Однако иногда бывает довольно трудно договориться, какая именно группа должна посетить меня... Во всяком случае, я буду весьма рад, если кто-либо из них окажется в пределах досягаемости...

Несколько выше президент выразил свое согласие «открыть коммуникации» с молодежью на «индивидуальной основе», хотя «это не так-то легко. Иногда они, как вам это хорошо известно, говорят настолько громко, что бывает трудно заставить их услышать вас».

Но президент напрасно беспокоился. Молодежь услышала его. Услышала, несмотря на свист пуль и грохот бронемашин. И прекрасно поняла. Поняла не в последнюю очередь благодаря тому же свисту пуль и грохоту бронемашин. Оказалось, что слезоточивые газы весьма способствуют прозреванию, а контузия лишь обостряет слух...

Пресс-конференция транслировалась по телевидению. Ее смотрела и слушала вся страна. Слушали ее и в Йельском университете. Студенты забавлялись «с цинизмом эрудитов», как писали газеты, предсказывая наперед ответы президента. Игра оказалась весьма немудреной. Тогда студенты несколько усложнили ее. Они стали подставлять вместо ответов цитаты из речей экс-президента Джонсона. Тот, кто приводил наиболее подходящую цитату, получал выигрышный балл. Но даже при этих усложненных правилах игра не требовала от ее участников особой сообразительности или памяти, тем более что йельцы, как это заведено по традиции в университетах «Восточного коридора», чувствуют себя в стихии политики как рыба в воде.

Транзисторный телевизор был установлен и под сенью дорических колонн линкольновского мемориала. Толпа парней и девушек, обступивших его, не имела чести принадлежать к числу питомцев «Восточного коридора», поэтому ее реакция была не столько интеллектуальной, сколько эмоциональной. Когда на экране появился президент, его встретили дружным шиканьем.

— Ойнк! Ойнк! Ойнк! — скандировала толпа, пока он пересекал Восточную комнату, набитую до отказа прессой.

Возмущение слушателей достигло наивысшего накала, когда Никсон объявил, что он согласен со всеми требованиями студентов — в прекращении войны, об уходе из Вьетнама и так далее.

— Лицемер! Очковтиратель! Долой! — несло со всех сторон.

Над памятником Линкольну почти что на бреющем полете сверкнул молнией реактивный истребитель и моментально исчез, оставив за собой шлейф белых барашков. Грозя ему вслед кулаками, толпа запела знаменитую антивоенную балладу Питера Окса.

...Это всегда старики
Толкают нас на войну.
Это всегда молодежь
Гибнет на гнусной войне.

Затем следовал рефрен-клятва:

Но я больше не встану под ружье!
Нет!

При упоминании трагедии в Кенте и обещании «поиска методов, способных более эффективно управляться с проблемами насилия», толпа вновь взорвалась:

— Палачи! Мясники! Гестаповцы!

Девушка, сидевшая у самого телевизора,хватила по нему кулаком:

— Йе, знаем мы эти методы — травить нас газами на- смерть, йе!

Как только трансляция окончилась, разъяренная толпа растоптала телевизор.

Это произошло всего несколько часов назад на тех самых мраморных ступенях, ведущих к памятнику Линкольну, где сейчас стоял в одиночестве президент. Камердинер и телохранители держались несколько поодаль, охваченные благоговейным трепетом и профессионально озабоченные.

Что привело его сюда, к подножию мемориала? Нечистая совесть? Бессонница? Желание сделать эффектный политический жест, который, быть может, впоследствии войдет в учебники истории? Кто знает. Возможно, и то, и другое, и третье. Отчасти подсознательно, отчасти по расчету. Кто знает. Чужая душа — потемки. В особенности душа президента Соединенных Штатов Америки, который по традиции считается самым одиноким и неприступным человеком в мире. Во всяком случае, вряд ли эта ночная вылазка была предпринята ради «открытия коммуникаций на индивидуальной основе» со студентами. Недаром репортеры не были предупреждены о ней. Скорее всего, президент рассчитывал на тет-а-тет с Линкольном без посторонних.

А это наш дом, в котором папа
служит нации.

*Патриция Никсон,
дочь президента*

...Когда-то Белый дом рассматривался американцами как символ народовластия.

— Там сидит человек, которого мы избрали, чтобы он служил нам верой и правдой. А ну-ка заглянем к нему, посмотрим, как он справляется со своими обязанностями,— говорили они. И заглядывали.

Каждый первый день нового года тысячи людей приходили в Белый дом, чтобы обменяться рукопожатием с президентом. Они считали это своим неотъемлемым правом. Иногда очереди растягивались чуть ли не через весь Вашингтон. Этот обычай существовал более ста лет.

Впрочем, американцы заглядывали в Белый дом не только на Новый год, а в любое время, когда у них появлялось желание пощупать прочность демократической кладки «отцов-основателей». Каждый налогоплательщик считал себя законным лендлордом Белого дома, единственного в Соединенных Штатах частного жилища, находящегося полностью на общественном содержании.

— Это единственное место на земле, где глава государства не боится своего народа,— гордились янки.

Внешне сие весьма походило на правду. Почти никакой ограды. Почти никакой охраны. Гуляй, сколько душе угодно, по бесконечным лабиринтам Белого дома.

Рассказывают: когда «коллективные лендлорды» начинали слишком уж докучать Аврааму Линкольну, мешая ему честно отрабатывать президентское жалованье, то он через надежных людей распускал слух по Вашингтону, что якобы заболел черной оспой. На какое-то время это помогало. Любопытные начинали обходить стороной Белый дом.

Подобно тому, как возраст дерева можно определить по количеству витков на сечении его ствола, возраст американской демократии можно установить по размерам оград, которыми обносили Белый дом. Чем больше витков, тем старее дерево. Чем выше и новее ограда вокруг Белого дома, тем дряхлее американская демократия. Когда в 1917 году группа суфражисток приковала себя к воротам Белого дома

в знак протеста против неравноправного положения женщин, ограда резиденции на Пенсильвания-авеню, 1600, прибавила несколько дюймов. Через некоторое время отменили церемонию новогодних рукопожатий. Причиной отмены послужил следующий инцидент. Произошло это уже в годы правления президента Гувера. Однажды, когда президент и его супруга изволили ужинать, в их столовую неожиданно ввалилась группа туристов из Филадельфии. Смертельно перепуганные камердинеры поспешили вытолкать непрошенных гостей из личных покоев Гувера, а последний распорядился принять соответствующие меры для ограждения интима его вечерних трапез.

Дальше — больше. С каждым годом Белый дом обрастал все новыми и новыми изоляционными витками. Налогоплательщиков заставляли раскошелиться уже не за зрелище, а за занавес. В 1960 году была воздвигнута еще одна ограда, разумеется, более прочная и высокая, чем предыдущие. Для постовых соорудили пуленепробиваемые будки-сторожки, установили прожекторы, расширили и углубили бомбоубежище, снабдив его сложной системой коммуникаций и автономной электростанцией. Для сотрудников Белого дома ввели специальные жетоны, а для посетителей его служебных помещений — громоздкую бюрократическую систему пропусков, отнимающую час, а то и более у каждого «лендлорда», вздумавшего навестить того или иного «слугу народа».

Фраза, гласившая, что Белый дом — единственное место на земле, где глава государства не боится своего народа, приобрела иронический оттенок, а после убийства президента Кеннеди — зловещий. По данным начальника секретной службы Джеймса Раули, тревоги в Белом доме давно уже приняли будничныи характер. Одни пытаются поджечь Белый дом, другие — протаранить его ворота бульдозером, третьи — перелезть через ограду с пистолетом за пазухой. Было и такое — секретная служба получила письмо от некоего пилота, грозившего обрушить свой самолет на «Мэншн»¹ американского президента.

Но это лишь одна сторона дела, причем далеко не самая главная, хотя тоже весьма показательная: Белый дом как своеобразный барометр нарастающего психоза, которым поражено общество насилия. Более важно нечто другое. Из

¹ Дом, резиденция.

символа народовластия Белый дом превратился в символ власти, оторванной от народа, чуждой и противопоставленной ему. Витки ограды, которой обнесена резиденция американского президента, как бы отражают цикл, пройденный за два столетия демократией Нового Света — от освежающего периода бури и натиска Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона с их Декларацией независимости до удушливой атмосферы гарнизонного государства Линдона Джонсона и Ричарда Никсона.

Когда-то первая хозяйка Белого дома, супруга президента Джона Адамса Эбигейл, не стеснялась вывешивать сушить белье в зале приемов, который носит сейчас название Восточной комнаты. Современные правители Америки пытаются — впрочем, тщетно — спрятать свои грязные дела и грязное белье подальше от глаз народа. Столь же тщетно пытаются они обелить их. Прогресс демократии и бытовой химии не всегда совпадает. Ныне в Америке всевозможных сортов стиральных порошков раз в сто больше, чем знаков препинания в конституции США; а вот Эбигейл Адамс обходилась простым мылом и водой, которую к тому же таскали ведрами за пять кварталов, ибо водопровод в Белом доме тогда еще не был проведен.

Да, канули в безвозвратное прошлое времена, когда человек с улицы мог запросто заглянуть в Белый дом, чтобы пощупать прочность демократической кладки «отцов-основателей»¹. Теперь ему приходится щупать нечто другое — прочность барьера, отгораживающего президента от страны. А на смену традиционным новогодним рукопожатиям главы государства пришло тоже уже успешнее стать традиционным рождественское рукоприкладство полиции, разгоняющей перед Белым домом антивоенные марши и моратории.

Но даже и это не самое главное. В конце концов средний американец при всем его пристрастии к показухе равноправия и наркотическом влечении к панибратству в отношении «великих мира сего» может, кряхтя, расстаться с привилегией сваливаться как снег на голову мистера президента, когда последний изволит ужинать наедине со своей супругой. Лишенный этой привилегии, наш американец с голоду не помрет. Но вот когда на тайных вечерах принимаются решения помимо народа и против народа, когда его бесцере-

---

¹ Я не имею в виду туристские маршруты Белого дома.

монно выгналкивают за дверь политической кухни и швыряют ему в спину объедки народовластия, то это уже совсем иной коленкор. Здесь можно остаться и без ужина, и без головы; можно положить живот и в прямом, и в переносном смысле за совершенно чуждое тебе дело.

Процесс этот начался в Вашингтоне, разумеется, не вчера. Но никогда еще он не заходил так далеко, как сегодня. Выражение «кучка правителей» превратилось ныне из метафорического в констатирующее. Круг людей, принимающих решения, от которых зависят судьбы всей страны, всего народа, настолько сузился, что им просторно даже в знаменитой «Ситюэйшн рум» Белого дома. Вторжение в Камбоджу — пример наиболее разительный, но отнюдь не единственный. Ни конгресс, ни кабинет не были поставлены в известность о нем хотя бы формально, хотя бы ради приличия. И уж тем более никто не удосужился спросить их совета и разрешения.

Делясь своими впечатлениями от недавнего посещения Белого дома, экс-президент Джонсон рассказывал в кругу друзей:

— Когда я запраивал в этой лавке, у меня было бесчисленное количество прямых телефонов. Сейчас только четыре человека имеют прямую связь с президентом. И знаете, что любопытно? На другом конце каждого из этих четырех проводов сидят немцы — Киссинджер, Эрлихман, Холдеман и Зиглер!

Конечно, его техасское величество изволило злословить. Количество телефонов — весьма сомнительное мерило демократии, а немецкое происхождение четырех главных помощников президента Никсона — случайное совпадение. Но в шутке бывшего хозяина Белого дома заключался еле скрытый намек на то, что сейчас в политических салонах Вашингтона и Нью-Йорка называют «растущей изоляцией президента».

Выступая в конце мая 1970 года с речью в Лос-Анджелесе, один из четырех «немцев» — Боб Холдеман, возглавляющий внутренний штат Белого дома, — заявил, что слухи об «изоляции президента» умышленно распространяются «хозяевами печати восточного истеблишмента». По его словам, «где-то в джунглях и лабиринтах Манхэттена существует нервный центр, в котором каждое воскресенье в полдень собирается группа людей, обладающих огромной властью. Они решают, какую линию должны занять на предстоящей неделе органы

информации восточного истеблишмента. Более того, они назначают пароль недели. Так, например, неделю назад им был «отчаянный риск», на этой неделе — «кризис руководства». А предстоящую неделю они объявили «неделей изоляции президента».

Как бы в подтверждение этих слов, на следующий день, приходившийся на понедельник, нью-йоркские и вашингтонские газеты опубликовали карикатуру Пьеротти и фельетон Бухвальда, посвященные теме «изоляции». На карикатуре Пьеротти президент Никсон был изображен окруженным со всех сторон дюжими генералами. Он был еле виден за их массивными спинами. Генералы, самодовольно ухмыляясь, говорили Никсону: «Мы просто не можем понять всей этой болтовни о том, что наш президент якобы изолирован».

Фельетон Бухвальда назывался «Политика закрытых дверей». Я привожу его полностью не потому, что он очень остроумен, а потому, что он весьма точно воспроизводит дух, царящий в Белом доме:

«В течение последних недель выяснилось, что президент Никсон все более и более изолируется от своего кабинета. Министр внутренних дел Хиккел сказал, что за пятнадцать месяцев он всего лишь дважды видел президента. Другие члены кабинета утверждают: Хиккел просто счастливчик, что видится с президентом столь часто!

Сейчас я могу раскрыть тайну того, что недоступность президента для членов его кабинета не является случайностью. Существуют специальные меры предосторожности, установленные штатом Белого дома для того, чтобы президент не соприкасался с кем-либо из своей администрации.

Вот как это происходит.

В каждой сторожке у каждого входа в Белый дом имеются фотографии каждого члена кабинета. Это сделано для того, чтобы полицейская служба Белого дома могла немедленно опознавать их.

Когда тот или иной член кабинета появляется у тех или иных ворот, полиция обязана немедленно докладывать об этом тому или иному сотруднику штата Белого дома.

К воротам посылают низшего чина, чтобы тот осведомился у члена кабинета, по какому делу он пожаловал в Белый дом. Низший чин заверяет члена кабинета, что передаст его просьбу президенту.

Если член кабинета настаивает тем не менее на личном свидании с президентом, его проводят в Белый дом и просят подождать в раздевалке сотрудников секретной службы.

Затем в раздевалку посылают третьего заместителя помощника президента с миссией убедить члена кабинета покинуть Белый дом подобру-поздорову. Он пытается заставить члена кабинета, что мистер Никсон всегда счастлив выслушать любого сотрудника своей администрации, и высказывает соображение по поводу того, что наилучшим путем общения члена кабинета с президентом явилось бы обращение к конгрессмену, за которого он, член кабинета, голосовал на выборах.

Если и это не помогает, то члена кабинета ведут в приемную бюро стенографии, куда для беседы с ним отражают уже второго заместителя помощника президента.

Иногда, если член кабинета упорно настаивает на встрече с кем-либо из более ответственных лиц персонала Белого дома, его ведут в «Нейви месс»¹, где с ним беседует младший помощник, в то время как старший помощник изволяет завтракать.

Если и этот помощник не в состоянии убедить члена кабинета покинуть Белый дом, его ведут наверх к секретарю пресс-секретаря Рона Зиглера.

К этому времени трем главным помощникам президента — Джону Эрлихману, Бобу Холдеману и Генри Киссинджеру — уже докладывают о том, что в помещении Белого дома находится член кабинета.

Они включают сигнал «Красной тревоги» и сдвигают свои столы в холле перед офисом президента на манер фургонов пионеров Запада во время нападения индейцев, чтобы член кабинета не прорвался к президенту. При чем каждый из них имеет свои особые причины, по которым он не хотел бы, чтобы член кабинета увиделся с Никсоном.

Но даже если член кабинета умудрится перепрыгнуть через столы и проскользнуть мимо трех главных помощников президента в его офис, это еще не дает ему гарантии, что он увидится с президентом.

Притаившись за дверью специально для подобных чрезвычайных обстоятельств, его поджидает министр юстиции

---

¹ Столовая для персонала Белого дома.

Джон Митчелл, единственный член кабинета, имеющий доступ к президенту. Министр юстиции бросается на члена кабинета и пытается вытолкнуть его из офиса, пока тот не достиг письменного стола президента. Если Митчеллу не удастся припечатать члена кабинета обеими лопатками к полу, то последний получает наконец пятиминутную аудиенцию у президента Соединенных Штатов».

Появление карикатуры Пьеротти и фельетона Бухвальда вызвало поток сатирических комментариев в либеральной печати, которую как раз и считают рупором «восточного истеблишмента». А что, если Боб Холдеман, увидя карикатуру и прочтя фельетон, и впрямь уверует в сочиненную им самим сказку о «нервном центре», который дирижирует вендеттой против президента из джунглей и лабиринтов Манхэттена? — упражнялась в остроловии журналистская ось Нью-Йорк — Вашингтон.

Оказавшись в глупом положении, штат Белого дома поспешил объявить, что слова Холдемана о «нервном центре» были всего лишь шуткой. «Я лично справлялся у него на сей счет», — сказал репортерам пресс-секретарь Белого дома Рон Зиглер. Это неуклюжее опровержение вызвало новый поток насмешек. «Черт подери, — писал, например, обозреватель Векслер, — мы, по-видимому, слишком уж серьезно воспринимаем заявления нашего правительства и поэтому недооцениваем его чувство юмора. Ведь это просто шутка, когда президент утверждает, что вторжение в Камбоджу было продиктовано желанием ускорить окончание войны! А разве это не шутка, когда президент советует американцам покупать акции в то время, как на Уолл-стрите все летит вверх тормашками? И уж, конечно, слова Киссинджера «президент нуждается в вашей помощи, в вашей симпатии и, если хотите, даже в вашей любви», обращенные к сенаторам, которых водили за нос в камбоджийском вопросе, не более как милая и остроумная шутка!»

Но смех смехом, а положение дел в вашингтонских коридорах власти далеко не шуточное. Суть проблемы, разумеется, состоит не в том, что идет грызня между царедворцами за влияние на президента, что, пораженные рецидивом застарелой болезни местничества, вашингтонские бояре рвут друг другу бороды. Феномен «изоляции» куда сложнее и глубже. Карикатурно-фельетонная возня, происходящая в президентском предбаннике, лишь мизерный

кончик айсберга, имя которому эрозия буржуазно-демократического правопорядка.

«Изоляция» нынешнего хозяина Белого дома отнюдь не новое явление в политической жизни Соединенных Штатов. За последнее время на здешнем книжном рынке появилось несколько интересных исследований, посвященных этому вопросу. Я имею в виду «Сумерки президентства» Джорджа Риди, «Люди вокруг президента» Патрика Андерсона и «Несбывшаяся мечта» Джека Смита. Два первых автора — Риди и Андерсон — живописуют с натуры. У них за плечами долгие годы работы в Белом доме — со времен Трумэна до Джонсона включительно. В книге Смита рассказывается об эпохе президентства Гувера, того самого Гувера, интимный ужин которого был нарушен туристами из Филадельфии. И Риди, и Андерсон, и Смит отдадут обильную дань «дворцовой» интерпретации истории, показывая своих героев отгороженными от народа толпами телохранителей, помощников, сикофантов. Но зачастую вопреки намерениям авторов фактура их повествования глаголет об антинародной сущности отправления власти в Соединенных Штатах, которая в эпоху империализма бесцеремонно рвет и без того ослабевшие пути буржуазного парламентаризма.

Вот почему в Вашингтоне подлинной жертвой подлинной изоляции является не президент, а конгресс. Ослабление законодательной власти в пользу исполнительной, так называемый министерализм, неизменно окрашивает далеко не шпенглеровский закат буржуазной цивилизации. Но на нынешнем ее этапе начала крошиться и система министерализма. В Соединенных Штатах этот процесс зашел наиболее далеко, ибо ни в одной другой капиталистической стране поглощение правительственного аппарата военно-промышленным комплексом не было столь всеобъемлющим, как в США. С другой стороны, этому способствовала уже имевшаяся в наличии структура исполнительной власти. В отличие от европейских государств в Соединенных Штатах функции президента и премьер-министра сосредоточены в одних руках. Более того, министры, назначаемые президентом, несут ответственность исключительно перед ним и совершенно неподотчетны конгрессу. Это своеобразное единство формы и содержания — президентский кабинет и военно-промышленный комплекс — как раз и является источником «феномена изоляции». Внешне изолированным выглядит

президент, но, по существу, жертва этого феномена — вся система буржуазной демократии, а в конечном счете народ. Именно его изолируют от власти, именно его лишают права быть хозяином своей собственной судьбы.

Во время избирательной кампании 1968 года Ричард Никсон провозглашал: «Президент не может изолироваться от великих интеллектуальных ферментов своей эпохи. Наоборот, он обязан сознательно и намеренно находиться в их центре... В этом заключается одна из причин того, почему я не хочу иметь правительство подхалимов и подпевал». Став президентом, Никсон представил стране по телевидению свой кабинет. (Жест, к которому не прибегал ни один из его предшественников.)

— Каждому члену этого кабинета будет вменено в обязанность высказывать своё мнение и в совете министров, и в рамках администрации по всем основополагающим проблемам, чтобы решения, которые мы будем принимать, были бы наилучшими, насколько это вообще возможно,— сказал Никсон.

Затем вновь избранный президент сделал еще один «беспрецедентный» шаг. Он объявил, что отныне выкраивает из каждого своего рабочего дня целый час (!) для прямых телефонных разговоров с министрами. Мы уже говорили выше, что количество телефонов — весьма сомнительное мерило демократии. Это в полной степени относится и к количеству времени, затрачиваемого на телефонные разговоры. Но президент не сдержал данное им слово даже формально. Его телефон оказался столь же недоступным, как и его офис. Министерские звонки замыкались на президентских помощниках, тех самых «четырёх немцах», в адрес которых изволил злословить Линдон Джонсон. (Кстати, в остроумии по поводу немецкого происхождения главных советников президента упражняется почти все вашингтонское общество. Это считается признаком хорошего тона, модной фрондой. Их называют «Немецким квартетом», «Берлинской стеной», «Королевской кислой капустой»¹, употребляют перед их фамилиями приставку «фон» — фон Киссинджер, фон Эрлихман и так далее.)

¹ Игра слов: Sauerkraut — кислая капуста, kraut — сленговое прозвище немца.

Утрата прямого контакта с президентом буквально приводит в отчаяние некоторых членов его кабинета. Бухвальд писал о Хиккеле. Испытывает смятение души и Ромни. «Никсон должен решить раз и навсегда этот ключевой вопрос: кто обязан отвечать за политику и играть руководящую роль — люди из штата Белого дома или министры?» — заявил Ромни в интервью корреспонденту журнала «Тайм». По словам очевидца, «лицо Ромни было белым как мел, ибо ему не удалось обойти аморфный штат помощников и свидеться с президентом». (Для Хиккела и Ромни такое положение вдвойне унижительно. И тот и другой — бывшие губернаторы штатов, привыкшие к независимости, и к тому же еще миллионеры!)

Институт помощников или советников при Белом доме — любопытнейшее явление, достойное самого пристального внимания. В Вашингтоне шутят: если, мол, сотрудники секретной службы — телохранители президента, то помощники — его «умохранители». Не знаю, как насчет юмора в этой шутке, но истины в ней ни на грош. Институт помощников в той форме, в какой он существует при последних американских президентах, и в особенности при нынешнем, пожалуй, наиболее зримое проявление крайностей процесса вымывания буржуазной демократии. Я бы назвал его условно сверхминистериализмом. Помощники президента, подобно министрам, назначаются им самим и несут ответственность только перед своим непосредственным боссом. Более того, конгресс не имеет даже права утверждать или отводить кандидатуры помощников президента, как он это делает в отношении министров. «Умохранители» полностью бесконтрольны, ибо оперируют вне рамок конституционной административной системы.

Однако если вы попытаетесь подобрать образ, отражающий с максимальным приближением функции помощников президента, то им будет скорее приводной ремень, чем изоляционная лента. Личный штаб Никсона связывает Белый дом с источниками реальной власти, с политическими группировками, на которые опирается нынешняя республиканская администрация. Так, например, Киссинджера можно назвать приводным ремнем между Белым домом и военно-промышленным комплексом, а Эрлихмана — между Белым домом и силами «южной стратегии». Но, конечно, эти явления нельзя трактовать упрощенно. Было бы элементарной пош-

лостью рассматривать институт помощников в качестве своеобразного дипломатического корпуса, члены которого непосредственно аккредитируются при Белом доме и представляют там интересы таких государств в государстве, как военно-промышленный комплекс, расисты Юга, и так далее.

Через несколько дней после начала американского вторжения в Камбоджу Генри Киссинджера навестил один из его бывших коллег по Гарварду. Беседа профессоров то и дело прерывалась. Буквально каждую минуту на столе Киссинджера звонил телефон, соединяющий его непосредственно с президентом, и посетителю приходилось покидать кабинет.

— Я это делаю для того, чтобы вы не видели меня стоящим на коленях во время разговоров с президентом. А то еще, чего доброго, у вас может сложиться превратное представление о моих функциях,— пошутил Киссинджер.

Этот анекдот довольно точно отражает взаимоотношения президента и его главных помощников. Он их босс, и они стоят перед ним на коленях. Но, с другой стороны, советы «колени-преклоненных» перманентно питают и направляют президента. Ричард Хофштедтер называет подобную систему «параноидальным стилем американской политики».

Я не случайно задержался столь подробно на описании этого «параноидального стиля». Дело в том, что в работах некоторых моих коллег иногда дают знать о себе рудименты вульгарной трактовки отправления власти в буржуазном обществе. Образные выражения вроде «военно-промышленный комплекс диктует политику» или «магнаты Уолл-стрита диктуют политику» обретают под их пером некую бытовую реальность. Неискушенный читатель может и впрямь подумать, что в какие-то определенные дни недели дяди из комплекса и с Уолл-стрита вызывают к себе на поклон президента и вправляют ему мозги. Правящие классы Америки слишком хитры и опытны, чтобы вести себя столь глупо. (Я уже не говорю о том, что их монолитность ограничивается исключительно рамками однородной классовой сущности. Во всем остальном это пауки в банке.) Мудрые жрецы, управлявшие Древним Египтом, берегли как зеницу ока ореол священности, которым была окружена власть фараона. Они не стеснялись и не ленились падать ниц перед своей собственной марионеткой. Американский президент — слишком драгоценная жемчужина в короне власти, чтобы пользоваться ею в качестве океанской гальки. Не надо забывать и того,

что великие президенты прошлого накопили в кладовых Белого дома огромный политический капитал. Сейчас он во многом растрянжирен, но, даже довольствуясь процентами с него, нынешние обитатели «Мэйн» на Пенсильвания-авеню, 1600, по-прежнему остаются в глазах миллионов американцев *pater-familias* или *father-figure* — отцами-патриархами, вождями, верховными главнокомандующими, «дубликатами бесценного груза», имя которому родина, нация, страна, флаг. Было бы легкомысленно сбрасывать все это со счетов.

«Параноидальный стиль американской политики» внешне парадоксален. Чем больше возрастает власть президентства как институции, тем больше убывает власть президента как личности.

Однажды Генри Киссинджера послали в Индепенденс, штат Миссури, к экс-президенту Гарри Трумэну для консультации по какому-то вопросу.

— Ну-с, молодой человек, чему вы научились в Белом доме? — спросил Трумэн Киссинджера.

— Тому, ваша честь, что бюрократия является четвертой по счету, но самой влиятельной властью в администрации¹, — ответил прототип доктора Стрейнджлава.

— Нонсенс, президент может сделать все, что ему заблагорассудится, если только он уверен в своей правоте, — поспешно возразил Трумэн.

Выступая на пресс-конференции, которая стоила ему бессонной ночи, Никсон говорил по поводу вторжения в Камбоджу: «Это решение принято мной. И ответственность за него я беру на себя. Я верю, что это было правильное решение. Я верю, что оно сработает. Если же нет, то вина падет на меня».

Отложим на время в сторону риторику об ответственности, правоте и вине. Через несколько дней после начала вторжения и взрыва студенческих волнений в Белый дом была приглашена небольшая группа наиболее известных американских обозревателей. Им показали нечто такое, что в обычных условиях хранится за семью замками и печатями или, скорее всего, немедленно сжигается по прочтении. То были листы почтовой бумаги желтого цвета из личного бювара Никсона. Они содержали меморандум, написанный

---

¹ Согласно классической теории буржуазного государственного права, власть делится на законодательную, исполнительную и судебную.

от руки самим президентом. В меморандуме, разложенные по полочкам и разграфленные линейками, взвешивались все pro и contra вторжения в Камбоджу — военные, внешнеполитические, внутренние. Ознакомление журналистов с этим уникальным документом преследовало цель опровергнуть или хотя бы ослабить критику в адрес Никсона. Президента обвиняли в том, что решение об эскалации агрессии в Индокитае было принято им без «адекватных консультаций и размышлений», без учета настроений американской общественности, без попыток взвесить далеко идущие последствия вторжения в Камбоджу.

На первый взгляд меморандум выглядел в качестве довольно-таки солидного алиби. Но только на первый взгляд. Дело, конечно, не в том, что его могли составить уже задним числом. «Недаром меморандум написан на бумаге желтого цвета. Это делает невозможным определение ее возраста», — злословили те, которых не пригласили. Куда важнее другое — кто консультировал президента и насколько «адекватными» были эти консультации, питавшие его размышления. (Ведь если президент, как это пытаются утверждать сейчас его сторонники, предвидел, насколько сильной будет контрреакция общественности, насколько глубоко расколотой окажется нация, то получается, что он не столько учел это обстоятельство, сколько пренебрежительно и умышленно сбросил его со счетов.)

Вот почему «желтый меморандум» не алиби, а улика, отягчающее вину обстоятельство, свидетельствующее о том, что вторжение в Камбоджу было предумышленным преступлением, «first degree murder», как принято выражаться в американских судах.

Я уже говорил выше о традиционном отношении американцев к личности президента (не конкретного, а вообще). Оно не в последнюю очередь зиждется на твердом убеждении в том, что «президент знает больше, чем мы, и поэтому он знает лучше нас, что делать и как поступать». И в данном случае на первый взгляд все как будто соответствует действительности. На президента США работает информационный аппарат гомерических размеров. Журнал «Тайм» называет его «неопрятным и неуклюжим монстром». Тысячи депеш стекаются ежедневно в Белый дом по каналам Пентагона, государственного департамента, Центрального разведывательного управления, ФБР. Даже основные выжимки из них,

доходящие до письменного стола президента, составляют в среднем в день сто страниц, напечатанных на машинке.

Вот это чтиво как раз и отличает президента от простого смертного. Но насколько «адекватно» отражает оно действительность? Пентагон, госдепартамент, ЦРУ, ФБР посылают в Белый дом не просто информацию, а мнения. Киссинджер, Эрлихман и другие советники президента, препарирующие их в стостраничные дайджесты, занимаются не просто сортировкой, а осмыслением. (Они сопровождают каждый новый дайджест своими собственными соображениями в форме памятных записок.) А это означает в конце концов, что президент смотрит на мир сквозь вполне определенные очки и видит мир таким, каким его видят или хотели бы видеть вполне определенные «окулисты»¹.

Говоря о всесиили бюрократии, Киссинджер подразумевал не в последнюю очередь именно эти ее функции. Бюрократия гарантирует преемственность власти в Вашингтоне, выравнивая по классовому ватерпасу шероховатости двухпартийной политики. Неограниченный характер президентской власти сродни диктаторским решениям компьютера — электронного счетно-вычислительного устройства. Компьютер выплескивает свой диктат с непререкаемым авторитетом. Но он находится в рабской зависимости от питающей его информации. Президент может сделать все, что ему заблагорассудится, не потому, что он уверен в своей правоте, как это утверждает Трумэн, а потому, что его воля и даже произвол запрограммированы бюрократией, которая, в свою очередь, служит приводным ремнем между Белым домом и подлинными хозяевами Америки. Последним незачем толкаться на Пенсильвания-авеню, 1600, и просиживать брюки в Овальной комнате президента. Это лишь повредило бы их интересам, притупив ореол *pater-familias*, окружающий личность главы государства, и возбудив подозрение и недовольство общестственности.

---

¹ Помимо специальной информации, Никсон получает, разумеется, и обычную. Каждое утро ему доставляют восемь ведущих газет страны. Но, по словам его камердинера Санчеса, президент не читает их, равно как и не смотрит последние известия по телевидению. (Его общение с голубым экраном ограничивается спортивными передачами в субботу и воскресенье.) С прессой Никсон знакомится лишь по выжимкам, которые делает для него Патрик Бюкенэн, автор разгромных речей вице-президента Агню против прессы!

Президент США всемогущ, ибо в него инвестируют свою власть правящие круги Америки. Но президент США бессилен, если он попытается восстать против своих инвесторов. В подобных случаях, которые, впрочем, весьма редки, компьютер преобразуется в обойму пистолета или в магазинную коробку ружья и его программируют не информацией, а патронами. И это тоже «параноидальный стиль американской политики»...

Конечно, личность того или иного обитателя Белого дома накладывает свой отпечаток на функционирование компьютера президентской власти, подобно тому как вкусы той или иной первой леди Америки отражаются на убранстве жилых покоев «Мэншн». Темперамент одних органически приемлет «параноидальный стиль», темперамент других, сопротивляясь, вынужден приравниваться к нему. Есть президенты талантливые и посредственные, общительные и замкнутые, колоритные и бесцветные, импровизаторы и бюрократы. Но все эти оттенки в конце концов имеют отношение к политической рознице, а не к опту.

Не составляет исключения и так называемый «феномен изоляции». «В сумерках президентства» Джордж Риди пишет: «С точки зрения президента, важнейшей проблемой его штата является поддержание контакта с реальностями мира, лежащего за оградой Белого дома. Мало кто преуспевает в этом. Они начинают свое правление под свежим впечатлением только что окончившейся политической баталии, которая имеет тенденцию приковывать людей к фактам жизни. Но вскоре — все это дело времени — помощники из Белого дома окружают их наподобие преторианской гвардии».

Для государственного деятеля Белый дом — тюрьма, ловушка. С этим определением согласны и профессора политических наук, и профессиональные политиканы. «Все эти доспехи президентов — личные аэропланы и вертолеты, охраняемые жилые покои и служебные резиденции, секретная служба, пуленепробиваемые лимузины, мотоциклетные эскорты, общение по телевизору, заменяющее личные контакты, — лишь увеличивают их изоляцию. Насилие и угрозы насилия, имевшие место в последние годы, повлекли за собой принятие новых мер безопасности, которые еще более отдалили президентов от народа», — замечает Том Уиккер.

Впрочем, к этому замечанию следует отнести критически. «Феномен изоляции» нельзя сводить к формальностям

протокола и мерам безопасности, «неизбежному злу» в любом обществе, хотя парадная помпа и мания преследования, принявшие в Вашингтоне за последнее время гигантские масштабы, тоже кое о чем говорят. Но «феномен изоляции» — понятие не столько механическое, сколько политическое и притом сугубо классовое. Белый дом называют тюрьмой не из-за его решеток и сравнивают с ловушкой не из-за его лабиринтов. Подобно тому как подлинной жертвой изоляции в конечном счете оказывается не президент, а народ, так и подлинным узником тюрьмы на Пенсильвания-авеню, 1600, является не ее обитатель, а налогоплательщик, тот самый «коллективный лендлорд», на средства которого она существует.

Изоляция президента — это одиночество надзирателя. Поэтому его общение с народом не может быть иным, как через тюремную решетку. Образ Антея, прикасающегося к Гее, земле-матушке, и набирающегося от нее сил, в данном случае более чем неуместен.

Так вот, темперамент одних президентов, их стиль руководства словно скроены по одиночеству надзирателя, словно созданы для него. Другим приходится силой втискивать себя в уже заранее отлитые формы. Кое-кому удастся при этом сохранить внешнюю экстравагантность — аристократизм Кеннеди, техасская широта Джонсона, — и летописцы, набившие оскомину на серятине, спешат преподнести их потомству в качестве «колоритных личностей».

Ричард Мильхауз Никсон к их числу не принадлежит. Он замкнутый по натуре человек и поэтому чувствует себя в аквариуме Белого дома как рыба в воде. Стиль его руководства — это стиль бюрократа-менеджера. Он не столько вдохновляет, сколько управляет. Для него государственная деятельность — это прежде всего административная деятельность, а Соединенные Штаты Америки — сверхконгломерат, нечто вроде «С.Ш.А., инкорпорейтед». Отсюда проистекают и его качества как политического лидера — он не зажигает аудиторию, а программирует ее, предпочитая личному общению бумажное. «Президент не любит возлежать на языках. Он лобит, когда ему под голову подкладывают памятные записки», — говорят его помощники. По словам одного из членов его кабинета, «Никсон арифметически политичен и механически административен. Но ему недостает антенны, чтобы улавливать волны настроений, недостает воображения, чтобы идти в авангарде идеализма».

Я не собираюсь давать здесь развернутый психологический портрет нынешнего президента Америки. Ограничусь лишь несколькими необходимыми штрихами. Никсон пришел в Белый дом, обремененный целым рядом комплексов, от которых его не смог излечить даже наивысший политический триумф. Он так и остался типичным продуктом провинциальной, набожной, чиновничьей и консервативной Америки, которая считает себя солью земли, несправедливо обделенной варягами. Нашествие на Белый дом бесчисленных орд проповедников, возглавляемых Билли Грэхэмом, нескончаемые богослужения и прочие религиозные церемонии нельзя объяснить лишь простым, элементарным, так сказать, прикладным лицемерием. (Норман Мейлер сравнивает Никсона со знаменитым диккенсовским персонажем. «Дик Никсон,— пишет он,— живое олицетворение Урии Гипа, воистину собор лицемерия».) У клана Никсонов слишком глубокие для этого баптистско-квакерско-евангелические корни. Недаром духовными наставниками президента являются Горацио Элджер и Норман Винсент Пиль, создатели философско-религиозной системы взглядов «средней Америки», а его жизненным девизом — слова матери, сильной личности, оказавшей глубокое влияние на своего знаменитого сына: «Упорно трудись. Возлюби родину. Никогда не сдавайся. Бог любит борцов». Поэтому он лицемерит, как и верует,— искренне. Подлинный ханжа никогда не бывает атеистом. Он, как правило, верит в бога, но хочет приспособить его для своих корыстных нужд. (Замечу в скобках, что и ближайшее окружение Никсона, возможно, за исключением Киссинджера и Мойнихэна, состоит из «сельфмейдэнов», среди которых нередко можно встретить миллионеров, начинавших с несколькими центами в кармане, как министр внутренних дел Хиккел, или миллионеров, вышедших из общины мормонов, как министр строительства и городского развития Ромни. В Вашингтоне шутят, что кабинет Никсона напоминает групповую фотографию выпускников школы Горацио Элджера, выдержавших экзамен великой депрессии и пробившихся наверх благодаря качествам, которыми их одарила «средняя Америка».)

С другой стороны, Никсон по-прежнему испытывает неудачничества, которая даже сейчас, пусть даже ретроспективно, но все-таки отравляет его карьеру, подобно тривиальной ложке дегтя в бочке меда. Профессор Йельского универ-

сителя Джеймс Барбар в статье, опубликованной журналом «Вашингтон мансли», прослеживает истоки этого комплекса неполноценности в провинциализме Никсона, в том, что он засиделся на старте, в том, что долгие годы даже главные его роли были, по существу, вторыми. В этих наблюдениях много верного. Быть в течение восьми лет вице-президентом, который и не царствует, и не управляет, который не имеет ни собственного лица, ни собственного рабочего места, если не считать за таковое скамью для запасных игроков, нелегкое испытание. От него ржавели и скисали многие сильные характеры, распираемые неутоленным политическим честолюбием, жадной активной деятельностью и реальной властью. Нельзя назвать особо успешной и деловую карьеру Никсона в качестве юриста на Уолл-стрите. Он неизменно выступал в роли младшего партнера той или иной фирмы. Он так и не смог разбогатеть, хотя и купил квартиру на Пятой авеню по соседству с самим Нельсоном Рокфеллером. (Такое соседство лишь еще больше растравляло его комплекс неполноценности, равно как и то, что его имя неизменно фигурировало вторым или третьим и на медных табличках Уолл-стрита, и на визитных карточках.)

Сравнительно недавно профессор Массачусетского технологического института Роберт Ротберг и профессор Принстонского университета Теодор Рабб приступили к изданию так называемого «Журнала интердисциплинарной истории». В первом номере этого журнала была напечатана статья «Психоистория Ричарда Никсона». Исследователи считают, что основные вехи никсоновской биографии складываются не из взлетов, а из падений. По-видимому, и сам президент в какой-то степени разделяет этот взгляд. Недаром его автобиография носит заглавие «Шесть кризисов». Первым кризисом Никсон считает разбиравшееся им дело Эджера Хисса, высокопоставленного сотрудника госдепартамента, обвиненного в «коммунизме»; вторым кризисом — скандал, вызванный разоблачением финансовой стороны его вице-президентской кампании 1952 года; третьим кризисом — сердечную болезнь Эйзенхауэра, когда Никсон буквально каждую секунду мог стать президентом; четвертым кризисом — визит в Каракас в 1958 году, когда разъяренная антиамериканская демонстрация чуть было не опрокинула автомобиль, в котором он ехал, и забросала его камнями; пятым кризисом — визит в Советский Союз в 1959 году, и, наконец, шестым

кризисом — поражение на президентских выборах 1960 года.

Разумеется, Никсон разбил свою политическую автобиографию на шесть кризисов не для того, чтобы нарисовать портрет неудачника. Он преследовал совершенно противоположную цель — доказать на примере этих кризисов свои качества как общенационального лидера, ибо только те, «кто испытал великие кризисы, их вызов и напряжение победы и поражения», могут претендовать на роль вождей. Как говорил Киплинг, «испытание на лидерство заключается в том, чтобы не терять головы, когда кругом все в панике», — писал Никсон, ссылаясь на певца британского джингоизма. Но независимо от воли автора его книга содержала сильные оправдательные обертоны. Обращаясь к читателю, он то и дело просил не придавать особого значения его «внешней нервозности», тому, что, находясь в кризисной ситуации, он неизменно замыкался, переставал есть иногда целыми сутками, даже не замечая этого, часто срывался, страдал от бессонницы. (Так было, например, в Москве, когда Никсон в половине шестого утра решил прогуляться и, очутившись у Центрального рынка, тщетно пытался одарить сторублевой ассигнацией первого попавшегося ему продавца.)

Однако, утверждал Никсон, его «внешняя нервозность» была лишь фасадом, за которым происходили «духовные поиски» наилучших решений. Более того, он чувствовал, что чем больше истязал себя, тем продуктивнее оказывались эти поиски. «Много раз я обнаруживал, что мои лучшие идеи возникали именно тогда, когда я буквально доводил себя до предела... Бессонные ночи в тех рамках, которые физически может выдержать организм, стимулируют творческую умственную деятельность». Рассказывая о своей роли в деле Хисса, Никсон говорил о неизбежности периода «сомнений и самокопаний» перед принятием основного решения — вступить в схватку или бежать с поля боя. Он говорил, что в этот период создается невыносимое напряжение, которое можно разрядить лишь действием — в ту или иную сторону. Но и в данном случае Никсон стремился преподнести присущие ему сомнения и самокопания в качестве позитивных качеств, из которых якобы рождается чувство ответственности, предупреждающее от поспешных шагов. «В противном случае, — писал Никсон, — ты стреляешь с бедра, бьешь мимо цели и проигрываешь сражение из-за своей опрометчивости».

(Помните разлинованный меморандум, написанный президентом от руки на желтой бумаге,— эту своеобразную конторскую книгу агрессии, где взвешивались все плюсы и минусы вторжения в Камбоджу?)

«Шесть кризисов» были написаны после поражения Никсона на президентских выборах 1960 года. Сейчас некоторые обозреватели, пользуясь терминологией их автора, характеризуют вторжение в Камбоджу как «восьмой кризис» Никсона. («Седьмым кризисом» принято считать сокрушительную и унижительную неудачу, которую Никсон потерпел на губернаторских выборах в Калифорнии в 1962 году, после чего он надолго отошел от активной политической деятельности и перебрался в Нью-Йорк на Уолл-стрит.)

Несмотря на оптимистические рефрены к каждому кризису, автобиография Никсона по своей жанровой сути была политическим завещанием. Между его строк сквозило неверие в возможность возвращения с Уолл-стрита на Пенсильвания-авеню. Будь это не так, Никсон вряд ли бы забил трюмы своего корабля нежелательным балластом и опасной взрывчаткой «Шести кризисов». И неудивительно, что, когда вопреки общепринятым прогнозам его звезда вновь взошла на политическом небосклоне Америки, противники немедленно извлекли на свет божий эту книгу. «Никсон — человек кризисов; Никсон в плену кризисного синдрома; ему не место в Белом доме»,— утверждали они. Автобиография становилась бумерангом.

Для нейтрализации ее ущербного влияния никсоновский мозговой центр придумал знаменитый пропагандистский трюк, достойный исхищенности основателей буддистской религии. Я имею в виду легенду о двух Никсонах — старом и новом. Согласно этой легенде, «охотником на ведьм», догматическим антикоммунистом и человеком кризисов был «старый Никсон», который, мол, с некоторых пор приказал долго жить. Из пены президентской кампании 1968 года, гласила далее легенда, родилась совершенно иная политическая фигура — «новый Никсон».

Однако вскоре создатели легенды о перевоплотившемся Никсоне столкнулись с неразрешимым противоречием, знакомым еще их далеким буддистским предтечам и неизменно отравлявшим прелести их медитации и постижения. С одной стороны, было необходимо максимально изолировать президента от внешнего мира, чтобы не допустить разоблачения

иллюзии о «новом Никсоне». С другой стороны, поддержание этой же иллюзии требовало, чтобы «новый Никсон» время от времени являлся народу. Как тут быть?

Вот здесь-то и пригодились как нельзя больше специфическая структура Белого дома, который, по словам Вашингтонского обозревателя Роберта Семпля-младшего, был по мановению руки превращен в замок, неприступный для скептиков и волшебный для легковых. Конечно, никакого особого мановения руки в этом не было, ведь речь шла об использовании изначальных функций Белого дома. Просто они были включены на полную мощность. (Впрочем, это «просто» показывает, насколько сложно сейчас положение правящих кругов Америки.)

Итак, в недоступных апартаментах Белого дома, отгороженный от нации и даже от собственных министров, президентствовал «старый» Никсон, а на людях появлялся «новый». Президентство было сугубо герметическим, представительство — предельно редким. Заточение в крепости на Пенсильвания-авеню, 1600, вполне отвечало замкнутому характеру президента. («Как хорошо, когда от дома до работы всего два шага», — любит он повторять фразу, сказанную его «счастливым соперником» Джоном Кеннеди.) Никсон довел штат своих помощников до ста пятидесяти человек, не считая технических секретарей и стенографисток, перещеголяя в этом отношении всех предыдущих обитателей Белого дома. Ступить на новенький, с иголки синий ковер, которым устлан пол в его рабочем кабинете — Овальной комнате, — вскоре стало столь же трудно, как ступить на поверхность Луны. (Бюрократия тоже имеет свою силу тяги и свое безвоздушное пространство.)

Но процесс «изоляции, знакомой еще Джорджу Вашингтону», как замечает, полуоправдываясь, Джон Эрлихман, развивался глубже. Никсон начал экспериментировать с «трансплантацией» Белого дома из перенаселенной столицы в тихие заводы Кэмп-Дэвида, в Ки-Бискейн (Флорида) и Сан-Клементе (Калифорния). Последний даже получил неофициальное прозвище — «Западный Белый дом». Однажды Никсон управлял Америкой из Сан-Клементе в течение целого месяца, подвергнув невыносимым мукам отверженности всю Вашингтонскую администрацию.

Явление народу «нового» Никсона дозировалось весьма скупно и придиричиво выборочно. А в первый год президентства

оно вообще почти что не практиковалось. Дебют-гала состоялся лишь в феврале 1970 года. Сценарий, место действия и публика были подобраны с максимальным запасом прочности, в расчете на гарантированный успех. Сценарий был сработан на популярную тему о борьбе с загрязнением природы. Местом действия избрали город Индианаполис, столицу штата Индиана, который в 1968 году дружно проголосовал за Никсона. Публика была сплошь из тех, кого президент с вполне искренней аффектацией называет «великим молчаливым большинством моих сограждан-американцев».

Когда самолет «ВВС-1» приземлился в аэропорту Индианаполиса, с его трапа навстречу беснующемуся «молчаливому большинству» сошел «новый» Никсон. Он произнес речь, которую до сих пор с затаенным скрежетом зубовным переваривают его министры.

— Я хочу, чтобы Вашингтон знал Америку лучше, чем он знает ее сейчас,— сказал Никсон.— Я хочу, чтобы члены моего кабинета знали о думах людей американской сердцевины. Я хочу, чтобы члены моего кабинета знали о нуждах этих людей, об их претензиях к нам. Вот почему мы сегодня приехали к вам, дорогие мои сограждане-американцы!

«Молчаливое большинство» ревели от восторга. Несмотря на шляпы и макинтоши, оно ужасно напоминало дремучих мужиков в лаптях и тулупах с их еще не расстрелянной или недострелянной верой в доброго царя-батюшку, от которого кровопийцы-министры и праздная челядь скрывают правду о народе. А ведь в Соединенных Штатах Америки нет монархии!

Несколько позже, уже на вертолете, Никсон посетил Ханновер-парк, ознакомился с его оросительной системой и произнес еще одну, не менее знаменитую речь об эпохе трех «R» — reform, restoration, renewa¹. Он сказал, что Соединенные Штаты переживают эпоху реформы правительственных институций, эпоху восстановления природных ресурсов и эпоху обновления духа американского народа. Президент говорил без опаски. Аудитория состояла из одних детей школьного возраста. Откуда было им знать, что «реформа» правительственных институций означает полное поглощение последних военно-промышленным комплексом, что «восстановление» природных ресурсов означает их хищническое

¹ Реформа, восстановление, обновление.

разграбление монополиями, а «обновление» духа американского народа — смятение духа и поляризацию Америки. Здесь детей подобным вещам в школах не обучают.

Затем разыгралась весьма любопытная сцена. Президента провели в здание, где расположены бассейны-канистры, проходя через которые сточные воды очищаются и становятся пригодными для питья. Суперинтендант, возглавляющий оросительную систему Ханновер-парка, зачерпнул прикрепленной к длинной палке кружкой воду из одного бассейна и предложил Никсону продегустировать ее. Президент заколебался.

— А это не опасно? — спросил он суперинтенданта.

— Конечно, нет. Вода здесь вполне надежно дезинфицируется хлором, — ответил тот.

Но президент, видимо, посчитав, что эпоха трех «Р» не обязывает его к четвертому — риску, передал кружку с подозрительной водой стоявшему рядом с ним Ромни, которого он прихватил с собой в поездку в целях ознакомления министров своего кабинета с «думами людей американской сердцевины».

Ромни вежливо, но решительно отказался испить чашу сию. Роль специального помощника виночерпия, в обязанность которого входит проверять — а не отравлена ли божественная влага? — его никак не устраивала. Он явно не желал добираться столь глубоко до американской сердцевины.

Президент обвел полувопросительным-полуободдряющим взглядом свою свиту. Но смельчаков-добровольцев так и не нашлось. Помедлив еще мгновение, Никсон выплеснул содержимое кружки обратно в бассейн...

Отношение американской общественности к перевоплощению Никсона из старого в нового отличалось еще большей подозрительностью. Пропагандистское хлорирование имело свои пределы и не могло полностью убить привкус «старого Никсона». Пока в Белом доме происходила смена караула, пока пришедшая к власти республиканская администрация раскручивала свой маховик, пока еще можно было валить все грехи на головы предшественников, легенда о «новом Никсоне» если и не процветала, то, во всяком случае, и не подавала тревожных признаков увядания. Но как только король покинул парники Белого дома и шагнул из легенды в жизнь, его старая суть немедленно оголилась.

Президент не выдержал главного испытания, которому его подвергла страна, — испытания Вьетнамом. «Иногда мне

начинает казаться, что Вьетнам способен погубить каждого, кто прикоснется к нему», — меланхолически заметил в минуту открытия его внешнеполитическое альтер эго Генри Киссинджер. «Война Джонсона» стала «войной Никсона», — глагол вердикт сурового экзаменатора. Впрочем, этого и следовало ожидать. Перевоплощение — удел Будды, а жрецы религии не меняют. Религия военно-промышленного комплекса осталась прежней.

Президент пытался скрыть эту истину, сочинив новую молитву на мотив «вьетнамизации» войны. Впервые она прозвучала в эфире третьего ноября 1969 года.

— Вопрос заключается не в том, станет ли война Джонсона войной Никсона. Великий вопрос в том: каким путем мы можем выиграть мир для Америки? — восклицал президент.

Он апеллировал к «молчаливому большинству», которому война была не по вкусу лишь потому, что требовала жертв и не приносила дивидендов. Мир для Америки? — это хорошо, трепали языком «молчаливые». Вопрос о мире для Вьетнама их мало беспокоил. Пусть вьетнамцы перебьют друг друга насмерть. Нам-то какое дело? Наше дело — сторона, вернее, обеспечение технической стороны дела. Самолеты, вертолеты, танки, артиллерия — это пожалуйста, сколько угодно. Но наших парней — ни-ни. Наши парни нужны нам самим!

Молитва о «вьетнамизации» поначалу имела успех. Придя на следующее утро в Овальную комнату, Никсон нашел свой письменный стол заваленным грудой поздравительных телеграмм. («Вестерн юнион» принимал их по курсу — один доллар за пятнадцать слов). Президент велел немедленно позвать фотографов, чтобы они запечатлели для потомства эти «трофеи триумфа». Пока фотографы целкали камерами, президент, вороша стопки депеш, говорил:

— Страна поддерживает то, что мы намереваемся предпринять. И эта демонстрация поддержки важнее любой искусной дипломатии для скорейшего окончания войны.

Вскоре подоспели результаты опроса, проведенного институтом Гэллапа. Они тоже свидетельствовали об успехе молитвы. Вынужденная считаться с этим, сенатская комиссия по иностранным делам уже в третий раз отложила публичное слушание «дела о Вьетнаме». Разгневанный Майк Мэнсфилд в сердцах хлопнул дверью, покидая заседание комиссии. А сенатор Гор философски заметил:

— Запасемся терпением и хладнокровием.

Ждать пришлось недолго. «Вьетнамизация» не принесла окончания войны, а лишь послужила ее распространению на Лаос и Камбоджу. Заздравные молитвы сменились заупокойными. Уже никто не звал фотографов в Овальную комнату запечатлеть «трофеи триумфа» — один доллар за пятнадцать слов, — хотя поток телеграмм продолжал захлестывать Белый дом. Но содержание их изменилось. Изменилось и содержание телефонных звонков, парализовавших подстанцию на Пенсильвания-авеню, 1600.

Профессор Спуирер, декан теологического факультета Везлианского университета, вспоминает, как он позвонил в Белый дом и сказал, что хочет выразить свое мнение по поводу вторжения в Камбоджу.

— За или против? — спросила его дежурная.

— Против, — ответил профессор.

Телефон немедленно отключили. Тогда теолог вновь набрал коммутатор Белого дома и вновь повторил свою просьбу.

— За или против? — раздался стереотипный вопрос дежурной.

— За, — сказал профессор.

— Прекрасно, — защебетала дежурная. — А сколько вас человек в семье?

— Четыре.

— Четыре? Итак, запишем, что еще четыре американца высказались в поддержку президента...

Помощники Никсона включили на полную мощность изоляционную систему, чтобы оградить своего шефа от общественного мнения. Эта операция была поручена «Парню из задних комнат» Чарльзу Коулсону, «мастеру по мелкому ремонту и черной работе», как говорят в кулуарах Белого дома, и специальному советнику президента, согласно официальной табели о рангах. Коулсон и его штат стали спешно организовывать «поток приветствий», обзванивая по всей стране активистов республиканской партии. Но работа оказалась слишком уж черной для мастера по мелкому ремонту. Его телефонные звонки безнадежно потонули в звоне колоколов всех университетов Америки, объявивших забастовку в знак протеста против вторжения в Камбоджу и расстрела в Кенте.

Люди, обязанные держать руку на пульсе страны, проявили себя полными невеждами, несмотря на громкие ученые звания и государственные титулы. Когда министр внутренних

дел Хиккел, встревоженный кентским расстрелом, позвонил одному из помощников Никсона, чтобы предупредить его о надвигающейся буре (до самого президента Хиккела так и не допустили. Помните Бухвальда?), последний небрежно отмахнулся:

— Хладнокровие, Уолли, хладнокровие. Не пройдет и суток, как вся эта буря уляжется сама собой...

Не прошло и суток, как эта буря охватила всю страну, а еще через несколько дней докатилась до самого Белого дома девятым валом стотысячной демонстрации.

Глухота, поразившая всех советников президента, была не случайной. Ведь они только воображали, что держат руку на пульсе страны. В действительности этой рукой они зажимали ей рот.

Проклятие «камбоджизации», пришедшее на смену молитве о «вьетнамизации», окончательно разрушило миф о «новом» Никсоне. (Демократы ехидничали в вашингтонских гостиницах по поводу того, что Никсон перецеголял Джонсона, который, оказываясь, не мог даже произносить правильно слово «Камбоджа».) Человек кризисов предстал перед всем миром в своем подлинном облике. Один из ведущих «никсологов» Америки корреспондент журнала «Нью Рипаблик» Джон Осборн с затаенной иронией намекнул, что Никсон красит волосы, однако виски его неизменно теряют черноту и в них проступает седина, как только президент начинает потеть. Вспокоившиеся помощники, которым изменило чувство юмора, выступили с гневным опровержением. Они направили Осборну образчики волос президента и официальный меморандум его личного парикмахера Стива Мартини, содержащий клятвенное заверение в том, что Никсон не пользуется хной. Осборн взял обратно свои слова, но тут же добавил: «Тем не менее президент делает что-то для скрытия своих седин».

Но опровергнуть то, что «новый» Никсон был лишь слегка подкрашенным «старым» Никсоном, оказалось непосильным предприятием. Люди, занятые им, запамятавав о мудром совете, плакали по волосам, снявши голову. Тогда на помощь парикмахеру Стиву Мартини был брошен обозреватель Стюарт Олсоп, «анти-Лишман» американской журналистики и большой поклонник республиканского президента. Он выдвинул теорию, которая, как утверждают осведомленные лица, была сочинена мозговым трестом Белого дома. Теория сия

заключается в следующем: существование «нового» Никсона было реальностью, и если сейчас он движется вспять к «старому», то это не его вина, а вина экстремистов. «Структура американского общества подобна яйцу. Она более ломка, чем это с первого взгляда кажется, — писал Олсоп. — Джо Маккарти, бывший всего лишь сенатором и, по существу, не очень-то уж серьезным политическим деятелем, почти что разбил скорлупу этого общества. Но вот президент Никсон, если он обратится к политической механике своей молодости, может разбить ее непоправимо, подобно яйцу, брошенному об стену».

Олсоп имел в виду никсоновские кампании «rocking socking»¹, целью которых было заработать политический капитал и пробраться на высокие выборные должности, играя на патологическом страхе среднего американца перед коммунизмом. «Коммунисты, попутчики и другие люди, представляющие угрозу безопасности страны» (фраза Никсона), избирались им в качестве мишени «rocking socking» не случайно. Во-первых, они были его личными врагами, во-вторых, они служили пугалом для всей страны и, в-третьих, не имели реального политического веса в виде голосов избирателей. Короче, дупить их было и популярно, и безопасно. Согласно концепции Олсопа, ныне в Соединенных Штатах на смену жупелу коммунизма пришел жупел студенчества, и если, паче чаяния, Никсон вздумает вернуться к механике «rocking socking», то главный удар придется именно по студенчеству, удовлетворяющему всем трем требованиям, предъявляемым к образцово-показательной жертве, к политическому Карфагену, который должен быть разрушен. Студенчество — главный объект ненависти «молчаливого большинства». (Согласно данным института Гэллага, американское население в пропорции 5:1 считает, что виновниками трагедии в Кенте являются не гвардейцы, а студенты и что в последних «еще мало стреляли». По сведениям института Харриса, в глазах среднего американца студенты стоят на первом месте в качестве «нарушителей спокойствия», оставляя далеко позади «проституток, атеистов и гомосексуалистов».) И, наконец, студенчество составляет всего лишь два процента от общего числа избирателей.

С не меньшим успехом, продолжает Олсоп, Никсон может обрушить свое «rocking socking» на негров и либералов.

¹ Приблизительно: отвешивать тумачи.

Однако он «очень хочет быть хорошим президентом. Он достаточно умен для того, чтобы понимать всю ужасающую ломкость американского общества». Поэтому, писал в заключение «анти-Липшман», можно еще надеяться, что президент будет «скорее контролировать, чем эксплуатировать крен в протухшее право». Но для осуществления этой надежды, а следовательно, и спасения «ломкого» американского общества необходимо одно неременное условие — не провоцировать президента на крайности, а вести себя примерными пай-мальчиками. Этот «мудрый совет» адресовался не только студентам, неграм и либералам, но и народу Вьетнама!

Концепция Олсопа, подброшенная ему Белым домом, преследовала одновременно две цели. Она, во-первых, снимала вину с президента за расширение войны вовне и за усиление репрессий дома, перекладывая ее на плечи «упорствующих» вьетнамцев и «распоясавшихся» студентов. Во-вторых, в ней содержалась неприкрытая угроза, что все это лишь цветочки, и если, мол, противники президента не капитулируют, не согласятся на его условия, то им придется отведать и ягод. В натуре Никсона, как и в натуре Маккарти, всегда бушевал мрачный ирландский темперамент, пугал Олсоп. «Когда меня атакуют,— цитировал он президента,— я инстинктивно даю сдачи». Так давайте не будем атаковать президента, не будем испытывать его мрачный ирландский темперамент, не будем будить в нем зверя, то есть «старого» Никсона с его «roking socking», ибо человеку свойственно цепляться за прошлое в тяжелые минуты!—восклидал Олсоп.

Но маститый обозреватель преуспел еще меньше, чем парикмахер президента. Акта о безоговорочной капитуляции никто не собирался подписывать. Институты общественного мнения начали фиксировать падение престижа Никсона. «Его популярность испаряется, как плевков на раскаленном камне»,— заметил кто-то из сенаторов. И пошли гулять по стране волны «roking socking», расходясь кругами от Белого дома. А что я вам говорил?—злорадствовал в стиле премудрого пескаря Олсоп. Вьетнамцы, отвергшие оливковую ветвь Лоджа, получили Камбоджу. Негры, отвергшие «южную стратегию» Митчелла, получили Уоллеса. Студенты, отвергшие академический дух, получили Кент и Джэксон. Либералы, отвергшие лакейскую ливрею с конституционными галунами, получили Агню. Пришел конец безмятежной аркадской идиллии! Даже в реальной, а не волшебной Аркадии—од-

ном из избирательных округов штата Калифорния, включающем Сан-Клементе, где расположен дом Никсона,— победу на предварительных выборах одержал кандидат бэрчистов Джон Руссело. А ведь когда-то, в конце сороковых годов, этот округ представлял в конгрессе Ричард Никсон. Ведь когда-то эта аркадская идиллия, простирающаяся от холмов Сан-Габриэль до Игл-Рокка и предместьев Сан-Бернардино, считалась оазисом республиканизма, где, по словам Никсона, «бэрчистам нет места в избирательных списках». Но бэрчисты победили. И знаете кого? Пэта Хиллингса, личного друга президента. А теперь они намереваются свалить последнее препятствие на пути к Капитолию. И знаете кого? Госпожу Эверс, вдову Мэдгэра Эверса из Миссисипи, борца за равноправие негров, убитого расистами. (Как будто бы в свое время молодой конгрессмен Никсон не травил госпожу Элен Дуглас.) Президент хотел объединить нацию, но неблагодарная нация взяла да и раскололась, низведя отца всей Америки до уровня верховного главнокомандующего «защитных касок» и «молчаливого большинства». Короче, страна, недостойная «нового» Никсона, получила то, на что напрашивалась,— Никсона «старого».

Трудно сказать, сколько людей клюнуло на эту чудовищную мешанину причин и следствий, скороспелого «буддизма» и отстоявшегося макиавеллизма, на эти далеко не Овидиевы метаморфозы. Но одно ясно: во вьетнамских джунглях в отличие от джунглей вашингтонских левоверных не было. Недаром в ханойском Музее революции висит фотография, на которой изображены улыбающийся Никсон и Бао Дай. Фотография помечена 1953 годом. И в Ханое хорошо помнят, что еще тогда Никсон, будучи вице-президентом, ратовал за «войну вьетнамцев против вьетнамцев». (Ошибаются те, кто считает, что политика «вьетнамизации» датируется третьим ноября 1969 года.) Весной 1954 года Никсон посетил Ханой и был в Дьен Бьен Фу незадолго до его падения. В одной из своих речей он требовал прямого американского вмешательства и намекал на возможность посылки войск в помощь французским колонизаторам. Именно в те годы Никсон кокетничал и с идеей применения тактического ядерного оружия во Вьетнаме. Президенту Эйзенхауэру неоднократно приходилось осаживать своего не в меру ретивого «вице».

Если во внутренних делах Никсон подражал Джозефу Маккарти, с которым его роднил «мрачный ирландский

темперамент», то в области международной он всегда ориентировался на Джона Фостера Даллеса и его политику «с позиции силы». Даже в ходе избирательной кампании 1968 года, играя в свое «новое я» и обкатывая фразу об эре переговоров, идущей на смену эре противостояния, Никсон то и дело срывался на старые мотивы, словно один из персонажей сказки Перро о Красной Шапочке, язык которого хотя и был подкован кузнецом, но недостаточно тонко. Выступая в Далласе буквально в самый канун выборов, Никсон говорил: «Когда дело касается внешней политики, то я руководствуюсь глубокой убежденностью в необходимости усиления могущества Соединенных Штатов и ведения переговоров с позиции силы...»

Переговоры с позиции силы — необходимая прелюдия к миру с позиции силы. Несмотря на глубокое различие между Джонсоном и Никсоном, стоящими, казалось бы, на противоположных полюсах шкалы человеческих характеров, несмотря на бьющую в глаза контрастность истоков их риторики — техасская апоплексичность и юридическое малокровие, — и тот, и другой звучат почти идентично, как только начинают склонять слово «мир». Линдон Джонсон любил повторять, что он добивается «почетного мира» для Америки и не желает вести себя подобно побитой собаке, поджимающей хвост и прячущей его между задних ног. Аналогичные речи произносит сейчас и Никсон, с той лишь разницей, что техасское «поджатие хвоста» заменяется юридическим термином «капитуляция».

Так было, например, в один из ноябрьских дней прошлого года, когда лидеры обеих палат конгресса собрались в Овальной комнате президента, чтобы выслушать из его уст откровения по поводу «вьетнамизации» войны. Нервно играя карандашами, Никсон говорил парламентариям, что он «не нуждается в советах американского народа, каким путем добиться мира», ибо он сам желает мира не меньше, чем кто-либо из его соотечественников, но именно мира, а не капитуляции. Поэтому он требовал от конгрессменов сплоченности. (В подобных случаях Джонсон предпочитал идти от обратного. Он не требовал сплоченности от конгрессменов, а обвинял их в пораженьстве. Он утверждал даже, что располагает данными ФБР, показывающими, как некоторые сенаторы после посещения приемов в советском посольстве становятся «голубями»!)

Распроцавившись с конгрессменами, Никсон вышел в «Розовый сад» Белого дома, где в ожидании его появления уже застыли по команде «смирно» представители первого полка первой дивизии морской пехоты, которым он должен был вручить награду «за героизм, проявленный в битве под Хью». Прикрепив орденскую ленту к полковому знамени, президент произнес небольшую речь. «Мы завоюем мир,— сказал он.— Но мир будет завоеван нами потому, что американцы, когда это требовалось от них, не сгибались, не бежали с поля боя, а стояли твердо, давая знать противнику, что у него нет иного выхода, кроме переговоров».

Осенний ветерок шевелил лепестки роз. Полковое знамя вибрировало в руках морских пехотинцев. Президент говорил так, словно они только что отстояли Вашингтон от вьетнамской агрессии, а не сами занимаются ею вот уже десятый год за тысячи миль от родных берегов...

Юридические вариации на тexasскую тему о побитой собаке с особой силой прозвучали в телевизионном выступлении Никсона 30 апреля, когда он объявил о вторжении американских войск в Камбоджу. «Мы будем примирительными за столом переговоров. Но мы не позволим унижать себя»,— восклицал он. Президент говорил о том, что нельзя допускать превращения Соединенных Штатов в «жалкого, беспомощного гиганта», что испытанию подвергаются «воля и характер» Америки и что он не желает быть президентом ценою превращения страны во второразрядную державу, ценою первого поражения за всю ее «гордую 190-летнюю историю».

Одному богу было известно, почему это американской собаке необходимо шляться по всем подворотням Юго-Восточной Азии, если ей не хочется быть побитой, и как это вторжение в Камбоджу предотвратит превращение Соединенных Штатов в жалкого и беспомощного гиганта, в униженную и второразрядную державу. В этом не было ни грана логики, ни капли истины. Их останки окончательно всосал в себя бешеный водоворот джингоизма и шовинизма. И Ричард Никсон, потрянув стариной, дав выход своему «мрачному ирландскому темпераменту», откалывал «rocking socking» в унисон поступи легионов генерала Абрамса.

А «вьетнамизация»? Что «вьетнамизация»? Оказывается, вспоминает Патриция, дочь президента, когда ее отец работал над текстом ноябрьской речи, идея эта осенила его в два

часа ночи. Никсон поднялся в свой личный кабинет и погрузился в глубокое французское кресло, сидя в котором он обычно «формулирует политику». За этим занятием к нему подкрался озноб. Президент встал и затопил камин. Сотрудники секретной службы, несшие в ту ночь дежурство по Белому дому, забились тревогу, увидя клубы дыма над президентскими покоями в столь неурочный час. Началась «абсолютная паника» (слова Патриции). Срочно были вызваны пожарные. Но когда последние проникли в личный кабинет президента, то они нашли Никсона сидящим перед весело потрескивающим камином в своем любимом глубоком французском кресле. Президент шлифовал окончательный вариант речи о «вьетнамизации» войны. Детективы облегченно вздохнули, а пожарники толпой удалились обратно в свои казармы. Откуда было им знать, что они проглядели зарождение нового очага, пламя которого перекинулось вскоре на Лаос и Камбоджу.

* * *

Чтобы король мог все узнать,
Необходимо прибегать
К инкогнито.
Инкогнито —
Никто, никто!

*Песенка короля из оперетты
Оффенбаха «Перикола».*

...После пресс-конференции он долго не ложился спать. Читал срочные депеши, отвечал на многочисленные телефонные звонки. Все поздравляли его с блестящим «перформенс» и выражали ему свою поддержку. Но он был достаточно опытным политиканом, чтобы поверить во все эти свежие предания. Он отлично знал, как организуются подобные демонстрации «единодушного одобрения». В прошлом он сам не раз дирижировал ими для других — в честь своего патрона Эйзенхауэра, в честь Барри Голдуотера, когда последний предпринял неудачную попытку захвата Белого дома.

Да, он был достаточно опытным политиканом, чтобы позволить усыпить себя звоном медяков, выдаваемых за золотые. И он был прав. Это постарались его друзья из аппарата республиканской партии и личный штат с Пенсильвания-авеню, 1600. Телефонисткам Белого дома было строго-настрого приказано пропускать звонки исключительно от

единомышленников президента, в особенности те, что шли с Западного побережья. Администрация телеграфной компании «Уэстерн юнион» распространила среди своих служащих инструкцию, предписывающую не принимать телеграммы критического содержания, адресованные Никсону.

Кто-то напомнил президенту, что завтра он должен позировать известному ваятелю Низону Трего, согласившемуся вылепить его скульптурный портрет.

— Передайте мистеру Трего, что сейчас у меня абсолютно нет времени для позирования, — недовольно пробурчал президент.

Никто не осмелился осведомиться: а когда же появится это время?

Часы показывали полтретьего. Президент поднялся наконец на второй этаж «Мэншн», жилой части Белого дома, и, минуя застывших у дверей солдат морской пехоты, проследовал в свою спальню. После недолгого и тревожного сна он позвал Санчеса и огорошил его предложением полюбоваться на памятник Линкольну. Было уже начало пятого...

Президент и его свита молча обошли мемориал. Заглянули в нишу. Напрягая зрение, Никсон прочел слова Геттисбергского адреса, выбитые на южной стене, знаменитые слова о павших в боях, чья смерть не была напрасной; о новом рождении свободы; о правительстве народа, управляемом народом для народа. Затем он остановился перед северной стеной. Слова, украшающие ее, тоже стали неотъемлемой частицей истории Америки. Линкольн произнес их при вступлении в президентство на второй срок. То были слова о «злобе ни против кого и благотворительности для всех»; о завершении начатого дела; об уврачевании кровоточащих ран нации; о тех, кто пал в битвах и об их вдовах и сиротах; о прочном мире «между нами самими и со всеми нациями».

Президент, тридцать седьмой президент Соединенных Штатов, хорошо помнил эти слова шестнадцатого. Многочисленные помощники, советники и «спичрайтеры»¹ Никсона не раз и не два вставляли их в его собственные речи и послания. Но вот что странно — слова были те же самые, а звучали как-то по-иному. И никто, кроме придворных льстецов и профессиональных республиканцев-аппаратчиков, не находил их историческими. Их считали скорее неуместными

¹ Составители речей.

и лицемерными. Но почему? Почему такая несправедливость? Разве была напрасной смерть сорока тысяч американских солдат в джунглях Вьетнама? Разве Америка не стала повивальной бабкой свободы в Юго-Восточной Азии? Разве не ее благотворительностью живы Токио и Сайгон, Пном-Пень и Вьентьян, Тайбэй и Бангкок? Разве не он, Никсон, обещал стране ухаживать ее кровоточащие раны, объединить ее под одним звездно-полосатым знаменем? Разве не он, Никсон, обратился со словами мира ко всем нациям, возвестив о конце эры противостояния и начале эры переговоров? Ведь и вторжение в Камбоджу было предпринято им ради этого. Разве не он, Никсон, истово верующий в протестантского бога и лично исповедующийся его наместнику на земле Билли Грэхэму, печется денно и нощно о вдовах и сиротах? Конечно же, ему хотелось бы сделать для них больше, осыпать их долларовым конфетти. Но ничего не поделаешь, деньги сейчас до зарезу нужны для экипировки отправляемых во Вьетнам пока еще живых мужей и отцов будущих вдов и сирот. А правительство? Его правительство? Разве оно не плоть от плоти, кровь от крови народа? Разве он сам, Ричард Мильхауз Никсон, не является убедительнейшим тому доказательством и блестящим свидетелем реальности «американской мечты»? Ведь такое возможно только в Америке — президентом стал мальчик, родившийся на ферме Йорба-Линда, штат Калифорния, в семье бедняка, разводившего лимоны. Вы слышите, лимоны! Так почему же люди выслушивают с кислым выражением лица слова Никсона, когда эти же самые слова, произнесенные Линкольном, обеспечили последнему место в пантеоне бессмертных? Вы скажете: не слова, а дела? Но ведь и дела тридцать седьмого под стать свершениям шестнадцатого, не правда ли? Конечно, правда, суцая правда! Не он ли сам, обращаясь к нации накануне своего избрания, призывал: «Так присягнем же истине, истине как она есть, что будем видеть ее, как она есть, и говорить о ней, как она есть. Поклянемся же искать истину и жить в истине!» И разве не истину ищут «зеленые береты» в дельте Меконга? Разве не в поисках истины поседел его генеральный прокурор Митчелл? Разве не до истины докапываются легионы Гувера, переворачивая вверх дном штаб-квартиры «Черных пантер»? Разве не истине присягала Национальная гвардия в Кенте и Джэксоне, салютуя ей залпами своих «М-1»? О нет, он, Ричард Мильхауз Никсон, тридцать седьмой

президент Соединенных Штатов, не требует себе места в пантеоне бессмертных лишь в обмен за красивые слова, произнесенные другими и вставленные в его речи помощниками, советниками и «спичрайтерами». Слова без дел подобны выжатым лимонам, которые разводил его отец на ферме Йорба-Линда. Сила Никсона в его деяниях...

«Великий эмансипатор» безмолвно смотрел на стоявшего у его ног человека. Сверху вниз. Глаза Линкольна запали еще глубже. Еще резче обострились скулы его лица. На какое-то мгновение показалось, что он вот-вот подымет из каменного кресла, схватит своими непропорционально большими руками тридцать седьмого и растопчет его своими непропорционально большими ногами. Но ничего такого не произошло. Освободитель негров остался сидеть в каменном кресле. Видимо, все еще давала знать о себе смертельная рана, полученная им в театре Форда от руки бездарного актера, но удачливого убийцы Джона Уилкса Бута. Линкольн был холоден и печален, как в гробу, в котором его везли из Вашингтона в Спрингфилд — домой на похороны. Он был холоден и печален, как в знаменитой балладе Уолта Уитмена о капитане, упавшем на палубе с пронзенным сердцем.

Бывают эпохи, когда гулливеры бессильны перед лилипутами и, что еще ужаснее, нет, ну нигде нет, хоть тресни, Джонатана Свифта, чтобы высмеять и высечь мелкое и гнусное племя обитателей Лилипутии.

Президент уже собрался было покинуть мемориал, когда его заметила группа молодых людей, препиравшаяся о чем-то со стражей.

— Хэй, смотрите, Никсон! — удивленно воскликнула девушка в зеленой форменной куртке с желтой нашивкой «US Army». Она была сплошь увешана значками с антивоенными лозунгами, а на груди ее болтался на цепочке маленький колокольчик.

— Будет хохмить, — лениво отозвалась другая девушка, пышногрудая, в узком свитере. — Это тебе, наверное, от бессонницы померещилось.

— Да нет же! Вот он!

Еще через мгновение студенты — все они были учащимися сельскохозяйственного колледжа Альфредского университета — и неожиданно вынырнувший из предрассветной мглы президент Соединенных Штатов Америки столкнулись нос к носу. Произошел обоюдосторонний шок. Растерялись все —

и президент, и студенты, и в особенности телохранители. Они застыли как вкопанные, словно в немой сцене из финала гоголевского «Ревизора». Первыми пришли в себя студенты.

— Доброе утро, господин президент! — произнес один из них.

Голос этот вывел Никсона из оцепенения. Он шагнул навстречу студентам и протянул руку длинноволосому парню, который оказался ближе других.

— Вы откуда?

— Я из Буффало. Завернул в Вашингтон на антивоенное ралли.

— А, Буффало? Это хорошо, — механически отреагировал президент.

Парень так и не понял, почему Буффало — это хорошо. Зато Никсон окончательно овладел собой. Повинуясь инстинкту профессионального «политишна», он приступил к ритуальной церемонии рукопожатий, давным-давно знакомой ему и разученной им до мельчайших тонкостей. Толпа вокруг президента выросла до пятидесяти человек. В глазах студентов светилось любопытство, в глазах телохранителей — тревога. Что светилось в глазах Никсона — неизвестно. Да и светилось ли? Он бодро обходил ряды молодых людей, сердечно тряс их руки и задавал им стереотипные вопросы со стереотипной заинтересованностью в голосе. И заинтересованность, и голос были хорошо поставлены. Этого у Никсона не отнимешь.

— Вы откуда?

— Из Сиракуз. Наш университет объявил забастовку в знак протеста против войны в Индокитае...

— А, Сиракузы? Это хорошо. — Президент улыбнулся, пропустив окончание фразы, и, уже обернувшись к своему камердинеру, добавил: — У них в Сиракузах первоклассная футбольная команда. Не правда ли, Санчес?

Маноло Санчес поспешно закивал головой в знак согласия. А президент двинулся дальше.

— Вы откуда?

— Из Калифорнии. Вот приехал в Вашингтон, чтобы...

— Из Калифорнии? Значит, земляки. Это хорошо. У нас в Калифорнии сейчас в самом разгаре сезон «surfing» — плавания на досках. Не правда ли, Санчес?

Камердинер президента вновь закивал головой в знак согласия.

Так дальше продолжаться не могло. Из задних рядов уже доносились смешки и колкие реплики. Назревала осечка. Произошла она на студенте по фамилии Майерс.

— Вы откуда? — спросил президент.

— Из Орчард-парка. Но это к делу не относится. Вы бы лучше рассказали нам, каковы перспективы окончания войны во Вьетнаме?

— Из Орчард-парка? Это... — Но тут автоматически сработал инстинкт «политишна». Никсон понял, что надо менять пластинку. — Перспективы очень хорошие...

Маноло Санчес приготовился было подтвердить слова босса, но президент, руководствуясь все тем же инстинктом «политишна», выключил своего камердинера из игры.

— Я знаю, вы думаете о нас, что все мы банда сукиных сынов, не так ли?

— Райт он! Райт он! Валяй дальше! — послышалось из задних рядов.

Президент натянуто улыбнулся.

— Нам понятны ваши сантименты. Но и вы постарайтесь понять наши, — продолжал он. — Вы хотите окончания войны? Прекрасно. Но ведь и мы тоже хотим этого.

Маноло Санчес, не выдержав, вновь стал кивать головой в знак согласия. Привычка — вторая натура. Даже у камердинеров. Президент недовольно поморщился.

— Так в чем же дело? — спросил его кто-то из толпы.

— Мы добиваемся мира, но не любого мира и не любой ценой, а почетного мира, на почетных условиях.

— Каких именно?

— Это не так-то просто объяснить.

— А вы попробуйте. Нам спешить некуда.

— Все познается в перспективе. Так, например, в 1939 году я думал, что Невиль Чемберлен — величайший из живущих на земле людей, а Уинстон Черчилль — сумасшедший. Лишь много лет спустя я понял, что заблуждался. Чемберлен был просто хорошим человеком, а правда оказалась на стороне Черчилля. Чемберлен пытался купить мир любой ценой, но получил взамен войну. Вот я и говорю — все познается в перспективе...

Студенты недоуменно переглядывались.

— Любопытно, за кого это он нас принимает? При чем тут Чемберлен и Черчилль? Это мы вторглись во Вьетнам, а не Вьетнам — в Соединенные Штаты!

Линкольн, словно пробудившись от тяжелых дум, с возрастающим интересом следил за диалогом между президентом и молодежью. Откровенно говоря, он не слышал о Чемберлене. Но Черчилля знал и недолго любил. Он до сих пор не мог простить Элеоноре Рузвельт, что та предоставила Черчиллю его личные апартаменты в Белом доме. Его до сих пор корбило при мысли о том, что комната, где в 1863 году он подписал Прокламацию об освобождении негров, была переоборудована в спальню для этого тучного англичанина. Говорят, она ему не понравилась. Показалась слишком аскетической и холодной. И однажды посреди ночи, возмущенно чертыхаясь и попыхивая сигарой, он собрал свои вещи и самолично перебрался в соседнюю комнату — «Спальню королев». (В ней изволили почивать в разное время целых пять венценосных матрон, включая повелительниц самого Черчилля.) В широкой кровати под розовым балдахином этому верному слуге короны спалось куда лучше, чем в демократической опочивальне Линкольна.

Шестнадцатый очнулся от воспоминаний и вновь стал прислушиваться к диалогу.

К этому времени Никсон, покончив с историей, принялся за географию. Он рассказывал обступившим его студентам о заморских странах, которые ему довелось посетить в бытность свою конгрессменом, сенатором, вице-президентом и, наконец, президентом. Он рассказывал об экзотических столицах, принимавших его, и о диковинных народах, приветствовавших его. Рассказывал с мельчайшими подробностями, от которых становилось невмоготу. Студенты тщательно пытались прервать президента, вернуть его из чудесных заморских стран на грешную землю Америки. Никсон или оставлял без внимания их реплики, или отделялся односложными, ничего не значившими ответами.

— Что вы можете сказать о загрязнении воды и воздуха? — спрашивали его из толпы.

— О, мы занимаемся этой проблемой.

— Что вы можете сказать об отравлении нефтяными монополиями Мексиканского залива?

— О, мы занимаемся этой проблемой.

— Господин президент, даже здесь, в Вашингтоне, происходит хищническое истребление природы. Взгляните хотя бы на воду в этом бассейне.

— О, мы занимаемся этой проблемой.

— Что вы можете сказать по поводу преследования полицейскими властями «Черных пантер»?

— О, мы занимаемся этой проблемой...

И так далее. Одна светская болтовня. Немного истории, немного спорта, немного туризма. Всего понемногу, кроме самого главного, основного, наболевшего.

— И все-таки, что вы думаете о войне? Собираетесь ли вы кончать ее когда-нибудь?

— О, мы занимаемся этой проблемой. Вот вы увидите, война кончится, пройдет.

Он так и сказал — пройдет...

— Нам очень не понравилось это слово. Как-то нехорошо говорить так о войне, которая длится почти десять лет и уносит тысячи и тысячи жизней, — вспоминал впоследствии один из очевидцев — Гэйл ван Дарм, студент из Дэсвилля. — Видимо, у президента не было никаких серьезных намерений поговорить по душам. Он не искал встречи с нами. Он просто случайно наткнулся на нас.

Пресс-секретарь президента Рональд Зиглер предполагал иную версию. Никсон преподал студентам урок истории, а о спорте и путешествиях говорил лишь для того, чтобы рассеять смущение молодых людей и развязать их языки, утверждал он уже спустя три недели. (Опубликованные в газетах окрашенные легкой иронией рассказы о встрече у памятника Линкольну вызвали раздражение в Белом доме. Авторитетное «разъяснение» Зиглера появилось в результате высочайшего неудовольствия. Оно, конечно, никого не убедило и лишь вызвало новый поток насмешек.)

...Тем временем окончательно рассвело. Пора было прекращать хождение в народ, поскольку народу стало прибывать. В глазах телохранителей с новой силой вспыхнула тревога, помноженная на почтительную укоризну. Президент перехватил их взгляды и стал закругляться. Началась повторная церемония рукопожатий, на этот раз прощальная.

— Вашингтон — замечательный город. Здесь можно посмотреть много интересного. Желаю вам хорошо провести время и насладиться прекрасной погодой. — Президент говорил так, словно эти юноши и девушки и десятки тысяч им подобных прибыли со всех концов Америки в столицу на пикник, чтобы поразвлечься.

— О погоде Национальная гвардия позаботится, — пробурчал кто-то.

Президент мог и не расслышать этих слов, но он, видимо, понял, что нельзя расстаться так вот просто, на одном пожелании прекрасной погоды, и поэтому добавил:

— Все вы хорошие ребята. Конечно, я знаю, что вы приехали сюда на демонстрацию и будете выкрикивать ваши лозунги на «Эллипсе»¹. Так и быть. Ол райт. Это ваше право. Но только ведите себя мирно и помните: я столь же глубоко озабочен всем этим, как и вы.

Президент проворно сбежал по мраморной лестнице мемориала и нырнул в черный бронированный «линкольн» с пуленепробиваемыми стеклами и искусственно охлажденным воздухом. «Почти как дома», — подумал он с облегчением и с бессознательной признательностью дотронулся до мягкой обшивки сиденья.

— На Капитолий! — приказал он водителю, а затем, обернувшись к своему камердинеру, сказал: — Сегодня я ваш чичероне, Санчес. Следующий пункт нашей экскурсии по Вашингтону — палата представителей. Там я начинал...

На Капитолии к президенту и его свите присоединились «немцы» Холдеман и Зиглер и врач Белого дома. Их подняла с постели секретная служба, сообщившая о неожиданной вылазке шефа. Все трое были с гладко выбритыми, но тем не менее мятыми лицами. Они выглядели явно сконфуженными из-за того, что проспали хозяина.

В палате было пусто, как в космосе. Президент предложил Санчесу занять кресло спикера. Камердинер заколебался, но президент ободряюще подтолкнул его, и Санчес, старый верный Маноло Санчес, повиновался.

Вид своего личного слуги в кресле спикера палаты представителей искренне развеселил президента. Ах, если бы весь конгресс состоял из таких вот послушных и покладистых, обладающих изысканными манерами камердинеров, то есть джентльменов.

Когда Санчес поднялся с кресла, президент, «немцы» и доктор наградили его дружными аплодисментами. Камердинер церемонно раскланялся.

Президент, окончательно вошедший в роль легендарного калифа Гаруна аль-Рашида, имевшего обыкновение бродить инкогнито по своей столице, объявил, что проголодался как волк и желает позавтракать где-нибудь в ресторане.

¹ Лужайка перед Белым домом.

— С тех пор как я стал президентом, мне еще ни разу не приходилось чревоугодничать в Вашингтоне вне дома,— сказал он. Никсон имел в виду Белый дом.

Выбор пал на отель «Мэйфлауэр». Сотрудники секретной службы, высланные вперед на рекогносцировку, подготовили для встречи неожиданных высоких гостей один из кабинетов гостиничного ресторана, носящий название «Rib room» — «Комната ребрышек». Детективы руководствовались соображениями не столько гастрономическими, сколько герметическими. В «Rib room» меры безопасности отличаются особой тщательностью, ибо здесь имеет обыкновение обглаживать ребрышки — прославленное специалите кухни «Мэйфлауэра» — сам директор Федерального бюро расследований Д. Эдгар Гувер.

О завтраке в «Мэйфлауэре» мы знаем только то, что президент, нарушив свою строгую диету — творог и чашечка кофе, съел рубленую солонину с яйцом — пашот. Об этом меню исторического завтрака поведал миру пресс-секретарь президента Рональд Зиглер: «Подумать только, рубленая солонина с яйцом — пашот! Шеф не ел этого блюда более пяти лет!»

В Белый дом вернулись в половине восьмого утра. Столица проснулась не по-воскресному рано и не по-воскресному тревожно. Ожили таборы демонстрантов в городских садах и парках. Оцетинились штыками войска. Центральные стриты и авеню перекрыла плотина полицейских мундиров. Опасаясь взрыва насилия, министерство юстиции уступило требованиям руководителей демонстрантов и разрешило перенести митинг с подножия «Карандаша» на «Эллипс».

— Митинг должен состояться на виду у Белого дома. Наш протест должен быть доставлен к воротам Белого дома. Ибо вина за все то, что стряслось со страной, ложится на его обитателей. Вы же хотите изолировать мистера Никсона, — заявил главный координатор митинга Рон Янг.

Прежде чем отправиться спать, президент принял Гарнетта Хорнера, корреспондента столичной вечерки «Вашингтон стар», специально аккредитованного при Пенсильвания-авеню, 1600, и продиктовал ему свою, ставшую канонической версию о хождении в народ.

Хождение длилось три с половиной часа, включая визит на Капитолий, завтрак в «Мэйфлауэре» и прогулку на «линкольне» — бесценном подарке автомобильного Детройта

бюрократическому Вашингтону. (В мрачную эпоху Гаруна аль-Рашида автомобиль еще не был изобретен, и калиф вынужден был поневоле бродить пешком по Багдаду.)

Остаток дня президент провел в кругу семьи в Белом доме, окруженном ожерельем тяжелых автобусов. А на «Эллипсе» бушевал стотысячный митинг протеста против войны во Вьетнаме, против вторжения в Камбоджу, против расстрела студентов в Кенте и Джэксоне. Молодежь не вняла совету Никсона «вести себя мирно», данному у памятника Линкольну.

Впрочем, шум народного приboя не доходил до Белого дома, где заседает правительство народа, управляемое народом для народа.

*Вашингтон — Нью-Йорк,
июнь 1970 г.*

IV

КОНЕЦ ЛЖЕ-РОМАНОВА

В госпитале Доброго самаритянина города Лос-Анджелеса скончался от сердечного приступа великий князь Российской империи Михаил Романов, он же светлейший князь Дмитрий Оболенский, он же виконт Гладстон, он же художник Рокуэлл Кент, он же портняжка-подмастерье Гарри Гергюсон, умевший, как никто другой, обметывать петли и пролезать сквозь игольное ушко.

Несмотря на столь развесистое по-клоквенному генеалогическое древо, вернее, дремучий лес оных, никто не знает толком, кем он был на самом деле и откуда родом. В энциклопедических архивах Скотланд-ярда о нем упоминается лишь как о «мошеннике неопределенной национальности». Американские иммиграционные власти утверждают, что князь-портняжка родом из Литвы, из Вильны, и был впервые привезен в Соединенные Штаты шестилетним ребенком. «Никто не знает всей правды обо мне, даже я сам», — говорил он.

Юный пилигрим слыл большим непоседой. Владевшая им охота к перемене мест заключения для малолетних преступников была поистине безграничной. Около двенадцати лет скитался он по исправительным домам Америки, заслужив тем самым свой первый титул «безнадежно-неисправимого». Но годы скитаний не прошли даром для Гарри Гергюсона. (А может быть, не Гарри и не Гергюсона?) Будучи в течение длительного времени объектом утоления благотворительного зуда всевозможных дам-патронесс и нехлюдовых от амвона, он в совершенстве овладел искусством эксплуатации человеческих глупостей и слабостей как средства существования за чужой счет.

В девятнадцать лет наш неисправимый эпикуреец вновь пересек Атлантику. На этот раз в обратном направлении. Он поехал в страну туманного Альбиона, правда, не в чайдгарольдовом плаще, а в трюме торгового судна, везшего крупный рогатый скот Нового света в старую добрую Англию. Возвратился он в Соединенные Штаты уже не Гарри Гергусоном, а виконтом Гладстоном, сыном знаменитого премьер-министра викторианской Англии Уильяма Гладстона, сменив заодно воровское аргю на оксфордское произношение, которое он имитировал с умопомрачительным эффектом, недоступным даже самым высокоорганизованным приматам.

Но жизнь тоже не стояла на месте, и новоиспеченный виконт вскоре ощутил на себе быстротечность этого мира. Британские аристократические титулы, тем более второразрядные, вроде виконтов, стали девальвироваться в глазах американских нуворишей, их жен и дочерей, словно фунт стерлингов. Портняжке Гарри было уже тесно в камзоле виконта Гладстона, который он сам себе сшил из подлинного американского хамства и поддельного оксфордского произношения. Камзол этот трещал на Гарри, словно Британская империя.

И вот, проклиная в сердцах дряхлеющую «владычицу морей», девальвированный виконт вторично отправился в Европу добывать новые титулы и прононсы. Предусмотрительно миновав Англию, где по нем тосковали не только ланкширские буржуазки, но и детективы Скотланд-ярда, он бросил якорь в Марселе и вскоре вступил в Париж, правда, не как Наполеон Бонапарт, но все-таки как великий князь Михаил Романов — сын императора всея Руси и ее необозримых окрестностей Александра III и брат последнего русского венценосца, не снесшего головы, Николая II. Время для подобной метаморфозы было вполне подходящее: календарь показывал 1919 год, а страны Антанты не выказывали разума. Британский виконт, переквалифицировавшийся в русского великого князя, зарабатывал себе на жизнь тем, что за «небольшую ссуду» рассказывал французам, воспитанным на романах Александра Дюма-отца, имевшим франки и почитавшим Ротшильда, и Пуанкаре, и, конечно, Клемансо, леденящие кровь истории о том, как он защищал от большевиков Зимний дворец и прочие тайные дома Романовых, щекотавшие нервы галльской аудитории. «Небольшие ссуды»

великий князь¹ брал, разумеется, под залог, под залог фантастического наследства русских царей, лежавшего в лондонском Сити в подвалах Английского банка.

Однако Париж был не только столицей Франции, но и столицей белой русской эмиграции. Против первого великий князь не возражал. Он даже приветствовал этот исторический факт, свершившийся и неизбежный, как впадение Волги в Каспийское море. Но вот против второго у великого князя была целая куча возражений. Конечно, он не боялся конкуренции со стороны других подобных ему великих князей. Напомню, наш князь был и впрямь великим в своем ремесле. Такого очковтирателя портновский цех еще не помнил со времен проходимцев из знаменитой сказки братьев Гримм, шивших королевские одежды из воздуха. Но что было делать с подлинной эмигрантской шушерой, знавшей великого князя Михаила в лицо и тоже имевшей виды на романовские миллионы, обраставшие процентами в катакомбах Английского банка? Наш герой не мог и не хотел откупаться от них. Не мог, потому что не было денег; не хотел, потому что не позволяла гордость профессионального вымогателя.

Положение великого князя осложнялось еще и тем, что петербургский говорок в отличие от оксфордского произношения плохо давался ему. Да что там петербургский говорок; великий князь вообще ни бельмеса не смыслил в русском языке! Он объяснял этот странный лингвистический пробел усердием французских гувернанток в детстве и английских камердинеров в отрочестве. Но все это было слишком тонко. А где тонко, там и рвется, подсказывал ему инстинкт портного. Впрочем, нашего героя разоблачили не словесники, а рубаки. Некто генерал Лодыжинский, служивший в императорской гвардии и бывший одно время флигель-адъютантом великого князя Михаила, поднял трамтарарам на всю европейскую печать.

Великий князь, разумеется, не стал оспаривать генерала Лодыжинского и тем более дожидаться суда. С первым же попутным кораблем он покинул берега неблагоприятной Франции и вернулся в Америку. Здесь его уже ждали. Не успел

---

¹ Здесь и дальше я буду употреблять титулы нашего героя без кавычек. Ставить кавычки, рассказывая о его одиссее,— бессмысленное занятие, ибо вся его жизнь прошла в кавычках.

великий князь сойти на землю, открытую Христофором Колумбом, как очутился в лапах иммиграционных властей. Его отбуксировали на Эллис-Айленд, тюрьму-остров, своеобразное чистилище для тех, кто пытается проникнуть зайцем в американский рай.

Не прошло и нескольких дней, как великий князь сбежал с Эллис-Айленда, и вскоре в американском раю защелкала новая птичка — светлейший князь Дмитрий Оболенский. Как бы мстя своей старой маске за вынужденное понижение в табеле о титулах, наш герой рассказывал о том, что его род, то есть род князей Оболенских, куда древнее рода Романовых.

Рисуя генеалогическое древо, князь не забывал и о древе познания. В 1923 году в Кембридже (штат Массачусетс) появился джентльмен в дневном фраке, полосатых брюках и в высоком шелковом цилиндре. Туалет незнакомца носил явную печать Сейвил-роу, улочки лондонских портных, которая одевает и обшивает великих мира сего. В правом глазу джентльмена торчал монокль. Джентльмен потребовал аудиенции у президента Гарвардского университета знаменитого Лоуренса Лоуэлла, представился ему в качестве князя Оболенского и заявил, что, хотя за ним и охотятся все богатые невесты Америки, он тем не менее жаждет учиться, а не жениться. Великого ученого тронуло это признание светлейшего князя, и он зачислил его на инженерный факультет, не спросив никаких документов у юноши, желавшего питаться исключительно науками. Речь о документах поднял сам князь. Он рассказал президенту душераздирающую историю о том, как «варвары-большевики» сожгли все его поместья и бумаги. Президент стиснул зубы, чтобы не рыдаться.

Научная карьера светлейшего была непродолжительной. Всамделишные князя Оболенские, пронюхав о том, что какой-то самозванец присосался к их родословной, а главное — к пенсионному листу, забили тревогу и совершили лихой кавалерийский налет на погруженный в академическую летаргию Гарвард. Президент Лоуэлл был крайне смущен. Он вызвал светлейшего и потребовал у него объяснений. Светлейший явился на прием в своем обычном дневном фраке, в полосатых брюках и в высоком шелковом цилиндре. Узнав, в чем дело, он невозмутимо вынул из глаза монокль, степенно протер его, вставил обратно и с безукоризнен-

ным оксфордским прононсом, но с укоризной в голосе произнес:

— Господа, я вынужден отклонить обсуждение данного предмета...

Господа, подавленные, молчали. А светлейший величественно удалился, слегка поклонившись и едва прикоснувшись к цилиндру запечатанной в лилейно-белую перчатку рукой.

Люди, близко знавшие нашего героя, рассказывают, что, как это ни парадоксально, он достигал высот своего аристократического перевоплощения именно тогда, когда его выводили на чистую воду. Однажды, испытывая острую нужду в звонкой монете и уже скатываясь на самое дно, великий князь заглянул как бы невзначай к некоему денежному мешку и забросил удочку по поводу небольшой наличности, «сущей мелочи».

— Дома у меня тонна долларов, но возвращаться за ними никак не могу. Грех суеверия — пути не будет, — сказал он.

Денежный мешок скептически оглядел помятую одежду великого князя, задержал свой взгляд на манжетах его рубашки, блиставших отсутствием запонок, и иронически процедил:

— Так значит, у вас дома тонна долларов, а?

Перехватив взгляд денежного мешка, великий князь не смутился, не растерялся, взмахнул нескрепленными манжетами и, притворно вздохнув, стал жаловаться:

— Ох уж эти поклонницы — охотницы за сувенирами! Они готовы растащить по кусочкам не только мой туалет, но и меня самого! Средневековая пытка! Аутодафе! Четвертование! Колесование!

Денежный мешок расхохотался и отсчитал великому князю «сущую мелочь»...

Изгнанный из Гарварда, наш герой скитался некоторое время по городам и весям Америки, выдавая себя за художника Рокуэлла Кента. Наконец, в 1927 году он впервые бросил якорь в Голливуде. Бывший бруклинский портняжка явился в сказочную «фабрику снов» в своей коронной роли великого князя Михаила Романова. Его явление Голливуду напоминало цезаревское «пришел, увидел, победил». Кинематографический гигант мгновенно оказался у ног этого лопухого карлика, остриженного под ежик, с нафабранными усами, с монументальной хризантемой в петлице и не менее монументаль-

ными мешками под глазами. Во всем его облике было нечто унтер-офицерское, несмотря на оксфордское посвистывание и малаккский стек с набалдашником из слоновой кости. Впрочем, и подлинные Романовы — и англофилы, и франкофилы, и германофилы, и сермяжные русопеты — тоже всегда чем-то напоминали городских, венценосных, но все-таки городских.

Голливуд принял великого князя как своего. Убейте меня, но в этом заключалась глубокая символика. Их объединяла фальшь, фальшь масштабная и мишурная. Оба они торговали поддельными драгоценностями: великия князь — аристократическими титулами, Голливуд — американским образом жизни. Вот почему лже-Романов пришелся ко двору королей кинематографа. Он как бы сошел с их целлулоидных лент реальным воплощением самых диких, самых необузданных фантазмагорий, замешанных на сахарине мещанства и стрихнине мракобесия. То, что он был ненастоящим, делало его еще «настоящее» в глазах королей кинематографа, которые сами, как и он, совсем недавно выбрались из грязи в князи. Он был близок им по духу человеческих подворотен, где ему довелось ночевать не раз и не два, и в прямом, и в переносном смысле. И разве не был по-американски хрестоматийным проделанный им путь от ночлежек Бруклина до царственных альковов фешенебельных вилл Беверли-хиллз? Чем, ну, скажите, чем отличался он хотя бы от Спиро Скураса, мелкого жулика-грека, ставшего всеильным киномагнатом, основателем и хозяином фирмы «XX век Фокс»? Америка — оазис индивидуализма; Америка — страна неограниченных возможностей для предприимчивого человека; в Америке даже бруклинский портной Гарри Гертосон может стать великим князем Михаилом Романовым — такова была изначальная и конечная мораль истории нашего героя, и именно так прочитывалась она в Беверли-хиллз. Он стал подлинно голливудским, ибо был лже-Романовым.

Вскоре к официальным титулам великого князя прибавился еще один — неофициальный. Звучал он в переводе с английского приблизительно так: специальный технический консультант по фильмам из русской жизни. Консультант и впрямь оказался специальным. Он был вполне на техническом уровне фильмов, в которых комиссары швыряли под бронепоезд Анну Каренину.

Но специальные технические консультации давались великим князем между делом — между зваными обедами и ужинами, между попойками, оканчивавшимися или в полицейском участке или в будуаре очередной вдовы-миллионерши, между потешанием одних и потрошением других. Ходить в обманутых великим князем считалось честью и шиком. Финансисты хранили, как реликвию, его поддельные чеки, вдовы-миллионерши — его пылкие письма, источавшие аромат тонких духов и утонченной лжи. И все вместе — скопом — покровительствовали князю, баловали его и баловались им. А он расхаживал среди голливудских декораций и цветников Беверли-хиллз, словно живая иллюстрация к книгам Эразма Роттердамского и Сулхана Сабы Орбелиани, иронически восхвалявших человеческую глупость, постукивая своим малаккским стеклом с набалдашником из слоновой кости по «фабрике снов», как это обычно делают иллюзионисты, прикасаясь волшебной палочкой к шелковому цилиндру, прежде чем извлечь из него кроликов...

Четыре года длился медовый месяц великого князя в Голливуде. Но в 1931 году иммиграционные власти вновь взяли за шиворот самозванца и депортировали его во Францию. Великий князь покидал берега земли обетованной, оставляя за собой шлейф из фальшивых чеков, неоплаченных гостиничных и ресторанных счетов, невыполненных брачных контрактов и сердец, разбитых помимо оных.

Жил наш герой во Франции далеко не как бог. Он чаще просиживал в тюрьмах, чем у «Максима»; скитался по мансардам, а не по виллам; обдирал кокоток, а не вдов-миллионерш. Короче говоря, влачил существование. Иногда, сорвав приличный куш, великий князь вновь порывался открыть Америку и вновь выдворяться из нее. (По официальным данным, великий князь депортировался из Соединенных Штатов десять раз.)

Но вот счастье вновь улыбнулось ему. Проникнув тайно — в одиннадцатый раз! — на американскую территорию, великий князь обманул бдительность иммиграционных властей и снова бросился со всех ног в Голливуд. Кинематографическая столица встретила неунывающего бонвивана и жулика с распростертыми объятиями. Старый друг стоит

новых двух, и старые друзья не подвели Михаила Романова, или Майка, как они запросто называли его в «своем кругу». На защиту великого князя встали финансовые короли — Меллоны, Вандербильты, Уйтни, киномагнаты Скурас, Занук, Майер и некоторые другие. Иммиграционным властям пришлось отступить. Отнять любимую игрушку у подобной детворы они не посмели.

В 1939 году великий князь, опять-таки с помощью своих всесильных друзей, открыл в Беверли-хиллз фешенебельный ресторан, дав ему имя царственной простоты — «Романов». Как говорится, буквально с ночи на утро кабак великого князя стал неоспоримым центром светской жизни Голливуда. В течение почти четверти века у «Романова» собиралась знать Нового и Старого света — финансовые тузы Уолл-стрита и козырные дамы высшего общества, короли нефти и угля и экс-короли Европы и Азии. Великий князь с небрежной элегантностью тасовал эту уникальную колоду карт, а его клиенты дрались за столики у эстрады с таким ожесточением, словно речь шла о переделе сфер влияния.

Кормили у «Романова» превосходно. Великий князь выписал из Европы первоклассных шеф-поваров. Развлекали у «Романова» и того лучше. Здесь пели Фрэнк Синатра и Дин Мартин. И все-таки главной приманкой царственно-го кабака был сам его владелец. Пожать руку великому князю, услышать из его уст новое «бон-мо» — ради этого стоило раскошелиться, стоило забыть о подагре и язве желудка.

Однажды у «Романова» ужинал экс-король Югославии Петр. Восхищенный кухней и сервисом, бывший венценосец стал благодарить великого князя, но тот лишь небрежно пожал плечами и с улыбкой ответил:

— *Noblesse oblige*¹.

В другой раз великий князь демонстрировал своим клиентам портсигар из массивного золота с бриллиантовыми вензелями «П. М.». Демонстрация сопровождалась трогательной историей о том, как матушка-императрица подарила «эту безделушку» своему любимчику «принцу Михаилу». Все слушали великого князя с замиранием сердца, и лишь один из клиентов давился от смеха. Это был миллиардер Поль

¹ *Noblesse oblige* — положение обязывает (*фр.*).

Медлон, у которого днем раньше великий князь выклянчил портсигар с именными вензелями.

Великий князь был нарасхват. Посетители кабака, разукрашенного двуглавыми орлами Российской империи, пытались наперебой заполучить его к своим столикам. И он как угорелый носился от одной пирующей компании к другой.

— Боже мой, какая это пытка — выстаивать на ногах целый день. Это потяжелее шапки Мономаха, — притворно вздыхал он под утро.

— Шапка Мономаха? Это от Кристиана Диора? — осведомлялись голливудские модницы...

Итак, дела лже-Романова процветали. Ресторанный бизнес давал ему ежегодный доход в сто тысяч долларов. Вскоре он соединился узами гименя с несравненной Глорией Листер, которая принесла ему в приданое вместе с увядающей красотой неувядающее наследство и многообещающие связи. (Ее племянник — доктор Эмануэль Пиоре был вице-президентом концерна «Интернешнл бизнес мэшинз», а впоследствии стал научным советником при президенте Никсоне.) Крупнейшие американские и европейские издательства ломали копыя ради приобретения прав на публикацию его автобиографии. (Победителем в этом турнире оказалось «Харпер энд Роу», но великий князь так и не успел написать свое хождение по мукам, или, вернее, похвальное слово человеческой глупости.) Наконец, он был объявлен почетным гражданином Голливуда.

И лишь одно заветное желание великого князя никак не осуществлялось. Почетный гражданин Голливуда по-прежнему не имел американского гражданства. Светский лев по-прежнему проживал в Соединенных Штатах на птичьих правах, на правах зайца-эмигранта. Только в 1958 году конгресс США принял под давлением всемогущих протекторов великого князя законопроект, который гласил: «Считать, что Михаил Романов, известный также как Гарри Гергусон, законно прибыл в Соединенные Штаты Америки 22 декабря 1952 года для постоянного проживания». («Законное прибытие» было инсценировано шесть лет назад до этого специально в целях легализации статуса самозванца, ибо все остальные «прибытия» считались ничтожными с юридической точки зрения.)

Когда-то о британском парламенте говорили, что он мог сделать все, за исключением одного — не мог превратить мужчину в женщину. Конгресс США обскакал своего англосаксонского предтечу: Он превратил бруклинского портняжку Гарри Гергюсона в великого князя Михаила Романова, международного афериста — в столпа общества. И это уже не было голливудской сказкой. Это была американская действительность...

Ресторан великого князя просуществовал до 1962 года. Закрытие «Романова» носило символический характер. Оно знаменовало закат звезды Голливуда. Некоторые летописцы называют даже конкретный момент начала конца. Падение голливудской империи, говорят они, началось с того памятного вечера у «Романова», когда глава секты исмаэлитов — мультимиллионер и прожигатель жизни Ага-хан отказался заплатить за ужин, которым он угостил кинозвезду Риту Хэйворт. Дальше и впрямь было некуда ехать. Впрочем, великий князь по-прежнему продолжал стучать своим малаккским стеклом с набалдашником из слоновой кости по тротуарам Голливуда, выложенным именами звезд американского иллюзиона, тех самых погасших звезд, свет которых до сих пор доходит до нас в виде полустертых лент и хрипловатых фонограмм. Он по-прежнему продолжал навещать своих старых клиентов, но уже не в качестве приживала, а в качестве наперсника, не в качестве придворного шута, а в качестве домашнего врача, пытавшегося лечить их от рокового недуга, имя которому ностальгия.

Сердечный приступ сразил великого князя, когда он выходил из букинистической лавки в Беверли-хиллз. Малаккский стек выпал из его рук и глухо стукнулся о плиту с именем Джейн Харлоу. Неизменная хризантема в петлице влипла в раскаленный асфальт. Он умер в госпитале Доброго самаритянина, не приходя в сознание. Согласно последней воле покойного, которую зачитал своим потускневшим бельканто Фрэнк Синатра, вместо публичной панихиды состоялась закрытая служба. На нее были приглашены лишь избранные. Они сражались за место у гроба лже-Романова в маленькой часовенке с таким же ожесточением, как когда-то дрались за столики у эстрады в его ресторане.

Все они — без единого исключения — были добрые самаритяне...

НЕ ХВАТАЛО ЛИШЬ ЗАЛПА «АВРОРЫ»...

Здесь говорят так: если отель «Стивенс» самый большой в Америке, а «Уолдорф-Астория» — самый великий, то «Плаза», безусловно, самый элегантный.

Расположенный в наиболее фешенебельном скрещении Пятой авеню и Центрального парка, этот отель, ажурный, как брюссельские кружева, и одновременно массивный, как шотландские замки, был и остается главной цитаделью скороспелой американской аристократии. В нем жили поколения Асторов, Вандербильтов, Гульдов и прочих некоронованных королей Нового света. В нем коротали затяжные уик-энды чистокровки Гарварда, Йеля и Принстона. Обилие кинозвезд делало коридоры «Плазы» похожими на Млечный Путь. В период великой депрессии, когда другие отели рушились, словно карточные домики, «Плаза» горделиво высилась посреди развалин, подобно Ноеву ковчегу в дни всемирного потопа.

Сколько было охов и вздохов, когда «Плазу» приобрел техасский нувориш Конрад Хилтон. «Этот Чингисхан с Дальнего Запада превратит нашу герцогиню в мотель!» — ужасались ее многолетние поклонники. Даже привратники «Плазы» в роскошных зеленых ливреях презрительно поглядывали на своего нового патрона, владевшего и самым большим, и самым великим, и самым элегантным отелями Америки, не считая еще сотни других, менее примечательных, и очаровательной Зазой Габор в придачу. (Для того чтобы завоевать расположение постояльцев и прислуги «Плазы», «Чингисхану с Дальнего Запада» пришлось реставрировать знаменитый «Дубовый бар» отеля и присягнуть на верность традиции, согласно которой женщины могут переступить порог этого бара лишь после закрытия нью-йоркской фондовой биржи, то есть после трех часов дня.)

«Плаза» всегда считалась ареной так называемой светской экстравагантности. Ее ничем нельзя было удивить или застать врасплох. Миллионер Эдвард Элсворт, один из крупнейших спекулянтов недвижимостью, заказывал для своего французского пуделя специальные апартаменты с бассейном и подсобными помещениями для личной горничной и гувернера собаки, и администрация отеля «шла ему навстречу». Строительный магнат Джордж Фуллер преподносил

своему десятилетнему сыну игрушечный автомобиль, развивавший тем не менее скорость до сорока километров в час, а администрация «Плазы» мостила для него индивидуальный шоссе́нный трек в подвальных помещениях отеля. (Мистер Фуллер, не без оснований опасаясь за жизнь своего отпрыска, не разрешил ему выводить игрушечный автомобиль за пределы «Плазы» в бушующую транспортную вакханалию Нью-Йорка.)

Да, «Плазу» ничем нельзя было удивить или заставить врасплох. Удивлять мир и его окрестности было ее привилегией.

И вот в один из предновогодних вечеров «Плаза» вновь удивила весь мир, удивила столь сильно, что заставила позабыть своих летописцев и о французском пуделе Эллсворта, и об игрушечном автомобиле наследника Фуллера. Я имею в виду костюмированный зимний бал, устроенный клубом «Девять часов» в «Гранд-зале» этого отеля.

На одну ночь, сказочную и феерическую, «Плаза» была превращена в Зимний дворец императорского Санкт-Петербурга начала века и конца (бесславного) династии Романовых. Раблезианских размеров пурпурный ковер был разостлан по всему «Двору пальм». Через широко распахнутые зеркальные «Французские двери» ковер поднимался по мраморной лестнице на «Террасу», а затем еще выше и, наконец, вползал кровавым потоком в «Гранд-залу». Стены ее были украшены царскими штандартами и знаменами.

Когда часы пробили девять часов вечера, по пурпурному ковру заструилась вереница гостей. Вышагивали обнищавшая европейская знать и раззолоченные американские парвеню, короли без престолов и банкиры без совести, владетельные князья и совладельцы акционерных компаний, тени прошлого и тюремщики будущего, люди с длинной родословной и короткой памятью, с текущим счетом и застойным мышлением. Гости двигались вдоль стены почетного караула — бродвейского миманса, выряженного на манер императорских кавалергардов. На кавалергардах с Бродвея были мундиры цвета бутылочного стекла, гигантские меховые шапки и ладно скроенные лакированные сапоги. Оркестр скрипачей истово выпиливал «Очи черные», «Две гитары», «Старинный вальс» и «Уж давно отцвели хризантемы в саду» (последний романс был особенно к месту). Если кавалергарды представляли Бродвей, то от скрипачей отдавало чем-то

голлиудским — не то клюквой, не то «Доктором Живаго». Оркестром несостоявшихся менухиных и стернов дирижировал некто Мейер Дэвис, утверждающий, что его прапрадед получил награды «За доблесть» сразу от целых двух русских венценосцев. («Две гитары»?)

У самого входа в «Гранд-залу» был расположен бар, в котором подавали исключительно водку, не «Столичную», разумеется, а «Смирновскую» и «Романовскую». Подкрепившись чарочкой, гости двигались дальше навстречу радушным хозяевам — президенту клуба «Девять часов» Эрлу Блэквеллу и «известной филантропистке» госпоже Ласкер (ее супруг — бывший председатель совета управляющих нью-йоркской фондовой биржи, так что филантропия у мадам Ласкер в крови). Рядом с хозяевами стоял главный виновник торжества — его сиятельство князь Сергей («Серж») Оболенский. На князе была роскошная казачья черкеска — красная с золотыми газырями, небесного цвета шаровары, заправленные в мягкие кавказские сапоги, кинжал, усыпанный драгоценными камнями. Утверждают (поди проверь!), что именно в этом наряде князь танцевал на балу в Зимнем дворце в 1910 году, когда ему было всего двадцать лет.

Сейчас князю стукнуло восемьдесят. Вот почему свой ежегодный зимний бал клуб «Девять часов» решил посвятить ему и обставить на мотивы петербургских сказок. Члены клуба пришли в восторг от этой идеи. Одним она давала повод тряхнуть стариной, другим — новыми нарядами. Для европейской знати бал стал вечером воспоминаний о том, что у нее отобрали, для американской — о том, что она не смогла приобрести. «Пропасть между поколениями», между Старым и Новым светом, заполняли костюмы, бриллианты, икра, водка, шампанское и воображение. Последнее у тех, у кого его хватало. (Все прочее было в избытке.)

К балу готовились долго и самозабвенно. Были поставлены на ноги ведущие модельеры обоих континентов; подверглось скрупулезному изучению содержимое гардеробов крупнейших кинокомпаний и театров; началась беготня (в «кадиллаках» и «роллс-ройсах») по ювелирным фирмам и антикварным лавкам; извлекались из нафталина в качестве экспертов и консультантов «обломки империи» — представители старой русской эмиграции.

Серж Оболенский был нарасхват. Именно благодаря его своевременному вмешательству удалось предупредить великое святотатство, которое чуть было не совершила по недо-

мыслию чета испанских аристократов — князь и княгиня Романонес. Созвучность фамилий — Романонес и Романовы — натолкнула их на идею нарядиться под императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Знаменитый модельер Антонио Кастелло приготовил для них соответствующие костюмы, взяв за основу реквизит из голливудского фильма «Николай и Александра», который вскоре должен был выйти на экран. Когда весть об этом дошла до слуха Оболенского, последние жалкие остатки некогда буйной огненно-рыжей шевелюры князя встали дыбом на его лысеющей голове. Начались долгие международно-междугородные телефонно-дипломатические переговоры между Нью-Йорком и Мадридом. В конце концов Сержу удалось убедить чету Романонес отказаться от их маскарадной затеи «на высшем уровне».

Но, разоблачив тайны мадридского двора, Оболенский проглядел то, что происходило у него под самым носом. Госпожа Уэйтт Купер, известная больше под именем Глории Вандербильт, заказала своему постоянному портному Адольфо (великие портные и парикмахеры, подобно царствующим особам, в фамилиях не нуждаются) бальное платье — копию того, в котором последний раз появилась в свете последняя хозяйка Зимнего дворца. Адольфо, после секретных консультаций с костюмерами все того же фильма-вампуки «Николай и Александра», сшил несравненной Глории Вандербильт фантастическое платье из белого бархата и лебяжьего пуха, усыпанное жемчугами. Парикмахер Глории сделал ей высокую прическу, на которую была насажена бриллиантовая тиара. Но, к монархическому ужасу Оболенского и чисто женскому — Глории Вандербильт, она оказалась не единственной. Модельер Арнольд Скааси (он еще не настолько велик, чтобы называться просто Арнольдом) сшил целых шесть аналогичных ансамблей для участниц зимнего бала в «Плазе»!

Однако, несмотря на эти «отдельные неувязки», вечер в общем удался. Бродвейские кавалергарды доподлинно звенели шпорами, надрывались в плаче голливудские скрипки, светские хроникеры охотились за знаменитостями, а частные детективы охраняли их. Так, госпожу Лин Ревсон същики не отпускали ни на шаг даже во время танцев. В ушах, на шее и

на голове госпожи Лин Ревсон бриллиантов и изумрудов было на целых два миллиона долларов. Ну просто не дама, а ходячий сундук с драгоценностями!

Всеобщее восхищение вызывал туалет госпожи Корнелиус Вандербильт Уйтни. Он назывался «летающая русалка», хотя русалкам положено не летать, а плавать. Туалет состоял из зеленого платья с огромными красными рукавами-«бабочками», вытканного искусными мастерицами из Пакистана («Ах, какая жалость, они погибли при наводнении!»). Туалет «летающей русалки» венчала изумрудная тиара. Госпожа Блюминдейл, супруга владельца «Дайнерс клуб» и короля универсальных магазинов, явилась в красном парчовом платье, расшитом золотом. В ее фальшивые косы были вплетены нити настоящего жемчуга. Костюм госпоже Блюминдейл сшил уже знакомый нам Адольфо, взявший за образец фотографию некоей августейшей особы, помещенную в автобиографии Оболенского «Человек и его время».

Платья дам шелестели словно страницы «Готского альманаха»¹. По пурпурному ковру дефилировали герцогиня и герцог Орлеанские. Последний — сын графа Парижского и прямой потомок короля-солнца Людовика XIV («Государство — это я»). За ними следовали принцесса Мария-Беатриса, дочь экс-короля Италии Умберто; герцог и герцогиня д'Юзе в роскошных индийских одеяниях, подаренных им магараджей Джайпура; княгиня Кристина де Полиньяк, барон Ги де Ротшильд, герцогиня Эргильская... Прислушиваясь к торжественному басу мажордома, выкрикивавшего со сладострастным подбострастием (или, быть может, наоборот?) фамилии и титулы гостей, я невольно проклинал половинчатость якобинцев, карбонариев и прочих тираноборцев, не до конца прополовших «Готский альманах».

Но вот, к моему злорадному удовольствию, мажордом запнулся. Король американских ювелиров Майкл Картье явился на бал в сопровождении двух русских овчарок! Как тут быть? Объявлять имя короля вместе с овчарками или без? Если вместе, то какие у них клички? Мажордом, к стыду своему, не знал их (в «Готском альманахе» они не значатся). Вывел его из затруднения сам король. Он подозвал ливрейных лакеев «Плазы» и передал овчарок на

¹ Геральдический каталог европейской аристократии.

их попечение. (Помните французского пуделя мистера Эллсворта?)

И вновь заструился по пурпурному ковру поток соболей и горностаев, диадем и ожерелий. Бились волнами о мраморную лестницу шелк, парча, бархат, тюль, марабу. Пенились вуалетки и кружева.

Госпожа Митчелл — «болтливая Марта» — супруга министра юстиции, ставшего впоследствии жертвой Уотергейта, приехала на бал в сопровождении маститой вашигтонской кумушки миссис Перл Маста. Ее встретили с нескрываемым восторгом и даже обожанием. Ведь госпожу Митчелл называют не только «болтливой Мартой», но и «Агну в юбке».

— Я вас люблю, я вас люблю! — экзальтированно восклицала Глория Вандербильт, заключая в свои объятия Марту.

— Я вас тоже люблю! — отвечала супруга министра юстиции, прикладываясь щекой к щеке несравненной Глории.

— Но почему вы одна?

— О, у Джона столько дел, столько дел! Мы декорировали «Плазу» под Зимний дворец, о'кэй. А вот за порогом «Плазы» никаких декораций уже не требуется. Рабочие бастуют, как при его императорском величестве Николае. Солдаты отказываются воевать во Вьетнаме, дезертируют. Бунтуют студенты в университетах, фрондирует профессура, анархисты швыряют бомбы, радикалы распространяют нелегальную литературу. И к тому же еще эти ужасные «Черные пантеры»!

— Но, душечка, ведь в России «Черных пантер» не было.

— Ах, какая разница? Не было черных, были красные.

— И то правда...

Когда пробило полночь, поднялся президент клуба «Девять часов» Эрл Блэквелл, потребовал от гостей внимания и тишины и провозгласил тост за «нашего самого-самого-самого милого друга князя Сержа». Тост потонул в звоне бокалов шампанского.

Затем начались танцы. Скрипки заиграли полонез. В первой паре выступали князь Оболенский и герцогиня Эргильская. Так, наверное, пляшут тени прошлого на том берегу Леты.

Кто знает, какие мысли пронеслись в голове его сиятельства. Быть может, осозная мягкими кавказскими сапогами

паркет «Гранд-залы», он окидывал мысленным взором свой долгий жизненный путь, протанцованный от Зимнего дворца в Петербурге до отеля «Плаза» в Нью-Йорке?

Да, дотанцевались вы, ваша светлость, дотанцевались. Прямой потомок Рюрика, прапраправнук генералиссимуса Суворова, двоюродный брат князя Юсупова, убийцы Распутина, вы служите теперь агентом по рекламе, паблисити-мэном в своей собственной конторе «Серж Оболенский ассошиейтс, инкорпорейтед» на Третьей авеню. Конрад Хилтон и прочие короли отельного бизнеса наперебой приглашают вас в качестве свадебного генерала на бракосочетание зеленых долларов и голубых кровей. «Плаза», «Сейнт-Реджис», «Амбассадор», «Шерри-Низерлэнд», океанские жемчужины «Ресортс интернешнл»... Кто сочтет все гостиницы, вывески которых позолочены вашим титулом?

Запахавшаяся герцогиня Эргильская уступает почетное право партнерши «милого друга» княгине де Полиньяк. Но сам его светлость неутомим. Ведь недаром он занимается по системе Йогов и даже стоит на голове. (Впрочем, это не так уж сложно, если вся жизнь пошла вверх ногами.) Ведь недаром же он принимает регулярно разбавленный в горячей воде с лимонным соком желатин «Нокс», снимающий усталость и способствующий росту ногтей. (Как быть без них хищникам и аристократам?) Конечно, с годами он стал немного туговат на ухо. (Но это даже удобно — не слышно шагов истории.) Зато взор его по-прежнему остер и рука по-прежнему тверда. Это последнее обстоятельство особенно приводит в восторг его официального компаньона и неофициального биографа Александра («Сашу») Тарсаидзе, выпустившего недавно в издательстве Макмиллана книгу «Катя, жена перед богом», о трогательном романе между царем-«освободителем» Александром II и Екатериной Долгорукой, дочь которых была первой супругой Оболенского.

Тем временем запахавшаяся княгиня де Полиньяк уступает почетное право партнерши «милого друга» герцогине д'Юзе. Но сам его светлость неутомим. Ведь недаром за его спиной школа Зимнего дворца и бесконечные вечера в самых фешенебельных клубах Нью-Йорка — «Рэффлс» и «Ле клуб». Ведь недаром он мечтает о такой же славной смерти, которая настигла брата его второй жены Алисы Астор. Кузену Дику было далеко за девяносто, когда он скоростижно скончался, танцуя с Вирджинией Рил в клубе «Никкербоккер». Вот это

прекрасная смерть, достойная рюриковича девяносто девятой пробы! (Помните, у дедушки Крылова: «Ты все пела? Это дело. Так пойдй же попляши»?)

Зима катит в слезящиеся глаза его светлости, не русская зима; а зима жизни. Не та зима, которую он еще помнит с далекого детства на Красной горке, где его отец, флигель-адъютант великого князя Константина, владел обширными поместьями. В ожидании наследства «Серж» шлифовал себя в Оксфорде, сражаясь в поло с длинноголовыми отпрысками лучших британских фамилий. Его военная карьера тоже продвигалась успешно. Зачисленный заочно с пеленок рядовым в императорскую гвардию, он дослужился до полковничьих погон и трех Георгиев, так ни разу и не понохав пороха. (В Оксфорде дышали почти по Блоку—французскими духами и английскими туманами.) Революция грубо оборвала дальнейшее продвижение Оболенского по военной лестнице. (Пардон!) Деньги, лежавшие на его счету в швейцарских банках, быстро иссякли. Единственное, что осталось при нем, это умение «неотразимо облизываться, поглядывая на женщин», и танцевать. И вот, бросив безутешную княжну Долгорукую, он стал обтанцовывать Алису Астор, дочь знаменитого мультимиллионера полковника Джона Джэкоба Астора, канувшего на дно Атлантического океана вместе с «Титаником». (Рано или поздно все они пойдут на дно. Даже крысы и те не спасутся.)

Женитьба на Алисе открыла князю дверь в страну чудес. Он жил в роскошных особняках на Белгрейв-сквер в Лондоне, обедал в Риджентс-парке и «Савойе». Затем перебрался в Соединенные Штаты и стал американским гражданином. (Русским аристократам всегда был по душе демократизм янки.) Шли годы. Ушла Алиса. Пришлось переквалифицироваться в гостиничные менеджеры и в агенты по рекламе. Оглянуться не успел, как разменял восьмой десяток. А дальше что? Уж давно отцвели хризантемы в саду. Уходить на покой и играть в жмурки с флоридским солнцем в каком-нибудь пансионе для престарелых в Палм-Бич?

— Нет уж, увольте. Для такого, как я, сукина сына, это означает смерть. А я предпочел бы встретить ее, как кузен Дик,—говорит его светлость.

И он ищет ее на танцевальном паркете словно на полях сражений. И уже запыхавшаяся герцогиня д'Юзе уступает почетное право партнерши «милого друга» госпоже министерше.

— Хотя я демократ, а не республиканец, меня тем не менее восхищает крестовый поход вашего супруга в защиту законности и порядка. Я даже ношу в петлице моего двубортного блейзера американский флажок в знак протеста против хищии. И еще, ради бога, передайте президенту, чтобы он не выводил своих солдат из Вьетнама. Эти полмиллиона, вернувшись в Штаты, окончательно подорвут нашу экономику...

Над Нью-Йорком занимался рассвет. Он нехотя полз с левого берега Гудзона и распространялся по Манхэттену, зажигая наподобие рождественских свечей стеклянные коробки небоскребов и шпили соборов. Его багряно-оранжевые струи вливались в желто-зеленую дрему Центрального парка и с восторгом обрушивались на «Плазу», ажурную, как брюссельские кружева, и массивную, как шотландские замки. В черных лимузинах, растянувшихся длинной агатовой цепочкой вдоль отеля, клевали носом могучие шоферы-негры в форменных фуражках с лакированными околышами. Привратники «Плазы» в роскошных зеленых ливреях гордо стояли на часах, как стража в Помпее, гибнущей от мести Везувия.

А в «Гранд-зале» по-прежнему шел пир горой, пир во время чумы, пир-сказка о Зимнем дворце императорского Санкт-Петербурга начала века и конца династии Романовых. Все было, «как тогда»: и кавалергарды в меховых шапках, и фрейлины в диадемах, и скрипачи в слезах. Среди пирующих шатался в расхристанной рясе со всклокоченной бородой и сверкающими глазами загримированный под Гришку Распутина актер-режиссер Джошуа Логан. Да, все было, «как тогда». Даже с хрустальных канделябров «Гранд-залы» лился каскадом папоротник.

— Обычно его привозили из Крыма, из Ливадии. Этот, разумеется, не оттуда. Этот из оранжереи «Плазы», — с грустинкой в голосе объяснял княгине де Полиньяк потомок Рюрика.

Не хватало лишь залпа «Авроры»...

МЕРТВЫЙ ДОМ

Говорят, что глаза — зеркало души. Не знаю, не заглядывал. Этим делом, по-моему, занимаются лишь гипнотизеры и попрошайки. Да еще зеленые следователи, постигающие тайны психоанализа. И подхалимы. А вот окна — зеркала дома. Это уж точно. Сам знаю. Не раз заглядывал...

Окна дома № 800 по Пятой авеню похожи на крепостные амбразуры. На грязные закоптелые стекла натянуты стальные кольчуги. Поверх сетчатых решеток наложены тяжелые чугунные квадраты-прутья толщиной в ножку кабинетного рояля. И, наконец, массивные железные ставни на могучих петлях, сорвать которые не под силу даже библейскому Самсону, еще не подвергнутому стрижке в салоне обольстительной Далилы.

Со стороны Пятой авеню дом обнесен выкрашенным в коричневый цвет высоким забором, на верхотуре которого буйно растет кустарник колючей проволоки. Со стороны 61-й стрит забор утыкан железными кольями и припудрен битым стеклом. Мраморная арка обрамляет литые двери главного подъезда, напоминающие не то сейф-патриарх «Чейз Манхэттен бэнк» в Даун-тауне, не то вход в фамильные склепы Монтеки и Капулетти. Такие двери невозможно открыть. (Они по существу противоречат самому понятию «дверь», отрицают его.) Их можно только взорвать динамитом или разбить прямой наводкой из крупнокалиберного артиллерийского орудия.

На дверях, на окнах, на заборе красуются овальные нашлепки, предупреждающие, что «Эта территория оберегается от взломщиков и грабителей системой замков и оповещения «Холмс электрик протектор». С нашлепок, воспроизводящих эмблему электрического Шерлока Холмса, на вас смотрит юное розовощекое создание неопределенного пола в боевом шлеме римских легионеров, в белой тунике, со щитом и мечом. Меч зигзагообразный, символизирующий молнию, электрический разряд. За спиной юного создания, видимо, дама его сердца, которую он защищает от похитителей. Дама сердца имеет контуры стандартного конторского сейфа.

Дом шестизэтажный, кирпичной кладки и с черепичной крышей, на которой, словно угольные сталактиты, торчат

трубы. Даже в окружении других домов — архитектурных убожеств этот — с потугами на георгианский стиль — выглядит урод уродом. (В средние века бароны-эстеты и князья церкви, не утратившие чувства прекрасного, сажали создателей подобных кирпичных чучел на цепь, на кол или же отсекали им правую руку и выкалывали глаза.) Со стороны Пятой авеню дом обрамляет сад, заброшенный и запущенный, как на декорациях к балету «Спящая красавица» до появления сказочного принца. Деревья свешиваются через коричневый забор, через буйный кустарник колючей проволоки и патетически протягивают свои ветви-руки в сторону Центрального парка, лежащего по ту сторону улицы, взывая о помощи к своим зеленым братьям и сестрам, тщетно пытаясь воссоединиться с ними. Со стороны 61-й стрит перед домом обширный двор. Здесь флигель для прислуги, гараж, конюшня, оранжерея, парник и другие подсобные пристройки. Но во флигеле не снует челядь, не пыхтят автомобили в гараже, из конюшни не доносится ржание, а из псарни лай. Оранжерею и парник захватили сорняки. Они раскрошили цементный настил двора, растрескавшийся, как ладони грузинского крестьянина, даже во сне не выпускающего из рук мотыгукормилицу.

В доме № 800 по Пятой авеню тридцать пять жилых комнат, но в них никто не живет. Он занимает территорию в двадцать восемь тысяч квадратных футов, но по ней никто не ходит. Дом № 800 по Пятой авеню — мертвый дом... Он расположен в самой сердцевине фешенебельного Нью-Йорка, в единственном и неповторимом скрещении власти, денег, роскоши, где спят те, кто бодрствует на Уолл-стрите и в Белом доме. К северу от него в здании № 812 с изумрудным козырьком и со старинными фонарями живет губернатор штата Нью-Йорк миллиардер Нельсон Рокфеллер. В обычные дни под изумрудным козырьком дежурит швейцар в серой ливрее. В дни беспокойные — полицейские с походными рациями, в «противобунтных шлемах» и на мотоциклах. (Так было, например, в дни, когда по приказу Рокфеллера Национальная гвардия и шерифы-трупшеры взяли штурмом тюрьму в Аттике, перестреляв десятки узников и заложников.) С некоторых пор полицейские маячат под изумрудным козырьком чаще, чем швейцары. Для губернатора-миллиардера беспокойные дни стали обычными. Визави мертвого дома — апартамент-хауз № 810. Здесь жил до того,

как стать президентом Соединенных Штатов, адвокат одной из уолл-стритовских контор Ричард Мильхауз Никсон. Его квартира оценивалась в сто тысяч долларов, а сейчас продается за двести тысяч, отягченная ростом ренты на недвижимость и ипотеками историзма, как старинные шотландские замки, где табель о рангах населяющих их привидений самым серьезным образом влияет на меновую стоимость стреловидных башен и заплесневелых подземелий. Несколько поодаль — резиденция Жаклин Онассис — дочери миллионера, падчерицы миллионера, вдовы мультимиллионера, жены миллиардера.

К югу от мертвого дома торчит небоскреб отеля «Пьер», принадлежащего нефтяному магнату и тоже миллиардеру Гетти. В нем обычно останавливаются короли угля, стали и прочих полезных ископаемых, звезды экрана и покорители звезд, восточные владыки и западные дипломаты. На самой верхотуре — на тридцать первом этаже — специальный люкс для владельца отеля, в котором он еще ни разу не жил. С некоторых пор этот люкс предоставляется президенту Никсону, когда дела государственные, политические или семейные требуют его присутствия в Нью-Йорке. Тротуар перед отелем покрыт войлоком и обтянут зеленым синтетическим ковром, чтобы ногам великих мира сего, под тяжестью которых он изнемогает, было мягко ступать. За небоскребом отеля «Пьер» — небоскреб автомобильной компании «Дженерал моторс» — шестьдесят этажей стали, стекла и бетона, вонзившиеся в небо, навечно замутиненное смогом, семьдесят процентов которого составляет продукция этого концерна. «Что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для Соединенных Штатов», — невольно приходит в голову, когда закидываешь ее, пытаясь охватить единым взором пирамиду корпоративных фараонов Америки.

Через площадь — еще один гигантский отель. В туристических справочниках он значится под именем «Плаза». Но старожилы Нью-Йорка называют его «шалашом Корнелиуса Вандербильта». Вспоминая о Млечном пути кинозвезд, соединивших свои судьбы узами Гименея с родом Вандербильтов, я начинаю постигать мудрость на первый взгляд легкомысленной поговорки, утверждающей, что «с милым и в шалаше рай»... В центре площади — «фонтан Изобилия», подаренный

городу Пулитцером. Что ж, название это вполне уместно и применимо к тому единственному и неповторимому скрещению власти, денег, роскоши, сердцевины которого составляет мертвый дом № 800 по Пятой авеню.

Плечом к плечу с ним стоит клуб «Никкербоккер». Их разделяет лишь серая безобразная стена, уродство которой не в состоянии скрыть косметика плюща, расплзшегося по ней мириадами зеленых ящериц. Членами клуба являются представители верхушки американского и международного истеблишмента, отвечающие требованию скользкого и неуловимого понятия «джентльмен». (Ричард Мильхауз Никсон, адвокат, бывший вице-президент и будущий президент Соединенных Штатов Америки, несмотря на гомерические потуги и пробивные протекции, так и не удостоился этой высокой чести.) Таковых на сегодняшний день шестьсот человек. (Список растянулся на десятки лет вперед, прихватив начало двадцать первого века и третьего тысячелетия.) Среди них банкир Дуглас Диллон и глава секты исмаелитов «живой бог» и плейбой — прожигатель жизни Ага-хан, взвод британских лордов, французских графов и итальянских князей, трое братьев Рокфеллеров, столпы сионистского капитала Леман, Леб, Варбург, Зелигман и «кое-кто еще».

До начала двадцатых годов вход в «Никкербоккер» был закрыт для евреев. Затем стали делать исключения для «евреев немецкого происхождения, имеющих корни на Уолл-стрите». Исключения не распространяются на евреев — выходцев из России и стран Восточной Европы, и имеющих корни не на Уолл-стрите, а в Жмеринке. Было отказано в членстве даже сыну Джессии Зелигмана, вице-президента клуба. Когда взбешенный Зелигман подал заявление об отставке, правление единогласно отклонило его и с обезоруживающей искренностью объяснило возмущенному папаше, что отвергло кандидатуру его сына «не по личным, а по расовым соображениям». В 1968 году четвертый из братьев Рокфеллеров — Нельсон вынужден был расстаться с клубом. Баллотировавшись на очередной срок в губернаторы штата Нью-Йорк, он отчаянно нуждался в голосах негров, евреев, пуэрториканцев и прочих «меньшинств», которым, согласно уставу «Никкербоккера», вход в клуб воспрещен. Жест окупил себя — Нельсона переизбрали. Но и клуб не остался

внакладе. Покидая его, губернатор за свой счет реставрировал библиотеку и ресторан. Его братья, которым перевыборы не грозили и которым поэтому незачем было заигрывать с нью-йоркским плебсом, по-прежнему состоят членами «Никкербоккера». Каждому свое, как в Евангелии.

После второй мировой войны ангелом-хранителем клуба стал Вильям Вудворд, великодушно оплачивавший из собственного кармана все экстравагантные прихоти джентльменов из «Никкербоккера». Но, когда ангел-хранитель преждевременно отправился в рай, застреленный женой, правление клуба начало подумывать о слиянии с «Юнион-клубом», праотцом всех аристократических клубов Нью-Йорка. («Клуб нашего дедушки», — так говорят о нем с легким кокетливым пренебрежением наследники легендарного банкира-корсара Джона Пирпонта Моргана.) Однако общее собрание членов «Никкербоккера» решительно отвергло идею слияния. Указывая на флаг клуба: голубой-красно-синий, Дуглас Диллон патетически воскликнул:

— Запомните, джентльмены, запомните навечно — голубой цвет всегда должен быть наверху!

Намек был понят с полуслова. Слияние с «Юнион-клубом» грозило разбавить голубую кровь джентльменов, ибо сто с лишним лет назад на «Юнион-клуб» нашло затмение и он выступил в поддержку президента Авраама Линкольна, даровавшего свободу черномазым. А такое не прощается и не забывается ни через сто лет, ни через тысячу, никогда.

Члены «Никкербоккера» торжественно провозгласили свой неандертальский вариант Декларации независимости, и клуб по-прежнему стоит плечом к плечу с мертвым домом № 800 по Пятой авеню в единственном и неповторимом скрещении власти, денег, роскоши и человеконенавистничества...

Журнал «Форчун», ведущий по традиции счет чужим деньгам, большим деньгам, разумеется, пишет: «Если вы хотите заключить сделку на десять тысяч долларов, то идите завтракать в клуб «Метрополитэн». Если вы хотите заключить сделку на сто тысяч долларов, то идите обедать в клуб «Рэкит». Но, если вы хотите заключить сделку на миллион долларов и выше, то тогда идите ужинать в «Никкербоккер». С утра и до ночи жизнь бьет ключом на этой квадратной полумиле, где прописан, говоря словами поэта, капитал, его

препохабие. Швейцары в ливреях всех цветов радуги не успевают открывать дверцы тяжелых бронированных лимузинов и легких спортивных автомобилей, из которых вываливаются двуногие денежные мешки и чековые книжки. Они вываливаются и расплозаются по своим клубам и отелям. Завтракают, обедают, ужинают. Делают миллионы долларов между коктейлем из креветок и бифштексом «миньон» и обрекают на безработицу миллионы людей между кофе с ликером и сигарами. Они выбирают десерт для своих дам и кандидатов в президенты для своей страны. Дамы, следящие за осиностью талий, как за зеницею ока, отказываются от их выбора. Страна не может позволить себе подобной роскоши. Я имею в виду право выбора, а не осиние талии... Жизнь бьет ключом на этой квадратной полумиле. Сюда не доносятся стоны палестинских беженцев и рев рахитичных детей Аппалачии, слово «Сонгми» воспринимается лишь в контексте с деликатесами китайской кухни, а негритянские лица — исключительно в лакейских позументах и околышах. В вертящихся зеркальных дверях «Пьера» и «Плазы», словно белка в колесе, вращается высшее общество, и от этого непрерывного калейдоскопического вращения все сливается в неопределенный цвет нью-йоркского смога — и меха, и бриллианты, и лысины — в неопределенный цвет того самого смога, семьдесят процентов которого поставляет продукция «Дженерал моторс». Вращается высшее общество в вертящихся зеркальных дверях «Пьера» и «Плазы», на паркете «Никкербоккера» и апартамент-хаузов с изумрудными козырьками и фонарями эпохи позднего Возрождения. А вокруг него вращается вся Америка — от океана до океана, ибо здесь, как когда-то за Суэцом, уже не действуют десять ветхозаветных заповедей, вернее, от быстрого вращения они тоже слились в одну: «Что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для Соединенных Штатов».

И только к дому № 800 по Пятой авеню не подкатывают лимузины. Нигде не видно лакеев с манерами джентльменов, и джентльменов, вылощенных в лакейском хамстве. Не вращаются в вертящихся зеркальных дверях меха, бриллианты и лысины. Впрочем, нет нигде и самих вертящихся зеркальных дверей. Вместо них все те же обрамленные мраморной аркой литые из стали плиты главного подъезда, напоминающие не то сейфы-патриарх «Чейз Манхэттен бэнк», не то вход в фамильные склепы Монтекки и Капулетти.

Эти плиты не открываются уже многие годы и их давным-давно изгрызла бы ржавчина, если бы сталь, из которой их когда-то отлили, не была легированной.

Вихрь светской и деловой жизни, бушующий на квадратной полумиле, где прописан капитал, его препохабие, как бы обходит стороной дом № 800 по Пятой авеню. Но тем не менее именно этот дом представляется мне символом жизни и веры Вавилона на Гудзоне, ибо этот дом мертвый...

Зовут его хозяйку госпожа Марчеллус Хартли Додж, урожденная Этель Джеральдин Рокфеллер. Она единственная дочь покойного Уильяма Рокфеллера и племянница Джона Д. Рокфеллера-старшего. Она вдова Доджа, автомобильного короля, внука основателя военного концерна «Ремингтон армс корпорейшн». (Некоторые заблуждаются, считая, что главная продукция этого концерна — пишущие машинки и электрические бритвы.) Когда Этель и Марчеллус поженились, светская хроника окрестила их «самой богатой супружеской четой в Америке». Так оно и было. В светской хронике тоже содержатся крупницы абсолютной истины. Иногда.

Свадьба Этель и Марчеллуса состоялась давным-давно, а если хотите точнее — в 1907 году. Мистер Додж умер в декабре 1963-го, будучи восьмидесяти трех лет от роду. Он оставил своей безутешной вдове бесчисленные ремингтоновские миллионы, доджевские автомобили, чистокровных, как члены «Никкербоккера», скакунов, сказочные коллекции драгоценных камней, городские дома и загородные имения, а также прочий хлам, не достойный упоминания. И тем не менее вдова была безутешна. Она никак не могла простить Марчеллусу, что он отписал по завещанию два с половиной миллиона долларов какому-то Колумбийскому университету, над которым шефствовал при жизни, разыгрывая роль просвещенного мецената.

Вдова объясняла эту блажь слабоумием впавшего в детство Марчеллуса, хотя сама была всего лишь на четыре года моложе его и тоже не отличалась обилием мозговых извилин, пораженных к тому же безжалостным атеросклерозом. За шесть месяцев до смерти Марчеллуса Этель была объявлена недееспособной Верховным судом штата Нью-Джерси. Ее опекунами были назначены «Фиделити юнион траст компани» и «Кемикл бэнк». (Частным лицам не управиться с такими капиталами, как у нее.) Первой было

поручено надзирать за миллионами, которые она получала от мужа, второму — за миллионами, которые ей оставил отец. (Детей у Этель и Марчеллуса не было. Их единственный наследник — Марчеллус Хартли-младший погиб в автомобильной катастрофе еще в 1930 году. Произошло это в Париже, куда госпожа Додж отправила своего сына, чтобы отвлечь его от опасного увлечения авиационным спортом.)

Самая богатая супружеская чета в Америке была отнюдь не самой счастливой. Житейская мудрость гласит, что противоположности сходятся. Этель и Марчеллус во всем — за исключением богатства — были антиподами. Она увлекалась собачьими бегами, он — лошадьми; она предпочитала охоту на фазанов, он — на тигров. И тем не менее противоположность характеров не сближала, а разъединяла их. Марчеллус не выносил собачьего лая, а Этель — конского ржания. Марчеллус терпел фазанов лишь в меню ресторана «Никкербоккер», Этель признавала тигров, но только предварительно обработанных скорняками.

Убедившись в несовместимости своих вкусов — гастрономических, светских, спортивных, самая богатая супружеская чета в Америке приобрела два отдельных имения в Мэдисоне, штат Нью-Джерси, чтобы не мозолить друг другу глаза и не действовать друг другу на нервы противоположными хобби. Имение Этель носило поэтическое название Джиральда-фармс. Вскоре это имение усилиями его хозяйки превратилось в собачью столицу Америки, а быть может, и всего мира. Его население составляли представители более чем полусотни различных пород лучших друзей человека. Здесь устраивались крупнейшие собачьи бега и вернисажи. Так называемое «Моррис энд Эссекс шоу», проводимое в Джиральда-фармс весной каждого года, стало общепризнанным фаворитом всех международных собачьих смотрин, а сама Этель получила титул «первой леди собачьего королевства».

В Нью-Йорке Этель бывала лишь изредка, наездами. Поскольку ни один отель, даже самый фешенебельный, не мог удовлетворить капризным требованиям «первой леди собачьего королевства» и ее многочисленной четвероногой свиты, госпожа Додж выстроила себе в 1922 году дворец-крепость на Пятой авеню. Первый и второй этажи занимали кухня и кладовая. (Свита первой леди отличалась необыкновенной прожорливостью.) Третий этаж был отведен для четвероногих

гостей. Четвертый и пятый — для хозяев (двуногих). А шестой — вновь для собак. Здесь для них были оборудованы бани, будившие воспоминания о виллах римских патрициев, и туалетные комнаты, соперничавшие по роскоши с Малым, а возможно, и с Большим Трианоном времен мадам Помпадур и превосходившие подсобные службы этих версальских дворцов по технической оснащенности, ибо, как известно, прогресс цивилизации не стоит на месте.

Мистер Дуглас Эллиман, глава строительной фирмы, воздвигшей дворец-крепость на Пятой авеню, вспоминает, что мадам Додж проводила в нем обычно один-два дня в неделю, не больше, как правило, вторник или четверг, делала «кое-какие закупки» и тут же возвращалась обратно на ферму Джиральда в Мэдисоне. Но хотя особняк с его тридцатью пятью комнатами в основном пустовал, Этель регулярно прикупала примыкавшие к нему здания, которые затем сносились. Освободившаяся территория присоединялась к саду и двору. (В зависимости от того, с какой стороны сносились дома.) Ведь собаки нуждались в просторе и чистом воздухе. Так исчезли с лица земли пять зданий по Пятой авеню и столько же — по 61-й стрит. И лишь однажды экспансия «первой леди собачьего королевства» дала осечку — когда ей вздумалось купить и разрушить клуб «Никкербоккер». Вспокоившиеся родственники Этель — Рокфеллеры по отцу и Доджи по мужу — упростили ее отказаться от этой негуманной затеи и не лишать их уютного гнездышка, где они завтракают, обедают и ужинают, делают миллионы долларов между коктейлем из креветок и бифштексом «миньон», обрекают на безработицу миллионы людей между кофе с ликером и сигарами, выбирают десерт для своих дам и кандидатов в президенты для своей страны. Первая леди смиловилась и оставила родственникам их уютное гнездышко. Сейчас уже трудно сказать, что повлияло на такое решение Этель — то ли ее склероз еще недостаточно сильно развился, то ли ее собаки-чистокровки, пронюхав об истории попыток слияния с «Юнион-клубом», поддерживавшим Авраама Линкольна, сочли голубизну «Никкербоккера» не вполне прозрачной и презрительно отказались мочиться об его пепелища. Так или иначе «Никкербоккер» остался цел и невредим, и его члены могли продолжать тешиться своими невинными забавами, записанными в неандертальском варианте Декларации независимости.

После смерти Марчеллуса Хартли-старшего к многочисленным официальным и неофициальным титулам Этель Джеральдин прибавился еще один — «самой богатой вдовы Америки». (Сейчас ей 89 лет.) Вдова продолжала богатеть не по дням, а по часам, не шевеля для этого ни падагрическим пальцем, ни склеротическими извилинами. Вместо нее пошевеливались «Фиделити юнион траст компани» и «Кемикл бэнк». Усилиями последнего десять миллионов долларов, оставленных в 1919 году Уильямом Рокфеллером своей единственной дочери, выросли до тридцати трех миллионов. («Деньги к деньгам», — говорят в простонародье.) «Фиделити юнион траст компани» тоже не плошала. Она довела вверенное ей состояние Доджа до такого состояния, что только проценты с процентов оно стали приносить вдове около полутора миллионов долларов ежегодно.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. Деление на богатых и бедных характерно не только для американцев вообще, но и для американских миллионеров в частности. Если ты живешь на свой основной капитал, пусть даже миллионный, то ты — нищий, согласно табелю о рангах «высшего социального регистра». Если ты живешь на проценты с основного капитала, то ты — зажиточный миллионер, а если на проценты с процентов, то — богатый миллионер. Так вот, наша вдова живет на проценты с процентов. Понятно?

«Фиделити юнион траст компани» и «Кемикл бэнк» присматривают не только за богатством Этель Джеральдин, но и друг за другом. А за ними, в свою очередь, присматривают Верховный суд штата Нью-Джерси и Нью-Йоркский суд по делам о наследстве и опеке. Иногда между «семью няньками» разыгрываются сцены, достойные «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака. Так, например, сравнительно недавно «Фиделити юнион траст компани» обратилась в Верховный суд штата Нью-Джерси за разрешением прекратить покупку вырезки высшего качества для восьмидесяти собак «первой леди» на пятьдесят тысяч долларов ежегодно. Обосновывая эту просьбу, адвокаты «Фиделити юнион траст компани» резонно утверждали, что собаки вполне могут обходиться обыкновенным мясом, которым питаются рядовые двуногие американцы, и что подобная смена говяжьего ассортимента даст существенную экономию в бюджете имения Джиральда-фармс. Однако суд отклонил прошение бережливых опекунов. В его определении по «делу о мясе для собак госпожи

Додж» говорилось, что, «поскольку опекуны обязаны действовать таким образом, каким образом действовало бы лицо, находящееся под опекой, если бы оно не находилось под опекой, и поскольку не существует даже самой отдаленной необходимости экономить на миссис Додж и для миссис Додж, ее собаки должны и впредь питаться в том стиле, к которому они уже привыкли». «Фиделити юнион траст компани» пришлось подавиться этой юридической костью. А собаки госпожи Додж по-прежнему поглащают первоклассное мясо на сумму, равную годовой зарплате десяти рабочих или одного сенатора. (До Калигулы «первой леди» все-таки еще далеко. Или, быть может, в этом сказывается ее давнишняя неприязнь к лошадям?)

Отчаявшись вырвать мясо у собак госпожи Додж, «Фиделити юнион траст компани» решила отыгаться на «Кемикл бэнк» и вырвать у него рокфеллеровские доллары. В статье XI завещания Уильяма Рокфеллера (подобные статьи иногда повесомее конституционных) говорилось, что, если состояние его дочери «превысит уровень, необходимый для ее соответствующего содержания», то опекунам предоставляется право на «переориентирование избыточных сумм». Так вот, спрашивала «Фиделити юнион траст компани» на этот раз Нью-Йоркский суд по делам о наследстве и опеке, не превысило ли уже состояние госпожи Додж «необходимый уровень» и не пора ли «переориентировать избыточные суммы», висящие тяжелыми гириями на балансе алхимиков из «Кемикл бэнк»? Ответ главного судьи Джозефа А. Кокса гласил, что не превысило и не пора. Обращаясь к истцам, он сказал:

— Миссис Додж было уже тридцать семь лет, когда отец завещал ей десять миллионов долларов. Она уже была замужем за человеком, обладавшим несметным богатством. Так что, говоря о «необходимом уровне», мистер Рокфеллер вряд ли имел в виду уровень, необходимый для поддержания существования простых смертных. Я должен откровенно признаться, что не могу найти в моей многолетней судебной практике прецедент, который был бы применим к данному случаю. Ведь речь идет об атмосфере крайней роскоши! Но, господи, не следует забывать: то, что является для нас неслыханной экстравагантностью, для семейств Рокфеллеров и Доджей — обыденный образ жизни...

Главный судья Джозеф А. Кокс говорил под сенью американского звездно-полосатого флага, болтавшегося над мраморной статуей богини правосудия Фемиды с неременной повязкой на глазах, означающей знаменитое «не взирая на лица» в переводе с языка мифологических образов на язык современной канцелярщины.

«Кемикл бэнк» выиграл тяжбу, но затаил некоторое хамство против «Фиделити юнион траст компани» и, обуреваемый жаждой мести, подал на нее встречный иск, обвинив в разбазаривании состояния бедной богатой вдовы. В иске «Кемикл бэнк» говорилось, что «Фиделити юнион траст компани» явно излишествует, выплачивая жалованье ее пятидесяти слугам. «Вряд ли одинокая дама преклонного возраста нуждается в столь многочисленном штате», — говорилось в иске «Кемикл бэнк». И вот на этот раз уже Верховному суду штата Нью-Джерси пришлось растолковывать тяжущимся опекунам, что Рокфеллерам и Доджам в Америке закон не писан, ибо Америка — страна равных возможностей. Иск о сокращении штатов на Джиральда-фармс был отклонен.

Наконец, еще один судебный казус, в котором «Кемикл бэнк» и «Фиделити юнион траст компани», сомкнув вопреки обычаю свои ряды и закопав поглубже в землю томагавк — символ распри, отобрали у Элмайр-колледжа (штат Нью-Йорк), редчайшую коллекцию китайских миниатюр фарфора, бронзы и керамики, оценивавшуюся почти в два миллиона долларов. Тщетно ученые мужи потрясали перед носом служителей Фемиды (с завязанными глазами) дарственной бумагой, скрепленной собственноручной подписью госпожи Додж. Тщетно указывали их адвокаты на то, что бумага датирована июнем 1961 года, когда госпожа Додж находилась еще в здравом уме и рассудке и не была объявлена недееспособной. Неподкупный суд разразился в адрес ученых мужей гневной филиппикой на пятидесяти двух страницах, в которой обвинил их в «злоупотреблении положением миссис Додж, ее возрастом, одиночеством, коварно и незаметно прогрессирующим склерозом, сделавшими ее беззащитной перед лицом лживых заверений в дружбе со стороны опытных очковтирателей»¹... По распоряжению суда коллек-

¹ Этот несравненный образчик судейского красноречия цитируется мною по оригиналу (*Asst.*).

цию перевезли из Элмайр-колледжа на ферму Джиральда. Утверждают, что водворение китайских миниатюр, фарфора, бронзы и в особенности керамических горшков на их прежнее место весьма способствует развитию эстетических вкусов и наклонностей у собак госпожи Додж.

Посреди всего этого всемирного потопа борения низменных страстей и высокопарной фразеологии дом № 800 по Пятой авеню возвышался Ноевым ковчегом, хотя его животный мир, в отличие от библейского, не блистал особым разнообразием. Но именно этот дом, бывший жемчужиной в короне империи Рокфеллеров и Доджей, привлекал к себе с наибольшей силой вождельные взоры любителей недвижимости, непреходящей не в пример славе мира.

Со смертью Марчеллуса Хартли-старшего Этель Джеральдин совсем перестала наведываться в Нью-Йорк. Чтобы не разлучаться с собаками, прописанными в доме № 800, она перевезла их в Мэдисон. (После кончины супруга его имение в Мэдисоне тоже перешло к Этель, и она, изгнав лошадей из конюшен, понастроила в нем новые собачьи хоромы.) Великий собачий исход знаменовал окончательное омертвление дома № 800. Он погрузился в абсолютную, космическую тишину, отгородившись от суетного мира сетчатыми решетками, чугунными прутьями, стальными ставнями и воротами, кирпичными стенами и заборами с кустарником колючей проволоки, железными кольями, битым стеклом и системой замков-сигналов фирмы «Холмс электрик протектор».

Однако земля на Манхэттене, главном острове Нью-Йорка, имеет одну особенность, отличающую ее от тургеневских дворянских гнезд и чеховских вишневых садов. Она не подвержена увяданию. Рушатся дома, валяются деревья, лысает трава. Но сама земля неуклонно повышается в цене, обогащаемая черноземом долларов и спекулятивным ажиотажем. Что же касается земли в пределах квадратной полумили, в эпицентре которой ветшает дом № 800, то ей вообще цены нет. Во всяком случае, квадратный сантиметр земли стоит здесь гораздо дороже, чем грамм чистого золота!

Еще до того, как госпожа Додж и ее четвероногая свита покинули Пятую авеню, земля, на которой стоял дом № 800, оценивалась в десять миллионов долларов. Ее нынешняя цена неизвестна. Агенты по недвижимости и не знают, и не хотят называть ее. Их пугает астрономичность цифры, которая может создать нежелательный прецедент и вызвать вихревой бум среди спекулянтов. Поэтому для определения нынешней

стоимости нью-йоркского собачника Этель Джеральдин я могу предложить лишь сравнительный метод. Недавно обанкротившиеся владельцы универсального магазина «Бест энд компани» продали землю, на которой он стоит, греческому судовладельцу Онассису по цене пятьсот долларов за квадратный фут. В футах — немногим более тридцати сантиметров. Напомню, что официальная цена унции золота — тридцать пять долларов, а в унции — немногим более тридцати граммов. Даже не будучи Эйнштейном можно легко подсчитать, что каждый квадратный сантиметр купленной земли обошелся Онассису почти в пятнадцать раз дороже цены одного грамма желтого металла!

Но и это сравнение не дает полного представления о размерах клада, зарытого в фундаменте дома № 800. Во-первых, универмаг «Бест энд компани» расположен между Пятой авеню и 51-й стрит, то есть вне пределов заветной квадратной полумили. Во-вторых, его владельцы совершали сделку, находясь на грани банкротства, а посему не привередничали. В-третьих, здание «Бест энд компани» окружают каменные джунгли, а дом № 800 стоит по соседству с Центральным парком — основным зеленым массивом Манхэттена. А в Нью-Йорке, между прочим, о богатстве людей судят не столько по количеству «зелененьких»¹, сколько по количеству зелени, окружающей их дома. Только очень богатые, живущие, как правило, на последних этажах небоскребов, позволяют себе роскошь разбивать на крышах микроскопические садики. (Вот почему богатым в Нью-Йорке дышится легче не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Вот почему, чем ближе к Центральному парку, тем дороже и земля, и дома, и квартира. Недаром здесь говорят: скажи, сколько озона поглощают твои легкие, и я скажу, каков твой заработок.) Дом № 800 единственный в центре Манхэттена, имеющий сад и даже парк не на крыше, а на земле. Это немислимая роскошь по любым масштабам, за которую госпожа Додж платит только в виде налогов около двухсот тысяч долларов, то есть годовое жалованье президента Соединенных Штатов Америки!

Делами мертвого дома ведают сообща «Фиделити юнион траст компани» и «Кемикл бэнк». Их официальная политика, по словам Герберта Болла, одного из душеприказчиков «самой богатой вдовы Америки», состоит в следующем:

¹ «Ласкательное» название доллара.

«Держаться за дом, если даже миссис Додж никогда не переедет в Нью-Йорк».

— Допустим, мы продали дом, а к миссис Додж внезапно вернулась ясность мысли. Что же будет тогда? «Сукины вы сыны,— скажет она нам,— бандиты. Кто дал вам право выгаскивать из-под меня мою собственность?» — говорит, улыбаясь, мистер Болл.

Но, конечно, алхимиками из «Кэмикл бэнк» и «Фиделити юнион траст компани» движет не страх перед обратимостью склеротических процессов в мозгу госпожи Додж. Они отказываются продавать дом № 800 по совершенно иной причине: ведь он выложен не из простого кирпича, а из волшебного философского камня, обращающего в золото все уже открытые и даже еще не открытые элементы таблицы Менделеева. Верховный суд штата Нью-Джерси и Нью-Йоркский суд по делам о наследстве и опеке, надзирающие за сукинными сынами из «Фиделити юнион траст компани» и бандитами из «Кэмикл бэнк», постановили, что мертвый дом может быть продан лишь при двух обстоятельствах: если его владелица будет не в состоянии продолжать выплачивать земельный налог и если цены на недвижимость начнут катастрофически падать.

С таким же успехом и с не меньшим на то основанием соломоны из Нью-Джерси и Нью-Йорка могли бы присовокупить еще и третье условие: если Земля — на этот раз в смысле планета — перестанет вращаться вокруг собственной оси и Солнца. В самом деле, скорее рухнут законы небесной механики, чем госпожа Додж окажется не в состоянии выплачивать какую-то мелочь — сущую чепуху в двести тысяч долларов — за собачий мавзолей на Пятой авеню. В конце концов кто она — церковная мышь, президент Соединенных Штатов Америки или миссис Марчеллус Хартли Додж, урожденная мисс Этель Джеральдин Рокфеллер? Что же касается перспектив катастрофического падения цен на недвижимость, то они маячат исключительно в сферах второго пришествия и греческих календ. Шквал инфляции и обесценения доллара еще больше заставляет американцев цепляться за землю. Она дрожит у них под ногами лишь фигурально. В остальной земля — единственная ценность, которой еще не коснулась эрозия инфляции. К тому же земля не бумажные деньги. Ее нельзя размножать с помощью гениального изобретения Гуттенберга и его эквивалента

в эпоху постиндустриальной, технотронной цивилизации — копировальной машины «Ксерокс».

На сегодняшний день главная и, пожалуй, исключительная обязанность сукиных сынов из «Фиделити юнион траст компани» и бандитов из «Кэмикл бэнк» в отношении дома № 800 заключается в негативных отписках на многочисленные пропозиции искателей и соискателей волшебного клада госпожи Додж. Среди последних король отельного бизнеса Конрад Хилтон и крупнейший манипулятор недвижимостью Хелмсли, по прозвищу «Манхэттенский форс мажор». Закидывают удочку и городские власти: а как, мол, насчет переоборудования мертвого дома под музей, или, скажем, госпиталь, или — на худой конец — детский сад? Но филантропизм не в характере сукиных сынов и бандитов, а сама «первая леди собачьего королевства» выступает в данном случае в роли собаки на сене, единственной, хотя и незримой обитательницы дома № 800. Впрочем, не совсем единственной. Но об этом несколько позже.

Наблюдая за тем, как угодливо, по-лакейски пресмыкаются городские власти перед миссис Додж и ее сторожевыми псами, невольно вспоминаешь Маяковского:

Много ль
                                человеку
  (даже Форду)
  надо?
Форд — в миллионах фордов
                                сам же Форд —
  в аршин.
Мистер Форд,
                                для вашего,
  для высохшего зада
разве мало
                                двух
  просторнейших машин?
Лишек —
                                в М. К. Х.
  Повесим ваш портретик.
Монумент
                                и то бы
  вылепили с вас.
Кланялись бы детки,
  вас
  случайно встретив.
Мистер Форд — отдайте!
  Даст он...
  Черта с два!

Выше я упомянул вскользь о том, что собака на сене не совсем единственная обительница мертвого дома. Согласно противопожарным правилам, страховые компании требуют, чтобы в доме № 800 проживала, помимо призраков прошлого, хотя бы одна живая душа. И она проживает. Зовут ее Грейс Белмонт. Откопал ее в африканских песках в какой-то заброшенной католической миссии душеприказчик госпожи Додж, сукин сын и бандит мистер Герберт Болл. Откопал, транспортировал в Нью-Йорк и заживо замуровал в кирпичных стенах мертвого дома.

...Однажды — дело было в середине октября, и город млеет от ласк индейского лета — я прогуливался по Пятой авеню и совершенно случайно очутился перед мраморной аркой, обрамляющей литые двери дома № 800. Размышляя в лучших некрасовских традициях у парадного подъезда, напоминающего не то сейф-патриарх «Чейз Манхэттен бэнк» в Даунтауне, не то вход в фамильные склепы враждовавших родов Монтекки и Капулетти, я невольно почувствовал, что за мной следят. Я оглянулся. Улица была пустынна. Лишь у вертящихся дверей отеля «Пьер» клевал носом тучный швейцар, разморенный неожиданным и запоздалым теплом. И тем не менее ощущение того, что я нахожусь под чьим-то пристальным наблюдением, упорно не проходило. Наконец, наши глаза встретились. То был электрический Шерлок Холмс в облике юного розовощекого создания неопределенного пола в боевом шлеме римских легионеров, в белой тунике, со щитом и мечом. Он как бы предупреждал меня, что «эта территория оберегается от взломщиков и грабителей системой замков и оповещения «Холмс электрик протектор».

Ну и ладно, подумал я и, подстрекаемый неодолимым духом противоречия, нажал на звонок, под которым красовалась овальная нашлапка хитроумной компании «Холмс электрик протектор». Поднялся вселенский трезвон. Пустыньность улицы делала его еще более пронзительным. Мне почудилось, что я попал под электрические разряды, брызнувшие с острия символизирующего молнию зигзагообразного меча, который держало в руке юное розовощекое создание. Даже тучный швейцар у вертящихся дверей отеля «Пьер» перестал клевать носом и воззрился на меня, впрочем, скорее с любопытством, чем с подозрением, — что-то будет?

Но ничего не произошло. Звонок Холмса неистовствовал еще минуты две-три и вдруг замолк. Над моей головой послышался железный скрежет. Я посмотрел наверх и увидел, что стальные ставни на одном из окон второго этажа медленно приоткрываются. Еще через мгновение сквозь сетчатую решетку и чугунные квадраты-прутья проступило человеческое лицо. Эффект получился жуткий, словно в фильмах-ужасах о Франкенштейне, Дракуле и прочих титулованных вампирах.

— Вам чего? — спросило лицо, как мне показалось, замогильным голосом.

— Не «чего», а кого, — ответил я с плохо наигранной небрежностью.

— Вам кого? — переспросило лицо, соглашаясь на компромисс, впрочем, без особого энтузиазма.

— Мне миссис Марчеллус Хартли Додж, урожденную мисс Этель Джеральдин Рокфеллер! — выпалил я. С таким же шансом на успех я мог бы потребовать незапланированного явления Христа народу.

— Она давным-давно не живет здесь. — Серенада под окном, видимо, уже начинала раздражать лицо.

— А вы случайно не мисс Грейс Белмонт? — заторопился я, опасаясь, как бы лицо не захлопнуло стальные ставни.

— Она самая. — В голосе лица впервые зазвучали человеческие нотки. — А вы меня откуда знаете?

— О, кто вас не знает! А это правда, что пишут о вас в газетах?

Перед лестью падали и не такие крепости. Перед ней бессильна даже система замков и оповещения «Холмс электрик протектор». Да и серенады под окном рано или поздно берут свое.

— Кое-что правда, а кое-что нет. — Это было уже почти кокетство.

— А именно? — настаивал я, пытаюсь поддержать заданный темп и не дать угаснуть слабому огоньку тщеславия, едва-едва промелькнувшему из-под припухлых век в синих, несколько продолговатых глазах женщины.

— Да вот, например, пишут, что будто бы я в течение двадцати лет служила в бюро путешествий. Это суцая чепуха. Я работала некоторое время в приятном доме для матерей-

Мы помолчали.

— Вы не будете возражать, если я мельком взгляну на апартаменты почтенной леди?

Мисс Белмонт явно смутилась и даже, как мне показалось, покраснела.

— К сожалению, мне строго-настрого запрещено пускать кого-либо в дом. Я не имею права приглашать сюда даже моих друзей и знакомых.

— Так, значит, вы живете в этом огромном доме совсем одна?

— Да, если не считать Дасти.

— А кто такая Дасти?

— Сейчас увидите.

На мгновение женщина отошла от амбразуры, и я услышал, как она зовет кого-то:

— Дасти, Дасти, ко мне!

Раздался оглушительный лай, и сквозь чугунные квадраты-прутья просунулась громадная лохматая голова собаки неопределенной породы.

— Хэлло, Дасти! — приветствовал я ее несколько заискивающе, а затем, обращаясь уже к мисс Белмонт, спросил:

— Она что, из свиты госпожи Додж?

— Нет, нет, Дасти принадлежит мне.

— А вы ее тоже кормите вырезкой высшего качества?

— Что вы, что вы, откуда. Ведь я бедная женщина. Моя старуха Дасти сидит на одной «пюрине»¹.

— Но почему же? Я слышал, госпожа Додж души не чает в собаках.

— В своих, мистер, в своих. А кто ей Дасти? Чужая. — Мисс Белмонт соболезнующе потрепала по лохматой голове четвероногую компаньонку-неудачницу. — Ну, мне пора. Обед надо готовить. Вы уж нас, пожалуйста, извините.

Я помахал рукой мисс Белмонт и Дасти, подождал, пока захлопнутся стальные створки ставень, щелкнул по носу розовощекого электрического Холмса и быстро зашагал прочь от мертвого дома навстречу индейскому лету.

*Нью-Йорк,
Октябрь 1971.*

¹ «Пюрина» — консервированное мясо для собак.

ПАЛМ-БИЧ — ОСТРОВ МИЛЛИОНЕРОВ

I

— Хотите увидеть нашу демократию в действии? Поезжайте в Палм-Бич на выборы мэра и муниципальных советников. Только не забудьте захватить пару смокингов — черное и белое таксидо. И запаситесь таблетками от похмелья. Чем больше, тем лучше.

Совет исходил от джентльмена, великолепно знавшего, что к чему — и по части демократии, и по части таблеток. Смокингов тоже. Весной и осенью он управляет своей банковской империей с Уолл-стрита, летом — из игрушечных шале в Швейцарских и Тирольских Альпах, а зимой — из свимминг пула — плавательного бассейна фамильного мраморного дворца в Палм-Бич.

Соразмеряя редакционные суточные и гостиничные с жестокой действительностью и ограждая себя от расточительных соблазнов и умопомрачительных искушений, я прибыл в Палм-Бич в день выборов. Тютелька в тютельку. Избирательная кампания, вернее, наблюдение за таковой в непосредственной близости, так сказать, визуально, было мне не по карману.

Единственный — на весь островок — избирательный участок помещался в здании местной пожарной команды. (Горим, братцы, горим!) Голосовавшие подъезжали в роскошных лимузинах, за рулем которых сидели шоферы-охранники в форменных фуражках. Пока владельцы лимузинов выполняли свой гражданский долг, шоферы — квадратные подбородки, косая сажень в плечах — отпарковывали автомобили к близлежащим барам и ресторанам. (В отличие от остальной Америки в Палм-Бич торговля спиртным в день выборов не запрещается. Пей, сколько влезет, — кто от счастья, кто с горя.)

Большинство голосовавших было в смокингах. Преобладали белые таксидо. День выдался сверхжаркий в любых измерениях: и по Цельсию, и по Реомюру, а тем более по Фаренгейту. Дамы щеголяли вечерними туалетами и драгоценностями. В сверкании бриллиантов чистой воды и фторидского солнца, на котором, вопреки обыкновению, нет пятен, избирательный участок в здании пожарной команды выгля-

дел не то нью-йоркской «Метрополитен-опера», открывающей сезон представлением гала при участии всех средиземноморских бельканто, не то Белым домом в кульминационный момент президентской инаугурации—вступления в должность.

На пост мэра претендовали три кандидата: представитель мультимиллионеров 67-летний мистер Смит, мистер Эрл Смит, бывший посол Соединенных Штатов при дворе бывшего кубинского диктатора Батисты, один из финансовых гениев Уолл-стрита и столпов нью-йоркской фондовой биржи, друг и сосед семейства Кеннеди; представитель миллионеров 65-летний Джеймс Никольсон, защитник интересов «новых денег», ринувшихся в недвижимость и строительный бизнес; и, наконец, представитель, точнее, представительница, «чистых денег» госпожа Маклин (возраст дам указывать неэтично). Брауни Маклин, свекровь которой госпожа Эвелин Уэлш Маклин была обладательницей самой обширной коллекции бриллиантов в Америке.

Политическая платформа госпожи Маклин—простая, ясная, четкая—состояла всего из двух пунктов: она обещала в случае избрания мэром Палм-Бич посылать ежедневно букеты живых цветов всем обитателям городской тюрьмы, «чтобы взбадривать их дух», и выставлять шампанское на каждом заседании муниципального совета. (По сравнению с госпожой Маклин у короля Генриха IV кишка оказалась тонка. Он не смог подняться выше обещания курицы в супе.)

Буквально накануне голосования невестка обладательницы самой обширной коллекции бриллиантов в Америке сняла свою кандидатуру. Ее заела совесть. Она поняла, что может быть мэром лишь по совместительству, уделяя служению обществу лишь часть своего драгоценного времени, поскольку до часу дня ее душа и тело безраздельно принадлежат косметичкам и массажисткам. Однако, будучи хозяйкой своего слова, госпожа Маклин тем не менее не взяла назад обещания посылать живые цветы заключенным и искрящееся шампанское муниципальным советникам.

Кстати, о муниципальных советниках. Здесь вакантные должности оспаривали: Бенджамин Елерт-младший, бывший посол Соединенных Штатов в Пакистане, председатель совета директоров «Минит мэйд корпорейшн» и главный вице-

президент «Кока-кола компани»; Чарльз Дюбуа, председатель совета директоров «Дюбуа кемикл компани» и Джордж Мэттьюз, сын госпожи Флегер-Мэттьюз, наследники миллионеров акций нерасчлененной «Стандард ойл» и внуки Генри Моррисона Флегера, основателя или, во всяком случае, крестного отца Палм-Бич, железнодорожного и нефтяного магната, партнера Джона Рокфеллера I...

— Позвольте,— слышу я голос удивленного читателя,— а как же насчет демократов, республиканцев и тому подобное?

В Палм-Бич деления избирателей и избираемых на демократов, республиканцев и тому подобное не существует. Конечно, за пределами острова его обитатели функционируют в качестве таковых, но в черте Палм-Бич они подпадают под иную квалификацию: миллиардеры, мультимиллионеры, миллионеры, просто богачи; короче, нечто вроде таблицы Менделеева, состоящей всего лишь из одного элемента — золота.

Представитель мультимиллионеров Эрл Смит нанес сокрушительное поражение представителю миллионеров Джеймсу Никольсону. Из зарегистрированных 3400 избирателей около восьмидесяти процентов подкатали на лимузинах к зданию местной пожарной команды. Из них 2169 проголосовали за Смита, 413 — за Никольсона. Избирательная кампания обошлась Смигу в сущую мелочь — какие-то 16 тысяч долларов на коктейли, то есть, учитывая отданные за него голоса, что-то немногим более семи долларов за бюллетень.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду, советуя посмотреть нашу демократию в действии именно в Палм-Бич? — сказал мне джентльмен — пока по части народовластия, таблеток и смокингов. (Выборы проходили в феврале месяце, и джентльмен управлял своей банковской империей из свимминг пула — плавательного бассейна, вписанного лазурной запятой в тропическую зелень перед его мраморным дворцом на острове.)

— Принимая во внимание миллионные состояния и доходы избирателей, даже вы, коммунистический писака, не осмелитесь утверждать, что их голоса были куплены, — продолжал джентльмен-дока. В его голосе явно звучали нотки злорадства. — У нас избиратель — полновластный хозяин, а избранные — его неподкупные слуги. Ведь должности мэра

и муниципальных советников не оплачиваются. Они не получают жалованья, работая не за страх, а за совесть. Подобной демократии не знали даже в древних Афинах!

«Коммунистический писака», помнивший кое-что из античной Греции, вынужден был признать вескость доводов джентльмена-доки. (Последний был из числа миллионеров и в качестве такового голосовал за мистера Смита.)

Мистер Смит, даже имя которого является в Америке нарицательным для человека с улицы¹, что тоже подкрепляет принцип стерильного народовластия, посрамляющего загрязненное афинское, вел избирательную кампанию под лозунгом: «Сохраним Палм-Бич прекрасным!» Его соперник — мистер Никольсон агитировал под тем же лозунгом. Однако понимали они его и расшифровывали по-разному. То, что было прекрасным для мистера Смита, выглядело допотопным для мистера Никольсона. А то, что было прекрасным для мистера Никольсона, выглядело уродливым для мистера Смита.

В данном случае речь шла, разумеется, не о вкусах, о которых, по традиции, спорить не положено. Просто мистер Смит представлял интересы «больших гасиенд», а мистер Никольсон — кондоминиумов.

Владельцы «больших гасиенд» — огромных вилл, выстроенных в псевдоиспанском стиле времен не то Кортеса, не то Махи обнаженной, являются аборигенами Палм-Бич. Это наследники американской плутократии XIX века, ставшей в веке XX американской аристократией. Они начали переселяться в 14-мильный заповедник, зажатый золотыми пляжами между Атлантическим океаном и озером Ворт, после того как уже упоминавшийся нами вскользь Генри Моррисон Флегер построил в девяностых годах прошлого столетия железную дорогу «Флорида ист коуст». Вскоре заповедник оброс цепью волшебных — не воздушных — замков, под сень которых бежали короли угля, стали, нефти, чтобы укрыться от угольной копоти, стальных опилок, мазутной нечисти и в первую очередь от запаха человеческого пота и слез людских. «Мы против них», — гласил девиз обитателей волшебных замков, жаждавших наслаждаться плодами своего богатства, но не желавших вспоминать о его источниках.

¹ В данном случае — Уолл-стрита. (Примечание автора.)

Может показаться странным, но владельцы «больших гасиенд» неизменно приветствовали депрессии, спады, кризисы и прочие стихийные бедствия капиталистической системы. «Это происходит с другими», — обычно говорили они в подобных случаях. Их состояния были настолько велики, а финансовые связи настолько разветвлены, что цикличность деловой пульсации не могла разрушить волшебные замки, возведенные ими в Палм-Бич. Лишь изредка, когда землетрясения принимали характер всемирного потопа, обитатели «больших гасиенд» начинали жить не на проценты с процентов своего основного капитала, а просто на проценты с такового.

Но зато какими очистительными были эти землетрясения и потопа! Они соскребали с киля корабля аргонатов Палм-Бич пристававшие к нему ракушки и моллюски — всевозможных парвеню и нуворишей с успех сколоченными миллионными, считая которые, что уже само по себе смертный грех (на это есть камердинеры от бухгалтерии), эти мужланы никак не могли отучиться от скверной привычки слюнявить большой палец правой руки.

Была у них, однако, еще более скверная привычка обязательно тащить в Палм-Бич, чтобы омыть и облагородить свои жалкие и вонючие миллионы водами Атлантики и солнцем Флориды. Коренное население волшебного острова в результате этой миграции капиталистов (я не оговорился — капиталистов, а не капиталов) возросло с двух тысяч до девяти. Над гренадской и севильской черепицей «больших гасиенд» навис сумрачный лик попа Мальтуса. Дело дошло до того, что в Палм-Бич выстроили супермаркет — стандартный железобетонный коробок на широком асфальтовом постаменте!

Возмущение аборигенов было настолько неподдельным и одновременно сильным, что городские власти поспешили нарядить железобетонного ублюдка в кружева арок, подогнанных под псевдоиспанский стиль времен Кортеса и Махи. На сей раз одетой. (Здесь я капитулирую перед непосильной задачей — описать физиономии хозяев «больших гасиенд» и тем более пробегающую по их лицам гамму чувств, когда они презрительно вышагивают перед наполненными провизией колясками-корзинками, которые почтительно катят их шо-

феры-охранники в форменных фуражках, выставив вперед квадратные подбородки и ссутулив широченные плечи от непривычки управлять столь допотопным и субтильным транспортом.)

Нашествие варягов на Палм-Бич стало особенно нестерпимым в начале шестидесятых годов. Америка, штурмовавшая «новые границы», обещанные ей молодым президентом Джоном Фитцджеральдом Кеннеди, переживала сказочный бум. Состояния сколачивались с быстротой гробов. Рынок играл на повышение. Индексы Доу-Джонса вихляли, как бедра нестареющего и неунывающего Элвиса Пресли, а биржевые спекулянты расцветали, словно плантации марихуаны. Новоиспеченные миллионеры, не успев еще вычесать из своих шевелюр праздничное конфетти и расплатиться за шампанское у «Оскара»¹, уже заказывали авиационные билеты на Палм-Бич.

Конечно, фронтальная атака на волшебные замки не удалась. Тогда новоиспеченные принялись осаждать их. Тут-то и начали возникать в хинтерланде Палм-Бич на его южных окраинах так называемые кондоминиумы. Земельные спекулянты и строительные компании стали возводить многоэтажные здания-кондоминиумы, разбитые на роскошные квартиры стоимостью в сто тысяч долларов каждая. Новоиспеченные, в основном с Востока и Среднего Запада, бросились расхватывать их, словно горячие пирожки.

Кондоминиумы обрастали городскими коммуникациями, а с ними начали появляться очаги раковых метастазов урбанизма. Обитатели «больших гасиенд» всполошились. В воздухе запахло гарью. И в прямом, и в переносном смысле. Дело осложнялось тем, что под гренадскими и севильскими черепицами свила гнездо измена. Мэр Палм-Бич Клод Риз, несмотря на свой преклонный—восьмидесятилетний—возраст, неожиданно заразился юношеским зудом и тоже ударился в земельные спекуляции. С его по-стариковски легкой руки был принят кощунственный акт, разрешавший строительство восьмизэтажных домов в черте Палм-Бич!

Обитатели «больших гасиенд» придерживались трехэтажного лимита. Принцип трехэтажности был для них столь же незыблемым и священным, как принцип легитимизма

¹ «Оскар» — самый популярный среди обитателей Уолл-стрита ресторан. Расположен в деловой части Нью-Йорка.

для абсолютистской Европы. Дом, который не может быть укрыт от взгляда постороннего частоколом пальм и сосен, для жилья непригоден; дом, который закрывает вид на океан, подлежит уничтожению, гласил принцип трехэтажности. Однако этот принцип стоял поперек горла строителям кондоминиумов. Цена на землю была слишком высока. Возводить малоэтажные здания было нерентабельно, расточительно, безумно. Так вот, если принцип трехэтажности был принципом легитимизма для аристократов, принцип восьмизэтажности стал Декларацией прав для молодой поросли миллионеров эпохи «новых границ».

Измена Клода Риза была, конечно, чувствительным ударом для обитателей «больших гасиенд». Недаром в салонах Палм-Бич его стали с усмешкой называть, правда, за глаза, Клодом Мирабо. Но вскоре в их рядах завелся еще более опасный перебежчик — ни дать ни взять вылитый князь Талебран Перигор. Майкл Фипс всегда считался одним из столпов высшего общества Палм-Бич. Он был не просто главой фамильного концерна «Бессемер пропертис», но и внуком легендарного железнодорожного магната Эндрю Карнеги, короля американских филантропов. И вот этот самый Майкл Фипс, владевший земельными угодьями в предместьях Палм-Бич и использовавший их для игры в гольф, вдруг запродавал принадлежавшие ему участки строителям кондоминиумов! Сумма, полученная им в результате сделки с противником, была настолько мизерной — всего пять миллионов долларов, — что ее немедленно сравнили с тридцатью серебряниками Иуды. «Неужели Фипсы проголодались?» — презрительно цедили сквозь зубы обитатели «больших гасиенд».

Сам Фипс не считал себя ни изменником, ни тем более голодным. Склонный к психоанализу, он винит во всем комплекс «Вишневого сада»:

— Когда я был ребенком, никто не наведывался в Палм-Бич раньше чем 10 января. В день рождения Джорджа Вашингтона мы устраивали большую регату, ярмарку и костюмированный бал — семинольские¹ танцы солнца. Затем отель «Брикерс» закрывался, и все разъезжались по домам. Однако тех лет уже не вернуть. Для этого мне пришлось бы купить весь остров. Но кому по карману

¹ Семинолы — индейское племя, населяющее Соединенные Штаты.

подобная роскошь, подобная экстравагантность? Меня обвиняют в предательстве. Хм. А кто подарил городу приморский парк? Кто подарил городу деловой комплекс «Ройал Поинсана плаза»? Это я предатель? Какая чушь! Просто мы жертвы процесса урбанизации. Чует мое сердце, что в один прекрасный день вся территория от Ки-Уэста до Бостона превратится в сплошной город. Мне даже страшно подумать, что станет тогда с Палм-Бич...

— Но при чем же тут комплекс «Вишневого сада»?

— А притом, что в наше время уже никто не может жить в доме своих родителей. Мне не по зубам жить в доме отца, а моим детям будет не по зубам жить в моем доме. Впрочем, они и не хотят этого. Вот в чем тайная пружина спекуляции недвижимостью...

Когда весной 1970 года на Уолл-стрите разразился мини-кризис и на смену буму «новых границ» Кеннеди и «великого общества» Джонсона пришла классическая республиканская депрессия в стиле Герберта Гувера, обитатели «больших гасиенд» встрепенулись. В их сердцах затеплилась надежда, что землетрясение, постигшее нью-йоркскую фондовую биржу, повергнет в прах и палм-бичские кондоминиумы. Но произошло нечто непредвиденное. Как и следовало ожидать, скороспелые миллионеры превратились в просто зажиточных людей. Однако далее события стали развиваться не по привычному сценарию. Вместо того, чтобы убраться восвояси — содержать стотысячные квартиры им было уже невозможно, — зачахшие скороспелки стали сдавать их в розницу обычным курортникам, а сами переселились в Вест Палм-Бич и зажили в автомобильных прицепах-трайлерах. В результате этого исхода вокруг острова возникли уникальные, единственные на всю Америку бидонвилли, населенные вчерашними миллионерами. Их немедленно окрестили «алюминиевыми трущобами». (Домишки на колесах были сделаны из этого не так чтобы уж очень благородного металла.)

Еще хуже обернулось дело с незаселенными кондоминиумами. Правда, некоторые пираты-строители, приравнивавшие деловые неудачи к неэтическим поступкам, стали жертвами инфарктов, инсультов и нервных потрясений, но остальные, отдышавшись, принялись переделывать пустующие восьмизэтажные пирамиды в отели и госпитали. И вот, когда зимой следующего года обитатели «больших гасиенд» вернулись под свои гренадские и севильские черепичные

крыши, они обнаружили по соседству уже не просто новоявленных миллионеров, слюнявящих большой палец при подсчете барышей и оттопыривающих мизинец при приеме спиртного, а разношерстный сброд. Их реакция напоминала состояние маршавского мистера Твистера, очутившегося в ленинградской гостинице «Англетер».

Прописанные в Палм-Бич дельцы и банкиры, владельцы заводов, газет, пароходов неожиданно утратили интерес к своим фонтанам и садам. Сброд портил картину, жизнь, кровь. Надо было переходить в решительное наступление, чтобы отстоять «последний бастион рафинированной изысканности от нашествия мужичья».

Решительный бой был дан на выборах мэра. Клод Риз, которому к тому времени стукнуло восемьдесят три года, собрался на покой. Кондоминиумы попытались заменить его Джеймсом Никольсоном, но «большие гасиенды», сплотившись вокруг Эрла Смита, нокаутировали их в первом же раунде.

— Палм-Бич был, есть и будет самым великим из маленьких городов на нашей планете,— заявил мистер Смит, выходя из здания пожарной команды, где помещался единственный и неповторимый избирательный пункт. На победителя сверкало таксидо, белое, как королевские лилии. Реставрация Бурбонов состоялась.

Первым законодательным актом нового мэра была отмена восьмизэтажного лимита и восстановление трехэтажного.

Принцип легитимизма восторжествовал...

II

— В Палм-Бич заправляет геронтократия,— хихикают присяжные остряки.

Геронтократия — сравнительно новый термин. В словаре иностранных слов его пока еще нет. Происходит он от греческого gerontos — старец и опять-таки от греческого kratos — власть, могущество. Следовательно, геронтократия — власть стариков.

— Геронтократия Палм-Бич даст фору любой другой на земле, включая Ватикан,— продолжают хихикать присяжные остряки.

И они правы, черт подери! По сравнению со столпами общества «больших гасиенд» даже посыпанные нафталином ватиканские кардиналы и прочая папская свита выглядят этакими моцартовскими мальчиками, резвыми и кудрявыми. Сами столпы, разумеется, не называют себя геронтократией. В Палм-Бич наложено строжайшее табу на все, что связано со старостью и смертью, что напоминает о них, о бренности бытия. На волшебном острове вы не найдете ни одного кладбища, крематория или похоронного бюро. В раю не положено умирать. Поэтому столпы величают себя не геронтокартией, а «поколением золотого века». Что ж, золотые и даже бриллиантовые свадьбы здесь не в диковинку.

Как известно, Соединенные Штаты рассечены пропастью между поколениями. Но нигде она не достигает такой глубины и ширины, как в Палм-Бич. Для того, чтобы приобщиться к людям «золотого века», мало прожить век, надо еще нажать золото, много золота, очень много золота. Правда, существует золотая молодежь. Но она не жалуется пристанище своих предков, ибо в Палм-Бич жизнь не прожигают. Здесь жизнь угасает сама собой, как солнце, опускающееся в воды Атлантического океана.

— Моей ноги здесь больше не будет!— говорит юная весталка, откидывая непокорную челку со своего лба хиппи-зирующей Афродиты.— Ведь это же форменный заповедник зажившихся дегенератов! Люди с утра начинают наряжаться в вечерние туалеты, а сосисок с «кока-колой» и днем с огнем не сыщешь...

Конечно, утверждать, что на острове вообще нет молодежи, было бы явным преувеличением. Там, где есть богатые вдовы и вдовцы, всегда найдутся и искатели счастья. В зимний сезон «большие гасиенды» штурмуют молодцы с геркулесовыми торсами и девицы с осиными талиями. И те, и другие одно загляденье. Как они подходили бы друг к другу! Но в Палм-Бич геркулесовы торсы и осиные талии не сопрягаются. Они движутся по разным орбитам. Непересекающимся. Одних отсеивают, других берут напрокат. Конкуренция жестокая, волчья, ибо ставки в игре головокружительны. Редким счастливым удастся сорвать банк и получить здесь постоянную прописку. Последний из них— бывший нью-йоркский полицейский Дэниель Моран. Нанятый для охраны драгоценностей вдовы автомобильного короля Доджа, он в конце концов женился на ней. Помогли внешность Рокка

Хадсона и бицепсы Тарзана в исполнении Тони Вайсмюллера. Сыграло свою роль и происхождение вдовствующей автомобильной королевы. В бытность девицей Грегг Шервуд она зарабатывала на жизнь, дрыгая своими великолепными ножками в ночных клубах Нью-Йорка и Лас-Вегаса.

Однако, повторяю, счастливичиков, вроде полицейского Морана, считанные единицы. Об этом неопровержимо свидетельствует брачная статистика мэрии острова. Остальным геркулесовым торсам и осиным талиям уготовлена судьба выжатых к завтраку апельсинов, которыми так славится Флорида. Впрочем, и об этом столь же неопровержимо свидетельствует статистика, правда, не брачная и не из мэрии. У геркулесовых торсов, в общем, больше шансов на успех, чем у осиных талий. Ну, во-первых, количество богатых вдов в Палм-Бич значительно превосходит количество богатых вдовцов. (Здесь царит не просто геронтократия, а геронтократический матриархат.) Во-вторых, вдовы мечтают о замужестве, а вдовцы цепляются за с трудом приобретенный холостяцкий статус, дорожат им.

— Я обожаю испанские дыни и хочу к завтраку свой экземпляр газеты, не рваный и не измятый. А для этого надо иметь богатого мужа. Бедные не выписывают дубликаты. Но для того, чтобы подцепить богатого мужа, надо обладать безграничным терпением!— жалуется осиная талия с прекрасными бездонными голубыми глазами, настолько бездонными, что невольно закрадывается подозрение, а не пусты ли они.

— Я из Майами,— продолжает осиная талия.— Работаю манекенщицей в одном из домов моделей. Езжу в Палм-Бич уже четвертый сезон подряд. И все без толку. В прошлом году счастье, казалось, улыбнулось мне. Приглянулась какому-то старикашке лет за семьдесят. Думала, клюнул. А он, подлец, беспробудный пьяница и скандалист. И искал во мне не подругу жизни, а временную собутыльницу. Каждая ночь — попойки, драки, автомобильные катастрофы. А мне фигуру надо беречь. И кожа лица должна быть гладкой, и глаза — ясными, без красных прожилок.

После очередной вакханалии, окончившейся стычкой с полицией, наша осиная талия вынуждена была отступить к несолоно хлебавши. (Виски, джин, водка, мартини и так далее не в счет.) Вообще-то блюстители порядка в Палм-Бич отличаются кротостью агнцев отца Авраама при столкновени-

ях с обитателями «больших гасиенд» и, как правило, смотрят сквозь пальцы на их подагрические шалости, но этот тип поколебал даже их слоновью невозмутимость.

— Не смейте прикасаться ко мне! Я владею половиной Палм-Бич, включая земельный участок, на котором стоит ваш вшивый полицейский пост!— визжал старикашка.

А когда его, тем не менее захихнули в машину, владелец заводов, газет (с дубликатами!), пароходов заорал на всю Ворт-авеню:

— Вы не имеете права арестовывать меня—я ношу мокасины от Гуччи¹!

Не знаю, так ли оно было на самом деле, или осиная талия по злобе приврала, хотя, судя по ее бездонным глазам, она не обладала способностью к подобным взлетам фантазии, но с тех пор фраза «Я ношу мокасины от Гуччи» стала для меня классической формулой, причем куда более зримой и впечатляющей, чем затертая об «акулах с Уолл-стрита». Мокасины от Гуччи, несмотря на то, что их делают из самой мягкой кожи, пострашнее канонического кованого сапога милитаризма...

Но вернемся к таблицам статистической вероятности и относительности успеха геркулесовых торсов и осиных талий. Преимущество первых над вторыми коренится в причинах не только количественных (вдов больше, чем вдовцов) и психологических (вдовы хотят замуж, вдовцы предпочитают холостяцкую жизнь), но и физиологических. Я уже говорил, что на территории Палм-Бич нет кладбищ и крематориев, что всякое напоминание о бренности бытия считается там святотатством. Культ долголетия среди обитателей «больших гасиенд» стоит вровень с культом доллара и даже выше, когда жить остается мало, а неизрасходованных долларов много. Поэтому к делам сердечным, как, впрочем, и многим другим, применяется в качестве категорического императива критерий: а способствуют ли они долголетию?

Геронтологическая теория и палм-бичская практика показывают: вдовы, выходящие замуж за молодых-полицейских, живут необыкновенно долго; вдовцы, связывающие себя узами Гименея с манекенщицами, гибнут от апоплексических ударов и инфарктов миокарда, размножая в геометри-

---

¹ Гуччи—владелец фешенебельных магазинов, в которых одевается американская знать.

ческой прогрессии вдов и тем самым еще больше повышая шансы геркулесовых торсов в их титанической борьбе с осиными талиями за испанские дыни и девственные экземпляры газет, за место под солнцем Палм-Бич.

Есть что-то одновременно жалкое и омерзительное в том, как обитатели «больших гасиенд» цепляются за жизнь, пытаясь пережить Старуху с косой. Перед нами словно оживают страницы гетевского «Фауста» и бальзаковской «Шагреновой кожи». Какой-то невидимый Мефистофель развешивает на стенах волшебных замков портреты Дориана Грея. Какие-то голливудские вампиры и опереточные дракулы сосут человеческую кровь, чтобы омолодиться или хотя бы на единый миг продлить свое призрачное существование. Это судорожное цепляние за жизнь кучки дышащих на ладан архимиллионеров невольно вырастает в грандиозный символ отжившего общества, впившегося скрюченными от подагры пальцами в колесо истории, тщетно пытающегося повернуть его вспять или хотя бы остановить.

Обитатели «больших гасиенд» вооружены до зубов в борьбе против будущего. К их услугам межконтинентальные баллистические ракеты и водородные бомбы, подводные лодки с атомными двигателями и «летающие крепости»; к их услугам мозговые тресты «Рэнд корпорейшн» и чудовища Форт-Детрика, где хранится бактериологическое оружие, миллиарды долларов и миллионы единиц пушечного мяса; на них гнут спину и лауреаты Нобелевской премии, и политические шаркуны всех мастей и калибров, они замедляют время в космических кораблях и разгоняют — в циклотронах. Но время — как социально-историческая категория — им неподвластно, ибо в данном случае действует не теория относительности Эйнштейна, а теория Маркса, имя которого в Палм-Бич еще более запретно, чем смерть.

Трагические попытки остановить будущее — в политике, трагикомические потуги вернуть прошлое — в быту... Однажды телевизионная компания Эй-би-си запустила в эфир многосерийный приключенческий фильм с социально-фантастическим сюжетом. Герой картины — простой автомеханик обладает кровью удивительного свойства. При переливании она гарантирует чудодейственное исцеление от любой болезни. Сам автомеханик не подозревает об этом. Как-то он становится донором, чтобы спасти жизнь мальчику, попавшему в катастрофу. И вот ребенок, находившийся на грани

смерти, буквально за сутки встает на ноги. Врачи потрясены. Они ломают голову, пытаются разгадать причину столь феноменальной регенерации. Наконец, кто-то делает анализ крови донора и обнаруживает, что она не подпадает ни под одну известную группу. Более того, она обладает силой волшебного эликсира молодости и бессмертия.

Один из врачей, лечивших ребенка, рассказывает об этом удивительном медицинском казусе своему высокопоставленному пациенту — мультимиллионеру, пораженному неизлечимым недугом: не то раком, не то пороком сердца, не помню уж точно. Мультимиллионер немедленно приказывает своей охране разыскать и доставить к нему донора-исцелителя. Донора находят. Человек гуманный, он соглашается помочь больному старику. Но тот не довольствуется однократным переливанием. Обуреваемый жаждой вечной молодости и бессмертия, богач превращает донора в своего узника. Далее из серии в серию фильм повествует о побегах автомеханика, об его поисках частными детективами, нанятыми миллионером, о кознях наследников богача, которым его выздоровление, а тем более бессмертие, что нож в сердце, наконец, о других мультимиллионерах, тоже страдающих от старческих недугов и пытающихся перехватить у счастливица донора-выручалочку... Действие фильма, как вы, наверное, уже успели догадаться, происходит в основном в Палм-Бич.

Поскольку в реальной жизни чудо-доноры вроде нашего кинематографического, не встречаются, обитатели «больших гасиенд» уповают главным образом на медицину. Почти все они совершают регулярные ритуальные впрыскивания витамина Е, обостряющего разум, притупленный склерозом, и заряжающего энергией одряблевшие мускулы тела. За впрыскиванием витамина Е следуют инъекции таинственного препарата «КР-3», способного якобы омолаживать отмирающие клетки, и, наконец, курс уколов «Нихэнса» — вытяжек из плазмы еще не родившихся ягнят. Палм-Бич — мировая столица пластической хирургии, искусственного выращивания волос, протеиновых и иных диет, гормональных трансплантаций, лечения сном и гипнозом, массажа и всевозможных косметических кунштюков. Номер журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» со статьей моей приятельницы, профессора социологии Хантеровского колледжа Суллы Беннет о

долгожителях Абхазии — непременный и нестареющий бестселлер у обитателей волшебного острова.

Могут сказать: а что здесь плохого? Кому не хочется быть молодым и здоровым, красивым и стройным? Да и лысина никого еще не украшала, разве что голливудского актера Юла Бриннера. Все это, конечно, так, включая лысину Юла Бриннера. Но когда наблюдаешь за беснующимся Палм-Бич на фоне общего кризиса здравоохранения в Соединенных Штатах, когда знаешь, что любая болезнь может обернуться финансовой катастрофой для простого американца, то геронтократия «больших гасиенд» начинает казаться мультимиллионером из телевизионного фильма, сосущим кровь плененного донора.

«Скажи мне, кто твой врач и адвокат, и я скажу, кто ты», — гласит американский вариант известной поговорки. Да, в Штатах все равны перед смертью и законом, но это равенство не распространяется на врачей, стоящих между тобой и смертью, на адвокатов, стоящих между тобой и законом. Недаром врачи и юристы самые высокооплачиваемые профессии в Америке, настолько высокооплачиваемые, что их услугами могут пользоваться лишь сверхвысокооплачиваемые. Удел остальных — склоняться перед природой и законом...

В Палм-Бич нет кладбищ и крематориев, но зато его два госпиталя — Доброго самаритянина и Святой Марии — пожалуй, лучшие во всех Соединенных Штатах. Это своеобразные гибриды отелей умопомрачительной роскоши и лабораторий, дышащих холодом космического совершенства. Здесь даже санитары вышколены до уровня камердинеров из шотландских фамильных замков, медицинские сестры могут спокойно воссесть на престол любого среднего европейского королевства, а консилиум врачей напоминает совет богов той утонувшей в дымке времени эпохи, когда декаданс еще не вскарабкался на вершину Олимпа.

Оба госпиталя расположены в стратегических пунктах Палм-Бич: из любой точки волшебного острова скорая помощь может доставить пациента в приемный покой менее чем за пятнадцать минут. И пункты, и время выбраны с таким расчетом, чтобы выводить умерших из состояния клинической смерти еще до того, как необратимые процессы распада

начнут вгрызаться в мозговую кору и ее неисповедимые извилины.

И госпиталь Доброго самаритянина, и госпиталь Святой Марии, помимо приемных покоев, имеют и просто покои, если, конечно, скромное словечко «просто» применимо к покоям царствующих особ. Некоторые обитатели «больших гасиенд», включая семейство Кеннеди, располагают в этих госпиталях личными палатами люкс (тоже царскими!), оборудованными медицинской техникой на все случаи жизни, вернее, спасения таковой. Пусть умирают люди, не добившись или не дождавшись больничной койки или искусственных почек, сердца, легкого, палаты люкс и их технотронная начинка все равно должны оставаться неприкосновенными, как святая дева Мария. Ведь в любую секунду они могут понадобится леди и джентльменам, живущим в пятнадцатиминутном радиусе. Что? Не совсем в духе Доброго самаритянина? Возможно. Однако пустуют же роскошные кондоминиумы, высящиеся среди моря трущоб маяками равных возможностей! А кислородная подушка под головой важнее крыши над нею.

Среди владельцев «больших гасиенд» есть скептики, не верящие ни в пятнадцатиминутный лимит, ни в эффективность карет скорой помощи. (А вдруг покрывка спустит?) Эти скептики предпочитают иметь госпитали под рукой, под своими гренадскими и севильскими черепицами. Что ж, береженого бог бережет. Так, миссис Додж, жена мистера Хораса Доджа-старшего, основателя автомобильной империи, и мать покойного Хораса Доджа-младшего, сделавшего вдовой девицу Грэгг Шервуд, ошастливившую полицейского Морана, ухитрилась прожить целых сто три года! То была подлинная дочь «золотого века»: она прожила сто три года плюс шестьдесят миллионов «больших»¹ долларов, оставленных ей благодарным супругом. Последние двадцать лет миссис Додж не покидала пределов своей виллы в Палм-Бич осенью и зимой и своего особняка в Гросс-Пойнте (штат Мичиган) весной и летом. Вилла и особняк автомобильной королевы были оборудованы почище госпиталя для космонавтов в Хьюстоне, хотя старуха и не торопилась на небо. Она жила в окружении свиты врачей и сиделок, не отходивших от нее двадцать четыре часа в сутки.

¹ Имеются в виду доллары до трех девальваций.

Разумеется, такая жизнь стоит бешеных денег. Ни один великосветский забулдыга не сможет просадить за ночь в самом дорогом ресторане столько долларов, сколько тишайше сжует своим старческим ртом представительница «золотого века» за ту же ночь, проведенную в госпитале Доброго самаритянина или Святой Марии. (Для сравнения приведу пример из собственной печальной практики. Я заплатил 540 долларов чистоганом только за рентген и анализ крови в плохонькой нью-йоркской амбулатории. Это более чем 400 рублей.)

Формально обитатели «больших гасиенд» платят эскулапам из своего бездонного кармана. Фактически они паразитируют за счет тех американцев, которым не по карману (дырка — не эквивалент бездонности) медицинские услуги, даже самые скромные, на уровне эпохи доктора Парацельса. Формально бюджет заведений Доброго самаритянина и Святой Марии складывается из щедрых пожертвований филантропического населения Палм-Бич. Благотворительные балы, многотысячные сборы с которых поступают в кассы госпиталей, являются главными событиями светской жизни волшебного острова. Здесь календарь благотворительных балов заменяет обычный грегорианский календарь, по которому живет все остальное человечество. Бал для сбора денег по борьбе с раком, бал для сбора денег по борьбе с туберкулезом, бал для сбора денег по борьбе с сердечными болезнями... И так далее и тому подобное.

В Америке деньги, идущие на благотворительность, налогами не облагаются. Поэтому миллионы, сребраемые после балов, минуют цепкие пальцы Налогового бюро, не попадают в государственную казну и не канализируются в здравоохранение и другие социальные статьи бюджета. Итак, трудовой человек подвергается двойному ограблению: сначала из его наемного труда чеканят прибыли и сверхприбыли — это, так сказать, по линии частной инициативы, а затем уже по линии государственной его заставляют затыкать налоговые бреши, пробиваемые в бюджете страны благотворителями из Палм-Бич и других райских уголков.

Тем временем под гренадской и севильской черепицами гремят благотворительные балы. Рекою льются слезы умиления и шампанское. Леди и джентльмены давятся зернистой икрой и пористым великодушием. А в коридорах и палатах госпиталей Доброго самаритянина и Святой Марии к привыч-

ному запаху лекарств примешивается сильный запах социальной анестезии — лицемерия.

Впрочем, о лицемерии (и о балах тоже) мы еще поговорим...

III

Если каста жрецов, управляющая волшебным островом, называется геронтократией, точнее, геронтократическим матриархатом, то имя королевы Палм-Бич — Марджори Мерри-везер Пост. Миссис Пост под девяносто. Она наследница сотен миллионов долларов крупнейшего пищевого концерна Америки «Дженерал фудс», который делает вид, что кормит страну, а на самом деле объедает ее.

Вилла госпожи Пост «Мар-а-Лаго» — центр Палм-Бич, его квинтэссенция, его суть, доведенная до степени абсурда. «Мар-а-Лаго» называют фантазией рыночного бума двадцатых годов, переведенной на голливудский язык Сесиль де Миллем и Аддисоном Мицнером¹. Это — гигантский дворец, утопающий в сказочной роскоши. Его главное крыло было выстроено из каменных плит, привезенных из Италии. Для этого пришлось разобрать знаменитую «Виллу Дориа» в Генуе — непревзойденный памятник архитектуры позднего Ренессанса. Генуэзский камень перекрыт испанской черепицей. Тридцать шесть тысяч плиток этой черепицы были доставлены в Палм-Бич по воздуху, такое же количество розовой черепицы для флигеля — морем из Кубы.

В центре дворца возвышается башня в мавританском стиле, с которой открывается захватывающий дух вид на Атлантический океан. «Мар-а-Лаго» — наивысшая точка острова, его «Эмпайр Стейтс билдинг». Она овеществленный принцип трехэтажного легитимизма. В черте Палм-Бич строить здания выше башни «Мар-а-Лаго» запрещено законом, как в Вашингтоне — выше купола Капитолия или в Лондоне — выше купола собора святого Павла.

Дворец — драгоценный камень — стоит в оправе садов, соперничающих со сказочными садами Семирамиды и реальными — Версаля. Семнадцать акров этих садов, раскинувшихся между океаном и озером Ворт, инкрустированы антич-

¹ Кинорежиссеры, ставившие помпезные фильмы на библейские сюжеты.

ными мраморными столами и беседками, видимо, все еще хранящими память о лукулловых пирах, причудливыми фонтанами, тоже сработанными рабами Рима и реставрированными их потомками, лужайками для игры в гольф, оранжереями и теплицами. (Наследница «Дженерал фудс» предпочитает свежие овощи консервированным и живые цветы — искусственным.) Частная автомобильная дорога, обрамленная могучими почтенного возраста пальмами, ответвляется от федерального шоссе, ныряет в подземелье и выводит вас одним концом к центральной аркаде виллы, а другим — к пляжу, тоже, разумеется, частному и тоже укрытому от глаз простых смертных шеренгами пальм, древних, как сама хозяйка виллы «Мар-а-Лаго», ее палм-бичское величество милостию божьей и миллионов «Дженерал фудс» миссис Марджори Мерривезер Пост.

Двадцать садовников во главе с Джеймсом Грифффином, родившимся в «Мар-а-Лаго», холят и лелеют сады госпожи Пост, стригут траву, маникюрят кусты. Еще шестьдесят слуг копошатся в самой вилле. Правда, не все они непосредственно допускаются к царствующей особе. Есть слуги и слуги. Одни прислуживают миссис Пост, другие — слугам миссис Пост.

— Уж не думаете ли вы, что я сам себе стелю постель? — говорит с презрительной усмешкой камердинер ее величества мистер Ливингстон. Подобно камню и черепице «Мар-а-Лаго», мистер Ливингстон — товар импортный. Его вывезли из Шотландии, перекупив у какого-то обнищавшего барона. Злые языки утверждают даже, что куплен был сам барон. Фамилию Ливингстон он взял якобы для того, чтобы уберечь от позора свою родословную (его предки служили еще Стюартам). Не знаю, так ли это. Но, честное слово, на мой непросвещенный взгляд, мистер Ливингстон больше похож на барона, чем на камердинера. Хотя, с другой стороны, в вилле «Мар-а-Лаго» все подвержено раблезианским аберрациям...

Теперь, познакомившись с мистером Ливингстоном или загримированным под него шотландским бароном, потомком обожателей несравненной Марии Стюарт, пройдемся вслед за ним по внутренним покоям виллы. (Без Вергилия-чичероне можно заблудиться в семи кругах этой адской роскоши.)

Жилая часть «Мар-а-Лаго» состоит из четырех «замкнутых в себе» апартаментов—в стиле Людовика XVI (обезглавленного), венецианском, испанском и португальском. Когда миссис Пост надоедает жить в одном стиле, она переезжает в другой. Соответственно меняются туалеты, кухня, весь уклад жизни. Эпоха! Главная столовая—копия столовой дворца Киджи в Риме, служившего одно время резиденцией дуче Бенито Муссолини (повешенного). Потолок—кстати, в «Мар-а-Лаго» все потолки в девять метров высотой—увит листьями золотой чеканки; стены расписаны сценками из жизни вечного города. Главная гостиная—тоже копия, ее прообраз—Венецианская академия. Арки гостиной украшают захватывающие дух геральдические гербы из Дворца дождей. Гербы подлинные. (Быть может, они были свидетелями вступительного монолога Отелло?) Огромные окна гостиной, высеченные на манер романских, смотрят в сад. На стенах ковры изумительной работы, взятые из старинных испанских монастырей. В лоджии, имеющей форму полумесяца, клумба живых цветов...

Вилла «Мар-а-Лаго» подавляет своей роскошью даже обитателей «больших гасиенд». Нет ей равных во всем Палм-Бич. Основные соперники дворца миссис Пост—вилла «Плайя-Риенте», принадлежавшая вековой с хвостиком мадам Додж, и вилла «Эль Мирасоль», резиденция мультимиллионеров Стотсбери, были демонтированы их наследниками. (Помните комплекс «Вишневого сада», которым хворает мистер Фипс, внук легендарного железнодорожного магната Эндрю Карнеги и президент «Бессемер пропертис»?)

У миссис Марджори Мерривезер Пост, несмотря на пять замужеств, наследников нет. (Видимо, никто из ее пяти спутников жизни не обладал внешностью Рокка Хадсона и бицепсами Тарзана в исполнении Тони Вайсмюллера или хотя бы на худой конец бывшего нью-йоркского полицейского Дэниеля Морана.) Конечно, имеются прохожие молодцы, которые могли бы купить виллу «Мар-а-Лаго». Но одно дело—купить ее, другое—поддерживать на прежнем уровне. «Владение дворцом миссис Пост—финансовое кровопускание; одних слуг у нее больше, чем в Белом доме»,—говорит Генри Дадли, канцлер казначейства при дворе королевы Палм-Бич. Когда мистер Дадли предложил «Мар-а-Лаго» властям штата Флорида, те в ужасе отшатнулись от подобного

дара. «Мы не в состоянии выкраивать из нашего бюджета двести пятьдесят тысяч долларов ежегодно только на выплату жалованья слугам,— говорят они.— Любое законодательное собрание, принявшее такое решение, и любой губернатор, утвердивший его, будут немедленно свергнуты при первых же выборах. Так что упаси нас, боже, от данайских даров!»

Семь лет колесил по Америке мистер Дадли в поисках желающих вступить бесплатно во владение виллой «Мар-а-Лаго». Но тщетно. Никто не соглашался впустить слона в посудную лавку. Когда покойный президент Джонсон по неосмотрительности объявил дворец миссис Пост историческим памятником и национальным достоянием, мистер Дадли буквально зубами вцепился в Белый дом. От имени своей повелительницы он предложил правительству США «принять в дар» виллу и превратить ее в постоянную резиденцию для глав государств и правительств, посещающих Вашингтон с официальными визитами. «Дворцы-резиденции для высоких гостей имеются во Франции, Италии, Англии. Негоже нам отставать от них,— рассыпался бисером мистер Дадли.— Обычно мы принимаем десять—пятнадцать визитеров на высшем уровне ежегодно. По традиции, они проводят два-три дня вне Вашингтона, чтобы отдышаться от реактивного броска через океан или дать время дипломатам подготовить тот или иной документ, скажем, коммюнике для окончательного торжественного подписания. Вилла миссис Пост—идеальное место для резиденции. С аэродрома ВВС—базы Эндрюс под Вашингтоном— всего два часа лета до Палм-Бич, а высокие стены, ограждающие поместье миссис Пост, превосходно решают проблему безопасности. Ну, что вам еще надо? Берите виллу и пользуйтесь ею на здоровье!»

— Мерси, а слуги?— отозвались с опаской из Вашингтона.

Тогда миссис Пост, вознегодовавшая на крохоборство администрации, выкроила из миллионов «Дженерал фудс» фонд для оплаты расходов по содержанию челяди после того, как сама миссис Пост отправится из земного рая в небесный.

— Ну, а теперь?— удовлетворенно потирал руки мистер Дадли, провернувший операцию по созданию загробного фонда.

Припертый к стенке, Белый дом капитулировал. 12 октября 1972 года сенат и палата представителей приняли закон, уполномочивавший министра внутренних дел вступить

от имени правительства во владение виллой «Мар-а-Лаго», когда госпожа Пост сменит сады Палм-Бич на сады Эдема. Была создана директория попечителей в составе семи человек: двое — от министерства внутренних дел, двое — от властей штата Флорида, двое — от муниципального совета Палм-Бич и, наконец, один от самой миссис Марджори Мерривезер Пост.

Правительственные директора-попечители начали свою деятельность с наведения строжайшей экономии. Они потребовали, чтобы дворец «консервировался» (намек на продукцию «Дженерал фудс»?) в промежутках между визитами высоких гостей, чтобы персонал кухни был значительно сокращен, поскольку «остров славится великолепными поставщиками к столу», и чтобы Историческое общество Палм-Бич, насчитывающее около четырехсот членов, приняло на себя определенную долю текущих расходов по содержанию «Мар-а-Лаго». Директор-попечитель, представляющий интересы госпожи Пост, согласился на первое и третье требования, но наложил решительное вето на второе. Кухня «Мар-а-Лаго» неприкосновенна, ибо несравненна, сказал он. Министерству внутренних дел пришлось отступить.

Высшая суть власти — заставлять людей делать то, чего они не хотят, заметил, кажется, Ларошфуко. В этом смысле власть госпожи Пост безгранична. Если даже Белый дом вынужден принимать поневоле ее королевские дары, то что уж говорить об обитателях иных домов? Каждый четверг хозяйка «Мар-а-Лаго» закатывает балы, на которые приглашается высшее общество Палм-Бич. Балы эти — зеленая скука, ибо в их общеобязательной программе танцы эпохи далекого девичества миссис Пост, настолько далекого, что даже геронтократии острова они кажутся безнадежно старомодными. Тем не менее никто не осмеливается отклонять приглашения.

— Это все равно что пренебречь повесткой в Верховный суд, — говорит один из постоянных посетителей балов миссис Пост. — Мы совершаем ритуальные танцы со скрежетом зубным.

Участники «хоудаунов»¹ боятся не того, что хозяйка виллы заметит их отсутствие. Хозяйке виллы такое и в голову не придет. Боятся другого: а что, если их отсутствие припишут

¹ Хоудаун — негритянская пляска. В переносном смысле — кривлянье.

не идиосинкразии к гавотам, а высочайшему неудовольствию? Отсутствию приглашения? Поэтому лучше скучать, но присутствовать; трястись, но присутствовать; чертыхаться, но присутствовать. Впрочем, чертыхаться никто не решается, хотя миссис Марджори Мерривезер Пост абсолютно глуха...

IV

Удивительная вещь ассоциации! Как часто сопрягаются они, подобно Ивану с болваном из известной поговорки, и тем не менее их невозможно разъять. Одна тянет за собой другую с неизбежностью темы рока в греческих трагедиях. Казалось бы, должны они катиться, не пересекаясь, как параллельные линии в презренной ньютоновской бесконечности и эвклидовой незамысловатости, а они, эти наши ассоциации, упрямо пересекаются по Эйнштейну и Лобачевскому, сваривая автономом причинности огородную бузину с киевским дядькой.

Много лет назад, находясь в Вене, я стал свидетелем омерзительного спектакля. В какой-то (уже не помню) установленный городскими властями традиционный день перед зданием полицей-президиума выстроилась длиннющая очередь представительниц первой древнейшей профессии. Им надлежало пройти медицинский осмотр и перерегистрироваться. Площадь, на которой находилась штаб-квартира полиции, и все прилегающие к ней улочки запрудили толпы венцев. Зеваки и проститутки нахально глазели друг на друга и обменивались нецензурными, скабрзными, оскорбительными репликами. Некоторые проститутки задирали свои ультракороткие платья — в те годы мода на «мини» была исключительно их привилегией, вернее, прозодеждой, а самого слова «мини» еще не существовало; Мери Квонт, его изобретательница, еще ходила в школу — и показывали гогоучей толпе скульптурные зады и прочие естественные аксессуары плотской завлекательности.

— Наше «специалите»; как шницель и вальсы Штрауса, — попытался сострить мой провожатый. Он был представителем второй древнейшей профессии...

С тех пор прошло около двадцати лет, не менее. Казалось, венский вернисаж скотства совсем изгладился из моей памяти. По крайней мере я не вспоминал о нем. И вдруг...

Здание «Ворт-эвеню нэшнл бэнк» в Палм-Бич ничем не напоминает венский полицейско-президиум. Улицу Саут каунти роуд тоже не примешь за подозрительные ответвления Кертнер-штрассе. И уж совсем ничего общего не было между табором проституток и очередью у входа в банк. Перед центральным подъездом стояли наши старые знакомые шоферы-охранники в форменных фуражках с черными лакированными околышами, обладатели квадратных подбородков и кососаженных плеч. (Лимузины паслись в некотором отдалении на стоянках.) Шоферы, разумеется, не занимались никаким бесплатным стриптизом, не развлекались устным творчеством и не задирали юбок и зевак, которые тоже как воды в рот набрали. В руках шоферов были бархатные мешочки — черные, лиловые, зеленые; на лицах зевак — почтительное восхищение, правда, одного цвета — флоридского загара. Шоферы пришли по бриллианты своих хозяев: кольцо, серьги, перстни для леди; запонки, галстучные булавки для джентльменов.

Ритуальный сбор бриллиантового урожая происходит перед крупными балами, которые закатывают друг другу обитатели «больших гасиенд». Ночью, когда гаснут хрустальные люстры, подвешенные к поднебесью дворцовых потолков, ритуал прокручивается в обратном направлении — вместо бриллиантовой жатвы бриллиантовый посев. Шоферы-охранники, охраняемые, в свою очередь, частными детективами, сдают в сейфы «Ворт-эвеню нэшнл бэнк» драгоценности, верой и правдой послужившие их хозяевам и честно заработавшие право на спокойный, непотревоженный сон.

Традиция бриллиантовых жатв и посевов сравнительно новая. Ее идея принадлежит госпоже Андерсон, матушке вице-президента «Ворт-эвеню нэшнл бэнк» Лоя Андерсона-младшего. Имея бриллианты и подруг, имеющих бриллианты, госпожа Андерсон ощущала на собственной шкуре дилемму человека, очутившегося между Сциллой и Харибдой — между джентльменами удачи, специализирующимися на прелестных камешках, и страховыми компаниями, оберегающими их валютно-компенсационный эквивалент. Дело в том, что и те, и другие безбожно дерут. Каково, к примеру, платить в сутки по тысяче долларов за целостность и неприкосновенность бриллиантов чистой воды? Ведь это же чистый грабеж, хотя твои камешки и охраняются конторой Ллойда, агентст-

вом Пинкертон и броней сейфа. Впрочем: хотя или поскользку?

И вот матушка Андерсон подсказала сыну вице-президенту рациональный выход: прокатную систему хранения драгоценностей и розничную систему оплаты страховок. (Согласно светлой идее вице-президентской мамы, платить за страховку надлежит только в тот период, когда драгоценности подвергаются реальному риску, то есть когда они висят на владельцах, а не лежат в сейфах.) Претворение в жизнь рационализаторского предложения госпожи Андерсон дало приток новой клиентуры «Ворт-эвению нэшнл бэнк» и экономии владельцам бриллиантов. Если раньше драгоценности забирались в пятницу и пребывали весь уик-энд вне сейфов — в Соединенных Штатах банки по субботам и воскресеньям не функционируют, — то с открытием ночного депозитария бриллианты немедленно попадают «с бала на корабль», так что отпадает необходимость платить за двухдневную страховку и можно спокойно спать, не опасаясь вторжения непрошенных гостей.

Пионером новой клиентуры банка выступила госпожа Нефф, обладательница одной из самых драгоценных коллекций бриллиантов в Соединенных Штатах, а следовательно, во всем мире. Госпожа Нефф, сестра финансиста и бывшего посла при Сент-Джеймском дворе¹ Уолтера Анненберга, имеет горький опыт сладкой жизни. Грабители дважды навещали ее 17-комнатную квартиру в Нью-Йорке. Облаченные в черные свитеры и нейлоновые маски, они заковывали в наручники слуг и под дулом пистолета требовали от них «бульжники». Предусмотрительная госпожа Нефф хранила «бульжники» в банке своего брата, и грабителям оба раза пришлось довольствоваться «морской галькой» — сначала на четверть миллиона она долларов, а затем на полмиллиона.

Но госпожа Нефф не робкого десятка. Сестра банкира-«бульжника», она не поддавалась запугиванию со стороны мелкой бандитской гальки.

— Никакой Аль-Капоне не заставит меня носить искусственные бриллианты, — заявила она репортерам после второго ограбления.

Узнав о коренных революционных преобразованиях в «Ворт-эвению нэшнл бэнк», госпожа Нефф немедленно переехала туда свои «бульжники». Администрация банка препод-

¹ Так называют по традиции посла США в Великобритании.

несла выдающейся клиентке стальной сейф с ключами из чистого золота и «разгонную» шкатулку с закодированным электронным устройством. Но и это еще не все. Стальной сейф был установлен в будуаре, специально оборудованном для госпожи Нефф в подвалах банка. Стены будуара украсили волшебные зеркала, выгодно отражающие сверкание драгоценных камней и столь же выгодно маскирующие предательские морщины.

— Это просто великолепно!— воскликнула сестра бывшего посла при Сент-Джеймском дворе на очередной пресс-конференции, созванной по поводу новоселья «булыжников».

Ее пример— другим наука. За госпожой Нефф потянулись сонмы обладательниц бриллиантов и морщин. Но подлинным триумфом идеи вице-президентской матушки было обращение в ее веру госпожи Фрэзиер, муж которой владеет по крайней мере половиной всей недвижимости в штате Коннектикут. В отличие от госпожи Нефф госпожа Фрэзиер— отчаянная трусиха.

— Вот уже почти три года, как я не ношу бриллиантовое кольцо. Кругом мерещатся гангстеры, готовые вышибить мозги при первом же удобном случае,— жаловалась она моей знакомой Шарлотте Кэртис, светской хроникерше из «Нью-Йорк таймс».— А у меня, заметьте, вкусы скромные. Я не люблю ничего кричащего. Колье, браслет, пара колец достойного размера, не какие-то там автомобильные фары. Вот, пожалуй, и все. На полмиллиона, не более...

Скромность и изысканность королевы недвижимости штата Коннектикут были оценены по достоинству. Администрация «Ворт-эвению нэшил бэнк» преподнесла ей стальной сейф, золотой ключик и электронную шкатулку, как у госпожи Нефф, а последняя в порыве великодушия разрешила ей пользоваться своим будуаром и волшебными зеркалами. Ты, мне, зеркальце, скажи...

И все-таки справедливости ради надо сказать, что война между обладательницами «булыжников» и соискателями оных ведется с переменным успехом. Гангстеры контратакуют при любой возможности. Слава богу, балы в Палм-Бич даются на круглосуточной основе. В тот зимний сезон, когда я хронометрировал пульс американской демократии сверхафинского наполнения, на райском острове произошло пять крупных краж бриллиантов. Жертвой крупнейшей из них стала госпожа Мосс, семейство которой владеет самым большим индивидуальным пакетом— не аптечным— акций

«Дженерал моторс». По-видимому, грабители не знали или не разделяли известной мудрости, гласящей: что хорошо для «Дженерал моторс» — хорошо для Соединенных Штатов.

По иронии судьбы бандиты проникли в люкс госпожи Мосс в отеле «Брикерс» через смежные апартаменты госпожи Рэнд, предки которой основали корпорацию по предсказыванию будущего на научной основе. («Дженерал моторс» один из главных клиентов мозгового треста «Рэнд корпорейшн».) Гангстеры пощипали мимоходом и госпожу Рэнд. На карманную мелочь в двести тысяч долларов. Дело обошлось без вышибания мозгов. Видимо, из уважения к наследнице мозгового треста, предсказывающего будущее исключительно на научной основе, взломщики прибегли к хлороформированию.

Госпожа Мосс восприняла удар судьбы стоически. Госпожа Рэнд сломилась.

— Я не собираюсь возмещать убытки, — сказала она. — С бриллиантами покончено навсегда. В наше время женщина, носящая драгоценности и появляющаяся в обществе, играет с огнем. Я не огнепоклонница. Эта игра не по моим нервам.

Госпожу Рэнд пришлось вновь хлороформировать. Лечение ее пошатнувшейся нервной системы в госпитале Доброго самаритянина обошлось во много крат дороже украденных бриллиантов. Но госпожа Рэнд и не думала роптать. Ее организм обладал устойчивым иммунитетом против грабежей на законном основании, а ее текущий счет — миллионными, сколоченными на научном предсказывании будущего...

Лейтенант Ригтс, шеф полицейских детективов Палм-Бич, настроен весьма пессимистически относительно перспектив борьбы с преступностью.

— В прошлом году нами было раскрыто всего 38 процентов уголовных дел, — чеканит он на манер компьютеров «Рэнд корпорейшн». — Однако раскрываемость преступности, связанной с похищением бриллиантов, много ниже этой цифры. Нам иногда удается схватить бандитов, но вернуть награбленное практически невозможно. Бриллианты исчезают бесследно, словно растворяются или испаряются.

Поэтому лейтенант Ригтс придает особое значение профилактическим мерам. Каждый полицейский в Палм-Бич имеет

при себе альбом с фотографиями гроссмейстеров-похитителей бриллиантов, наводящих ужас на всю Америку. Как только кто-либо из этих джентльменов (впрочем, в альбоме фигурируют и леди) объявляется в Палм-Бич, его немедленно подвергают превентивному заключению и высылают за пределы волшебного острова независимо от того, приехал он «работать» или развлекаться. В отношении альбомных леди и джентльменов действует, и не без веских на то оснований, презумпция виновности...

Когда дерутся двое, всегда находится третий радующийся. В битве казаков-разбойников и гангстеров-детективов тоже есть свой третий радующийся. Зовут его Кеннет Лэйн. Кен Лэйн — непревзойденный виртуоз по фабрикации фальшивых, будем вежливы, поддельных драгоценностей. Даже опытные ювелиры затрудняются отличать лэйновские бриллианты от настоящих. Свиристуют гангстеры — Лэйну прибыль. Перепуганные обитатели «больших гасиенд» засыпают его заказами. Побеждают банки и полиция — Лэйну опять хорошо. Вчерашние клиенты, опасаясь за свою репутацию, умасливают, задабривают, обхаживают фальшивобриллианщика, чтобы он, чего доброго, по легкомыслию или по злобе не оклеветал их драгоценности, выдав за собственную продукцию индийские и южноафриканские чистокровки.

— Гангстеры мне нипочем. Гангстеров я не боюсь. Другое дело — Кен Лэйн. При одной мысли о том, что кто-то может принять мои бриллианты за стряпню этого пройдохи, меня бросает в дрожь, и я начинаю сходить с ума, — жалуется госпожа Шраффт, супруга шоколадного короля Америки, владельца сотен ресторанов и кондитерских фабрик. (Дети любят папашу Шраффта. Сладости у него отменные. Первый сорт. Без подделок.)

Бриллианты для населения Палм-Бич не просто украшения. Они витрина геронтократии, ее могущества, дубликаты бесценного груза награбленных ими сокровищ. (Недаром среди гангстеров бытует поговорка, гласящая: вор, укравший у вора, получает отпущение грехов на небесах.) Обитатели «больших гасиенд» носят бриллианты, как орденские планки. Да, на волшебном острове «бульжники» не просто украшения, они краеугольные камни социального статуса. Вот почему, когда в одну ночь были ограблены все виллы на Плантейшн-роуд, кроме виллы некоей Марджори Андерсон,

последняя, вместо того чтобы обрадоваться, разволновалась и стала причитать:

— Я почувствовала себя на отлете, словно прокаженная. Что подумают соседи? Что скажет общество? Что у меня нет бриллиантов или, и это еще ужаснее, что их у меня слишком мало и нечего ими руки пачкать? Или, что уже совсем невыносимо, что я не в состоянии компенсировать утраченное?

Слушая причитания миссис Андерсон, хотелось воскликнуть: «Где вы, гангстеры! Пожалейте бедную старушку, вытрясите из нее душу и бриллианты!»

Обитатели «больших гасиенд» увешаны исключительно бриллиантами. Это, конечно, так. Но сами «большие гасиенды» набиты всевозможным добром, словно пещеры из арабской сказки об Али-бабе и сорока разбойниках. Все это добро в шкапулки и сейфы не упрячешь. Уж очень его много, да и габариты не всегда позволяют. Правда, соперничающий с «Ворт-эвению нэшнл бэнк» «Фэрст нэшнл бэнк» принимает на хранение горностаевые мантии, соболиные накидки, норковые шубы и даже коллекции дорогих вин, но и он не в состоянии аккумулировать все богатство, награбленное дважды и трижды сорока разбойниками. Поэтому «большие гасиенды» превращены в неприступные крепости.

Процесс превращения волшебных замков в фортификационные сооружения принял скоротечный характер после того, как другой знаменитый флоридский курорт, Майами-Бич, был объявлен высшим конклавом гангстерских синдикатов «открытым городом» — здравницей и увеселительным заповедником боссов организованной преступности, на территории которого грабежи и кровавая междоусобица запрещались. «Большие гасиенды», собственно, ничего против этого не имели. Им не было чуждо некоторое чувство справедливости. Дескать, каждому свое: нам — Палм-Бич, вам — Майами-Бич. О'кэй. Все хорошо. Пусть так и будет.

Но обитатели Майами-Бич отнюдь не собирались соблюдать неписаную конвенцию. Бандитов не устраивал статус-кво, навязанный им банкирами.

— У них весьма специфическое социальное обеспечение и здравоохранение. Они повадились оплачивать свои отпуска за счет налетов на остров, в черте которого их джентльменское соглашение об «открытом городе» не действует,— говорит

начальник полиции Палм-Бич Фрэд Мид, человек, лишившийся сна, но не лишенный чувства юмора.

Датой начала открытых военных действий Майами-Бич против Палм-Бич принято считать 3 марта 1972 года, когда группа гангстеров совершила налет на «Бэнк оф Палм-Бич энд Траст компани» и похитила из его сейфов два миллиона долларов, установив попутно рекорд штата Флорида по банковским взломам. Для затыкания течи пришлось воззвать к лондонской страховой конторе Ллойда.

— На баррикады!— пронесся клич по «большим гасиендам», как только история с ограблением «Бэнк оф Палм-Бич энд Траст компани» стала достоянием гласности.— На баррикады!

— Несколько лет назад я решила оборудовать свою виллу потаенными замками с сигнализирующим устройством. Я не могла достать их на острове ни за какие деньги. Никто не торговал ими. За ненадобностью. Спроса не было. Пришлось посылать заказ в Нью-Йорк. Теперь мы имеем в изобилии всевозможные замки самых замысловатых конструкций. Филиалы компаний, производящих это добро, открываются у нас буквально каждый день,— рассказывает княгиня Зальстем-Залеская.

Ныне почти все «большие гасиенды» связаны системой электрической сигнализации или с полицейским управлением Палм-Бич, или же с частными детективными агентствами. По ночам на острове стоит вселенский трезвон. Полицейские и детективы мечутся как угорелые между виллами, разрываются на части. Но причиной тому не столько нашествие взломщиков из Майами-Бич, сколько девичья память старух из Палм-Бич. Несмотря на впрыскивание заряжающего энергией витамина Е, несмотря на инъекции таинственного препарата «КР-3», якобы омолаживающего отмирающие клетки, и даже несмотря на курс уколов «Нихэнса» — вытяжек из плазмы еще не родившихся ягнят, склероз делает так свое черное дело. Возвращаясь под утро домой с благотворительных балов, даваемых для пополнения бюджетов госпиталей Доброго самаритянина и Святой Марии, обитатели «больших гасиенд» сплошь и рядом забывают выключать электрическую сигнализацию. Вот и стоит по всему острову вселенский трезвон.

— Каждый раз, когда я по забывчивости подымаю ложную тревогу и срываю понапрасну наших славных поли-

дейских, меня начинают терзать угрызения совести. Поэтому я решила давать по сто долларов в пенсионный фонд полиции за каждую ложную тревогу, поднятую по моей вине. Это успокаивает совесть и одновременно обостряет память,— говорит все та же княгиня Зальстем-Залесская.

Княгиня может позволить себе роскошь забывчивости по курсу сто долларов штука. Не потому, конечно, что ее князь Зальстем-Залесский готов галантно платить за выпадение памяти у супруги. У князя Зальстем-Залесского нет за душой ни цента. В его активе один лишь титул, две фамилии и тирешка между ними. Зато сама княгиня Зальстем-Залесская, урожденная Евангелина Джонсон, сестра короля талька и пластыря всея Америки, богата, как Крез, или, что ближе к истине, как ее брат — фармацевтический магнат. Он недавно умер, отписав в фонд «имени себя» двести миллионов долларов и переплюнув тем самым знаменитые фонды Рокфеллеров и Форда. Добрейшая самаритянка Евангелина, купившая по дешевке, хотя и по любви, князя Зальстем-Залесского с его одним титулом, двумя фамилиями и тирешкой между ними в придачу, видимо, унаследовала от брата не только миллионы, но и склонность к филантропии. Думаю, что палм-бичские фараоны не очень-то раздражаются на предупреденные звонки, несущиеся с виллы Зальстем-Залесских. А если и раздражаются, то это похоже на чисто рефлекторное раздражение павловских собак.

Кстати, о собаках. Лучший друг человека в большом почете на волшебном острове. Я имею в виду не каких-то там болонок, терьеров, спаниелей и прочих декоративных четвероногих, пусть даже королевских кровей, как, например, спаниель Дюк, принадлежащий госпоже Сэнфорд и ведущий свою родословную от спаниелей английского венценосца Карла I (казненного), неопровержимым свидетельством чему служит белое пятно на его лбу (не короля, а спаниеля). Нет, я имею в виду настоящих собак, при виде которых у их прародителей волков шерсть дыбом встает, а у взломщиков отмычки из рук валятся. Я имею в виду специально натасканных догов, немецких и бельгийских овчарок, доберман-пинчеров и других богатейшей собачьего мира.

При всем уважении к ультрасовременной технике — огнеупорным металлам, кибернетическим защелкам, электронным ловушкам и так далее, обитатели «больших гасиенд»

отнодъ не пренебрегают «четвероногим элементом безопасности».

— Техника не может целиком заменить живые существа ни на войне, ни в мирное время. И вообще я не доверяю роботам,— философствует госпожа Сэнфорд.

Ее вилла надежно охраняется полицейскими догами, овчарками, доберман-пинчерами. Их — этих волкодавов-великанов у госпожи Сэнфорд целая свора. Они пасутся по бесконечной анфиладе комнат, наводя ужас на всю округу своим громоподобным лаем.

— Мои соседи боятся грабителей, а грабители боятся моих собак. Они действительно очень злые. Иногда я сама побаиваюсь их. Зато мне не страшно за бриллианты. Я люблю их больше собак и ношу ежедневно,— говорит миссис Сэнфорд.

И все-таки самые злые собаки не у нее, а у госпожи Додж, бывшей девицы Грегг Шервуд, покорявшей в далекой молодости ночные клубы Нью-Йорка и Лас-Вегаса совершенной прямизной великолепных ножек и, в свою очередь, покоренной в безутешном вдовстве бравым полицейским Дэниелем Мораном, обладателем внешности Рокка Хадсона и бицепсов Тарзана в исполнении Тони Вайсмюллера.

До того, как стать супругом безутешной вдовы, Моран был начальником службы безопасности на ее вилле. Он опутал дождевскую гасиенду высоким проволочным ограждением, через которое пропускается ток еще более высокого напряжения. Вилла оснащена внутренней радиотелевизионной сетью. Дежурный камердинер, следя за экранами, наблюдает с их помощью за всем, что происходит в любом закоулке поместья Доджей.

Получив повышение — из охранников в мужья,— Моран значительно усилил фортификационные сооружения, а с ними и обороноспособность виллы. Безотказно сработал древний принцип — своя рубашка ближе к телу. Ведь раньше Моран караулил чужое добро, а с переходом на должность мужа он стал беречь свое. Тогда-то и были куплены шесть венгерских волкодавов — сущие мамонты, — за обучение которых взялся сам Моран. И он их, будьте уверены, вышколил на славу.

Как раз в бытность мою в Палм-Бич суд разбирал дело об «укушении» одним из венгерских волкодавов белошвейки, работавшей на дому у миссис Додж. Суд приговорил господ

к выплате прислуге компенсации в размере пятнадцати тысяч долларов. Господа наотрез отказались. Не потому, что им денег было жалко, а из принципа.

— Разумеется, мы будем апеллировать в вышестоящие инстанции. В поведении собаки не было злого умысла. А это главное, ибо без вины нет преступления. Ею двигало исключительно любопытство. Ей просто хотелось обнюхать белошвейку, не более. А та спаниковала и стукнула пса по голове аршином. Ну, тут-то он ее и цапнул. А как же иначе? Впрочем, какой это укус? Просто царапина, еле видимая глазу,— жаловался каждому встречному и поперечному экс-полицейский Моран. Мне тоже.

Точно таким же образом Моран жаловался несколько лет назад, подстрелив зеваку, имевшего неосторожность прильнуть к окну опочивальни миссис Додж, наслаждавшейся медовым месяцем с бравым полицейским. И хотя выяснилось, что зевака никакой не гангстер из Майами-Бич, суд тем не менее оправдал Морана за отсутствием состава преступления и, главное, за присутствием миссис Додж, которая не для того же вышла в конце концов вторично замуж, чтобы вновь остаться вдовой. Пусть даже соломенной.

С тех пор люди обходят виллу Доджей за версту. Хозяевам нет никакой необходимости вывешивать сакраментальную дощечку с сакраментальной надписью-предупреждением: «Во дворе злая собака». Это вам не захолустье. Это Палм-Бич, остров миллионеров...

Днем остров напоминает ожившие буколические сюжеты жемчужных картин Ватто. Даже в чистом безоблачном небе мерещатся кудреватые барашки. Вдоль пальмовых аллей прогуливаются перезрелые пастухи и пастушки. У их ног трутся и выются болонки, терьеры, спаниели, таксы и прочие игрушечные собачонки королевских кровей. На них кокетливые бантики, корсетики, погремушки. И сами они такие приветливые, ласковые, уютные. Белые, как белая кость, коричневые, как шоколадные плитки, серые, как лондонские туманы. Лезут лизаться и целоваться с каждым встречным и поперечным, источая тончайший аромат французских духов и английского бридинга.

Ночью, когда болонок, терьеров, спаниелей и такс (мопсов тоже) укладывают спать на королевские кровати в лионские шелка, брюссельские кружева и вирджинский батист, когда перезрелые пастухи и пастушки, нацепив на себя многомил-

лионные гроздья бриллиантов чистой воды (не хлорированной), отправляются на благотворительные балы и маскарады или бал-маскарады, чтобы позолотить хромированный инструментарий госпиталя Доброго самаритянина и никелированную аппаратуру госпиталя Святой Марии, когда камердинеры вынимают платочки из нагрудных карманов ливрей и засовывают в задние карманы многозарядные кольца и парабеллумы, когда с цепей спускаются застоявшиеся и настоянные на злобе доберман-пинчеры, немецкие, бельгийские и венгерские овчарки, боксеры, бульдоги и прочие доги, готовые разорвать в клочья всех и вся, любого и каждого, включая мать родную — сучку-медалистку, когда их громоподобный лай леденит кровь, несмотря на тропическую духоту, остров уже не напоминает ожившие буколические сюжеты жемчужных картин Ватто. Вам кажется, что вы попали в страну помутившейся конан-дойлевской фантазии, населенную не одной, а тысячей, миллионом чудовищных собак Баскервилей.

Палм-Бич днем — ягнята Ватто. Палм-Бич ночью — баскервилеские собаки Конан-Дойля. Две стороны одной медали. Эта смена дня и ночи, это обращение земли обетованной вокруг оси частной собственности, обезумевшей от скотства и пресыщения, произвольно вырастает в грандиозный символ капитала, его препохабия...

Да, удивительная все-таки вещь наши ассоциации!

V

А теперь обещанный рассказ о балах и лицемерии.

В тот самый год, когда на февральских муниципальных выборах в Палм-Бич блестяще восторжествовал принцип трехэтажного легитимизма, открытие зимнего сезона было отмечено по традиции гранд-балом в первопрестольном отеле «Брикерс». Бал, естественно, был благотворительным. Цена каждого куверта была, конечно, пятьсот долларов. Сбор с бала, разумеется, отписывался Красному Кресту, а через его каналы, само собой разумеется, — госпиталям Доброго самаритянина и Святой Марии.

Попасть на бал я не смог. В моем гардеробе, кроме плавок и прочих принадлежностей пляжного туалета, висели только два смокинга — черное и белое таксидо, взятые напрокат для

поездки в Палм-Бич по совету джентльмена-доки с Уолл-стрита. Смокинги еще годились кое-как для репортерской работы, но на балы, а тем более гранд-балы, они уже никак не тянули. Пригласительные билеты категорически предупреждали: «Форма для джентльменов — белая бабочка». Эта формула требует некоторой расшифровки. Когда в пригласительных билетах значит «черная бабочка», надо надевать смокинг, а когда «белая бабочка» — фрак. Но фрака у меня как раз и не было. Не было, впрочем, и пятисот долларов на оплату благотворительного куверта, равно как и желания выступать в роли доброго самаритянина, разглаживающего морщины и растворяющего склеротическую известь в голубой крови палм-бичской геронтократии. Поэтому мое участие в традиционном представлении гала ограничилось позицией стороннего наблюдателя у парадного подъезда первопрестольного отеля «Брикерс». (Размышления у парадного подъезда последовали несколько позже.)

Сказать, что на балу присутствовал весь Палм-Бич, значит ничего еще не сказать. Под сводами «Брикерс» собралась лучшая или, во всяком случае, добрая половина обитателей Капитолия во главе с сенатором Эдвардом Кеннеди, который всю ночь напролет вальсировал со своей неутомимой матушкой. (По случаю гранд-бала народные избранники объявили мораторий на законодательную деятельность. Билль — не бал, в лес не убежит.) Из европейских, азиатских и прочих столиц слетелись чрезвычайные и полномочные послы, соскучившиеся по родным пенатам. (По случаю гранд-бала американская дипломатия перешла на время из рук дилетантов-миллионеров в ведение профессиональных господцев в протертых штанах от «Брук бразарс»¹.) Из Голливуда, Лас-Вегаса и с Бродвея слетелись звезды, суперзвезды и суперсуперзвезды, оставив своих дублеров и дублерш на растерзание американским меломанам, балетоманам и эротоманам. Наконец, в Палм-Бич прибыли некоронованные короли золота, платины, угля, стали, нефти, автомобилей, авиации, пароходов, короче, короли всех богатств истощаемых ими недр, всего того, что ходит, плавает и летает, по крайней мере в Соединенных Штатах Америки и в странах, связанных

¹ «Брук бразарс» — магазин готового платья консервативного покроя, которое носит американское чиновничество.

с ними узами «атлантической солидарности и бескорыстной помощи».

Общество, стекавшееся к парадному подъезду отеля «Брикерс», было блестящее. Блестели лысины некоронованных королей; блестели тиары и диадемы, короновавшие замысловатые прически их супругов; блестели ордена и медали на выгнутых колесом и впалых, как магдебургские полушария наизнанку, грудях генералов и адмиралов; блестели галуны, аксельбанты и прочие позументы на ливреях швейцаров; блестели медь духовых инструментов, столовое серебро и хрусталь; блестели глаза зевак, встречавших подобострастными вздохами и охами появление сильных и прекрасных мира сего; блестели, наконец, по-южному крупные звезды на флоридском небе, бархатном, как мешочки, в которых шоферы-охранники привозят и увозят драгоценности своих хозяек. (По случаю гранд-бала и «Ворт-эвентуэшил бэнк», и «Ферст эвентуэшил бэнк» и «Бэнк оф Палм-Бич энд Траст компани» широко раскрыли створки стальных сейфов, ибо в первопрестольный «Брикерс» на открытие зимнего сезона никто не является в подделках от Кеннета Лэйна. Даже самые трусливые.)

Над гренадско-севильской черепичной крышей отеля вился звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. Еще один флаг был установлен в холле гостиницы. По обе стороны государственного штандарта застыли по стойке «смирно» солдаты корпуса морской пехоты США. Устроители бала специально вызвали с военной базы Майами целое подразделение морских пехотинцев. В полной парадной форме — в белых фуражках, поясах и перчатках — они выполняли функции почетного караула, эскортируя от лимузинов до парадного подъезда титулованных представительниц геронтократического матриархата Палм-Бич.

Механизм гранд-бала раскручивался без сучка и задоринки. Шестеренки протокола, густо смазанные традицией и долларами, функционировали бесперебойно. Эстафета геронтократии передавалась с четкостью хронометров «Омега», обслуживающих Олимпийские игры и космические старты. Лимузины плавно тормозили перед парадным подъездом отеля. Шоферы-охранники распахивали их дверцы, вынимали дам из задних сидений, расправляли их меха и шелка и вручали из рук в руки морским пехотинцам. Бравые солдатики подхватывали ценную ношу с обеих сторон под локотки и

церемониальным маршем вели коронованных супруг некоронованных королей мимо государственного флага США в обеденную залу, заставленную столиками, ломившимися от пятисотдолларовой — за куверт — снеди. У самого входа в зал солдаты передавали дам лакеям, которые разводили их по гастрономическому лабиринту, а сами, чеканя шаг, шествовали обратно за следующей порцией геронтократического матриархата.

Итак, конвейер (шоферы — морские пехотинцы — лакеи) действовал бесперебойно. Когда поток геронтократии был окончательно перекачен из лимузинов в обеденную залу, шоферы разбрелись по близлежащим барам, лакеи приступили к выполнению своих прямых лакейских обязанностей, а морских пехотинцев собрали на веранде, где им выставили пиво без закуски.

Все было, как тому и надлежало быть в отеле «Брикерс» в ночь перед открытием зимнего сезона Палм-Бич. Вот только полковник в отставке Эшли Тисдел преждевременно осушил бутылку виски и несвоевременно полез в нее.

— Почему я не вижу за нашими столами славных солдат морской пехоты?! — вопрошал он, грозно топорща седые жесткие усы и устрещающе позвякивая одиннадцатью орденами и медалями, прошивавшими пулеметной очередью лацканы его фрака.

— Ваше превосходительство могут не беспокоиться. Солдаты на веранде. Пьют пиво, — пытались уговорить полковника шокированные распорядители бала.

— Как это не беспокоиться? Какая веранда? Какое пиво? — продолжал углубляться в бутылку старый вояка.

— Веранда застекленная. Пиво холодное, — рассыпались бисером распорядители.

— А я хочу, чтобы солдат пригласили сюда и чтобы они обедали вместе с нами!

— Но, ваше превосходительство, солдаты не платили по пятьсот долларов за куверт. Им здесь не место.

— Не место? Они стоят в почетном карауле у национального флага, они эскортируют наших дам. Так почему же им не сидеть рядом с нами?

И полковник пригласил нескольких солдат за свой стол. Примеру Тисдела последовала госпожа Ева Джонсон, бывшая

супруга сразу двух кинозвезд — Вэна Джонсона и Кина Уэйна. (Разумеется, не одновременно. Полигамия в Штатах карается законом.)

Распорядители вежливо, но твердо потребовали от солдат, чтобы те немедленно покинули помещение:

— Вы не гости; у вас нет приглашений; вы не платили за обед...

Солдатики смутились, залились краской стыда, застеснялись, засуетились, повскакали с мест, готовые предпринять поспешную ретираду. Они явно чувствовали себя не в своей тарелке. (Еще бы, тарелки были серебряные!) Им явно было неуютно в скрещении прожекторов пристального внимания светского общества. (Их светский опыт ограничивался избиением безоружных женщин и детей в Южном Вьетнаме.)

— Стойте! Ни с места! Они не имеют права давать вам под зад коленкой! Вы защищаете цвета Америки! Вы солдаты, а не лакеи, на вас форма, а не ливреи! — билась в истерике, как княжна Тараканова, супруга двух кинозвезд.

— Морские пехотинцы достаточно хороши для того, чтобы умирать и убивать за сидящих в этом зале. Неужели они недостаточно хороши, чтобы жрать вместе с нами? Ведь их приглашают на президентские трапезы в Белый дом! Официанты, пошевеливайтесь! Я плачу за всех! — вторил полковник со своего столика супруге двух кинозвезд.

Над гранд-балом нависла угроза срыва. Распорядители предложили полковнику компромисс: офицеры, за которых он платит, допускаются к обеду, но солдаты остаются на веранде. Полковник заартачился. Переговоры зашли в тупик. Положение спасла миссис Джонсон. Очаровательная Ева велела перенести ее столик на веранду и всю ночь напролет ела, пила, танцевала и веселилась с солдатами, искушая их спартанский дух и вызывая зависть махровых геронтократок, решивших, что они прогадали, что их обвели вокруг пальца. В самом деле, все досталось Еве: и паблисити, и слава патриотки, и молодые танцоры...

Хрустальные люстры первопрестольного отеля «Бриккерс» похожи на звезды, отдаленные от нас миллионами световых лет. Ну, во-первых, между простыми смертными и господами, живущими и жующими под этими люстрами, дистанция огромного размера. А во-вторых, и после того,

когда они гаснут, их свет по-прежнему продолжает струиться на грешную землю. Так вот, давным давно отшумел гранд-бал, а скандал с морскими пехотинцами не утихал. Докатился он до самого Вашингтона, до главной штаб-квартиры корпуса морской пехоты США. Дело в том, что морская пехота не просто составная часть американских вооруженных сил, а их элита. В Соединенных Штатах трудно найти город без памятника Морскому пехотинцу. Морская пехота покрыла себя неувядаемой славой в битвах на тихоокеанском театре второй мировой войны. Вспомним хотя бы знаменитый «марш смерти» на Батаан в 1941 году. (Кстати, полковник Тисдел был его участником, что до некоторой степени объясняло и извиняло его не вполне геронтократическое поведение на балу.) Но морская пехота покрыла себя несмываемым позором в колониальных авантюрах империализма янки в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. На ее белых перчатках — кровь многострадального Вьетнама.

Пытаясь защитить честь мундира — не от мировой общественности, а от геронтократии Палм-Бич, — руководитель пресс-службы корпуса майор Филлип Крюз сделал следующее заявление для печати: «Вопрос упирается в вежливость. Люди, пользующиеся услугами наших ребят в роли почетного караула, обязаны заботиться о них и, в частности, кормить обедом. Инцидент, имевший место в отеле «Брикерс», может вынудить нас пересмотреть традиционно позитивную точку зрения, когда в будущем году к нам вновь обратятся за подобными услугами».

Майор Крюз явно перестарался. Подобной наглости, да еще перемежающейся с неприкрытыми угрозами, обитатели «больших гасиенд» никому не прощают, даже военноморской элите, которая, в сущности, то же пушечное мясо, лишь качеством получше. Заработали незримые приводные ремни власти. Майора Крюза одернули, майора Крюза призвали к порядку, майора Крюза дезавуировали. Майору Крюзу популярно объяснили, что он недопустимо превысил свои полномочия — ему надлежит защищать честь мундира не от геронтократии Палм-Бич, а от мировой общественности и выводить с него не пивные разводы, а кровавые пятна. Командование корпуса морской пехоты принесло извинение «большим гасиендам», а для печати было заявлено, что несение почетного караула в отеле «Брикерс» почетно и на пустой желудок.

В очередном году, как и в предыдущем, открытие зимнего сезона Палм-Бич было отмечено гранд-балом в первопрестольном отеле «Брикерс». Бал, естественно, был благотворительным. Цена каждого куверта была, конечно, уже семьсот долларов. (Сказывалось дыхание девальвации.) Сбор с бала, разумеется, отписывался Красному Кресту, а через его каналы, само собой разумеется, госпиталям Доброго самаритянина и Святой Марии. Конвейер (шоферы — морские пехотинцы — лакеи) затмевал своей ритмичностью ультрасовременные поточные линии Форда и «Дженерал моторс». Морские пехотинцы в полной парадной форме — в белых фуражках, поясах и перчатках — стояли по стойке «смирно» и на голодный желудок у государственного штандарта.

За них некому было заступиться. Прекрасная Ева Джонсон не то разводилась с очередной кинозвездой, не то выходила замуж за оную. А отставной полковник Эшли Тисдел лечился от алкоголизма не то в госпитале Доброго самаритянина, не то — Святой Марии.

Над гренадско-севильской черепицей первопрестольного гордо реял звездно-полосатый флаг США...

VI

В Палм-Бич питают слабость к аристократическим титулам. «Большие гасиенды» — большие лакомки на титулы. Здесь влечение к титулам — род недуга, от которого никто не желает лечиться, не спешит избавиться. Коллекционирование коронованных — высшее хобби для некоронованных.

Титулы, подобно бриллиантам, бывают фальшивые и подлинные. В Палм-Бич котируются и те, и другие. По разным курсам, соответственно. Носителей первых покупают, носителей вторых подкупают. Балканское ассорти — князя албанские, болгарские, румынские, черногорские — блюдо дежурное и поэтому продается по общедоступным для Палм-Бич ценам. Европейскую кухню предпочитают восточной. Графы перевешивают шейхов, герцоги — магараджей. Расизм тут ни при чем. Просто первые беднее, а следовательно, покладистее. В европейской, желудку вопреки, английская главенствует над континентальной. Снобизм тут ни при чем. Просто деловой расчет, режим экономии. Покупая лорда или бароне-

та, ты в его лице одновременно приобретаешь преподавателя литературного английского языка, домоправителя и эксперта по части лошадей. К тому же от английской кухни не бывает изжоги. Лорды в отличие от латинских любовников не устраивают сцен ревности. Сказываются викторианская закуска и склонность к гомосексуализму.

На самой вершине пирамиды — царствующие особы с приставкой «экс» и без оной. Хотя? «Мар-а-Лаго», дворец госпожи Марджори Мерривезер Пост, еще не функционирует в качестве официальной резиденции гостей в Штатах глав государств, их величества в Палм-Бич ночуют не под открытым небом. Играть роль хозяина, уступать свою виллу кочующему по Америке монарху — сущее блаженство для геронтократии волшебного острова. Причем особым шиком считается не докучать венценосным постояльцам своим присутствием. Обитатели «больших гасиенд», в которых изволят сделать привал их величества, обычно покидают остров и отправляются в кругосветное путешествие. Ничего не скажешь, безукоризненный такт и трогательная цепетильность, в особенности если принять во внимание то обстоятельство, что домены многих венценосных постояльцев находятся — с потрохами — в бездонных карманах неназойливых хозяев и что их отсутствие в Палм-Бич с лихвой компенсируется «американским присутствием» на землях кочующих монархов, будь то в форме кабальных концессий, грабительских инвестиций, «мультинациональных» конгломератов или элементарных военных баз. Венценосцы, разумеется, не кричат вдогонку отправляющимся в кругосветные вояжи геронтократам: «Янки, гоу хоум!» Между ними происходит обмен традиционным вежливым приветствием: «Наш дом — ваш дом».

Визиты царствующих особ в Палм-Бич не только политес, но и политика. Король Иордании Хусейн летает в Вашингтон, как правило, через волшебный остров. Король Саудовской Аравии облетает его стороной. Выездной гарем короля считается угрозой моральной атмосфере «больших гасиенд». Впрочем, злые языки утверждают обратное: мол, это король опасается за мораль своих наложниц, за экстерриториальную неприкосновенность их нерукотворной прелести в высоко-нравственном климате, где живут по заповеди британских аристократов: «Дозволено все, за исключением того, от чего лошади шаркаются». Когда еще в бытность свою принцем

Хуан Карлос посетил мыс Канаверал во время запуска на Луну одного из «Аполлонов», но не удосужился заглянуть в Палм-Бич, его шансы на занятие испанского престола значительно ухудшились. Зато резко возросли шансы двоюродного брата Хуана и внука короля Альфонсо XIII, принца Альфонсо де Бурбон-Астуриаса, зачавшего на волшебный остров.

И все-таки самыми желанными и почетными гостями Палм-Бич были герцог и герцогиня Виндзорские — бывший английский король Эдуард VI и его морганатическая супруга по фамилии — не то девичьей, не то по первому браку — Симпсон. Чета герцогов Виндзорских — герцог недавно отправился в мир иной — всегда служила идеалом «Американской мечты», не той, о которой говорится в Декларации независимости, а подлинной. Декларация, провозглашавшая отделение американских провинций от британской короны, сильно пахивала душком третьего сословия. Не отделение от британской короны, а присоединение к ней, как это сделала миссис Симпсон, — вот наивысшее воплощение «Американской мечты»! А любовь? Какая возвышенная, романтическая, жертвенная любовь! Король отрекся от престола ради миссис Симпсон. Его прощальная речь была составлена самим Уинстоном Черчиллем. И хотя потомок герцога Мальборо ворчал, что он не желает председательствовать на дешевой распродаже Британской империи, отречение Англии от самостоятельного политического курса в пользу (но на пользу ли?) Вашингтона стало традицией, обычным правом, получившим название «взаимозависимости» и «особых отношений». Брак короля Эдуарда и миссис Симпсон был всего лишь символическим прецедентом подобных отношений и зависимости. Отцы-основатели, авторы Декларации независимости, не смогли предусмотреть это. Матери-основательницы геронтократии Палм-Бич и предусмотрели, и просмаковали. Недаром чета герцогов Виндзорских ежегодно проводила на волшебном острове весенние каникулы. Бывший британский король и бывшая американская золушка прибывали в Палм-Бич первого апреля. Это не было шуткой. Во всяком случае, не в духе английского юмора...

Однако наш королевский гамбит несколько затянулся. Пора возвращаться к балам и лицемерию. Неофициальные

визиты царствующих особ в Палм-Бич планируются со скрупулезностью государственных. Сие касается и протокола, и графика. Каждый сезон имеет свой main attraction — главную приманку. Ее подают, ею лакомятся и украшаются, как это делала в своем салоне незабвенная толстовская Анна Павловна Шерер.

В год моего хождения по Палм-Бич на роль main attraction сезона был облюбован принц Бернард, супруг королевы Нидерландов Юлианы. Завлечь его на волшебный остров оказалось предприятием довольно сложным. Но геронтократические sireны ловко сыграли на слабой струнке высокого голландского гостя — его пристрастии к животному миру. Принц Бернард — президент Международного фонда охраны диких животных. В Нидерланды была отряжена представительная делегация во главе с госпожой Губельман, президентом аналогичного фонда в Соединенных Штатах и важной шишкой в геронтократической иерархии Палм-Бич. Его высочество незамедлительно принял госпожу Губельман. В ходе аудиенции она поведала принцу о желании обитателей «больших гасиенд» внести свой скромный вклад в благородное дело защиты земной фауны от варварского истребления. «С этой целью мы устраиваем аукцион. Вся выручка будет передана Международному фонду охраны диких животных. Ваше присутствие — неременная гарантия успеха», — увещевала принца Бернарда госпожа Губельман.

Сердца — не камень, животные — не чучела. Принц сдался. В конце февраля он прибыл в Палм-Бич. Аукцион был назначен на первое марта. Госпожа Губельман и компания зарезервировали в первопрестольном «Брикерс» роскошный — именуемый Венецианским — зал, вмещающий в себя целую пальмовую аллею. Его вышитые золотом бархатные занавеси и обивка, его массивные хрустальные люстры и канделябры, его толстые и упругие персидские ковры соответствовали любим, даже самым высоким — без тени упадка — королевским стандартам. Однако выбор пал на Венецианский зал совсем не потому, что его пальмы должны были вызывать у принца воспоминания о далеких африканских заповедниках, а золото, хрусталь и ковры — создавать привычную дворцовую атмосферу. Оказалось, что ни одна из «больших гасиенд» острова не подходит для приема принца и устройства аукциона. Декорации подвели!

Разумеется, интерьер вилл отнюдь не страдал отсутствием палым, золота и хрусталя. Это добро там в избытке и даже более. Но там же в избытке и даже более есть нечто иное — бесчисленные охотничьи трофеи! Мужская половина геронтократии Палм-Бич состоит из заядлых спортсменов-охотников. Многие из них, как, например, глава судостроительной империи Лайкс, король корнфлексов Келлог, сахарный король Фэнджюл, автомобильный король Крайслер, денежный барон Джон Дрексель III и другие, владеют обширными охотничьими угодьями в Африке, главным образом в Кении. Если британские предтечи истребляли население черного континента, более демократичные короли Америки занимаются отстрелом слонов и носорогов, львов и тигров, буйволов и антилоп.

— Наши угодья в Африке — очаги цивилизации. Школы и больницы, которые мы строим для наших слуг, выше обычного стандарта. Это относится и к их заработку, — говорит мне Джон Кэт, вице-президент моргановского банка и тоже заядлый спортсмен-охотник.

Цивилизация требует жертв. Требуют их и миссионеры. И, разумеется, их требуют жены миссионеров. Поэтому со стен «больших гасиенд» на вас смотрят печальные глаза крупнорогатой дичи, поэтому под вашими ногами высекают искры шкуры хищников, включая царя зверей, вписывающегося в монархическую мозаику Палм-Бич в дубленном виде. Будуары геронтократок обиты зебровой кожей, а пуфиками им служат слоновьи ноги, предпочтительно задние.

Тащить принца Бернарда в этот интерьер было просто невозможно. Отсюда — Венецианский зал отеля «Брикерс»...

Каталог аукциона состоял из сорока произведений скульпторов и художников-анималистов. Любителей и профессионалов. Форма аукциона гласила для мужчин: «Черная бабочка», то есть смокинги; для женщин — кто во что горазд, но обязательно без мехов. Входная плата была установлена в пятьдесят долларов. За эти деньги вы имели право выпить рюмочку martini, закусить ее микроскопической тартиной и — о блаженство! — пожать руку его высочеству, стоявшему у входа в Венецианский зал в безукоризненном черном таксидо с белой гвоздикой в петлице.

За дополнительные пятьдесят долларов вы могли сфотографироваться тет-а-тет с принцем. Большинство из трехсот участников аукциона не преминуло воспользоваться восхитительной возможностью увековечить себя рядом с консортом королевы Нидерландов. (Наверное, сейчас эти фотографии украшают в гостиных «больших гасиенд» каминные полки, над которыми висят головы крупнорогатой дичи с печальными глазами.) Самообладание его высочества было безукоризненным, как его смокинг с белой гвоздикой в петлице. Чего только не сделаешь, на какие муки ада не согласишься ради любви к диким животным! Лишь изредка принц покидал свой пост у входа в Венецианский зал, чтобы подкрепить стаканчиком водки, разбавленной грейпфрутовым соком.

— Он просто душа! — не скрывала своего восторга миссис Гест.

В семействе Гестов царит строгое разделение труда. Мистер Уинстон Гест — президент охотничьего клуба Палм-Бич, а его супруга — президент клуба охраны природы штата Флорида. За право сфотографироваться с принцем Бернардом она заплатила не пятьдесят долларов, а десять тысяч. Видимо, замаливала грехи мужа, бывшего как раз в это время на сафари в Африке.

— Я обожаю животных и растения. Среди первых мои фавориты — медведи панды, среди вторых — орхидеи и пионы, особенно желтые пионы. У нас их, к сожалению, нет. Их разводят только в Китае. Поэтому мне очень хочется поехать в Китай, посмотреть на желтые пионы, а заодно на панд, — говорила миссис Гест обступившим ее репортерам. В пальчиках миссис Гест соблазнительно хрустел чек на десять тысяч долларов.

Наконец, церемония рукопожатий и фотографирования завершилась, гости последовали в Венецианский зал, расселись за столиками, и аукцион начался. Дело шло как по маслу, хотя, кроме живописи, в каталоге значились графика и скульптура. Первый блин — картина «Куропатки» — достался техасскому миллиардеру Джону Мэрчисону, автору бессмертного каламбура об oil¹. Будучи представленным Пабло Пикассо, нефтяной магнат сказал великому художнику: «Я большой поклонник вашего таланта. Вы един-

¹ Oil — по-английски и нефть, и масляные краски, которыми пользуются живописцы.

ственный мазила, который, как и мы, делает миллионы на oil».

За «Куропатками» последовали «Хищники» кисти Корнелиуса Вандербильта-Уитни, неизвестного художника и известного мультимиллионера. Он изобразил лису и ястреба, схватившихся в смертельном поединке. (Почему не волка? Ведь конкуренцию в мире Вандербильтов принято именовать волчьей.) Схватка между госпожой Дрексель Ш и супругой Дугласа Фэрбенкса-младшего за фарфоровую статуэтку XVIII века «Баран» не была смертельной. Победила жена банкира.

— Статуэтка мне понравилась сама по себе, а не потому, что она принадлежала русскому царю Николаю II,— заявила миссис Дрексель Ш.

«Баран», купленный женой барона, равнодушно внимал словам своей новой хозяйки. Он многое повидал на своем бурном веку...

Всеобщее оживление вызвали две скульптуры — «Жираф» и «Бизон» — работы принцессы Беатрисы, дочери принца Бернарда. Их купил не помню уже кто, за тысячу долларов каждую.

— Весьма недурно для начинающего скульптора,— снисходительно заметил его высочество.

Брошь, выполненная в золоте и эбоните, досталась, конечно, госпоже Гест. Почему «конечно»? А потому, что брошь изображала медведя панду. Конкурентов у миссис Гест было хоть отбавляй. В воздух то и дело, словно бабочки, взлетали инкрустированные бриллиантовыми кольцами ручки, и их владелицы наперебой набавляли цену броши. Однако перешибить миссис Гест никому не удалось.

— Это для госпожи Никсон. В память о ее поездке в Китай,— заявила во всеуслышание дама-победительница.

Три сестры (не чеховские, а Вашингтонского посла при Сент-Джеймском дворе Анненберга): наша старая знакомая госпожа Нефф, госпожа Хаупт и госпожа Джаффе — свои приобретения (картины «Рысь» и «Гавайские гуси») отписали брату для украшения американского посольства в Лондоне.

И, наконец, жемчужина аукциона — «Леопард». Ее купил варяг — председатель совета директоров компании «Интер-

нэшнл контролс» Роберт Веско, поглотивший обанкротившуюся империю международного спекулянта Берни Корнфелда, но впоследствии проворовавшийся и бежавший на Коста-Рику. Притягательная сила «Леопарда» заключалась в том, что ее автор — художник Гай Козлич. Козлич — первый придворный живописец республики. В качестве такового он рисует для гостей в Вашингтоне глав государств национальную эмблему Соединенных Штатов — лысого орла. По иронии судьбы этот вид царя птиц находится в Америке на грани вымирания...

Вечером после аукциона госпожа Губельман дала прием в честь принца Бернарда в своей гасиенде. Мебель хозяйки, обитую зебровой кожей, зачехлили синтетическим материалом под... зебру. На печальные глаза крупнорогатой дичи были накинуты парчовые покрывала.

Видимо, у животных, как и у людей, Фемида не может вершить правый суд без повязки.

VII

Подслушанный разговор:

— Где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но я имею в виду, где вы живете в реальной жизни?..

Сказочным Шангри-ла называют Палм-Бич знатоки восточного фольклора, «зимней столицей мирового капитализма» — знатоки политэкономии. Этот богатейший в мире остров подобен атомному ядру. Он мал, но, расщепляясь, выделяет гигантскую энергию, аккумулированную его обитателями за долгие годы грабежа чужих народов и собственного. Лазурные воды Атлантики лижут его берега. В парадные подъезды «больших гасиенд» бьются черные волны ненависти. Это еще не девятый вал. Даже не буревестник. Это первые ласточки возмездия.

Грешнику всегда страшно. Манья преследования — его профессиональное заболевание. Иногда в золото пляжей

вгрызаются нефть и мазут, и выхолненные геронтократки — о ужас! — вынуждены протирать свои ножки керосином.

— Это проделки коммунистов. Они тайком проникают в экипажи судов, курс которых лежит мимо Палм-Бич, и загрязняют море, чтобы досадить нам, — судачат кумушки-мультимиллионерши. Им невдомек, что сие дело рук их законных супругов и незаконных хозяев Америки — королей нефти и прочая, готовых столкнуть в тартарары экологический баланс нашей планеты и ее окрестностей ради баланса сверхприбылей.

Когда на Кубе победила революция, обитатели «больших гасиенд» заподозрили в этом сговор международного коммунизма, решившего якобы превратить остров Свободы в трамплин для захвата волшебного острова. Им уже мерещились «русские ракеты», наведенные на первопрестольный «Брикерс», и конец света в брызгах дробящейся гренадо-севильской черепицы.

Остров живописен, как палитра взбесившегося абстракциониста, пользующегося вместо кисти ослиным хвостом, не ампутированным у его законного владельца. Единственный цвет, который отсутствует в этой палитре, — черный. Негров — за исключением немногочисленной прислуги — в Палм-Бич нет. Негры, даже миллионеры, в Палм-Бич не живут. Еще совсем недавно негр, замеченный на территории волшебного острова после захода солнца, подвергался полицией телесному наказанию «для острастки», коротал ночь в тюрьме, а наутро выбрасывался вон.

Жаркое лето — самое неудобное время года для обитателей «больших гасиенд». Они живут в постоянном страхе, в постоянном ожидании «черной мести». Любой бунт цветных в любом уголке Америки отдается здесь «вибрацией ужаса», говоря словами передовой «Палм-Бич дейли ньюс», которую печатают на специальной белой глянцевой бумаге, ибо обычная шершавая раздражает нежные пальчики ее читательниц. («Блестящая страничка», — гласит девиз над заголовком газеты.) Когда в Форт-Пирсе, расположенном в двухстах километрах от волшебного острова, вспыхнули расовые волнения, в Палм-Бич началась паника. Было введено чрезвычайное положение. По приказу мэра — тогда им был еще Клод Риз — развели все мосты, связывающие остров

с материком. В море вышли патрульные катера береговой охраны.

— Мы эффективно ампутировали гангренозный материк,— похвалялся Клод Риз. Ведь обитатели «больших гасиенд» большие эгоцентрики. Для них остров — пуп земли, а все остальное — Соединенные Штаты, Америка, мир и даже космос (за исключением рая)—рудименты, вроде аппендикса, которые можно терпеть лишь до тех пор, пока их не затронул воспалительный процесс.

— Я не понимаю негров. Что им надо от нас? Генри Флеглер основал Палм-Бич не для них, а для своих друзей, чтобы они могли спокойно наслаждаться игрой в крокет, поло и гольф. Разве это преступление?—искренне возмущается, потрясая гривой седых волос, Джим Кимберли, глава концерна «Клинекс», снабжающего стерильными салфетками всю Америку. Король стерильных салфеток не знает или не желает знать, что железные дороги Флеглера, в завитках которых возник Палм-Бич, были построены не в стерильных перчатках, а на костях черных рабов. У хижин дяди Тома есть свой счет к «большим гасиендам»...

Подслушанный разговор:

— Где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но я имею в виду, где вы живете в реальной жизни?..

Сказочным Шангри-ла называют Палм-Бич знатоки восточного фольклора, «зимней столицей мирового капитализма» — знатоки политэкономии. Здесь на пятачке земли расположились целых восемь отделений фондовой биржи Нью-Йорка. В банках Палм-Бич дремлют сбережения, которые сделали бы честь любому городу с миллионным населением. Нигде в мире нет такой «концентрации шедевров живописи на квадратную милю». (Цитирую по глянцевой «Палм-Бич дейли ньюс».) И такого количества проданных «роллс-ройсов» на душу населения. Обитатели «больших гасиенд» имеют право пересекать в своих экипажах федеральную автостраду «А-1А» — неслыханная привилегия, которой не пользуются даже губернаторы и министры. Здесь на окружающих пла-

вательные бассейны, в пестрых шезлонгах совершаются сделки, размеры которых низводят «Общий рынок» до уровня рынка обычного. Здесь семейство Кеннеди считается кланом «опасных радикалов» («У таких родителей и такие дети!»), а Организация Объединенных Наций — сборищем карбонариев.

Порядком затрепанная остротка гласит, что в Палм-Бич ничего не изменилось со дня его основания Генри Моррисоном Флеглером, разве что появилось «эр-кондишн» — искусственное кондиционирование воздуха. Что ж, на первый взгляд так оно и есть. Пароль острова — нирвана, символ веры — анабиоз. Здесь не принято говорить о войне и инфляции, о бюджетном дефиците и «гуамской доктрине», о политических и социальных проблемах. И особенно о безработице.

— Первое, что я усвоила, переселившись в Палм-Бич, — это не спрашивать случайных соседей по сауне или теннисному корту, что они делают. Как правило, они ничего не делают, — говорит бойкая дамочка случайному соседу, коим в данном случае оказываюсь я.

Ничего неделание кучки геронтократов — оборотная сторона безработицы миллионов. Первые поворачиваются спиной к жизни, вторые или гнут на них спину (это в лучшем случае) или не могут разогнуть ее.

— Время — наш злейший враг, — говорят обитатели «больших гасиенд», имея, конечно, в виду свой мафусаилов возраст.

Здесь ничего не напоминает о времени. На улицах нет часов. К утреннему кофе выходят в вечерних туалетах, а ночную чашку чая со снотворным принимают с первыми петухами. Впрочем, петухов на острове нет, как нет грузовых автомашин и городского транспорта. В раю троллейбусы не ходят. Нет здесь рекламных щитов и неоновой каллиграфии. Гречневая каша сама себя хвалит.

— Палм-Бич — величайший театр в мире, а его жители — величайшие актеры и актрисы. Мы разыгрываем спектакли, равных которым свет не видывал со времен Эсхила и Аристофана. У нас каждая ночь — новогодняя. Таким образом мы умудряемся проживать тысячелетия за одну человеческую жизнь, — разглагольствует нью-йоркский делец Ка-

тлер Годфри, вращаясь на кожаном насесте в баре отеля «Колони». На мистере Годфри «рабочий комбинезон Палм-Бич» — двубортный темно-синий блейзер с золотыми пуговицами и вшитой в нагрудный кармашек под левым лацканом эмблемой общества святого Николая, пестрый шарф вокруг оголенной шеи (ворот сорочки нараспашку), белые брюки и, конечно, мокасины от Гуччи.

— Старина Кат прав, как винчестер, не дающий осечки. Я никогда не езжу в разные там Акапулько, Марокко, Ниццу или на Вест-Индские острова. Зачем? У нас в Палм-Бич лучшие в мире почта и телеграф. Они, как Кат, не дают осечки. Таможенники вежливы, как официанты, а официанты внимательны, как таможенники. Законы штата Флорида шиты на нас, как на заказ,—ни подоходного налога, ни налога на наследование. А главное, здесь все мои друзья. В моей телефонной книжке что-то около ста пятидесяти номеров. Вот уже двадцать лет, как я не набирал номер, не значащийся в ней. Наш круг—узкий круг, очень узкий. Чихнув на южной окраине острова, вы можете заразить гриппом своего соседа, живущего на северной. Мне нет дела до других. С другими я делаю дела...

Это говорит мистер Чарльз Манн, глава концерна, производящего оборудование для игорных домов—автоматы, рулетки и прочие колеса изменчивой Фортуны. Впрочем, к самому мистеру Манну она неизменно благосклонна. Играя на игорном бизнесе, мистер Манн сколотил несметные богатства. Среди обитателей «больших гасиенд» он известен как «госпожа Пост в брюках». Они почти одного возраста и по прожитым годам, и по неистраченным долларам. Сам мистер Манн предпочитает другую кличку—«господин Палм-Бич». У него собственный «Боинг-707» и домашний пэр. Дочь мистера Манна замужем за лордом Бессборо. «Американский игорный автомат с британским аристократическим гербом»—еще одна кличка мистера Манна. Правда, ею пользуются те, кто не значится в телефонной книжке «господина Палм-Бич».

— Вы, коммунисты, мечтаете построить рай на земле, не так ли?—говорит мистер Манн, поворачивая кожаный насест в мою сторону.—Так вот, мы в Палм-Бич уже осуществили вашу мечту.

Он удовлетворенно пощипывает поредевшие усики и благосклонно собирает жатву почтительных смешков, вспорхнувших над стойкой бара отеля «Колони».

Я пристально вглядываюсь в рыбы глаза «коммуниста а-ля Палм-Бич» (еще одна кличка!). Он так же похож на революционера, как «эр-кондишн» — на порыв свежего ветра...

Подслушанный разговор:

— Где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но где вы живете?

— В Палм-Бич.

— Да, но я имею в виду, где вы живете в реальной жизни?..

Сказочным Шангри-ла называют Палм-Бич знатоки восточного фольклора, «зимней столицей мирового капитализма» — знатоки политэкономии. Он весь в былом, как медиум, вызывающий души канувших в Лету. Его пароль — нирвана, а символ веры — анабиоз. Здесь часов не наблюдают. Но не от избытка счастья. От страха перед часом расплаты. Неизбежной, как смерть без кремации и погребения.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Доллары и иллюзии.....	3
Вселенское охмурение.....	56
Голубое, красное, черное.....	69
Сатанизм там правит бал.....	78
Зигзаги Зига Зиглера.....	88

II

Гуд бай, Джимми?!.....	117
Кто убил Нэнси Спэнген?.....	140
Кто убил Сида?.....	149
Летопись «Коза ностры».....	152
Убийство начинается с 47-й стрит.....	178

III

Пророк на маргарине.....	186
Трагикомическая судьба Лэрри Флинга.....	199
Всепрощение в Бэрке.....	224
Законы джунглей правят Вашингтоном.....	249
Мистер «Никаких неожиданностей».....	260
Двуликий Янус.....	275
У памятника Линкольну.....	308

IV

Конец лже-Романова.....	355
Не хватало лишь залпа «Авроры».....	365
Мертвый дом.....	374
Палм-Бич — остров миллионеров.....	394

Стура М.

С 88   Этот безумный... — М.: Правда, 1986.— 448 с.

Мэлор Стура — один из ведущих советских публицистов, постоянно обращающихся к жанру политического памфлета. Избрав объектом своих памфлетов американский образ жизни — сферу нравственности капиталистического мира в самых различных ее проявлениях, он раскрывает мораль американского образа жизни, систему его ценностей, глубоко проникая в самую психологию «американизма», в образ его мышления. Делается это убедительно, остро и одновременно ненавязчиво.

С 4502010000—1253 1253—86
080(02)—86

ББК 66.3 (7 США)

Мэлор Стуруа
ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ...

Редактор
В. Т. Фомичев

Оформление художника
В. А. Плотнова

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
Л. Ф. Молотова

ИБ 1253

Сдано в набор 21.12.85. Подписано к печати 13.05.86. А 00723.
Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Эксельсвор».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,51. Уч.-изд. л. 26,69.

Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—250 000).

Заказ № 1274. Цена 95 коп.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типографии имени В.И.Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда», 125865. ГСП. Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии Издательства ЦК Компартии Латвии.
226081, Рига, ул. Баласта дамбис, 3.

ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ...

Мэлор Стура — один из ведущих советских публицистов, постоянно обращающихся к жанру политического памфлета. Давно избрав объектом своих памфлетов американский образ жизни, Стура «взял на мушку» сферу нравственности капиталистического мира в различных ее проявлениях.

